

С 71
451

801-09

Вл. ЧЕРЕВАНСКИЙ.

447

ДВѢ ВОЛНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Иллюстраціи Н. Н. Каразина и др.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.

1898.

Вл. ЧЕРЕВАНСКИЙ.

Д В Ъ В О Л Н Ы .

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1147—1898 г.г.).

— «По грѣхомъ по нашимъ, придоша языци незнаеміи.. неслыханіи, безбожніи Моавитяне, рекомія Татарове.... изъ пустыни Етривъскія, сущіи межи востокомъ и сѣверомъ.... попытніять всю землю отъ востока и до Еранта и отъ Тигрь до Понтьскаго моря, кромѣ Европія. Богъ единъ вѣсть ихъ....

(Воскресенская летопись, лѣто 6731).

— «О семъ Темиръ Аксакъ нѣци повѣдаша, яко испрѣва не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племяни царска, ни княжеска, ни боярска, но тако испроста, единъ сый отъ худыхъ людей.... обычаемъ-же и дѣломъ немилостивъ и хыщникъ и ябедникъ и грабежникъ».

(Тверская летопись, лѣто 6903).

— «Не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явлений, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходить вѣка, и онъ остается кровавою и скорбою загадкою и мы не знаемъ, зачѣмъ онъ приходилъ, зачѣмъ возмутилъ народы».

(Грановскій).

Часть вторая.

V

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

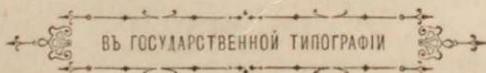
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Августа 1898 г

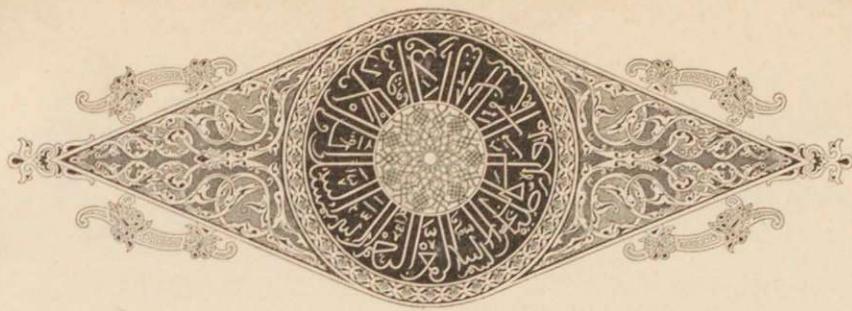
19143-0

2007041992

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

Часть II.

ГЛАВЫ XXVII—LIII.

XXVII.

РОЖДЕНИЕ СЫНА ВЪ СЕМЬѢ ЭМИРА ТУРАГАЯ.

(1333 г.)

ѣтъ зерна, скрытаго во мракѣ земли, нѣть и былинки на ея поверхности, которыя не были бы записаны въ «Книгѣ очевидности». — Такъ опредѣлилъ основатель ислама свое возврѣніе на неизбѣжность всего, что должно совершиться по желанію и предви-дѣнію верховной стихійной силы. Слѣдуя этому доктринальному догмату, исламитяне слѣпо преклоняются передъ фатумомъ—«кисметъ!»—что не мѣшаєтъ имъ истреблять противниковъ и на-граждать приверженцевъ, точно тѣ и другое дѣйствуютъ по соб-ственному разумѣнію, а не по программѣ книги очевидности.

По этой программѣ, спустя два вѣка послѣ появленія на свѣтъ Чингисъ-хана, долженъ быть родиться его замѣститель, на

столько же какъ и онъ—грозный, величественный и непреклонный. Такъ и случилось. Онъ родился отъ эмира Турагая, принадлежавшаго къ племени Беруласть. Беруласцы пришли въ ср. Азию изъ Монголіи въ видѣ тысячи, данной въ удѣль Джагатаю. По окончаніи войнъ, нанесшихъ Хорезмской имперіи смертельное пораженіе, монгольские кадры осѣли въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ джагатайского улуса. Кадръ беруласцевъ занялъ провинцію Шааръ-Себзъ, или Зеленаго города, всегда считавшуюся лучшимъ уголкомъ Мавераннагра. Въ ту пору Кешь, существующій и понынѣ, былъ ея областнымъ городомъ и крупнымъ умственнымъ центромъ страны; медресе его охотно открывали свои келии ученымъ и мистикамъ, которые и распространяли о немъ славу, какъ о храмѣ науки и добродѣтелей. Побывавшій въ Кешѣ посланникъ короля Кастилии повѣствовалъ впослѣдствіи о немъ, какъ о большомъ городѣ, окруженному множествомъ садовъ, орошаемыхъ каналами; повсюду были видны селенія, луга, виноградники, хлопчатники и рисовые поля. Городъ былъ окруженъ валомъ и глубокимъ рвомъ съ подъемными мостами.

Вблизи Кеша, на одномъ изъ многоводныхъ каналовъ, стояла курганча отставнаго эмира Турагая. Ни самъ эмиръ, ни его родители не могли бы объяснить, почему его назвали Турагаемъ—«перепелкою»,—но это имя осталось за нимъ въ преданіяхъ и въ письменныхъ документахъ его знаменитаго сына.

Бурный періодъ возмужалости эмиръ провелъ въ боевыхъ стычкахъ—порою подъ бунчукомъ джагатаидовъ, а порою и по своей иниціативѣ, поэтому онъ перенесъ не мало ударовъ «батиками»—дубинками съ металлическими шарами—и не сколько операций, состоявшихъ въ вырѣзкѣ стрѣль, засѣвшихъ въ мягкихъ частяхъ его тѣла. Умножившіяся раны воспрепятствовали ему наконецъ оставаться въ рядахъ ханскихъ войскъ, а подаренная за вѣрную службу курганча съ виноградникомъ обеспечивала ему, на склонѣ лѣтъ, спокойную жизнь. Курганча была ему и тѣмъ приятна, что онъ штурмовалъ ее въ дни своихъ багадурскихъ подвиговъ, а это давало ему возможность, принимая знакомыхъ и друзей, пояснять, какъ онъ взбирался на ея стѣны, гдѣ и кого закололъ и какимъ взмахомъ сабли раскроилъ черепъ ея хозяину.

Курганча теперешняго времени ничѣмъ не отличается отъ курганчи временъ эмира Турагая. Она представляется не то хутор-

комъ, не то крѣпостцою, болѣе или менѣе просторною и обнесеною высокими и толстыми глинобитными стѣнами. Черезъ ея узкую калитку могутъ пройти только человѣкъ, его конь или вытянувшееся гусыкомъ стадо барановъ. Тамъ, за стѣнами, скрывающими отъ вѣнчаного міра жизнь курганчи, совершается все, что предопредѣлено Аллахомъ. Если ея хозяинъ мизантропъ или ревнивецъ или вообще нелюдимый человѣкъ, жизнь за высокими стѣнами идетъ довольно скучно. Наоборотъ, если одна или нѣсколько, поселившихся въ курганчѣ семейство, живутъ дружно и понимаютъ прелестъ въ музукѣ, въ пѣснѣ, или въ пріятныхъ словахъ—всякое другое жилье показалось бы имъ крайне непріятнымъ.

Эмиръ Турагай жилъ въ компаніи сподвижниковъ его боевой славы. То были исключительно отставные багадуры, богатые рубцами рыцарского происхожденія и воспоминаніями о тріумфахъ и невзгодахъ боевой жизни. Кешцы смотрѣли нѣсколько подозрительно на эту дружескую общину, но боялись затрогивать ея честь. Они говорили даже, что эмиръ имѣеть сомнительные доходы, такъ какъ десятокъ барановъ и виноградникъ не могли доставлять средства для широкихъ размаховъ эпикурейца. Каковы же были эти размахи можно судить изъ того, что нерѣдко,—«и мертвая голова катилась туда хлѣбнуть сладкаго и веселаго напитка».—Въ такихъ случаяхъ, хозяинъ курганчи открывалъ настежь ея узенькия двери и просилъ каждого прохожаго принять его радушное угощеніе. По поговоркѣ-же: «у кого ъль хлѣбъ—соль одинъ день, тому кланяйся сорокъ дней», эмиръ имѣеть множество друзей, которые охотно явилисѧ-бы свидѣтелями его высокой честности.

Эмиръ дѣйствительно дополнялъ свой доходъ тѣмъ, что охранялъ, вмѣстѣ съ своими людьми, караваны, которые ходили черезъ центральную Азію, между такими дальними странами, какъ Булгарія и Индія. Каравань-бashi хорошо понимали, что въ смутныя времена монгольский офицерь, хотя бы отставной, но съ преданными багадурами, нашелъ бы дорогу свободною, даже черезъ ущелье, запертое желѣзными воротами. Проведя караванъ, эмиръ отдавался потомъ надолго безпечной жизни. Въ такихъ случаяхъ у него появлялись избытки не только риса, мяса и пряностей, но и шелковыхъ тканій, ковровъ и дорогихъ мѣховъ. Тѣ люди, которымъ не предлагали въ курганчѣ хлѣба-соли, говорили, будто сопровождаемые эмромъ караваны всегда теряли въ дорогѣ

нѣсколько верблюдовъ съ болѣе цѣнными выоками, но теперь это сказаніе трудно повѣрить.

Въ курганчѣ ютился и гаремъ Турагая, собранный изъ рабынь и мѣстныхъ таджичекъ, вымѣненныхъ на ковры и стада барановъ. О красотѣ его гарема ничего неизвѣстно и только можно вспомнить при этомъ, что въ числѣ рабынь джагатайскаго улуса могли встрѣтиться и бѣлотѣлые дщери муромо-рязанской русской окраины и смугліяки съ береговъ Тигра и Евфрата. На обязанности гарема лежало, прежде всего, угощеніе его хозяину, а далѣе, по характеру событий—смѣхъ или слезы.

Населеніе курганчи, несмотря на свое монгольское происхожденіе, исповѣдывало уже исламъ, но въ такой степени слабо, что ни солнце, ни луна не пошли бы свидѣтельствовать о томъ, что они видѣли тамъ хотя-бы одинъ намазъ. Едва ли тамъ отличали даже ученіе шіитовъ отъ вѣры суннитовъ. Впрочемъ, больныи люди и тамъ восклицали: «Аллахъ-э́кберъ!» но молитвы больныхъ людей не ручаются еще за глубокую вѣру человѣка. При слабости въ вѣрѣ и всѣ прочія предписанія мусульманской этики курганча не соблюдала: женщины ея ходили открытыми, безъ малѣйшихъ, присущихъ гаремной жизни стѣсненій.

Курганча знала поэтому, что одна изъ женъ эмира готовится подарить ему ребенка. Приблизилось время родовъ и начались обычныя мученія матери. На помощь ей были призваны опытныя старухи, которыхъ набралось столько, что всѣ багадуры должны были перейти изъ курганчи подъ сѣнь виноградника. Больѣе услужливыя матроны принялись тотчасъ же встряхивать роженицу, какъ встряхиваются подушку, которой трудно выйти изъ наволочки. Больная не разъ впадала въ обмороки, что было относимо къ появлению злаго духа, наслаждающагося исключительно материнскими страданіями. Духъ этотъ невидимъ, но и въ невидимомъ состояніи онъ напоминаетъ собою мальчика съ огромными грудями, перекинутыми черезъ плечи, на спину. Матроны, разумѣется, предвидѣли, что онъ будуть имѣть дѣло съ этимъ врагомъ рода человѣческаго и поэтому приняли противъ него мѣры. Прежде всего, онъ воткнули мечъ эмира въ изголовье матери. Затѣмъ они обратились къ Филину, способному, какъ было известно, управиться съ злымъ духомъ, какъ цапля съ лягушкою. Филина привязали къ кровати. Вскорѣ невидимый, но злой мальчикъ посрамился передъ Филиномъ и отсту-

нился отъ больной, такъ что не понадобился и заготовленный въ курганчѣ волшебникъ, по неестественному возгласу котораго: «эй, выходи!» долженъ быть появиться ребенокъ на свѣтъ.

Наконецъ, семья эмира увеличилась, къ его глубокой радости—мальчикомъ, котораго поспѣшили вымыть въ соленой водѣ, а потомъ вымазать коровьимъ масломъ.—«Какой-же ты дрянной мальчишка!» произносила при этомъ каждая изъ прислуживавшихъ женщины. Такое восклицаніе было выраженіемъ полнаго доброжелательства, потому что оно предохраняло ребенка отъ сглаза завистливыхъ людей. Колыбелька была готова заранѣе, со всѣми надежными амулетами противъ злыхъ духовъ: въ изголовье были воткнуты перья филина, въ ногахъ—иглы дикобраза, а по бокамъ—змѣиные шкурки, собачьи клыки и поднесенные ребенку подарки.

Сорокъ дней купали ребенка въ соленой водѣ и мазали масломъ, вытягивая при этомъ его руки и ноги, чтобы онъ скорѣе выросъ въ багадура. Все это время не было отбоя отъ гостей, такъ что надъ курганчою постоянно взвивался дымокъ, свидѣтельствовавшій о радушіи хозяевъ. Объ этомъ радушіи увѣряли прохожихъ и стаи собакъ, оставившихъ Кеппъ, чтобы насладиться костями возлѣ курганчи.

Нѣть однако ни малѣйшаго указанія на то, чтобы мальчикъ былъ подвергнутъ операциі, обязательной для строгихъ исповѣдниковъ ислама. Очевидно, догматы послѣдняго поддерживались въ ту пору въ Мавераниагрѣ не достаточно крѣпко. И дѣйствительно, всѣ сознавали, что вѣра Пророка, ослабѣвшая на пожарищахъ и передъ ручьями крови, требовала для своего подъема обновителя, который возсталъ бы за идею ислама, съ оружиемъ въ рукахъ и съ правомъ на возвзваніе къ священной войнѣ. Со временеми прихода монголовъ Мавераниагрѣ совершенно забыть священнѣйшій изъ завѣтovъ Мухаммеда: сражаться съ невѣрными до полнаго ихъ избіенія....

Кто могъ бы однако думать, что въ сынѣ Турагая явится подобного рода обновитель ислама? И тогда, какъ и теперь, въ кишлакахъ ср. Азіи и возлѣ ауловъ, можно было видѣть толпы мальчиковъ, бѣгавшихъ, разумѣется лѣтомъ, по полямъ и дорогамъ, отъ утра до вечера, безъ признаковъ одежды. Въ этомъ облегченномъ состояніи такъ удобно зарываться въ кучи придорожной пыли, чтобы, окунувшись въ прудъ, пуститься въ погоню за придорожными пичужками! Одинъ голодъ заставляетъ такую веселую

толпу возвращаться подъ родную кровлю. Сынъ эмира могъ поступать точно также, никакъ не нарушая достоинства своего рода. Но происходя изъ класса побѣдителей, онъ обыкновенно первый завладѣвалъ хворостиной начальника и усердно пробовалъ ея гибкость на спинѣ своихъ сверстниковъ. Впрочемъ, подъ его команду шли охотно и дѣти водоносовъ и маленькие чистильщики аркакъ и погонщики ословъ, и разная людская мелочь....

Долгое время сынъ эмира оставался безъ имени. Родные считали пока достаточнымъ называть его—негоднымъ мальчишкою. Имя Тимура онъ получиль уже въ возрастѣ, когда можно было задумываться о предстоявшей ему дорогѣ. Дорога-же открывалась передъ нимъ настолько широкая и съ такимъ необыкновеннымъ горизонтомъ, что всемирная исторія занимается имъ уже болѣе пяти вѣковъ и все еще не можетъ договориться о его значеніи, въ ходѣ исторического рока, до послѣдняго слова. Народы и лѣтописи, ученые умы и легенды разошлись въ своихъ сказаніяхъ объ этомъ потрясателѣ земли, въ совершенно противоположныя стороны. Быть ли это гений или только дикий звѣрь, считавшій кровь человѣка излюбленнымъ питьемъ? Вотъ вопросъ, на который получилось столько противорѣчивыхъ отвѣтовъ.

Въ помошь историкамъ, Тимуръ, по присущей величимъ людямъ слабости, оставилъ свое жизнеописаніе, въ которомъ привѣлъ о своемъ появлѣніи на свѣтъ разсказъ отца нѣсколько мистического свойства.

— «Однажды я увидѣлъ во снѣ прекраснаго молодого человѣка, похожаго лицомъ на араба», сообщилъ сыну эмиръ Турагай.—«Этотъ незнакомецъ подалъ мнѣ мечь и приказалъ взмахнуть имъ противъ солнца. Когда я взмахнулъ, то блескомъ его стали освѣтился мгновенно весь міръ, такъ что я увидѣлъ его отъ стороны восхода до стороны заката солнца. Пораженный этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, я обратился къ шейху Куляля, извѣстному своею святою жизнью, съ просьбою объяснить необычайное сновидѣніе. Шейхъ, которому небо разрѣшило заглядывать въ книгу очевидности, сказалъ мнѣ: твой сонъ имѣть пророческое значеніе. Онъ предвѣщаетъ, что Богъ пошлетъ тебѣ сына, которому суждено овладѣть всемъ міромъ и обратить всѣхъ людей въ исламъ. На половину сонъ мой уже исполнился: Аллахъ послалъ мнѣ тебя, мой сынъ, а остальное продолжаетъ еще оставаться на страницахъ книги очевидности. Когда же

наступила пора избрать приличное имя, я отнесъ тебя къ шейху Шамсудину, успѣши ему прочитать весь коранъ болѣе ста разъ въ теченіе своей жизни. Шейхъ открылъ по моей просьбѣ коранъ и первое слово, какое онъ произнесъ, было: «Тимуръ! Я дать тебѣ, мой сынъ, это имя и, надѣюсь, что желѣзо поможетъ тебѣ осуществить предсказаніе святого человѣка».

Такъ говорить самъ Тимуръ, но не такъ записано въ лѣтописяхъ тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ онъ стремился оправдать предсказаніе святого шейха. Армянскія лѣтописи, напримѣръ полныя вирочемъ ненависти къ нему, передаютъ живучее и теперь еще въ средѣ джизанширскихъ армянъ преданіе о происхожденіи его отъ богатаго, но бездѣтнаго армянского священника.

— «Несмотря на преклонные годы, по усиленной мольбѣ къ Всевышнему, жена принесла іерою сына, что впрочемъ стоило ей жизни. Радость отца была отравлена горемъ о потерѣ преданного друга. Отсюда началось нерасположеніе къ ребенку, котораго окрестили въ арmeno-грегоріанской церкви и съ арабскимъ именемъ эмира выпустили въ свѣтъ. Эмиръ росъ необыкновенно быстро. Въ числѣ его природныхъ качествъ была желѣзная настойчивость, которая проявилась однажды съ неестественнouю силой. Изъ нерасположенія къ сыну, священникъ поручилъ ему пасти стада; занятіе это, какъ видно, не нравилось ребенку и вотъ онъ пригналъ однажды домой вместо ягнѧтъ — зайца, за которымъ гонялся цѣлый день. Удивленный этимъ страннымъ поступкомъ, отецъ подрѣзаль икры на ногахъ сына, почему и привилось къ нему, имя ланкѣтъ-эмира, т. е. хромого эмира. Не понравился, въ свою очередь и юношѣ поступокъ отца, а такъ какъ его преслѣдовали во всей Армениѣ насмѣшками, то онъ бѣжалъ въ Дагестанъ, принялъ тамъ мусульманство и, поднявъ на ноги всю Азію, возвратился въ Арmeniю Божиимъ бичемъ. Для него не было лучшаго храма, какъ минаретъ изъ христіанскихъ головъ, на который взбирался его мю'эззинъ для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ».

Татарскія легенды также вспоминаютъ о Тимурѣ, какъ о человѣкѣ, отмѣченномъ перстомъ Провидѣнія еще ранѣе появленія его на свѣтъ. Онъ сдѣлался хромоногимъ еще въ чревѣ матери, на которую предвѣщатели указывали народу, какъ на женщину, которая родить величайшаго изъ потрясателей земли. Народъ про-

бовалъ убить ее, но за нее заступились добрые джинны,—гений исламитянъ—допустившіе только нанести ребенкуувѣчье.

Разнообразіе легендъ о происхожденіи Тимура указываетъ на его міровое значеніе. Въ числѣ ихъ имѣются и поэтическаго характера, переходящія всякие предѣлы чудеснаго и, наоборотъ, поражающія своею реальною наготою. Русскія лѣтописи, не признавая его потомкомъ Чингисъ-хана, считаютъ его «хлопомъ» пѣкоего государя, продавшаго его въ неволю за злонравіе и поэтому «не имѣа чимъ питатися, пребываше татбою кормяся.» За одну изъ такихъ кражъ ему перебили ногу, но онъ, занимаясь, между прочимъ кузнецествомъ, оковалъ мѣсто излома желѣзнымъ обручемъ. Отсюда онъ пошелъ въ свѣтъ подъ названіемъ «желѣзного хромца».

Какъ разнорѣчивы народныя сказанія о происхожденіи Тимура, такъ разошлись въ противоположныя стороны и строгіе историки въ сужденіяхъ объ истинномъ характерѣ его завоеваній и объ ихъ значеніи въ культурѣ всемирной общины.

— «Тимура слѣдуетъ сравнивать съ Александромъ Македонскимъ!» замѣтилъ восторженно Гаммеръ.—«Сравненіе это можетъ быть приведено какъ съ точки зрѣнія продолжительности и конца ихъ жизненной карьеры, такъ и ихъ человѣчности, пространства ихъ завоеваній, храбрости и наконецъ ихъ умѣренности. Александръ Македонскій, вышедший изъ высшаго разцвѣта греческаго и персидскаго развитія, былъ образованѣе Тимура, но послѣдній превзошелъ его талантами полководца и властителя покоренныхъ странъ и народовъ. Александру приходилось покорять изнѣженные народы, тогда какъ Тимуръ ниспровергалъ воинственные царства. Первый родился на тронѣ, а второй въ хижинѣ. Несмотря на это различіе въ подготовкѣ къ всемирной сценѣ, желѣзное постіянство, необыкновенное самообладаніе и осторожность вознесли Тимура на вершину могущества и качества эти не покидали уже его до послѣдней минуты жизни».

— «Тимуръ возбуждалъ въ своихъ ордахъ кровожадность и звѣрство».—Таково мнѣніе Шлоссера.—«Его татаро-монголы, походившіе на тигровъ, истребляли людей тысячами»....

— «Завоевать міръ и владычествовать надъ нимъ было главною цѣлью Тимурова честолюбія.»—Таково увѣреніе Гиббона.—«Жить въ памяти и уваженіи потомства было вторымъ желаніемъ его благородной души. Побѣженные имъ народы увлекались низкимъ и безсильнымъ желаніемъ отомстить за свое унижение, но

ихъ усиля служили каждый разъ только новымъ ореоломъ всегда побѣдоносному генію»...

— «Онъ былъ безчеловѣчно жестокъ! восклицалъ Веберь, избравшій впрочемъ для своего сужденія золотую середину.—«Онъ былъ ужасенъ своею свирѣпостью...но имѣлъ великие таланты полководца, правителя и законодателя...и въ спокойномъ состояніи духа.... былъ справедливымъ судьею, покровителемъ художниковъ и ученыхъ»...

Грановскій не нашелъ для Тимура ни одного доброго слова:— «Въ большой части завоеваній его трудно замѣтить какуюнибудь опредѣленную политическую цѣль. Можно думать, что имъ руководила безотчетная страсть къ разрушению. Разоривъ богатую страну, срывъ до основанія ея города, потоптавъ коныами коней своихъ ея жатвы, настроивъ пирамиды изъ отрубленныхъ головъ, онъ шелъ далѣе, не заботясь объ утвержденіи своей власти въ обезображеній пустынѣ».

Впрочемъ и Мюллеръ, сравнивъ Тимура съ Аттилою и Чингись-ханомъ, призналъ въ немъ только грознаго воина,—«имя которого въ теченіи столѣтій съ ужасомъ и изумленіемъ повторялось весь западъ».

Ничто не предвищаетъ, что и будущіе Гаммеры, Шлоссеры, Гиббоны и всѣ грядущіе корифеи строгой исторіи установятъ единство взглядовъ на дѣла рукъ Тимура. Одни изъ нихъ, взбравшись на пирамиду изъ человѣческихъ головъ, будутъ посыпать ему попрежнему небесные громы, а другіе пройдутъ мимо этихъ тріумфальныхъ монументовъ и углубятся въ чтеніе его автобіографіи. Послѣдня-же гипнотизируетъ читателя предвзятымъ прекраснодушіемъ. Она не упоминаетъ ни объ одной башнѣ изъ людей, заживо залипшихъ цементомъ и только изрѣдка разрѣшающей подуть на страну или городъ «вѣтромъ тлѣнія», или говоря проще, обрушиться на побѣженныхъ поголовнымъ избіеніемъ. Но и въ такихъ случаяхъ, авторъ относить вѣтеръ тлѣнія въ безотвѣтственную сторону, въ сторону Всемогущаго.—«Не ты, Мухаммедъ, напаль на враговъ ислама—а Богъ, чтобы показать вѣрный знакъ своего могущества».—Если такое оправданіе годилось для Мухаммеда, то книга очевидности еще болѣе годилась для оправданія Тимура, который истребилъ людей въ тысячу разъ болѣе, нежели самъ Пророкъ въ его борьбѣ съ кореишитами или въ битвахъ при Бедрѣ и Оходѣ.

Подрывая вѣру въ искренность и правдивость автобіографіи Тимура, нельзя пройти мимо его минаретовъ изъ человѣческихъ головъ и мимо его показнаго стремленія осчастливить несчастливцевъ и просвѣтить непросвѣщенныхъ. Съ этою цѣлью, необходимо прослѣдить его жизнь отъ дня рожденія до момента, когда книга очевидности подула и на него вѣтромъ тлѣнія.

XXVIII.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ ТИМУРА.

(1333—1340 г.г.)

имуръ провелъ дѣтство при обстановкѣ, носившѣ отпечатокъ исключительного преобладанія материальной силы надъ нравственными законами, хотя - бы то были законы монгольского или мусульманского кодексовъ. Даже самое положеніе родной курганчи—съ высокими стѣнами и подзорными башнями—напоминало ему о значеніи вражды, о возможности нападенія, о необходимости защиты и вообще о силѣ, какъ объ единственномъ источникѣ житейскаго блага. Шрамы и борозды на лицахъ отца и его сподвижниковъ говорили о страшныхъ ударахъ стальными клинками и о ничтожности границы между жизнью и смертью. Ему приходилось не разъ скрываться, со всѣмъ населеніемъ курганчи, отъ врага, за болѣе высокими городскими стѣнами и видѣть, какъ ихъ защитники ликовали при побѣдѣ и горевали при пораженіи. Груды труповъ и лужи человѣческой крови были, въ ту пору ослабленія власти чингисидовъ, довольно обычными явленіями. Поэтому цѣна

человѣческой жизни стояла, даже въ глазахъ ребенка, не выше цѣны на домашнее животное.

При такой обстановкѣ, маленький Тимуръ преклонился передъ физическою силою, какъ передъ единственнымъ смысломъ природы человѣка. Впрочемъ и ему представлялись случаи познавать различие между двумя видами силы—механическою и духовною. Однажды, сынъ погонщика ословъ повалилъ его въ единоборствѣ на землю, какъ пѣшику и даже придавилъ его колѣномъ, но вслѣдъ затѣмъ стать въ ряды его же дѣтскаго войска и покорно подчинился ударамъ его хлыста. Очевидно, то былъ уже хлыстъ не мальчика, только что приниженнаго, а атамана, имѣвшаго власть посыпать своихъ крошечныхъ багадуровъ въ погоню за воображаемыми караванами.

Нѣть сомнѣнія, что сказки уносили и маленькаго Тимура въ страны, населенные злыми и добрыми геніями, богатырями, побѣждавшими драконовъ и старухами, перерождавшимися въ очаровательныхъ красавицъ. При всемъ богатствѣ природы Шаарь-Себза, нельзя же было и сыну эмира забавляться круглый годъ выдираніемъ изъ стѣнъ птичьихъ гнѣздъ, или охотою на ящерицъ и черныхъ пауковъ. Съ отходомъ винограда и наступленіемъ зимы скрывались и красные скворцы и красивыя иволги, а земля раскисала и затягивала всѣ коридоры землероекъ. Со стороны дальнихъ горъ, гдѣ еще такъ недавно можно было собирать вкусныя фисташки и кисленький барбарисъ, вставали тяжелыя дождевые тучи, такъ что и ослики неохотно выступали за ограду курганчи.

Въ такие скучные дни, а тѣмъ болѣе въ темные вечера и въ безпроглядныя ночи, пріятнѣе лежать подъ одѣяломъ, выставивъ пятки къ мангалу—очагу, углубленному въ землю—съ тлѣющими угольками, нежели мѣсить голыми ногами холодную и липкую грязь. Въ курганчѣ былъ общественный мангалъ, возлѣ которого все ся досужее населеніе проводило время въ дружескихъ воспоминаніяхъ и въ пріятельской бесѣдѣ. Тогда еще не было въ Шаарь-Себзѣ недостатка въ угляхъ изъ ароматичнаго можжевельника, наводящихъ такую сладкую дрему!

При ребенкѣ находилась няня—дряхлая, корявая, похожая на сову, но безъ памяти любившая своего питомца. Отъ времени и по недостатку ума она забыла, когда и при какихъ обстоятельствахъ попала въ рабство къ эмиру Турагаю. Изъ дѣйствительной жизни она помнила немногое и то, по сегодняшнимъ воспоми-

минаниемъ, она родилась возлѣ Балха, а спустя день-два, ей припоминалась родительская сакля, возлѣ могилы какого-то всемогущаго святого. Девяти лѣтъ она была уже замужемъ. Бекъ казнилъ за что-то ея мужа, а ее взялъ къ себѣ въ рабыни починять старые ковры. Долго ли продолжалась эта жизнь, она не помнила, но хорошо знала, что пять лѣтъ подрядъ ее заставляли носить за пазухою мѣшечки съ яичками шелковичныхъ червей. Она помнила также, что какой-то грозный ханъ истребилъ всѣхъ, кого она знала... а дальше она останавливалась только на вопросѣ: если у человѣка есть мучная лепешка и теплое мѣсто у мангала, то что ему еще нужно?

Не смотря на всю бесполезность старухи, эмиръ дорожилъ ею какъ олицетвореніемъ неограниченной преданности. Къ тому же, позабывъ о времени и мѣстѣ своего рожденія и даже объ имени своего мужа, она рассказывала сказки съ неподражаемою точностью, не допуская ни урѣзокъ, ни прибавленій. Если она говорила объ охотѣ царевича Санавара, то утверждала, что онъ гонился за оленемъ, а не за джайраномъ и готова была пустить въ ходъ свои старческіе когти противъ насмѣшника, видѣвшаго будто-бы царевичъ убилъ джайрана, а не оленя. Въ сказкѣ о царевичѣ Шахзадѣ-Бахрамѣ она утверждала, что соколь разбиль чашу, въ которую змѣя наточила яду, и когда ей возражали, что вовсе не соколь, а летучая мышь—она бросала въ дерзкаго углемъ изъ мангала.

Зимними вечерами, когда надъ курганчею завывала свирѣпая буря, проникавшая во внутрь жиляя черезъ разсѣлины глинобитныхъ стѣнъ, лучшее отрадою жизни служили мангаль, круговой бурдюкъ съ веселою бузою изъ проса и занимательная сказка. Сказка о чудесной дубинкѣ нравилась одинаково и пытливому ребенку и угрюмымъ барадурамъ, поэтому няня охотно повторяла ее день за днемъ:

—«Бѣдная старуха накрутила однажды мотокъ нитокъ и поручила сыну продать ихъ и купить хлѣба. Нитки онъ продалъ, но вмѣсто хлѣба купилъ крылатаго змѣя, котораго злые мальчики собирались убить палками. Мать его разсердилась, прибила и выгнала изъ дома: ты больше мнѣ не сынъ! сказала она, толкя его въ шею. Мальчикъ заплакалъ, взялъ змѣя за пазуху и пошелъ, куда глаза глядятъ. Вскорѣ онъ захотѣлъ ёсть.—Ты хочешь ёсть? спросилъ его змѣй человѣческимъ голосомъ.—

Да, я хочу ёсть, отвѣчалъ мальчикъ.—Подъ крыломъ у меня есть слитокъ золота: за него дадутъ не только хлѣба, но и вкусную дыню.—Мальчикъ обрадовался, вынуль золото и въ первомъ кишлакѣ наѣлся досыта.—Когда мы придемъ во дворецъ моего отца, онъ будетъ предлагать тебѣ награду за мое спасеніе, но ты не проси у него ни халата, ни пилава, ни скатерти самобранки, ни даже должности визиря. Ты проси у него чудесную дубинку, которая будетъ бить каждого, кого ты прикажешь, хотя бы самого бека».—Въ началѣ сказки можно было думать, что ребенокъ дремлетъ подъ теплымъ одѣяломъ, но когда старая рабыня доходила до чудесной дубинки, онъ выдвигался съ видимымъ желаніемъ не проронить ни одного слова. Обладаніе дубинкою всегда возбуждало въ немъ лихорадочное вниманіе.—«Змѣй-отецъ очень обращался возвращенію сына, котораго онъ считалъ погибшимъ. Мальчику онъ выставилъ угощеніе на девяти блюдечкахъ и сказалъ:—Проси у меня, чего ты хочешь, отказа не будетъ.—Подари мнѣ чудесную дубинку, которую ты держишь за семью замками, попроси мальчикъ, слѣдя совѣту змѣина сына.—Возьми лучше у меня котель, въ которомъ есть всегда готовый пловъ, посовѣтоваль змѣй-отецъ.—Нѣтъ, подари мнѣ дубинку.—Ну возьми у меня осла: у него червонцы ссыпятся изо рта.—Дубинку! твердилъ мальчикъ, дубинку!—Нечего дѣлать, змѣй сдержалъ слово и, отперевъ всѣ семь замковъ, приказалъ тяжелой, усѣянной гвоздями, дубинкѣ перейти во власть мальчика. Она повиновалась. Мальчикъ пошелъ далѣе и встрѣтилъ шайтана.—Я тебя сѣѣмъ! сказалъ шайтанъ.—Бей его! сказалъ мальчикъ.—Дубинка принялась бить шайтана до того болѣно, что онъ отдалъ мальчику и осла съ червонцами и котель съ вѣчнымъ пловомъ. Мальчикъ возвратился тогда къ матери и вмѣсто тѣхъ денегъ, что выручила за нитки, наполнилъ всю ея кладовую чистымъ золотомъ. Потомъ онъ послалъ мать къ царю съ требованіемъ отдать ему въ жены дочь—красавицу. Мать поступила какъ слѣдуетъ: она вымела метлою дворъ у царя и, когда онъ спросилъ, что ей нужно, отвѣтила: отдай свою дочь за моего сына! Царь разсердился и хотѣлъ повѣсить мальчика, но разсудилъ иначе:—пусть онъ доставитъ пять тысячъ верблюдовъ съ золотомъ, хлѣбомъ и платьемъ, тогда я отдамъ свою дочь, а иначе повѣшу. Мальчику, благодаря его чудесной дубинкѣ, ничего не стоило исполнить это условіе, такъ что у царя недостало комнатъ, чтобы помѣстить

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ДНИ ДѢТСТВА ТИМУРА.

все доставленное золото. Мальчикъ сдѣлался мужемъ царской дочери, а потомъ и самимъ царемъ. Царствование его было благополучно и онъ велѣль давать каждой бѣдной старухѣ по большой хлѣбной лепешкѣ».

Мораль этой сказки проста, какъ хорошо обглоданная кость: весь смыслъ жизни заключается въ обладаніи чудесною дубинкою! Она даетъ все: и царевну, и груды золота, и власть надъ бекомъ. Понятно, что эмиръ Турагай не думалъ отвлекать ребенка отъ миража силы и власти. Напротивъ, и онъ, и багадуры, грѣшишь рядомъ съ ними свои пятки передъ угольками мангала, глубоко сочувствовали подвигамъ дубинки и только скорбѣли духомъ передъ вопросомъ: гдѣ и какъ ее достать? Змѣи уже не говорили въ ту пору человѣческими голосами, а простымъ батикомъ, хотя бы его поддержали въ рукахъ девять захарей, царства не добудешь.

По окончаніи этой сказки, одинъ изъ слушателей обычно похвалялся тѣмъ, что его батикъ, обѣянный слоновою костью, вполнѣ напоминалъ чудесную дубинку. Но сыну Турагая было известно, что обладатель чудесной дубинки нуждался нерѣдко въ нѣсколькихъ аршинахъ маты на исподнее бѣлье. Очевидно, къ дубинкѣ нужно было прибавить еще какую-то таинственную силу, но гдѣ-же и въ чёмъ эта сила?

Не посягая на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ своего питомца, озадачившаго нерѣдко всю курганчу разумомъ не по лѣтамъ, старуха порывалась начать новую сказку, но населеніе курганчи далеко не всегда развлекалось однѣми фантазіями....

Въ ту пору весь джагатайскій улусъ находился въ бѣдственномъ состояніи. Благодаря вырожденію чингисидовъ, судбою улуса правиль ханъ немилостивый, жестокій, а главное несправедливый, готовый карать невинныхъ и награждать виновныхъ. Визири и ихъ приспѣвники торопились, поэтому, нажиться и бѣжать въ другой улусъ, хотя бы даже въ Кара-Китай. Ростовщики и купцы прекрасно понимали это положеніе вещей и не выпускали изъ кабалы своихъ клиентовъ. У работниковъ падали руки и, вместо заботъ о сборѣ урожая, они изощрялись только въ томъ, чтобы скрыть отъ сборщика лишнюю горсть ячменя или риса....

При упадкѣ въ ханѣ справедливости, все людское счастье скрывается—порою надолго—за предѣлы видимого царства. И дѣствительно, въ Мавераннагрѣ, прежде всего засохли оросительные ка-

налы, которые при справедливыхъ ханахъ давали воды, сколько было нужно народу. Отъ недостатка воды погибли рисовые поля. На баштанахъ съ дынями валялись явившіяся изъ камышей дикия свиньи. Бараны, известные всему миру своими тяжелыми курдюками, подтянули ихъ до неизнаваемости. Дерзкие волки пошли заглядывать въ кишлаки и не только портить скотъ, но и выхватывать дѣтей изъ колыбелей. Коршуны и тѣ взяли силу надъ домашнею птицею. На базарахъ же все вздоржало до того, что бѣдному человѣку нечего было и думать о покупкѣ риса на плавъ. Повсюду, въ странѣ поднялся ропотъ и хотя, при имени хана, народъ все таки призывалъ на него благословеніе Божіе, но это шло не отъ сердца, а только по издавна заведенному обычая.

Роптали и въ курганчѣ эмира Турагая. Его багадуры осуждены были на полное бездѣйствіе, такъ какъ купеческие караваны перестали ходить черезъ Мавераннагръ, потому что разбойниковъ развелось въ немъ болѣе, чѣмъ шакаловъ, а дороги и рѣки, представлѣнныя одной природѣ, сдѣлались непроѣздными и непроходимыми. Горюя по этому поводу, каждый багадуръ, состоявшій не у дѣль, готовъ былъ идти къ хану и внушить ему добрый совѣтъ. Разумѣется, такая рѣшимость выражалась только на словахъ, но все же у каждого изъ нихъ была своя финансовая теорія и собственный политический планъ. Одинъ изъ нихъ, кажется обладатель дубинки съ слоновою костью, увѣрялъ, что все пойдетъ хорошо, когда бѣднымъ людямъ будуть отпускать воду даромъ, а богатымъ за деньги. Между ними нашелся и женоненавистникъ, требовавшій, чтобы лишнія жены были проданы, а деньги, понятно, пошли бы въ раздѣль неимущимъ. Болѣе рѣшительные умы готовы были требовать, чтобы ханъ отнялъ всѣ караваны - сараи у купцовъ и роздалъ бы товары и хлѣбъ отставнымъ багадурамъ.

Обыкновенно эмиръ Турагай, выслушивая внимательно своихъ соратниковъ, никогда съ ними не соглашался. — «Если врагъ отрубилъ палецъ твоей лѣвой руки, то поможешь ли этой бѣдѣ, отрѣзавши палецъ правой руки и приложивши его къ лѣвой?» — резюмировалъ онъ общій ходъ размышленій. — «Нѣть, не поможешь, такъ о чёмъ же и разсуждать?! Не такъ нужно дѣлать дѣло. Всѣ тарханы должны идти во дворецъ хана, не спрашивая ничьего позволенія и сказать ему: сбери всѣхъ багадуровъ и поступи какъ великий Чингисъ-ханъ. Поведи ихъ войною на югъ или на востокъ, и пусть они тамъ

обогатятся, а тогда насытится и весь твой народъ. Вотъ какъ нужно дѣло дѣлать. И вы увидите, какъ поступить человѣкъ, знающій цѣну своимъ рубцамъ....»

Эмиръ очевидно говорилъ о себѣ самомъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ обладалъ наследственною тарханною грамотою.

Бесѣда у мангала затягивалась по временамъ до глухой полуночи. Наступала пора и ко сну.—«Бери мальчикъ примѣръ съ твоего отца», совѣтовалъ кто нибудь изъ собесѣдниковъ, замѣтивши, что ребенокъ продолжаетъ слѣдить воспаленными глазами за рассказами няни.—«Сынъ такого отца долженъ имѣть и бунчукъ и литавры. Ахъ, посмотрѣль бы ты, какъ онъ смягчилъ однажды характеръ несговорчиваго караванъ-баши! Отъ одного его удара батикомъ, позонки таджика разсыпались, точно они были сложены изъ игорныхъ шашекъ. Ну, спи теперь, спи, а когда выростешь, повѣсь батикъ отца въ свое мѣсто!».

Дѣтская пора сына Турагая указывала, что онъ не только выдѣлится изъ сверстниковъ, но и вступить, при пособіи природныхъ качествъ, въ отчаянную борьбу за существованіе. Его не интересовали ни водяныя мельницы изъ камышовыхъ дудокъ, ни ловля стрижей, опоясывавшихъ курганчу рядами гнѣздышекъ, ни даже шумъ воробышной стаи, при видѣ сородича, которому мальчуганъ привязалъ красную тесемку на шею. За то, если открывались въ старыхъ развалинахъ гнѣзда скорпионовъ и удавалось выдернуть изъ норки пару черныхъ пауковъ и образовать общую изъ нихъ компанію—удовольствію сына Турагая не было предѣловъ.

Верховая ъзда и охота входили въ программу его воспитанія еще въ нѣжномъ возрастѣ, когда у него едва доставало силы ухватиться за гриву жеребенка и умѣнія подстричь горлицу изъ дѣтской пращи. Вскорѣ онъ проявилъ себя и на охотѣ ребенкомъ, одареннымъ необыкновенною сообразительностью. Багадуры, слушавши его первоначально съ снисхожденіемъ, поняли вскорѣ, что онъ даетъ имъ нешуточные совѣты. Въ первый разъ онъ прославился въ курганчѣ совѣтомъ устроить засаду на джайрановъ совсѣмъ на другой тропинкѣ, нежели предполагало собрашеніе охотниковъ: только благодаря этой засадѣ, джайраны попали въ общественный котелъ. На шестомъ году онъ уже гонялся съ собаками за барсуками, какъ взрослый человѣкъ, и не отходилъ отъ норы, пока ся обитатель не попадался въ переборку жадной стаѣ псовъ.

Не смотря впрочемъ на свои исключительно багадурскія воззрѣнія на жизнь, эмиръ Турагай понималъ, что его сыну необходимо болѣе тонкое просвѣщеніе, безъ котораго трудно было бы состязаться съ соперниками при дворѣ джагатаидовъ. Но посадить ребенка въ школу, за книгу, было еще рано, поэтому отецъ взялъ его однажды въ путешествіе съ намѣреніемъ ввести его въ свѣтъ и за одно уже, по праву тархана, преподать хану добрый совѣтъ. Прежде всего слѣдовало побывать у святаго отшельника. При всей слабости въ ту пору ислама, въ Мавераннагрѣ народилось немало благочестивыхъ людей, охотно снабжавшихъ правовѣрный міръ и поученіями и святымъ дыханіемъ.

Эмиръ Турагай отправился къ другу своей молодости шейху Куляля. Теперь это былъ уже старикъ, отдавшійся, послѣ бурной поры багадурскихъ подвиговъ, строго созерцательной жизни. Пристанищемъ ему служила сѣнь надъ могилою святаго, успоконившаго еще во времена нашествія арабовъ на Мавераннагрь. Шейхъ слыть прорицателемъ; къ нему присоединились толпы послѣдователей, но они выказали такую жадность, что онъ предпочелъ уединиться отъ нихъ и вырыть себѣ логовище въ самой могилѣ святаго мужа. Могила, у которой онъ устроилъ келю, находилась на вершинѣ горы, одиноко возвышавшейся среди безплодной, безводной и выжженной солнцемъ степи. Сюда стекалось повременамъ много народа, какъ для поклоненія могилѣ, такъ и съ цѣлью уловить дыханіе благочестиваго мужа. То былъ обрядъ, практикуемый и теперь въ средѣ вѣрующихъ людей. Таборы прибывавшихъ паломниковъ, коней и верблюдовъ то увеличивались, то рѣдѣли, оставляя у могилы, въ знакъ особаго къ ней уваженія, новыя бараны головы съ вѣтвистыми рогами. Высокий шесть у могилы пестрѣлъ множествомъ навѣшанныхъ на него жертвенныхъ приношеній.

Эмиръ Турагай, путешествовавшій съ свитой багадуровъ, раздвинулъ толпу довольно безцеремонно и остановился у мазара, гдѣ и былъ встрѣченъ шейхомъ, выглянувшимъ, ради боевого товарища, изъ глубокаго логовища. Шейхъ оказалъ при этомъ всѣ знаки своего душевнаго расположенія. Ребенка онъ поставилъ подъ мышки, подуль на него, осыпалъ его хлѣбными зернами, потеръ ему глаза землею и съ восклицаніями: «Аллахъ-э́кберъ!»— скрылся обратно въ логовище.

Простившись съ благочестивымъ другомъ, эмиръ отправился

въ Самаркандъ показать сыну резиденцію джагатаидовъ. Здѣсь, онъ—наслѣдственный обладатель тарханной грамоты—могъ войти во дворецъ и потребовать себѣ и всему своему роду столько пилаву, сколько хотѣлъ. Этотъ добрый, старый порядокъ монголовъ былъ забытъ однако при дворѣ, но эмиръ повелъ себя такъ властно, что дворцовая прислуга возымѣла къ нему серьезное уваженіе. Ему и его сыну подали пилавъ, но все таки, на пришельцевъ приходили смотрѣть, какъ на дикихъ провинціаловъ, вспомнившихъ о давно и всѣми забытыхъ грамотахъ и привилегіяхъ. Услужливые придворные привели даже какого-то избалованнаго принца ханской крови, чтобы онъ полюбовался дикарями, не имѣющими понятія объ этикетѣ. Здѣсь произошелъ эпизодъ, едава ли записанный даже въ книгѣ очевидности: принцъ посмѣялся надъ своимъ гостемъ, не подозрѣвая вѣроятно, что онъ выросъ въ курганчѣ, гдѣ не чувствовалось разницы между черною и бѣлою костью. Не долго размышиля, Тимуръ пустилъ въ принца случившимся подъ рукою бараньимъ маслакомъ.

Всѣ придворные пришли въ ужасъ, а Тимуръ продолжалъ поѣдать пловъ, никакъ не заботясь о послѣствіяхъ своего поступка. Возлѣ него засуетились, забѣгали и видимо готовились позвать стражу, чтобы задержать дерзкаго оскорбителя, но эмиръ, восхитившись поступкомъ сына, нашелъ, что ему неприлично оставаться въ средѣ невѣждъ.—«Я—тарханъ, прочь съ дороги!» объявилъ онъ властно раздвигая дворцовую толпу.—«Сынъ мой также тарханъ, и кто дотронется до него, тому не сносить головы!» Толпа разступилась.

За стѣнами урды, эмиръ повелъ свою кавалькаду быстрымъ аллюромъ, хорошо понимая, что никакая тарханская грамота не спасетъ его отъ преслѣдованія. На время онъ оставилъ даже свою курганчу и углубился съ сыномъ въ горы, гдѣ всякие поиски были бы безплодны. Здѣсь нужно было переждать времена, когда одинъ джагатаидъ вытѣснить другого, или прибѣжитъ безмѣстный принцъ кореннаго юрта и зайдетъ силою, или хитростью, тронъ Джагатая.

XXIX.

МОЛОКО ИСЛАМА.

(1340—1350 гг.).

одошла пора обучения Тимура.

Монголы оставили побежденнымъ ими народамъ Азии нетронутыми главнейшія наследія аравитянъ: религию и образованіе. Религию они оставили безъ вниманія по двумъ причинамъ: по обычному равнодушію своему къ духовной сторонѣ жизни человѣка и по совершенному незнакомству съ принципами и значеніемъ ислама. Создавая изъ трехъ религій—національной, еврейской и христіанской—одну и, переплетая ее легендами, то евреевъ Медины, то монаховъ Сиріи, Мухаммѣдъ былъ строго послѣдователенъ только въ установлениі единобожія и въ нетерпимости къ язычеству. Его коранъ поставилъ идолопоклонство преступнѣе убийства и языческій культъ преступнѣе всѣхъ беззаконій. Въ этомъ отношеніи, онъ пошелъ далеко до того, что ограничилъ

даже силу Всевышняго и, разрѣшая Его волею всѣ преступленія, исключилъ изъ нихъ поклоненіе истуканамъ.

Монголы, по приходѣ въ ср. Азію, не имѣли возможности, по своей безграмотности, ознакомиться съ кораномъ, обращавшимся къ тому же въ очень ограниченномъ числѣ рукописныхъ изданій. Татары-же не выдавали сокровенные мысли Пророка и поэтому приверженцы довольствовались свѣдѣніями о томъ, что исламиты не дѣлятся на два толка, готовые истребить другъ друга. Оказавъ одинаковое покровительство суннитамъ и шиитамъ, монголы сочли себя умнѣйшими дипломатами, которые, отлично владѣя копьями и стрѣлами, могли и не справляться съ учениемъ какого-то невѣдо-маго имъ человѣка.

Школу они оставили въ покой, какъ естественное дополненіе мечети. Будучи сами поклонниками Неба, они ничего не имѣли противъ семи мусульманскихъ небесъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго пятью стами лѣтъ караваннаго пути. Они видѣли, что муллы и улемы преподаютъ въ мечетяхъ и школахъ одинъ и тотъ-же коранъ, а этого было достаточно, чтобы признать ученіе въ школѣ только продолженіемъ религіи.

По всей вѣроятности монголы, узнавъ, что Мухаммедъ требуетъ безпощадного истребленія всѣхъ народовъ съ культомъ многобожія, измѣнили бы свое благодушное отношеніе къ исламу. Но прошло не болѣе тридцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ Мавераннагръ, какъ шестой хань династіи джагатаидовъ—Берракъ, отчасти обманутый идолами въ столкновеніи его съ гулагидами, отчасти соблазненный красотою мусульманскаго рая, принялъ исламъ. Послѣ того гоненіе въ Мавераннагрѣ противъ ислама было немыслимо.

Кешъ не утратилъ и по приходѣ монголовъ ученаго значенія. Наука нисколько не стояла въ ту пору ниже теперешняго ея положенія въ мусульманскихъ странахъ, остановившихся по всѣмъ отраслямъ знанія—кромѣ военной—на точкѣ замерзанія. Если въ школахъ Стамбула проповѣдуютъ и въ наше время о существованіи шести планетъ, населенныхъ и наполненныхъ вѣтромъ, камнями, адскою сѣрою, змѣями, скорпионами и шайтаномъ, то неудивительно, что пять вѣковъ тому назадъ улемы Кеша преподавали космогонію по подобной-же программѣ. Въ его многочисленныхъ мектебе—низшихъ школахъ—слушались съ утра до ночи пѣвучіе голоса, твердившіе во всеуслышаніе Элифъ-бе. Въ келяхъ

же его медресе—высшихъ школахъ—всегда трактовали съ достаточнouю глубокомысленностью, что земля подпирается спиною ангела, который стоитъ на скалѣ, выпускающей изъ себя семь тысячъ рѣкъ, при чмъ скала поконится на быкѣ съ четырьмя тысячами глазъ....

Мусульмане всегда хорошо обеспечивали существование своихъ медрессе, такъ что студенту, размышлявшему о точкѣ опоры всего видимаго и невидимаго, не приходилось заботиться о мучной лепешкѣ. Студенты получали стипендіи изъ доходовъ съ вакуфовъ—земель, лавокъ и садовъ, посвященныхъ на добрыя дѣла и прежде всего на дѣло образования. Въ Кешѣ находилось медрессе съ тысячию студенческихъ келій. Рука времени уничтожила ихъ до основанія, но эта несносная рука поступила не лучше и въ Самаркандѣ, въ купели ислама, гдѣ можно и теперь видѣть старинныя келіи софтовъ, заваленные базарнымъ мусоромъ.

Маленький Тимуръ поступилъ въ мектебе, которымъ завѣдалъ почтенный сѣдобородый мулла, совершивший хаджъ—богоугодное путешествіе въ Мекку—и поэтому пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Эмиръ Турагай передать на его попеченіе сына съ обычнымъ любезнымъ предложеніемъ наказывать, если то будетъ необходимо, тѣло непослушнаго ученика, но не трогать его kostей. Ребенокъ однако выдѣлился въ первые же дни ученія изъ толпы сверстниковъ настолько, что наставнику не приходилось пускать въ обращеніе надъ нимъ свою длинную трость.

Хаджи, какъ строгій исповѣдникъ ислама, отдавалъ всего себя на преподаваніе корана. Но ранѣе наслажденія его истинъ, онъ внушалъ своимъ ученикамъ достаточныя понятія о наружности и естествѣ Пророка. Впрочемъ, прежде чѣмъ подойти къ Пророку, почтенный хаджи не забывалъ пояснить, что онъ совершилъ хаджъ по той-же дорогѣ, по которой ходилъ въ Мекку справедливый и набожный Гарунъ-аль-Рашидъ. Всѣмъ-же известно, что великий халифъ истратилъ на свое паломничество болѣе ста мил. динарій, при чмъ всю дорогу отъ Багдада онъ покрылъ коврами и драгоценными материалями, такъ что его супруга Забейда прошла этотъ путь, не запыливъ мизинца своей ноги.

О естествѣ-же Пророка хаджи повѣствовалъ, что тѣло его «было подобно по своей чудесной бѣлизнѣ камфорѣ, серебру и свѣту, и нѣжнѣ шелка. Отъ него шли струи благовонныхъ испареній. Ростъ его былъ ни коротокъ, ни длиненъ, ни средній, но

когда онъ говорилъ съ великаниемъ, то казался выше послѣдняго и это было замѣчено сто тысячъ разъ. Отъ него не падало тѣни ни при солнцѣ, ни при лунѣ, а благословенная спина его обладала свойствомъ видѣть одинаково и позади и впереди себя. Всѣ его изверженія были благовониѣ мускуса и амбры и принятіе ихъ служило не только исцѣленіемъ отъ болѣзней, но и пособіемъ ко входу въ рай».

Повѣствованіе это, сопровождавшееся обычно поглаживаніемъ бороды и возведеніемъ взоровъ къ небу, вызывало у прислужныхъ слушателей, какимъ былъ и Тимуръ, благоговѣйное сокрушеніе и умилительный слезы. Отъ этого-же почтеннаго наставника, Тимуръ усвоилъ себѣ разницу въ положеніяхъ между вѣрными и кѣфирами.—«Всѣ невѣрные», пояснялъ хаджи, «должны будутъ отправиться въ адъ на вѣчныя времена, тогда какъ мусульмане, хотя бы и грѣшившіе при жизни, испытаютъ муки ада только опредѣленное число лѣтъ. По истеченіи семи тысячъ лѣтъ, Мухаммѣдъ выведетъ изъ ада всѣхъ мусульманъ, оставивъ тамъ въ добычу огня, кипящей смолы и дьяоловъ, только іудеевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ, идолопоклонниковъ и лицемѣровъ. Впрочемъ мусульмане-лицемѣры будутъ также прощены и переведены въ райскую обитель. При томъ-же, мусульмане будутъ страдать только по мѣрѣ ихъ согрѣшений, тогда какъ христіане, іudeи и вообще не увѣровавшіе въ посланническую миссію Мухаммѣда, будутъ терзаться уже за одно свое невѣріе. Каждому невѣрному, отвергающему коранъ, предстоитъ испытать силу страшнаго сакара, отъ котораго никто изъ невѣрующихъ не скроется»....

При одной этой перспективѣ, Тимуру былъ ясенъ вопросъ: быть или не быть строгимъ мусульманиномъ? Въ помощь-же этому вопросу хаджи не скучился на описание плѣнительной стороны райскаго обиталища:

— «Тамъ ожидаетъ правовѣрныхъ состояніе полнаго блаженства. Насколько нестерпима обстановка ада съ его вѣчнымъ смрадомъ, дымомъ и зноемъ, безпрерывно сжигающимъ постоянно возобновляющуюся кожу грѣшника, настолько упоительны наслажденія въ садахъ рая. Тамъ будутъ раскинуты палатки изъ дорогой матеріи, убранныя золотомъ и серебромъ; тамъ будетъ струиться постоянно свѣжая вода, тамъ тѣнистыя деревья будутъ сбрасывать сочные плоды прямо ко рту пребывающаго въ кайфѣ обитателя. Дѣвы рая никогда не будутъ старѣть, а ланиты ихъ

будутъ безпрерывно вспыхивать румянцемъ стыдливости. Такимъ образомъ, вся райская жизнь мусульманина будетъ проходить въ

ѣдѣ, въ питьѣ и наслажденіяхъ, чего не даютъ ни христіанскіе, ни іудейскіе завѣты».

Повременамъ хаджи проходилъ съ болѣе прилежными учениками полный курсъ строгой мусульманской жизни. Такой день начинался омовеніемъ и молитвословіями. Послѣднихъ было очень много. Они дѣлились, какъ и теперь, на общія, ежедневныя и на отдѣльныя, для частныхъ обстоятельствъ жизни. Извѣстно, что коранъ установилъ только пятикратный намазъ, тогда какъ Мухаммедъ, во время пребыванія его на небѣ, получилъ пятьдесятъ

Дѣти таджиковъ въ ср. Азії.

однѣхъ ежедневныхъ молитвъ. Но опытные пророки увѣрили его, что мусульмане не вынесутъ подобного числа молитвъ, поэтому, спускаясь уже на землю, онъ испросилъ у Аллаха разрѣшеніе сократить ихъ до пяти.

Поучая своихъ маленькихъ слушателей строгой жизни мусульманина, хаджи возглашалъ при полосканіи усть:—«О Боже, будь милостивъ къ Мухаммеду и его семейству. Руководи мною въ чтеніи корана и въ намѣреніи восхвалять тебя! При втягиваніи воды въ ноздри слѣдовала уже другая молитва:—«О Боже, окури меня благоуханіемъ и пріятнымъ запахомъ райскимъ!» При омовеніи правой руки, онъ просилъ Аллаха дать ему «книгу его дѣяній», въ день страшнаго суда, въ эту руку, а не въ лѣвую, такъ какъ лѣвою рукою будутъ держать книгу дѣяній только кяфиры. При омовеніи лѣвой руки, онъ повторялъ просьбу не давать ему въ эту руку книгу дѣяній. Даѣше, хаджи поучаль о чемъ слѣдуетъ просить Аллаха при омовеніи лица, головы, шеи, отдѣль-

но правой ноги, отдельно лѣвой и наконецъ при чесаніи бороды. По поводу бороды, онъ воздавалъ хвалу Всевышнему за то, что онъ украсилъ ею лицо мужчины, какъ украсилъ лицо женщины волнующими локонами.

Послѣ этого ряда спасительныхъ поученій, на верандѣ минарета раздавался пѣвучій призывъ къ общественной молитвѣ. Оттуда помощникъ хаджи взывалъ къ Богу и правовѣрнымъ: — «Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ! Исповѣдую, что иѣть Бога, кроме Бога, исповѣдую, что Мухаммѣдъ Его посланикъ! Спѣшите на молитву, спѣшите на молитву, спѣшите къ спасенію! Великъ Богъ, иѣть Бога, кроме Бога!»

По этому призыву, хаджи вѣль своихъ учениковъ въ мечеть, въ которой и проходилъ съ ними курсъ общественнаго моленія. Размѣстившись стройными рядами, лицомъ къ Меккѣ, они должны были хранить глубокое молчаніе и изучать всѣ главныя условія усердной молитвы, начиная отъ положенія тѣла и поднятія рукъ къ ушамъ до наклоненія къ землѣ и вѣнчанаго выраженія, преимущественно взорами, внутренняго благоговѣнія. Было-бы грубою съ ихъ стороны ошибкою сдѣлать земной поклонъ, когда слѣдовало поклониться только въ поясъ, или отдаться громкому восхваленію въ ту минуту, когда слѣдовало утонуть въ тихомъ созерцаніи.

Въ этомъ механическомъ общеніи съ Всеблагимъ, маленький Тимуръ не могъ не проникнуться военно-религіознымъ значеніемъ догматовъ ислама. Догматы эти возросли на почвѣ постоянной борьбы великаго араба съ окружавшими его противниками. Поэтому всѣ порядки, приемы и движения молитвенного строя, развившіеся на этой почвѣ, дисциплинируютъ молящуюся массу, поднимаютъ въ ней нервную систему и ускоряютъ кровообращеніе. Молится ли юноша-исламитянинъ, взывая къ Аллаху или только воинствуетъ, продѣливая артикулы по указкѣ учителя? Если припомнить, что каждый молящейся окруженья соблазнами и слѣдовательно силами, враждебными духовному миру, то несомнѣнно—онъ воинствуетъ, а не молится. Во всякомъ-же случаѣ, Тимуръ воинствовалъ даже и потому, что въ молитвѣ заключается, по учению корана, всепобѣдимая сила, ведущая прямо къ трону Всевышняго. Побѣда же безъ борьбы—не побѣда!

Такое душевное настроение чуткаго ребенка поддерживалось и вечерними собесѣданіями его наставника. Обыкновенно, когда

солнце опускалось уже на покой, бѣлобородый хаджи примацівался на голомъ камнѣ, подъ платаномъ, осѣнявшимъ его мечеть, и погружался въ глубокое душевное созерцаніе. Вокругъ него тотчасъ же образовывалось кольцо мюридовъ, готовыхъ просидѣть на корточкахъ цѣлую ночь и слушать его поученія. Никто и никогда не торопилъ его, такъ что въ ненарушимомъ молчаніи проходили цѣлые часы и только послѣ умилительного «Аллахъ-әкберъ!» хаджи начиналъ свою бесѣду. Его просвѣщенному уму представлялось болѣе разумнымъ начинать ее съ момента окончательного торжества Мухаммеда, когда онъ вошелъ побѣдителемъ въ Мекку и распорядился уничтоженіемъ иоловъ вокругъ Кѣ'абы. Въ описаніи хаджи картина эта поднимала мгновенно всѣ духовныя фибры слушателей.

— «Ресуль-Аллахъ, сопровождаемый покорившимся ему вождями и войсками Мекки, прослѣдовалъ на верблюдицѣ къ Кѣ'абѣ и дотронулся посохомъ до священнаго камня! Семь разъ онъ объѣхалъ Кѣ'абу, семь разъ онъ дотрогивался посохомъ до священнаго камня, принесенного съ неба архангеломъ Гавріиломъ и наконецъ приказалъ приступить къ уничтоженію капищъ и иоловъ. Вскорѣ отъ тѣхъ и другихъ не осталось и слѣда!»

Разумѣется въ своихъ собесѣданіяхъ хаджи никогда не упускалъ упоминанія о чудесномъ путешествіи Мухаммеда на небо.

— «Ресуль-Аллахъ—да будетъ благословленно его имя!—забавлялся однажды со своей супругой Аишой, когда архангель Гавріиль поднялъ пологъ его шатра и пригласилъ его сѣсть на аль-бурака, чтобы отправиться на небо. Аль-буракъ, не возившій никого на себѣ послѣ Иисуса Христа, нѣкоторое время не давался Посланнику, но смирился, услышавъ обѣщаніе дать ему мѣсто въ раю. Послѣ того Посланникъ очутился мгновенно въ Іерусалимѣ, гдѣ его привѣтствовали всѣ вставшіе изъ гробовъ святые и пророки. Здѣсь, по лѣстницѣ, сотканной изъ одного чистаго свѣта, онъ въ сопутствіи архангела, поднялся на небо, не забывъ привязать аль-бурака къ оградѣ іерусалимскаго храма. Посѣтивъ первое небо, онъ увидѣлъ, какъ прикрѣплены звѣзды къ золотымъ цѣнамъ и какъ ангелы охраняютъ ихъ отъ нападеній демоновъ. При встрѣчѣ съ Адамомъ, послѣдній низко ему поклонился и попросилъ его молитвъ передъ Аллахомъ....»

Въ своемъ повѣствованіи хаджи не пропускалъ ни одного неба и тщательно отѣнялъ свойственные каждому изъ нихъ

особенности. На одномъ изъ небесъ, Мухаммеду были предложены чапи съ виномъ, водою и молокомъ. Онъ освѣжилъ себя молокомъ не дотронувшись до вина и продолжалъ торжественное шествіе между преклонявшимися передъ нимъ обитателями горнихъ пространствъ.

— «На седьмомъ небѣ», — окончивъ хаджи описаніе путешествія, — «Посланникъ встрѣтился съ христіанскимъ Пророкомъ и съ такимъ множествомъ ангеловъ, что даже не могъ пересчитать ихъ. Впрочемъ, онъ замѣтилъ одного съ семьюдесятью тысячами головъ и семьюдесятью тысячами языковъ въ каждой головѣ, при чёмъ каждый языкъ произносилъ одновременно семьдесятъ тысячъ гимновъ во славу Аллаха»....

Много лѣтъ уже хаджи повторялъ свою бесѣду, не измѣня ни одной іоты, но слушатели каждый разъ находили въ ней свѣжую и плѣнительную красоту. Послѣ ночного путешествія Мухаммеда слѣдовала долгая пауза, которая разрѣшалась новымъ «Аллахъ-э́кберъ!» и продолженіемъ бесѣды. Продолженіе состояло обычно изъ отвѣтовъ на вопросы любознательныхъ слушателей и личныхъ воспоминаній хаджи о путешествіи его въ Мекку.

Тимуру, не смотря на его незрѣлость, позволялось предлагать вопросы, чѣмъ онъ и пользовался, поражая нерѣдко собесѣдниковъ глубиною своихъ мыслей. По его запросамъ, хаджи объяснялъ, что Пророкъ обнаруживалъ воинственные задатки съ самаго раннаго возраста. По крайней мѣрѣ, будучи шести лѣтъ, онъ, сопровождая своихъ дядей, собиралъ для нихъ въ сраженіяхъ падавшія стрѣлы. Для сужденія же о душевной крѣпости Пророка, хаджи обращался къ той эпохѣ, когда возстававшіе противъ ислама люди усовѣщевали Мухаммеда покинуть мысль о религіозной реформѣ.—«Если-бы мнѣ дали солнце въ правую руку, а мѣсяцъ въ лѣвую съ условіемъ покинуть мое дѣло», отвѣчалъ этимъ людямъ Пророкъ,—«я отказался-бы и отъ солнца и отъ мѣсяца и продолжалъ-бы восклицать: «ло ил лохе иллалахъ!» На вопросъ же, что больше всего плѣняло Пророка въ этой жизни?—честный хаджи не затруднялся указывать на молитвы, женшинъ и благовонія!

Переходя къ личнымъ воспоминаніямъ, хаджи опять таки обращался къ Ке'абѣ.—«Ученымъ людямъ известно, что Бейту-ллахъ находится надъ самымъ пупомъ вселенной. Имъ также известно, что первая земная Ке'аба была взята ангелами на небо, а теперешняя выстроена Авраамомъ и сыномъ его Измаиломъ»....

Иногда, впрочемъ, слушатели просили наставника миновать хорошо имъ извѣстную исторію Ке'абы и перейти или къ горѣ Арафѣ или къ обряду избенія бѣса. Гора Арафъ, на которой обязанъ побывать каждый хаджи, достойна вниманія по одному тому, что изгнанный изъ рая Адамъ нашелъ здѣсь Еву, спустя два вѣка послѣ того, какъ они разошлись въ разныя стороны. Самое название горы означаетъ «мѣсто познанія». Торжество ея посѣщенія вызываетъ у многочисленной толпы паломниковъ неописуемый экстазъ, доводящій до массовой истерики.

Ни одинъ вечеръ собесѣданія хаджи не обходился безъ повѣствованія о порядкѣ побенія сатаны. Обрядъ этотъ совершается въ долинѣ Минъ, богатой священными воспоминаніями. Здѣсь могила Адама, здѣсь Агарь родила Измаила, котораго здѣсь же дьяволъ соблазнялъ на самоубийство. За это нечестивое поползновеніе, всѣ сыны ислама обязаны мстить сатанѣ. Возмездіе ихъ производится по разъ установленному порядку: паломникъ обязанъ положить на ноготь большаго пальца лѣвой руки камешекъ, непремѣнно голышъ, величиною въ бобъ, и щелкнуть по немъ пальцемъ правой руки. Но въ этомъ благочестивомъ дѣйствіи необходимо остегаться, чтобы не попасть камешкомъ въ другого паломника. Подобное оскорблениѣ можетъ повести къ ожесточенной дракѣ и даже, какъ это бывало, къ войнѣ одного племени съ другимъ.

Бесѣда хаджи перемѣшивалась повременамъ вопросами любознательныхъ слушателей: можетъ-ли правовѣрный выдернуть, во время хаджа, волосинку изъ гривы своего коня? Не преступно-ли разбить, во время хаджа, птичье яйцо? Законно-ли уничтожить насѣкомое, какое можетъ найтись въ бѣльѣ и въ платьѣ?—Разрѣшивъ всѣ подобные вопросы, почтенный старецъ оканчивалъ свое поученіе изрѣченіемъ изъ корана: «знайте всѣ, что жизнь человѣка есть только одно обманчивое наважденіе!»—и, сопровождаемый вздохами благодарностей, удалялся на покой.

Наиболѣе внимательнымъ слушателемъ хаджи былъ маленький Тимуръ. По его сосредоточенности и быстротѣ, съ какою онъ усвоивалъ возвышенныя истины корана, жители Кеша признали въ немъ кандидата въ ученые улемы—и дѣйствительно, онъ перешелъ къ чтенію корана съ легкостью, повергнувшую самого учителя въ изумленіе. Когда онъ окончилъ въ первый разъ чтеніе его, эмиръ Турагай задалъ пиръ на весь околодокъ, которому принадлежало мектебе. Юношѣ

пришлось прочесть передъ собравшимся обществомъ нѣсколько главъ «книги писанія», что онъ и исполнилъ со всѣми тонкостями чтеца, понимающаго значеніе повышенного и пониженного тоновъ.

Такого даровитаго юношу Кешъ никогда не видѣть подъ своимъ куполомъ учености, поэтому чтеніе его вызвало единодушное одобрение слушателей. Восхищенный торговецъ тканями подарилъ ему при этомъ хорошенъкую чалму и поясъ, а оружейникъ не поскупился на ятаганъ съ бирюзовою рукояткою.

Торжество Тимура было полное.

Съ такимъ же успѣхомъ онъ прошелъ и медресе. Разумѣется и здѣсь коранъ былъ главнымъ источникомъ всѣхъ познаний, но не въ смыслѣ уже простаго чтенія, а съ горизонтомъ, обрамляющимъ все видимое и невидимое, все сущее и предполагаемое. Только въ медресе Тимуръ узналъ, что кругъ земли состоитъ изъ семи климатовъ и семи небесъ. Первое изъ нихъ смарговое, второе — серебряное, третье — жемчужное, далѣе — рубиновое, золотое... и наконецъ изъ одного сияющаго эфира. Медресе же дало ему ясное понятіе о четырехъ источникахъ мусульманскаго ученія. Сверхъ корана, онъ позналъ значение «сюннета», какъ собранія изрѣченій Мухаммеда передъ его асхабами, «іджмаса» — собранія дѣйствій асхабовъ и «кыяса» — сравнительного метода, хорошо освѣщающаго непонятныя истины.

Въ медресе богатыя дарованія юноши изумляли профессоровъ. Съ рѣдкою находчивостью онъ быстро разрѣшалъ вопросы, требовавшіе отъ менѣе счастливыхъ умовъ долгаго раздумья. Его не затрудняли даже высочайшіе изъ холастическихъ вопросовъ: можетъ-ли Аллахъ сдѣлать изъ десяти — четыре и обратно? Можетъ-ли Аллахъ уложить въ орѣховую скорлупу настоящій и будущій міры со всѣми ихъ вещами и лицами? Умалится-ли отъ этого міры и не раздвинется-ли, благодаря имъ, орѣховая скорлупа?

Но какъ ни интересны были всѣ эти предметы, питавшіе умъ и сердце Тимура, онъ всетаки посвятилъ большую часть времени и дарованій изученію, по тому же корану, военного права, и по толкованіямъ мусульманскихъ законниковъ — правиль веденія войны. Въ этой отрасли познаний нѣкоторыя положенія были совершенно ясны, а другія требовали глубокаго умственнаго напряженія.

Профессора, не сомнѣваясь, что Всевышній раздѣлилъ весь

людской родъ на двѣ серіи: вѣрныхъ и невѣрныхъ, вторили настойчиво вслѣдъ за кораномъ:—«Убивайте невѣрныхъ всюду, гдѣ вы встрѣтите ихъ. Помните, что ни богатства, ни дѣянія невѣрныхъ не послужатъ Богу удовлетвореніемъ. Они будутъ преданы огню и проживутъ тамъ вѣчно. Милостыни, которыя они творятъ на этомъ свѣтѣ, будутъ уподоблены холодному вѣтру, дующему въ пустынѣ. Питайтесь безпрепятственно отнятымъ у нихъ имуществомъ».

Професора не любили останавливаться на противорѣчіяхъ въ дѣлѣ истребленія невѣрныхъ, допущенныхъ въ самой книжѣ писанія. Тамъ есть повелѣніе не дѣлать насилия людямъ изъ-за ихъ вѣры... и прекращать вражду, если невѣрные положатъ конецъ своимъ дѣламъ. Но когда противорѣчія эти не укрылись отъ пытливаго ума Тимура, профессора предложили ему вникнуть въ суру, которая предвидѣла вопросы скептиковъ и разрѣшила ихъ тѣмъ, что подлинникъ корана оставленъ Аллахомъ на небѣ и отъ него зависитъ дѣлать въ немъ поправки, какія онъ хочетъ....

Тимуръ подходилъ также къ деликатнѣйшему изъ вопросовъ: при какихъ условіяхъ народы, одинаково исповѣдывающіе исламъ, могутъ вести между собою войну? Законники отвѣтили ему, что война между исламитянами дозволена по двумъ поводамъ: при возстаніи противъ имама страны и если одинъ государь видить несправедливость другого.

Попутно съ важными вопросами, Тимуръ постигъ и такія частности, какъ воспрещеніе корана сражаться вблизи мечетей или вести войну въ теченіи опредѣленныхъ четырехъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, при необходимости стать въ оборонительное положеніе, коранъ разрѣшилъ и Тимуру купаться въ крови враговъ—всегда и во всякомъ мѣстѣ....

Изъ поученій хаджи и лекцій, Тимуръ вынесъ убѣжденіе, что исламъ долженъ торжествовать надъ всѣми религіями и что для торжества его обязательны безконечныя войны. Во имя этой священной идеи и идеи справедливости необходимо вести войны не только съ невѣрными, но и съ мусульманами, если они уклоняются отъ воли Аллаха.

Медресе обманулось въ своихъ ожиданіяхъ, когда Тимуръ заявилъ, что онъ покидаетъ гостепріимную келію студента и возвращается въ родительскую курганчу. Его не привлекала ни каѳедра профессора, ни посохъ шейха, ни даже карьера шейхъ-

уль-ислама. Виды его шли дальше родного Кеша, дальше Мавераннагра и терялись въ смутномъ образѣ потрясателя земли, на почвѣ обновленія ислама....

Благодаря кровожадной тиранніи царившаго тогда Казань-султана, необходимо было ожидать, со дня на день, крупныхъ событій и даже перемѣны въ династіи джагатаидовъ. Люди уже указывали на эмира Казгана, какъ на человѣка, которому слѣдовало бы занять урду и изгнать тирана. Эмиръ, ставшій вскорѣ во главѣ революціоннаго броженія, имѣлъ серьезные шансы на успѣхъ, притягивавшій къ себѣ каждого искателя власти, славы и богатства.

XXX.

НА ПУТИ КЪ СЧАСТЛИВОЙ ЗВѢЗДѢ.

(1350—1356 гг.).

— АБЕМЕСТ —

кончивъ курсъ медрессе, Тимуръ возвратился домой юношою высокаго роста, съ отпечаткомъ нѣсомнѣннаго превосходства надъ сверстниками. Онъ не походилъ на монгола. Очевидно, изъ слиянія крови чингисидовъ съ таджикскою, получилась раса безъ коренныхъ монгольскихъ признаковъ — выпуклыхъ мускуловъ, узкихъ глазъ и укороченнаго носа. Въ этомъ сліяніи, физіология аравитянъ взяла верхъ, такъ что арабскій біографъ Тимура нашелъ въ немъ истаго тюрка. По его

сказанію — видимо приподнятыму изъ лести, на два, на три тона: — «Тимуръ выглядѣль, въ годы его полнаго разцвѣта, потомкомъ древнихъ гигантовъ съ могучею головою, плотнымъ тѣломъ, съ сильными пальцами и крѣпкими членами. Длинныя бедра его были пропорціональны тѣлосложенію и только, впослѣдствіи, правая нога его и правая рука были повреждены стрѣлами непріятеля. Онъ выдѣлялся длинною бородою, зрачками, полными мрачнаго огня и громкимъ голосомъ. Онъ не зналъ страха смерти, не любилъ насмѣшекъ и былъ недоступенъ шуткѣ и забавѣ. Неудачи его не печалили, успѣхъ не веселилъ».

Но до полнаго разцвѣта физическихъ и нравственныхъ силь Тимуру предстояло совершить еще многое и прежде всего окончить свое воспитаніе, какъ того требовалъ современный ему кодексъ хорошаго тона. Дома онъ нашелъ уже своего отца разслабленнымъ старикомъ, не рѣшившимся болѣе совершать дальня путешествій въ роли охранителя торговыхъ каравановъ. Благодаря заговорившимъ подъ старость колотымъ и стрѣлянымъ ранамъ, ему приходилось уже отлеживаться на мягкихъ войлокахъ и не думать о браздахъ правленія надъ своею курганчею.

Къ тому же и самая курганча опустѣла и принизилась. Разсѣлины въ ея стѣнахъ сдѣлались пристанищемъ летучихъ мышей и покрылись ползучими растеніями—красивыми на видъ, но все же напоминавшими о запустѣніи жилаго мѣста. Старые обитатели ея, багадуры, разсѣялись по большимъ дорогамъ и кладбищамъ. Изъ нянѣк образовалась мумія, которая не была въ состояніи гонять и скворцовъ въ одичавшемъ виноградникѣ. Одряхлѣвшій эмиръ обрадовался рѣшимости сына выйти на распутье жизни не съ кораномъ, какъ надѣялось медресе, а съ саблею въ рукѣ и вообще съ стремлѣніями багадурскаго закала. Поэтому эмиръ не задумался передать сыну все управление курганчею съ ея стадами и виноградникомъ. Передача эта была выполнена по всѣмъ правиламъ тогдашней юриспруденціи. Отецъ и сынъ отправились въ мечеть, гдѣ, передъ большимъ собраніемъ народа, мулла прочелъ молитву, а отецъ провозгласилъ громогласно:—«Я, эмиръ Турагай, сынъ эмира....»—здѣсь было перечисленъ рядъ предковъ, восходившій до самаго Іафета—«объявляю, что сынъ мой Тимуръ пришелъ въ тотъ возрастъ, когда человѣку пристойно носить саблю и владѣть стадами и землею. Да будетъ всѣмъ известно, что я, эмиръ Турагай, сынъ эмира.... передаю ему все свое имущество съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ меня до дня, когда ангель Израфиль отдѣлитъ мою душу отъ тѣла. Всѣмъ же здѣсь предстоящимъ и всему народу говорю, что сынъ мой Тимуръ есть воинстину удивительный человѣкъ...»

Послѣ этого объявленія, собраніе мулль прошло приличную торжеству молитву, а предстоявшіе люди обратились къ виновнику торжества съ любезными привѣтствіями и пожеланіями. Старики, разумѣется, не измѣнили своей величавости и ограничились возведеніемъ руки и очей къ небу, но легкомысленная молодежь не стѣснилась предложить ему тотчасъ же услуги нѣсколько

военного характера.—«Вспомни, Тимуръ, когда нужно будеть, что всѣ рукоятки нашихъ мечей находятся въ твоей правой руцѣ»... Скептики тоже не ушли изъ мечети безъ замѣчанія:—«Пока мы видѣли въ его глазахъ только одну жажду, а какъ далеко будуть падать его стрѣлы—это еще не извѣстно».

Можно утверждать, что Тимуру досталось очень скромное наслѣдство, хотя онъ говорилъ впослѣдствіи, что его скотъ дѣлился на табуны по тысячѣ головъ въ каждомъ, а рабы на десятки, съ надзирателями надъ ними и попечителями. Трудно примирить это богатство съ его тяжелымъ положеніемъ, когда, спасаясь однажды отъ враговъ, онъ имѣлъ всего одну лошадь для себя и для жены своей Аль-Джой.

Вступая въ свѣтъ, молодой человѣкъ того времени обязанъ былъ побывать у благочестивыхъ шейховъ, поклониться гробницамъ святыхъ и совершить какой нибудь подвигъ благочестія. Наиболѣе предпріимчивые изъ нихъ, желавши придать занимательность своимъ рассказамъ о путешествіи, посыпали страны, населенные людьми съ головами неестественныхъ размѣровъ, или купались въ озерѣ, изъ котораго дуютъ всѣ четыре вѣтра, или всходили на гору, посыпающую каждый девятый день огненные вздохи къ небу. Впрочемъ, эти молодые люди всегда затруднялись указывать, гдѣ находятся удивительная гора или чудесное озеро.

Первый самостоятельный шагъ Тимура заключался въ избраниіи духовнаго совѣтника. Такому назначенію вполнѣ отвѣчалъ шейхъ Зайнуддинъ - Абубекръ изъ Тайбада. Святость его жизни была извѣстна всему Мавераннагру и она была такова, что даже въ числѣ его слугъ состоять, негласно, впрочемъ, «Кутба» или намѣстникъ самого Аллаха. Аллахъ посыпаетъ, какъ извѣстно, своихъ намѣстниковъ въ помощь высочайшимъ избранникамъ, которымъ тѣ и оказываются могущественное покровительство. Кутба шейха отправлялъ по наружности обязанности простаго конюха.

— «Будь моимъ духовнымъ наставникомъ до конца моихъ дней», обратился Тимуръ къ святому человѣку.—«И чтобы со мною не случилось въ жизни, буду ли я на тронѣ или въ ямѣ преступниковъ, не откажи мнѣ въ своеемъ святомъ дыханіи».—«Будь справедливъ, ибо одна справедливость доводитъ до высочайшихъ положеній», отвѣчалъ благочестивый шейхъ.—«Каждый человѣкъ можетъ сдѣлаться наимомъ Пророка, если онъ будетъ идти по пути справедливости».

Необходимо помнить, что въ ту пору и простые и знатные люди, и мошенники и образцы благочестія одинаково говорили о справедливости. При царившемъ тогда произволѣ, справедливость считалась какъ бы идеаламъ всѣхъ совершенствъ. Впрочемъ, справедливость и вообще занимаетъ у строгихъ мусульманъ первое мѣсто послѣ догмата о единобожії.

Подкрѣпляя духовный совѣтъ, шейхъ препоясалъ Тимура собственнымъ поясомъ и надѣлъ на него свою шапку. Такіе знаки расположенія были, разумѣется, очень цѣнны, но счастливецъ удостоился кромѣ того получить, изъ рукъ святаго, коралловое кольцо съ вырѣзаннымъ на немъ девизомъ:—«Расти-ва-Русти» или «правота и справедливость». Внослѣдствіи, обладатель кольца прибавилъ къ этой надписи свое имя и три продолговатыхъ кружка. Слѣпки съ этой печати производили въ свое время дѣйствіе на столько-же магическое, какъ и паизе съ кречетами. Передъ ними, какъ передъ личнымъ приказомъ Тимура, склонялись и правители странъ и толпы ихъ подданныхъ.

При прощаніи съ Тимуромъ, шейхъ намекнулъ, что назначенный Аллахомъ для поддержки его Кутба уже пришелъ на землю и будетъ помогать ему во всѣхъ предпріятіяхъ. Отъ благочестиваго шейха былъ прямой путь къ санду Куляля, благодаря которому Тимуръ получилъ свое грозное, а вмѣстѣ съ тѣмъ приятное имя. Посѣщеніе это ознаменовалось достопамятнымъ эпизодомъ: Тимуръ погналъ самъ лично въ подарокъ духовному отцу двадцать барановъ, но въ темную ночь пролилъ такой ливень, что онъ бросилъ стадо на произволь судьбы. Каково же было его изумленіе, когда приблизившись на другой день къ могилѣ, у которой проживалъ Куляля, онъ увидѣлъ все свое стадо у его ногъ.

Послѣ сердечныхъ привѣтствій и благословеній, Тимуръ просилъ старца объяснить ему: «какъ долженъ поступать истинный мусульманинъ, когда онъ не въ состояніи одолѣть врага?»—«Покоряться ему, покоряться!» прошепталъ вдохновенный отшельникъ.—«А если врагъ не только одолѣваетъ, но и намѣревается замѣнить ангела Израфила и отѣлить душу отъ тѣла?»—«Бѣжать отъ него, бѣжать! подальше, въ степь, туда...» Онъ даже показалъ, куда бѣжать и это указаніе очень пригодилось Тимуру, когда тронъ Джагатая ускользнулъ изъ его рукъ. Передъ отшельникомъ, въ чась посѣщенія его Тимуромъ, лежалъ достарханъ, только что доставленный его почитателями. Прорицая обычно иносказатель-

ными пріемами или загадочными поступками, почтенный Куляля отдалилъ изъ достархана семь лепешекъ и горсть шпеницы съ изюмомъ и подаль ихъ Тимуру. Всѣ при этомъ присутствовавшіе пришли въ изумленіе. Для нихъ было ясно, что онъ предрекалъ Тимуру власть надъ семью климатами и потомство по числу зерень, помѣстившихся въ кулакѣ. Изюминки-же между шпеницею предѣщали потомковъ съ царственнымъ положеніемъ.

При такомъ могущественномъ покровительствѣ святыхъ, въ пылкой головѣ Тимура зароились честолюбивые планы. Но прежде чѣмъ обнаружить ихъ, онъ рѣшилъ выполнить всю программу образовательного путешествія. Онъ могъ бы окончить ее, побывавъ въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, у могилы хазрета Ахметь-Ясави, которого считали патрономъ и невѣжественные кочевники и культурные таджики, но онъ рѣшилъ еще заранѣе сблизиться съ только что народившимся тогда орденомъ «Накшбенди».

Хазретъ Ахметь-Ясави былъ извѣстенъ при жизни тѣмъ, что стѣны его сакли, вмѣщавшей не болѣе семи человѣкъ, раздвинулись однажды до того, что дали пріютъ семи тысячамъ человѣкъ, одновременно пришедшемъ къ жилищу святого мужа. Теперь онъ покоился подъ глинобитною стѣнкою, доказывавшею только слабое положеніе зодчества въ странѣ излюбленнаго имъ кочеваго народа. Хранители его могилы вынуждены были даже, по недостатку средствъ, торговать амулетами и добывать себѣ пропитаніе годаньемъ, что такъ несогласно съ завѣтами Пророка!

Пораженный бѣдностью могилы столь чтимаго святого, Тимуръ вручилъ попечителямъ ея посильный вкладъ съ обѣщаніемъ, если его дѣла примутъ хорошее теченіе, не поскучнѣться на богатый вакуфъ. Обрадовавшись щедрому посѣтителю, мутевалли, попечители могилы, снабдили его амулетомъ, со стихами, прочтение которыхъ обеспечивало ему успѣхъ на всѣхъ поприщахъ жизни:—«Ты, который по своему желанію воленъ темную ночь обратить въ день! Ты, который можешь обратить всю землю въ благоуханный цвѣтникъ! Помоги мнѣ въ каждомъ трудномъ дѣлѣ и сдѣтай его легкимъ».— Тимуръ твердо выучилъ это воззваніе и читалъ его каждый разъ передъ началомъ труднаго дѣла. Однажды, во время боя съ какимъ-то Кайсаромъ, подъ которымъ необходимо видѣть Цезаря, онъ прочиталъ стихи—по собственному признанію—семьдесятъ разъ и одержалъ надъ сильнымъ врагомъ побѣду.

Побывать у святыхъ могиль Мешхеда или Испагани Тимуръ

не могъ по ихъ отдаленности, но даль обѣщаніе посѣтить ихъ, когда позволять обстоятельства. Онъ отложилъ также путешествіе на гору съ вѣчнымъ огнемъ и къ озеру, изъ средины котораго вылетаютъ всѣ четыре вѣтра. За то онъ побывалъ въ монастыряхъ и пріютахъ странствующихъ дервишей. Тогда орденъ Накшбенди, только что основанный Бага-эд-диномъ, причисленнымъ по смерти къ числу мусульманскихъ святыхъ, привлекаль къ себѣ крайнимъ мистицизмомъ. О дервишахъ его заговорили, какъ о реформаторахъ, способныхъ произвести крутой переворотъ въ мусульманскомъ міровоззрѣніи. Народъ почтительно даваль имъ дорогу. Было известно, что дервиши безпрепятственно путешествуютъ по всѣмъ мусульманскимъ землямъ и что повсюду султаны, эмиры и ханы охотно слушаютъ ихъ воззванія и пѣснопѣнія.

По первоначальной идеѣ Бага-эд-дина, дервиши дѣлились на осѣдлыхъ и путешествующихъ; первые обзавелись «текіе»—монастырями, для которыхъ избрались горы съ крутыми подъемами, отдаленные отъ базаровъ и караванныхъ путей. Путешествующіе дервиши находили пріютъ въ календарьхане, открытыхъ каждому, на комъ была остроконечная шапка и у кого висѣла на руку тыква для сбора подаяній.

Во вѣнцемъ видѣ дервиша, каждая тесемочка имѣла тогда, какъ и теперь, свое символическое значеніе. Остроконечная шапка его — «кулахъ» — была спита изъ трехъ кусковъ разной матеріи, по преимуществу изъ войлока. По матеріи вышивались стихи изъ корана. Края кулаха обшивались бахрамою, чтобы человѣкъ, рожденный землею, устремляль взоръ въ землю, а не въ подножіе Аллаха. Рангъ, дервиша обозначался числомъ оборон-

Дервишъ—суннитъ.

това полотенца вокруг кулаха, которое впрочемъ могло висѣть и на шеѣ. Девятый и послѣдній оборотъ обозначалъ, что всѣ грѣхи носителя связаны и что, на случай смерти, онъ имѣеть готовый саванъ.

Истинный дервишъ обязанъ быть имѣть плащъ изъ пестрыхъ лоскутковъ съ непремѣннымъ условиѳмъ, чтобы нижній край его обрывался лохмотьями. Поясъ занималъ въ гардеробѣ дервиша такое же почетное мѣсто, какъ и полотенце вокруг кулаха. Обыкновенно это была узловатая веревка, связывавшая ни одни чресла, но и самые помыслы. При поясѣ висѣли камешки, которые достаточно было лизнуть, во время голода, чтобы насытиться. Впрочемъ, между суннитами и шиитами-дервишами существовала значительная разница. Первые носили посохи, какъ эмблемы своего званія, а вторые топорики. Но тѣ и другіе имѣли одинаково при себѣ чашки изъ тыквъ, въ которыхъ каждый правовѣрный могъ опускать разнообразные остатки своей трепезы.

Дѣвъ общины ордена Накшбенди «возглашающихъ» и «воздыхающихъ» появились тогда одновременно въ Мавераннагрѣ.

Джагрія выкрикивала и тогда, какъ и теперь, мистическія изрѣченія и душеспасительное «я-гу!» При этомъ пиръ подавалъ примѣръ, какъ и въ какую сторону раскачиваться всѣмъ тулowiщемъ. Моленіе оканчивалось обычно тошнотою отъ быстраго верченія и экстазомъ, во время котораго неправовѣрному было бы опасно показываться на глаза дервишу. Хуфія, наоборотъ, постоянно молчала—и молчитъ—во славу Аллаха. Одни переборы на четкахъ говорили за созерцательное состояніе молельщиковъ, повторявшихъ въ умѣ символы ислама.

Подъ видомъ неофита, жаждавшаго окрылить свои духовные помыслы, Тимуръ побывалъ на моленіяхъ и Джагріи и Хуфіи. Но ни бѣшеное круговерченіе первыхъ, ни тяжелые вздохи вторыхъ

Дервишъ—шайтанъ.

не соблазнили его надѣть островерхій колпакъ и приготовить себѣ саванъ на случай смерти. За то внутренняя жизнь ордена навела его на мысль обратить, при надобности, этотъ перехожій народъ въ шпіоновъ, лазутчиковъ и вѣстниковъ. Съ этой стороны, они и теперь несутъ недурную службу, по заказу азіатскихъ дипломатовъ и хранителей вѣры. Блуждая по базарамъ, они свободно распѣваютъ свои мистические гимны, въ которыхъ нерѣдко заключается больше страшной политики, нежели религіозной теплоты.

Отказавшись надѣть кулахъ и взять въ руки чашку изъ тыквы, Тимуръ завизаль тѣмъ не менѣе дружественныя сношенія съ дервишами. Уходя отъ нихъ, онъ даже намекнулъ, что если Аллаху угодно будетъ, то онъ доставитъ первую военную добычу на сооруженіе грандіознаго текіе. Вообще-же, можно думать, что къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и автобіографическое признаніе Тимура: «замѣтивъ въ своемъ характерѣ царскія черты»,—записать онъ, или его исторіографъ,—«я щедро награждалъ саидовъ, улемовъ и шейховъ, чтобы они молились объ утвержденіи моего могущества».

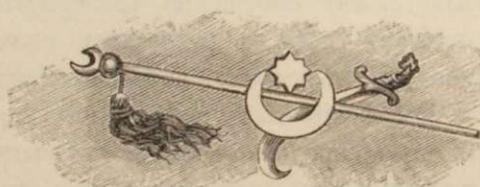
Тимуру пришлось сократить свое путешествіе до того, что онъ не побывалъ даже на могилѣ святаго Голіаѳа, которая и въ ту пору имѣла уже необыкновенные размѣры. Могила этого великана продолжаетъ рости и по настоящее время, въ чемъ любознательные люди могутъ убѣдиться, побывавъ на знаменитомъ Афросіабѣ. Когда она увеличится еще болѣе и раздвинетъ окружающую ее тѣспину, тогда потекутъ изъ горы ручьи сладкой воды.

Друзья приглашали Тимура ускорить возвращеніе домой, потому что Мавераннагру грозило нашествіе такого варварскаго народа, какъ блуждавшее въ сѣверныхъ степяхъ племя джете. Трономъ Джагатая продолжалъ распоряжаться эмиръ Казганъ, не щадившій и своихъ ставленниковъ, когда они рѣшались выходить изъ подъ его власти. Не смотря на развернутый имъ коверъ справедливости, противъ него образовались сильныя партіи, не постыдившіяся призвать въ страну начальника племени джетовъ мрачнаго Тоглука. Послѣдній былъ женатъ на сестрѣ эмпра, отъ которой и потребовалъ въ приданое весь Мавераннагръ. Его джеты—отпрыскъ монгольскаго корня,—оставившіе при языческихъ богахъ и при дикомъ невѣжествѣ, были довольны своими степями, но всетаки волновались по временамъ жаждою ознакомиться поближе

съ земнымъ раемъ. Такимъ представлялось въ ихъ воображеніи зарѣчное царство.

При этой неутидицѣ Мавераннагра, каждая партия старалась привлечь къ себѣ Тимура, какъ представителя не одного Кепа, но и всего Шаарь-Себза. Тимуръ однако не торопился и тщательно всматривался въ силы противниковъ, вступавшихъ въ борьбу изъ-за обладанія престоломъ Джагатая. Минуя и Голааѳа и позабывъ, что еще есть могила святого Еноха, онъ предался на обратномъ пути размышленію: не собрать ли ему вольницу и не повести ли ее противъ эмира Казгана? Обстоятельства складывались такъ, что храбрый и разсудительный предприниматель могъ завладѣть безъ труда Самаркандомъ и объявить себя независимымъ на первыхъ порахъ, бекомъ. Такимъ путемъ отложились уже отъ Джагатайскаго улуса—Балхъ, Мервъ, Гератъ, не говоря о горцахъ и дальнихъ узбекахъ.

По возвращеніи домой, Тимуръ былъ встрѣченъ посланцемъ эмира и при томъ его любимымъ внукомъ Хусаиномъ. Эмиръ приглашалъ молодого человѣка пожаловать на генеральную соколиную охоту, которую онъ предлагалъ—по обычаю хановъ—лучшимъ людямъ своей страны.—«На охотѣ будетъ и Аль-Джой», замѣтилъ какъ бы вскользь, Хусаинъ, видимо желавшій вступить съ сверстникомъ и товарищемъ по медресе въ интимныя отношенія. «Она вѣсѣ знаетъ по моимъ разсказамъ и думою, что если вы убьете тигра, то его шкура будетъ ея ковромъ».—Аль-Джой была родною сестрою Хусаина и славилась тѣми дарами природы, которые были доступны пониманію однимъ лишь поэтамъ Міанкальской долины. Тимуръ не только принялъ съ благодарностью лестное предложеніе эмира, но и назвалъ себя въ душѣ безумцемъ за одну мысль поднять противъ него восстаніе.

XXXI.

СМУТНЫЯ ВРЕМЕНА МАВЕРАННАГРА.

(1356—1367 гг.).

имуръ, благодаря устроенному Хусаиномъ свиданію съ Аль-Джой, пришель въ неизвѣданное имъ еще упоеніе.—«Если-бы міръ представлялся въ ту пору только вмѣстлищемъ однихъ скорпионовъ, онъ не затруднился-бы схватить этотъ ларчикъ и унести его подъ мышкою».—Очевидно, молодой, исламитянинъ подходилъ къ тому яркому разцвѣту физическихъ и душевныхъ силъ, при которомъ человѣкъ чувствуетъ себя чуть не господиномъ всей природы.

Чѣмъ-же могла плѣнить молодая дѣвушка, только что перешедшая за дѣтскій возрастъ, кандидата въ повелители всѣхъ климатовъ и созвѣздій?—Аль-Джой, какъ любимая внучка эмира, поставившаго Мавераннагру нѣсколькихъ хановъ, была взлелѣяна хотя и неподалѣку отъ грознаго политического жерла, но въ нѣгъ азіатской роскоши. Мать ея была уроженкою юга. Она-то и подарила дочери агатовые зрачки съ венышками лучистаго свѣта и нѣжную матовую кожу, ретушированную искусною кистью природы.—«Спину ея украшали локоны волосъ черныхъ какъ уголь, расположенные вѣтвями пальмы, обремененной кистями финиковъ».—Такъ выразился бы аравитянинъ—поэтъ при видѣ очаровательной дѣвушки.

При всей своей красотѣ и нѣгѣ, Аль-Джой выглядела крѣпкою натурою, готовою постоять за себя не только пышными

косами или убийственными зрачками, но и сильною душевною бодростью. Дедъ ея никогда не зналъ кѣмъ онъ окружень: заговорщиками или друзьями, поэтому и она росла, точно готовясь къ борьбѣ съ врагами. Вотъ почему и Тимуръ, какъ при первомъ свиданіи на охотѣ, такъ и потомъ, при встречахъ въ дворцовомъ цвѣтникѣ, ясно видѣлъ въ ней необходимыя ему качества. Въ этомъ существѣ, измѣрявшемъ его далеко не взглдомъ рабыни или взглдомъ лукавой прелести, свѣтились—рѣшимость, энергія и какъ спутница ихъ—побѣда. Въ каждой складкѣ ея курточки—среднеазіатская женщина не рядилась еще тогда въ нынѣшній безобразный мѣшокъ съ отдушинами—сказывалась отвага и согласие дѣлить съ любимымъ человѣкомъ и сладкое и горькое.

Едва-ли Тимуръ и Аль-Джой нуждались въ довѣреныхъ лицахъ, устраивающихъ въ мусульманскомъ мірѣ брачные союзы. Можно только утверждать, что самыи акты бракосочетанія былъ вполнѣ согласованъ съ предписаніями «никаха». Въ заключеніе всѣхъ молитвъ, довольно впрочемъ краткихъ, Тимуръ произнесъ громогласно и всенародно:—«О Боже, по повелѣнію книги Твоей, я взялъ эту женщину къ себѣ и если Тебѣ угодно, то Ты дашь ей сына, правовѣрнаго мусульманина, а не товарища шайтана нечистаго».

Тимуръ и Аль-Джой не ошиблись другъ въ другѣ. Она дѣлила потомъ съ мужемъ и тяжелое заключеніе въ туркменскомъ аулѣ и скитальчество въ голодной степи. Въ битвахъ она находилась неподалеку отъ него. То была преданность не влюбленной рабыни, а друга—равнаго, свободнаго и рѣшительнаго. Достаточно сказать, что до самой смерти Аль-Джой, Тимуръ не имѣлъ гарема.

Эмиръ Казганъ былъ уже настолько старъ, что охотно подчинялся своему внуку Хусаину, которому и предоставилъ завоевать въ свою пользу отложившіяся провинціи—Балхъ, Гератъ и туркменскія степи. Но всѣ предпріятія Хусаина, удачныя и даже блестательныя въ началѣ—оканчивались тѣмъ, что сторонники бросали его на произволъ судьбы и переходили въ противный лагерь. Не трудно было понять и объяснить причину этого явленія: она заключалась въ коварствѣ и въ необыкновенной жадности Хусаина, обращавшаго военные добычи исключительно въ свою пользу.

Онъ уступилъ свою сестру сыну бѣднаго эмира, съ услов-

віемъ получить, въ видѣ калыма, отложившійся Балхъ, этотъ постоянно возрождавшійся изъ развалинъ фениксъ. За добровольцами, въ ту пору военныхъ набѣговъ и захватовъ, не было остановки, такъ что къ значку Тимура быстро собирались толпы не только молодежи, но и людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Не зная пока цѣли созыва, добровольцы полагали, что имъ предложить напасть на Самаркандъ и отнять его отъ эмира; между тѣмъ, изъ нихъ составили караванъ молельщиковъ, который и направили къ могилѣ св. Еноха. Узнавъ объ этомъ, многіе добровольцы готовы были отказаться отъ хаджа, но ихъ такъ сътно кормили, что не было и повода уклониться отъ богоугоднаго дѣла. Люди говорили, что какой-то богатый купецъ снарядилъ этотъ караванъ, въ воспоминаніе входа Пророка въ Медину, а въ подобныхъ случаяхъ никогда не было недостатка въ паломникахъ.

Въ ту, полную неожиданностей и переворотовъ, эпоху, караваны паломниковъ снаряжались въ путь съ военными предосторожностями. Такъ и теперь, въ хаджъ принимались люди, только хорошо вооруженные и на надежныхъ коняхъ. Продовольствие везли на верблюдахъ. Впереди каравана выступалъ знаменосецъ и хотя онъ сидѣлъ на осликѣ, но ничто не помѣшило бы ему пересѣсть и на ретиваго коня.

Кому быть шейхомъ на время хаджа? Общій выборъ остановился на Тимурѣ, который, не смотря на свою молодость, могъ поспорить въ распорядительности и съ сѣдобородымъ караваньбашемъ. Тимуръ не отказался отъ этой чести. Произведя смотръ каравану, онъ забраковалъ проскользнувшихъ въ него дряхлыхъ, немощныхъ и плохо вооруженныхъ людей. По его словамъ, это путешествіе могли выдержать только свѣжія и здоровыя силы.

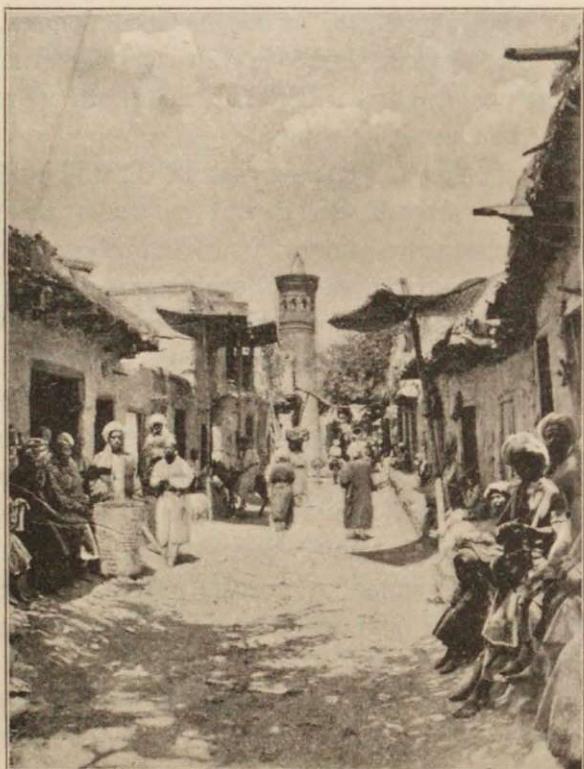
Караванъ вышелъ изъ Кеша, провожаемый благословеніемъ мулль, шейховъ и почтенныхъ горожанъ, просившихъ привезти хотя по кручинкѣ святой земли. Женщины выказали при этомъ особое усердіе, надававъ массу лоскутковъ, чтобы повѣсить ихъ на древко, обычно стоящее у могилы «аулѣ». Богатые люди не поскупились даже и на рога мараловъ, служаще такимъ цѣннымъ даромъ жертвеннаго усердія.

Впереди каравана пошли за нѣсколько дней дервиши, какъ вѣстники важнаго события, при чемъ ихъ пѣснопѣнія были, какъ и всегда, загадочны. Молельщиковъ они называли непобѣдимымъ войскомъ — подразумѣвалось, духовнымъ,—съ мечами вѣры и

щитомъ истины. Первые дни караванъ шелъ медленно, комплектуясь постоянно новыми богомольцами, преимущественно багадурами, нуждавшимися въ заступничествѣ св. Еноха.

Разумѣется было нѣсколько странно, что Тимуръ придалъ каравану, по праву шейха, совершенно военную организацію. Онъ раздѣлилъ его на десятки и сотни, а что касается до маральныхъ роговъ, то онъ оставилъ ихъ у порога первой встрѣчной мечети.

Много сутокъ уже караванъ былъ въ пути, когда наконецъ бывалые люди замѣтили, что ихъ ведутъ въ Балхъ, а вовсе не къ могилѣ св. Еноха. Тогда Тимуръ преобразился въ полководца. Онъ отдалъ каравану приказъ: войдя въ городъ, занять немедленно базаръ и приготовиться къ сраженію. Паломники не протестовали и, отбросивъ тыквы мирныхъ хаджи, перестроились на воинственный ладъ; вместо посоховъ въ рукахъ багадуровъ очутилось оружіе, котораго нашлось достаточно въ навьюченныхъ на верблюдахъ мѣшкахъ съ ячменемъ.

Средне-азіатская улица.

Балхъ оцѣпенѣль.

Его мирные граждане занимались обычными дѣлами, ожидая, что приблизившійся караванъ богомольцевъ, какъ это увѣрили деревни, накупить у нихъ такихъ необходимыхъ въ дорогѣ вещей, какъ посохи изъ Моисеева дерева, гребешки для бороды, четки изъ кукушкиныхъ слезъ, пояса, тыквы.

Караванъ однако вошелъ въ городъ, не распѣвая хвалебнаго гимна Аллаху и не отвѣчая на поклоны почтенныхъ людей. Добродѣтельныя старушки двинулись было съ кувшинами кумыса и съ подаяніями, но встрѣтившись съ грозными физиономіями, онѣ ретировались поспѣшино на крыши своихъ сакель. Подойдя къ караванъ-серою, фальшивые пилигримы сошли съ коней и передали ихъ нукерамъ, сами же построились въ порядокъ, какого вовсе не нужно богомольцамъ. При входахъ въ караванъ-серай, они разставили часовыхъ, не дававшихъ прохода даже людямъ въ зеленыхъ чалмахъ и мюэззину, торопившемуся взойти на минаретъ къ третьему намазу.

Наконецъ граждане Балха поняли, что передъ ними были не путешественники къ гробу св. Еноха, а военные люди съ колчанами и шиками. Вотъ они сняли колчаны, пробуютъ тетивы и кажется готовы броситься на народъ и искрошить его на мелкую лапшу. Такіе примѣры были тогда не рѣдкостью. Народъ осталъ-бенѣль до того, что никто изъ его среды не рѣшился даже броситься въ бѣгство. Правда и въ Балхѣ были военные люди, но они занимались теперь самыми скромными дѣлами: одни изъ нихъ торговали сладкими пирожками, другіе ковали на открытомъ воздухѣ гвозди и уздечки, а лѣнивцы занимались травлею пѣтуховъ....

— «Пришлите вашихъ лучшихъ людей выслушать слово великаго эмира Казгана!» произнесъ Тимуръ, обращаясь къ толпѣ, неожиданно лишившейся способности и ковать гвозди и травить пѣтуховъ. Лучшихъ людей не оказалось на этотъ разъ въ богатомъ и знаменитомъ Балхѣ. По крайней мѣрѣ, на приглашеніе никто не откликнулся и только каждый старался вытолкнуть впередъ своего сосѣда.—«Если у васъ нѣть хорошихъ людей, то значить этотъ караванъ-серай принадлежитъ злымъ и дурнымъ людямъ, а въ такомъ случаѣ я отдамъ его на прокормленіе своему войску...» Только послѣ этой угрозы появились лучшіе люди и даже цѣльми толпами.—«Я, Тимуръ, сынъ Турагая, объявляю

вамъ,» продолжалъ все тотъ же молодой рѣшительный принцепсъ,—«что Балхъ находится отнынѣ въ моей власти. Великій эмирь Казганъ, истинный властитель всего Мавераннагра и несомнѣнныи потомокъ Чингисъ-хана, приказалъ мнѣ привести вашъ городъ къ покорности и выжечь на вашихъ воротахъ его тамгу. Внукъ великаго эмира Казгана будетъ отнынѣ его наибомъ. За то-же, что вы приняли насъ съ низко опущенными взорами, я уменьшу поголовную подать и уведу своихъ людей изъ караванъ-серая. Оцѣните же, какъ слѣдуетъ, это благодѣяніе и уплатите за перенесенные нами труды по трехгодовому баражу съ сакли и по сту дирхемъ съ лавки. Вместо бааровъ мы возьмемъ деньгами. Вы должны выдать намъ все свое оружіе и всѣ военные запасы и идти сейчасъ же въ мечеть и произнести проклятіе тому, кто вадумаетъ возстать противъ насъ. Поторопитесь, чтобы до заката солнца окончить всѣ наши счеты, а иначе вашъ караванъ-серай пойдетъ на жалованье моему войску, а ваши жены и дочери будутъ прислуживать намъ въ качествѣ рабынь. Исполните, что приказалъ вамъ Тимуръ, сынъ Турагая!»

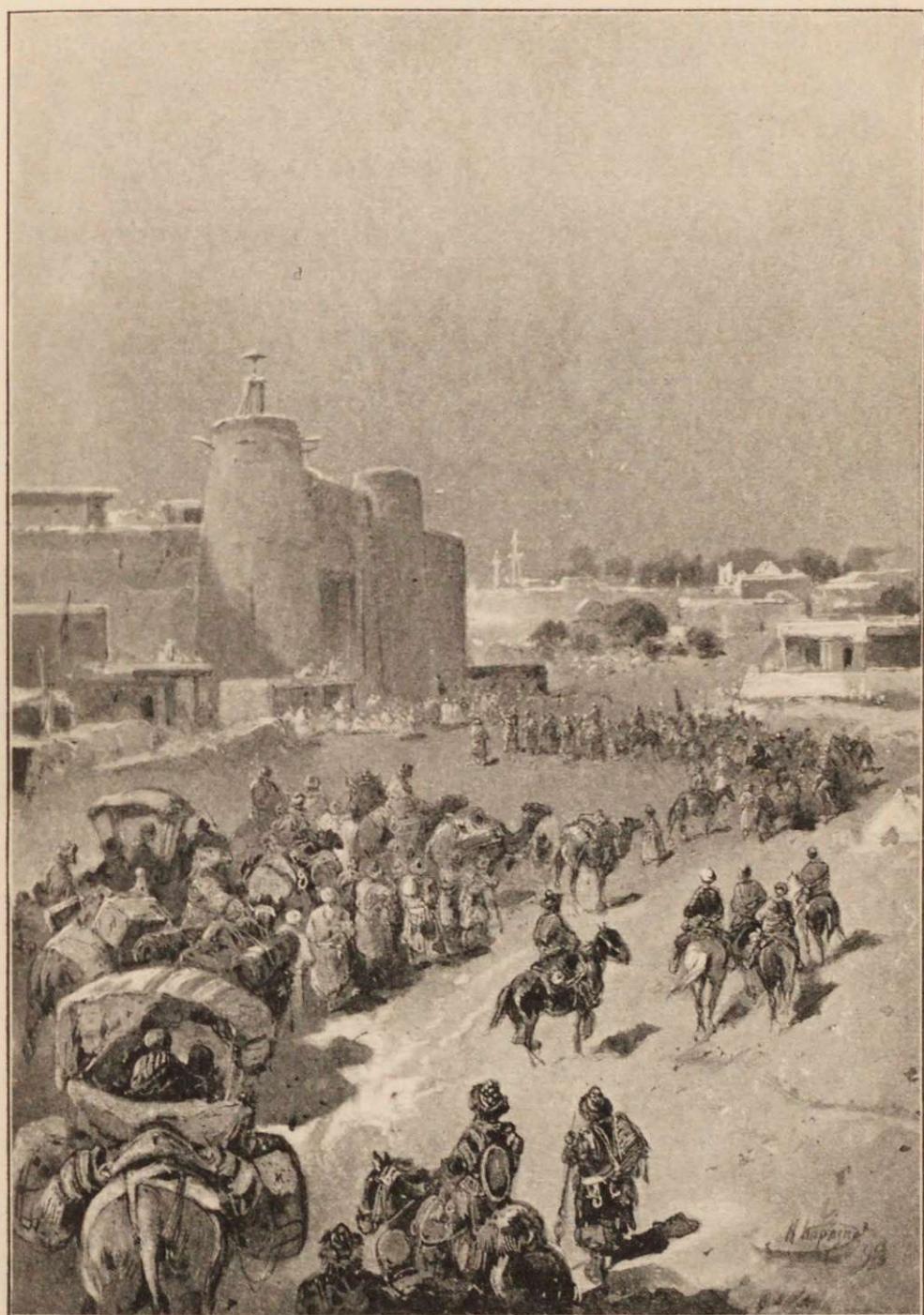
Приказаніе было до того ясно, что не возбуждало никакихъ дипломатическихъ возраженій. Собственники караванъ-серая явились съ благодарностью къ Тимуру за его милости. Они-же и предложили сдѣлку народу: внести побѣдителямъ всю контрибуцію съ тѣмъ, что народъ расплатится съ ними впослѣдствіи, по совѣсти, памятуя, разумѣется, что скучымъ въ адѣ будетъ сильное наказаніе.

Въ назначенный срокъ, мѣшками со слитками китайскаго серебра были у ногъ Тимура. Лично онъ не дотронулся до этой дани и поручилъ своимъ сотеннымъ командирамъ раздѣлить добычу между участниками экспедиціи. При этомъ, однако, нашлись знающіе и справедливые люди, заявившіе, что правовѣрный побѣдитель имѣетъ право на пятую часть всей добычи. Мало того, онъ долженъ взять непремѣнно свою долю, хотя бы для передачи ея на богоугодные предметы, иначе духовенство могло счесть его неправовѣрнымъ. Послѣдній доводъ былъ такъ убѣдителенъ, что дервиши и мечети Кеша получили отъ этого предпріятія хорошую выгоду.

Одинъ жадный Хусаинъ остался недовольнымъ распоряженіями Тимура, считая, что пятая часть контрибуціи принадлежитъ ему, по праву наиба. При томъ Тимуръ вель себя какъ старшій компаньонъ всего дѣла.—«Балхъ, передаю тебѣ, Хусаинъ!» про-

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПЕРВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ТИМУРА.

вогласиль онъ передъ собраніемъ лучшихъ людей и добавилъ тихо:—«На первое время прими мой совѣтъ: окружи себя нашими людьми и не обсчитывай ихъ ни плохою ъдою, ни дурнымъ питьемъ. Оставь на этотъ разъ свою привычку бросать людямъ кости безъ мяса, если не хочешь чтобы люди сдѣлялись неблагодарными собаками.»

Скупость Хусаина была хорошо известна въ Мавераннагрѣ, поэтому неудивительно, что въ числѣ его тѣлохранителей осталось немного багадуровъ. Утромъ Тимуръ выступилъ обратно съ весело ликовавшимъ отрядомъ, которому не было надобности болѣе притворяться караваномъ молельщиковъ. Хусайнъ-же остался править Балхомъ, но увы! съ нимъ повторилась обычнѣя исторія. Онъ правилъ Балхомъ не болѣе двухъ трехъ сутокъ, а затѣмъ принужденъ былъ уйти поспѣшно отъ своихъ подданныхъ, поднявшихъ восстаніе противъ жаднаго наиба.

Въ запасѣ для набѣга остался Гератъ. Много вѣковъ насчитывается уже существованію Герата, но онъ никогда не зналъ сегодня, кто придетъ къ нему завтра за сборомъ съ его стадъ—сороковой головы, а съ виноградниковъ—десятой грозы. Расположившись не то воротами на бойкой проѣзжей дорогѣ, не то станціей для великихъ завоевателей, онъ не осмѣливался оказывать сопротивленіе вторгавшимся къ нему авантюристамъ. Черезъ его ворота прошли и послѣдователи Зороастра и аравитянѣ, которые выгѣсили поклонниковъ огня. Наконецъ поработали здѣсь и монголы. Всѣ эти пришельцы то отдыхали въ Гератѣ, то пробѣгали черезъ него безъ оглядки.

Еще и теперь Гератъ продолжаетъ оставаться въ узлѣ историческихъ событий: Англія, не шутя, дарить его какъ безхозяйную вещь—то Персіи, то Кабулу, лишь бы только онъ не отворилъ ворота Россіи.

Уѣгая изъ Балха, Хусайнъ вспомнилъ, что власть его дѣда распространяется на Туркменію и далѣе, на самыи Гератъ, который, забывая иногда о своемъ подданничествѣ, откармливался на свободѣ, какъ никому не принадлежащей верблюѣ. Можно было привести его и къ порядку, т. е. попользоваться его караванъ-сераемъ, болѣе полнымъ и богатымъ, нежели въ добродѣтельномъ Балхѣ. Часть вольницы, побывавшей въ Балхѣ, вкушивъ прелестъ контрибуціи, согласилась поступить на службу къ Хусаину и повернула коней

за поднятымъ имъ бунчукомъ. Предпріятіе организовывалось отъ имени эмира Казгана.

Тимуръ не пожелаль встать подъ этотъ бунчукъ и отправился къ эмиру не только въ качествѣ родственника, но и въ роли человѣка, имѣющаго за собою огромную военную удачу. Дервиши давно уже оповѣстили по Мавераннагру, что одно появленіе Тимура на улицахъ Балха было достаточно для одержанія имъ полной побѣды.

При появленіи Хусаина, нѣкоторые изъ жителей Герата вспомнили, что они дѣйствительно подданные эмира Казгана и что сороковой баранъ и двадцатая штука маты не введутъ народъ въ разореніе. Память другой половины гератцевъ оказалась слабѣ: они забыли то время, когда подпали подъ власть эмира. При томъ-же, въ Гератѣ сидѣлъ уже второй годъ свой человѣкъ, эмиръ Бакиръ, такъ что Хусаину достался только одинъ кварталъ или одно магале. Герату однако трудно было оставаться спокойнымъ, имѣя Бакира въ урдѣ, а Хусаина въ каравань-сераѣ. Урда вскорѣ потѣсила мирныхъ горожанъ.

— «Извѣщаемъ, что жители Герата приняли насть съ большимъ восторгомъ,» писалъ Хусаинъ Тимуру, послѣ того какъ Бакиръ пригрозилъ повѣсить его на перекладинѣ городскихъ воротъ.—«Распростершись въ дорожной пыли, они не смѣли подняться, пока мы не даровали имъ прощенія. Теперь у насть всего довольно. Своему великому дѣду—да пронесется къ намъ черезъ горы и пустыни его дыханіе—мы посыпаемъ много верблюдовъ съ подарками, а вамъ, другу нашему, вручаемъ стальные доспѣхи, изготовленные знаменитымъ царемъ Давидомъ. Ахъ, какъ Гератъ желалъ бы видѣть васъ въ этой кольчугѣ! Дѣло въ томъ, что на нашей дорогѣ сталъ человѣкъ, который очень мѣшаетъ нашимъ намѣреніямъ. Помогите намъ устраниТЬ этого человѣка и возьмите себѣ въ награду за это дѣло любую область Хоросана. Рѣшитесь,

Туркменъ.
(XIX ст.).

а мы сумѣемъ открыть передъ вами ворота, когда услышимъ звуки вашей военной трубы.»

Дервиши, доставившіе Тимуру это посланіе, объяснили, что Хусайнъ вооружилъ противъ себя весь Гератъ, и ему грозить постыдное изгнаніе. Отъ караванъ-серая онъ не оставилъ гератцамъ и мѣшка съ просомъ и въ тоже время обсчиталъ своихъ соратниковъ и въ ъдѣ, и въ хорошей одеждѣ.

Тимуръ считалъ, что, передавъ Балхъ Хусайну, онъ разсчитался съ нимъ за Аль-Джой и что обѣщанная ему провинція Хоросана будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ за его помощь. Въ успѣшной вербовкѣ соратниковъ не могло быть и сомнѣнія. Теперь не одинъ Кешъ поставлялъ ему свою вольницу, но и Бухара, и Самаркандъ, и Ташкентъ, благодаря дервишамъ, славили уже его имя.

Онъ даже не могъ взять съ собою всю вольницу, заявившую желаніе стать подъ его бунчукъ. Дорога къ Герату пролегала черезъ песчаное море и черезъ степи непривѣтливыхъ туркменскихъ пастуховъ. Послѣднихъ приходилось огорчать на каждомъ шагу, такъ какъ отрядъ Тимура выступилъ, понятно, налегкѣ, безъ запасовъ, съ расчетами на успѣхъ реквизиціи.

Тимуръ ограничился тремя стами всадниковъ. Онъ не считалъ триста первого джигита, которымъ была Аль-Джой, получившая позволеніе вооружиться и служить ему нукеромъ.

Дервиши, такъ хорошо исполнившіе роль шпионовъ, проявили теперь охотно передъ Тимуромъ и таланты военныхъ разведчиковъ. Не смотря на капризы р. Аму, легкомысленно мѣняющей свой фарватеръ и смывающей свои острова, дервиши произвели отличную рекогносцировку. Они указали на близость къ мѣсту переправы большаго поселка осѣдлыхъ таджиковъ.

Въ нѣсколько часовъ картина переправы представляла уже благоустроенный видъ. Отъ поселка остались однѣ разрушенныя стѣны, все же его дерево ушло на устройство плотовъ.

Впрочемъ, существеннымъ подспорьемъ переправы были и плоты изъ камыша. Въ концѣ концовъ, переправа совершилась безъ потерь, что дервиши приписали своему заступничеству передъ небомъ, а Тимуръ—своему умѣнию не теряться въ критическія минуты.

На берегу р. Аму нужно было запастись силами, такъ какъ впереди предстояла путь, исполненный тяжелыхъ лишений. Тимуръ

однако действовалъ по строгому расчету: ему было известно, что впереди, по дорогѣ къ Хоросану, течеть многоводная р. Мургабъ, а следовательно, при умѣніи добывать направо и налево мясо и фуражъ, путь могъ считаться обезпеченнымъ.

Отрядъ его прошелъ всѣ препятствія, такъ что многие изъ его вольницы и дома не Ѵли такъ много вкусныхъ вещей, сколько они истребляли ихъ въ землѣ туркменъ. Послѣдніе злились, но терпѣли. Узнавъ о приближеніи своего друга и родственника съ испытанными бойцами, Хусайнъ подбодрился и рѣшилъ управиться съ врагомъ собственными силами. Быть одинъ изъ тѣхъ мѣсяцевъ, когда Пророкъ воспрещаетъ правовѣрнымъ встѣпать въ сраженія. Въ это время, даже разъяренные враги - мусульмане обязаны сложить оружіе и отдаваться размышленіямъ о суетѣ мѣра.

Придерживаясь этой заповѣди Пророка, Бакиръ спокойно уснулъ въ своемъ лагерѣ, а въ это время Хусайнъ, въ которомъ было больше языческой крови, нежели правовѣрной, бросился съ нѣсколькими, какъ и онъ самъ, вольнодумцами, въ лагерь противника и объявилъ послѣдняго своимъ плѣнникомъ.

Въ это именно время, у воротъ Герата, раздались звуки военной трубы, возвѣстившей прибытіе Тимура. Сторонники Бакира хотя и могли вступить въ бой, такъ какъ Пророкъ разрѣшилъ отражать нападеніе во всякое время, но встрѣтившись съ двойною силою, они предпочли положить оружіе. Герату оставалось признать Хусайна своимъ эмиромъ.—«Братъ мой и другъ,» обратился тогда онъ къ Тимуру,—«я не получалъ отъ васъ никакихъ извѣстий и подумалъ, что черныя стрѣлы злыхъ геніевъ преградили вамъ путь. Положеніе мое дѣжалось съ каждою минутою труднѣе и труднѣе и я, поддержаный единственно помоцью своей звѣзды, побѣдилъ своего врага. Теперь онъ у меня подъ пятою и народъ никого не хочетъ болѣе знать, какъ только меня одного». Хусайнъ отказывался такимъ образомъ вознаградить Тимура обѣщанною провинціею Хоросана.—«Ты и въ колыбели былъ лгуномъ,» выговорилъ неожиданно присутствовавшій при этой бесѣдѣ нукеръ Тимура.—«Ты дѣжалъ видъ, что просишь молока у правой груди своей кормилицы, когда уже готовился искушать ея лѣвую грудь».—Этотъ смѣлый голосъ принадлежалъ Аль-Джой.

Потерявъ надежду на военную добычу, Тимуръ не имѣлъ чѣмъ вознаградить свою вольницу за перенесенные труды. Сконфуженный и, не желая вытаскивать въ пользу своего друга и

брата раскаленные каштаны, онъ скрылся изъ Герата, въ сопровождении только Аль-Джой и одного изъ преданныйшихъ друзей Азисъ-эд-дина, человѣка богатырского сложенія, который, еще сидя и раскачиваясь въ мектебе, видѣлъ въ Тимурѣ своего кумира. Втроемъ, положившись на звѣзды и судьбу, они пустились обратно въ Мавераннагрь.

Въ обратномъ пути имъ пришлось питаться, чѣмъ Богъ послалъ. Къ тому же нукеръ, не смотря на происхожденіе изъ владѣтельного дома, превосходно доилъ коровъ и козъ. Туркменскіе пастухи, тоже искусные мастера по этой части, подолгу любовались ловкостью молодого пажа.

Не смотря на неудачу въ Хоросанѣ, Тимуръ находился въ прекрасномъ расположениі духа. Коварство Хусаина отчасти даже радовало его, такъ какъ оно возвращало ему полную свободу дѣйствий.

Границы Мавераннагра были всего въ нѣсколькохъ дняхъ пути, когда во время отдыха путниковъ, на нихъ внезапно напала толпа туркменъ-пастуховъ и отняла у нихъ оружіе. Потомъ, крѣпкія волосы веревки лишили ихъ всякой возможности сопротивляться.—«Когда вы шли въ Гератъ со многими ворами, то отнимали отъ насть скотъ и считали нашихъ людей за негодную саранчу!» объявилъ Тимуру какой то свирѣпый отецъ пастуховъ.—«Теперь мы взяли верхъ и вы будете разорваны на части дикими лошадьми».—Таковъ былъ страшный приговоръ отца пастуховъ, которому его люди представили связанныхъ плѣнниковъ. Казнь была назначена на какой-то праздникъ, въ видѣ необыкновенно интереснаго и веселаго акта; до дня-же казни, плѣнники были заключены въ глинобитную башню, служившую опорнымъ пунктомъ противъ степныхъ воровъ. Въ башню заключили только Тимура и его нукера, спутникъ же ихъ Азисъ-эд-динъ сумѣлъ исчезнуть безслѣдно.

Ночь была темна, какъ только она бываетъ темна въ Туркмени. Никто не видѣлъ ушей своей лошади. Такому-же сильному человѣку, какъ Азисъ-эд-динъ, ничего не стоило перехватить сторожку горло и двинуть плечомъ дверцу башенки, такъ что она пала вмѣстѣ со своею рамою. Нашлись и лошади....

Тимуръ помнилъ эту услугу всю жизнь и хотя Азисъ-эд-динъ отличался только преданностью и богатырскою грудью, но къ его

услугамъ было впослѣдствіи любое мѣсто во дворцѣ и любое министерство.

Аль-Джой ничего не утаила отъ дѣда. Съ пылкостью хорошаго сердца влюбленной женщины, она освѣтила все коварство своего брата и все величие своего мужа. Эмиръ впрочемъ и самъ зналъ, какъ нужно беречься дружбы его внука. Не разъ онъ подозрѣвалъ Хусаина въ намѣреніи занять его мѣсто, хотя бы путемъ неудачнаго выстрѣла на охотѣ. Результатъ этой авантюры быть тотъ, что Тимуръ выигралъ и во мнѣніи приверженцевъ и во мнѣніи эмира, открывшаго ему и свой дворецъ и свои объятія.

XXXII.

ПЕРЕДЪ ТРОНОМЪ ДЖАГАТАЯ.

(1367 г.).

ыполнивъ съ успѣхомъ еще нѣсколько рискованныхъ военныхъ предприятій, Тимуръ приблизился къ трону Джагатая. Эмиръ Казганъ распоряжался этимъ трономъ уже около пятнадцати лѣтъ, что въ хаосѣ джагатайской сумятицы было чрезвычайно длиннымъ періодомъ властительства. Продолжительность пребыванія его у власти доставляла особенно сильное огорченіе внуку его Хусанну, продолжавшему бросаться, очертя голову, во всевозможныя военные авантюры. Сынъ эмира Абдъ-ул-Лахъ также сторожилъ моментъ смерти отца, чтобы ворваться въвремя въ Самаркандъ и объявить его своею столицею. Тещь эмира — хаканъ дикихъ джетовъ — Тоглукъ присматривалъся къ Мавераннагру, какъ къ будущему улусу его сына Иллѣсъ-Ходжи. На ряду съ ними и Тимуръ — какъ мужъ внучки эмира, — могъ бы тоже, хотя бы во имя пріобрѣтенной имъ популярности, заявить о своихъ правахъ, но онъ былъ слишкомъ сдержанъ, чтобы разоблачать, ранѣе удобнаго времени, свои затаенные планы.

Предавшись на склонъ лѣтъ доблестямъ исключительно мирнаго характера, эмиръ совершилъ вѣрился Тимуру, много разъ доказывавшему ему свою преданность. Тимуръ умѣло лавироваль при этомъ между своею популярностью и заговорщиками, покушавшимися нерѣдко на жизнь эмира. Такъ, по его признанію, вкравшись однажды въ довѣренность заговорщиковъ, онъ предупредилъ эмира о созрѣвшемъ противъ него умыслѣ, но взялъ съ него клятву простить злоумышленниковъ. Заговоръ былъ разоблаченъ, заговорщики прощены и Тимуръ отѣснилъ своею услугою еще далѣе всѣхъ претендентовъ отъ престола джагатаидовъ. Во второй разъ, заговорщики явились уже во дворецъ въ кольчугахъ и съ достаточно острыми ножами. Приготовленія эти опять таки не укрылись отъ Тимура, который, прежде чѣмъ допустить заговорщиковъ къ эмиру, выставилъ имъ угощеніе. Отказъ отъ соли разоблачили-бы ихъ намѣреніе. Когда же они насытились—въ комнату угощенія явился эмиръ и напомнилъ имъ о законѣ соли.—«Вы, только что принявши мою соль, неужели рѣшитесь посягнуть на мою жизнь?»—Нѣтъ, то было-бы не простое убийство, а преступление, съ попраніемъ священнѣйшихъ завѣтовъ правовѣрнаго народа. Пристыженные заговорщики ушли съ поникшими головами, не обагривъ ножи кровью гостепріимнаго хозяина. Однажды, на охотѣ, Тимуръ накинулся съ своими багадурами на подосланныхъ убийцъ и тѣмъ еще разъ спасъ жизнь эмира.

Рядъ подобныхъ услугъ принесъ Тимуру большія выгоды: эмиръ далъ ему, въ знакъ особаго благоволенія, крѣпость Шадманъ и позволилъ ему завоевать отставшія отъ Мавераннагра западныя провинціи съ бывшею столицею Хорезма и сѣсть тамъ его намѣстникомъ. Но Тимуръ былъ слишкомъ прозорливъ, чтобы отойти отъ трона на далекое разстояніе. Приведя Хорезмъ къ повиновенію, онъ возвратился обратно въ Самаркандъ. Здѣсь, дѣйствительно готовился серьезный переворотъ: новый заговоръ былъ уже направленъ къ возведенію на тронъ Абдъ-ул-Лаха, при чѣмъ его сторонники вошли въ тайное соглашеніе съ Тоглукомъ. Но и этотъ заговоръ не укрылся отъ Тимура. Наградою-же за его преданность было завѣщаніе Казгана, которымъ онъ передавалъ ему по смерти весь Мавераннагръ....

Не успѣвъ, а можетъ быть и не пожелавъ, предупредить послѣдній заговоръ, Тимуръ допустилъ нападеніе на эмира, во

время охоты, когда его свита была вооружена только доспехами Нимврода. Заговоромъ руководилъ Кутлукъ, женатый на сестрѣ эмира. Подосланные имъ убийцы осуществили преступный замыселъ, за что онъ, впрочемъ, поплатился жизнюю, такъ какъ народъ изрубилъ его въ куски и выбросилъ ихъ на същеніе шакаламъ.

Тронъ Джагатая остался вакантнымъ. Нѣкоторое время судьбою его распоряжался Абдъ-ул-Лахъ, оказавшійся настолько же нолюбивымъ, что за отказъ супруги хана Баянъ-Кули—раздѣлить его чувства, онъ свергнулъ его и возвель нового хана, оказавшагося сильнымъ алкоголикомъ. Завѣщаніе покойнаго эмира не послужило такимъ образомъ на пользу Тимуру. По смерти эмира, Тоглукъ выдвинулъ изъ своего Могулистана и изъ Джунгаріи толпы всадниковъ недисциплинированныхъ, вооруженныхъ каждый по своему усмотрѣнію, но страшныхъ полною своею необузданностью и готовностью звѣствовать безъ сожалѣнія. Культурный Мавераннагръ не посмѣльказать имъ сопротивленіе и только втайне надѣялся на Тимура, какъ на избавителя отъ тираниіи дикарей....

Считая наступившій моментъ наиболѣе благопріятнымъ для осуществленія завѣтной мечты, Тимуръ поспѣшно собралъ отрядъ вольницы и, заключивъ союзъ съ родовичами берласцами, накинулся на Самаркандъ, въ которомъ и засѣль неограниченнымъ властителемъ. Здѣсь онъ занялся возсозданіемъ Мавераннагра въ прежнихъ его границахъ, подъ одною своею властію. Въ эту эпоху Ходжентъ, Бадахшанъ, Балхъ и Когистанъ имѣли эмировъ, достаточно влюбленныхъ въ своихъ согражданъ, чтобы не передавать ихъ новому повелителю. Трудность сломить противниковъ надоумила Тимура войти съ каждымъ изъ нихъ въ тайное соглашеніе объ изгнаніи недруговъ соединенными силами, съ цѣлью раздѣлить полюбовно ихъ владѣнія. Тогда, по всему Мавераннагру, открылись междоусобія: родство и дружба перестали существовать и увы!—«всѣ поля чести были засѣяны одною лишь враждою!»—Трудно предвидѣть кому изъ враждавшихъ достался-бы тронъ Джагатая, какъ вдругъ всѣ правители, не исключая и Тимура, получили краткій, но рѣшительный приказъ.—«Я, Тоглукъ хаканъ, сынъ хакана, приказываю тебѣ со всѣмъ народомъ и войскомъ присоединиться ко мнѣ!».—Лично Тоглукъ довольствовался-бы необъятнымъ горизонтомъ своихъ степей, привольемъ гоняться за быстроногими джайранами и лучшею въ мірѣ соколи-

ною охотою, но ему не даваль покоя сынъ его Иліасъ-Ходжа. Молодому человѣку очень хотѣлось пожить въ зарѣчномъ царствѣ, откуда шли вѣсти, какъ о странѣ природной благодати и созданной человѣкомъ роскоши.

Грозный приказъ хакана былъ подкрѣпленъ толпами вторгнувшихся въ Мавераннагръ джетовъ, устрашавшихъ, одною своею наружностью, чопорныхъ горожанъ. При видѣ ихъ дубинъ, славившихся неотразимостью ударовъ, Мавераннагръ пришелъ въ ужасъ: населеніе его обратилось въ повальное бѣгство, санды и улемы бросили мечети и медресе и попрятались въ камышахъ, торговцы зарыли въ землю товары и ушли въ пески, гаремы разстроились. Всѣ девушки были поспѣшно отправлены въ горы, потаенный убѣжище.

Самозванные властелины Мавераннагра не торопились, разумѣется, разстаться съ привольною жизнью маленькихъ деспотовъ. Но ихъ войска изчезали какъ песокъ подъ вѣтромъ и рѣдкай изъ нихъ сохранились за собою сколько нибудь значительную дружину. Одинъ только Хусайнъ, поднявши знамя за все наслѣдіе дѣда, имѣлъ иѣкоторый успѣхъ, такъ что возлѣ него образовалась значительная армія сопротивленія.

Тимуру было въ это время уже тридцать два года. Ему, продолжавшему мечтать объ обширныхъ завоеваніяхъ, представлялось не разсчетливымъ вступать въ борьбу съ могущественнымъ Тоглукомъ. Къ тому же, его духовный наставникъ вновь напомнилъ ему объ изрѣченіи халифа Али, премудро объяснившаго своимъ послѣдователямъ, что въ томъ случаѣ, когда Аллахъ береть въ свои руки лукъ и стрѣлы, несчастнымъ смертнымъ одно убѣжище—это за спиной Аллаха. Такъ и поступилъ Тимуръ. На время, когда Тоглукъ былъ страшенъ, онъ заявилъ себѣ преданнымъ ему слугою. Получивъ вторую призывную грамоту, онъ разослалъ во всѣ стороны гонцовъ съ предложеніемъ прислать ему подарки, для поднесенія ихъ хакану джетовъ. Никто не отказался отъ этой складчины, такъ что Тимуръ двинулся навстрѣчу Тоглуку не съ пустыми руками. Въ числѣ собранныхъ даровъ былъ и женскій полъ, частью не успѣвшій попасть въ гаремы, частью считавшій для себя безразличнымъ служить рабынями таджиковъ или джетовъ.

Тимуръ разсчитывалъ встрѣтиться съ Тоглукомъ возлѣ Ходжента, но авангарды джетовъ вышли далеко впередъ, а въ числѣ

ихъ начальниковъ не оказалось ни одного, который не считалъ бы за собою права на подарокъ. Поэтому запасы Тимура значительно уменьшились, когда онъ представалъ передъ хаканомъ.—«Прости меня, царь царей, за убогость даровъ моихъ», повель Тимуръ свою рѣчъ, не безъ обдуманной хитрости.—«Твои начальники взяли у меня все, что было лучшаго. Съ опасностью жизни, я скрылъ отъ нихъ вотъ этихъ коней, которыми ты и безъ нась богатъ, этихъ дѣвицъ—лучшихъ перловъ нашей жизни—и эти ковры, которыми да будутъ устланы всѣ пути твоихъ побѣдъ. Мы обѣдили, хаканъ, потому что въ нашемъ домѣ были слишкомъ часты пожары, а до твоего прихода некому было гасить ихъ».—Оболыщенный этою рѣчью смиренія и преданности, хаканъ вздумалъ было показать справедливость и величие: онъ распорядился, чтобы его военноначальники возвратили все ими награбленное. Тимура же онъ приблизилъ къ себѣ съ довѣрчивостью, характеризовавшею безстрашнаго рыцаря степей.

Распоряженіе возвратить награбленное сильно возмутило военноначальниковъ джетовъ. Они, не знакомые съ дисциплиною, не признававшіе никакой власти, взбунтовались и вмѣстѣ со своими всадниками повернули коней обратно въ степи. Тамъ и кумысь быть слапце и не было надобности выставлять сторожевые пикеты и стоять на стражѣ у шатра начальника. Дремать-же на коврѣ или на войлокѣ—это безразлично.

Въ степяхъ они распустили слухъ, что хаканъ, присвоивъ себѣ подарки Мавераннагра, не позволяетъ людямъ кормиться на счетъ покоренныхъ странъ. Чѣмъ-же тогда содержать себя и коня? Что же достанется въ такомъ случаѣ женамъ и дѣтямъ?

Джеты пришли въ волненіе. Вскорѣ Тоглукъ получилъ даже извѣстіе, что народное собраніе лишило его царской власти, и что на мѣсто его явились уже новые беспомѣстные чингисиды. Опасаясь распространенія восстанія, онъ отмѣнилъ справедливость и предоставилъ въ кормленіе своимъ гарнизонамъ общирные раіоны, послѣ чего—по совѣту Тимура—онъ возвратился успокаивать взволнованную степь.

Хусайнъ, слѣдившій издали за ходомъ событий, счелъ это, тяжелое для Тоглука, время наиболѣе удобнымъ для поднятія противъ него восстанія. Побѣдитель джетовъ бытъ бы хорошимъ кандидатомъ на тронъ Джагатая, хотя бы передъ нимъ стояль Тимуръ со всѣми державшими его сторону потомками Пророка.

Разгадавший однако эту диверсию Тимуръ подкупилъ главнокомандующаго Хусаина. Благодаря его измѣнѣ, Хусаинъ потерпѣлъ сильное пораженіе въ битвѣ съ джетами, догадываясь, разумѣется, чья искусная рука привела его въ засаду.

Уходи въ степь для поправки своихъ дѣлъ, Тоглукъ на мѣревался оставить Тимура намѣстникомъ, но передъ уходомъ изъ Мавераннагра измѣнилъ это намѣреніе и оставилъ намѣстникомъ своего сына Иліасъ-Ходжу. Тимуру осталось довольствоваться ролью визиря. Иліасъ-Ходжа увидѣлъ свѣтъ на степномъ привольѣ, гдѣ и дѣтямъ богатыхъ отцовъ преподавали только искусство—перегонять быстроногихъ ланей, захлестывать арапниковъ грузныхъ на подъемъ фазановъ, устраивать засады на тигровъ и добывать мѣткими стрѣлами лисы хвосты на шапки. Выше этого горизонта джеты никогда не поднимались, но всегда гордились тѣмъ, что родъ ихъ идетъ не отъ простыхъ людей, а отъ сожительства волшебницъ съ демонами. Установившись на этомъ происхожденіи, они презирали всѣхъ сосѣдей, которые не могли похвалиться такими знатными предками.

При этой простотѣ воспитанія, Иліасъ-Ходжа не могъ вникнуть въ трудную и сложную науку управления государствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мавераннагръ прельщалъ его настолько, что ему не хотѣлось возвращаться въ юрту съ дымнымъ очагомъ и съ коротеньkimъ спискомъ наслажденій.

Оставляя Иліасъ-Ходжу намѣстникомъ, Тоглукъ оставилъ за нимъ и командование войсками, такъ что визирю оставалось снабжать его только хорошими совѣтами и обильными сборами податей. Такія отношенія не могли длиться безъ скачковъ и шероховатостей, особенно, когда простой умъ степняка подсказывалъ, что визирь старается уронить его въ глазахъ народа и сдѣлать самое имя джетовъ ненавистнымъ. Ненависть эта проявлялась со стороны таджиковъ повсюду и при всякомъ житеискомъ столкновеніи. Особенно-же рельефно она обнаруживалась на базарахъ, на водопояхъ, при похоронахъ и во время общественныхъ празднествъ. Джеты не смѣли выходить изъ саклей безъ оружія, какъ не смѣли заглядывать въ темныя аллеи виноградниковъ, гдѣ можно было подозрѣвать присутствіе женщины...

Окружавшіе Иліасъ-Ходжу политики не могли ничего придумать для улаженія этихъ отношеній, какъ только прибѣгнуть къ системѣ устрашенія. Она же заключалась въ томъ, что число

тиоремъ было доведено въ каждомъ городѣ до числа мечетей, а политическое гоненіе обратилось въ ремесло побѣдителей.

Вскрѣ «зинданы»—бутылкообразныя ямы—быстро населились фалангами, скорпіонами, черными пауками, а затѣмъ уже политическими противниками джетовъ. Не смотря однако на обиліе тюремъ, ожесточеніе народа не ослабѣвало и даже разгоралось сильнѣе, чѣму способствовали поступки вторгнувшихся дикарей. Въ одну несчастную ночь, Самаркандъ лишился четырехсотъ дѣвушекъ, выхваченныхъ изъ семействъ и уведенныхъ въ гарнизонный лагерь. Но не успѣль улечься въ народной средѣ ужасъ отъ этого события, какъ разнеслась вѣсть будто-бы Иліасъ-Ходжа, убѣдившись, что духовенство возбуждаетъ страну къ восстанію, посягнуль на свободу всѣхъ потомковъ Пророка и спустиль въ свои ямы семьдесятъ престарѣлыхъ саидовъ. Вѣсть эта вскорѣ подтвердилаась и привела правовѣрный міръ въ величайшее смущеніе. Изъ зиндановъ никто еще не выходилъ на свѣтъ живымъ; арестованныхъ-же саидовъ предполагалось задушить дымомъ тлѣющаго навоза...

Теперь Тимуру предстояла дилемма: взяться за оружіе противъ Иліасъ-Хаджи, или, утративъ всякое уваженіе соотечественниковъ, опуститься до положенія презрѣнной собаки. Не смотря на царившій терроръ, самарканцы образовали большую сходку и явились къ нему съ адресомъ и возваніемъ, какъ къ прирожденному защитнику ислама.—«Слѣдяя поведенію и примеру законныхъ халифовъ»—значилось въ адресѣ уважаемыхъ людей Мавераннагра—«мы, духовенство, воины и народъ... обѣщаемъ передъ тобою, полярною звѣздою могущества, не щадить своего состоянія и своей жизни на то, чтобы истребить, изгнать, побѣдить и уничтожить джетовъ, этихъ ненавистныхъ прѣтензітелей, простершихъ свои жадные руки не только на имущество, но и на самую честь и законы мусульманъ. Пусть нарушившіе эту клятву потеряютъ покровительство Аллаха и подпадутъ подъ власть шайтана».

Предпочитая рискнуть жизнью, нежели утратить популярность, Тимуръ объявилъ о своемъ согласіи разорвать связь съ Иліасъ-Ходжей и выступить въ защиту саидовъ. Самаркандъ восторженно привѣтствовалъ его рѣшимость и выставилъ столько вооруженного народа, что джеты, бросивъ всѣ тюрьмы безъ охраны, ретировались въ урду. Саиды вышли на свѣтъ не-

вредимыми. Никогда еще самарканцы не возглашали такъ дружно и сердечно—«Аллахъ - экбартъ!» какъ въ минуты появления ихъ изъ мрачныхъ зиевановъ.

Въ то-же время тысячи благословеній послужили ореоломъ Тимуру, выступившему такимъ образомъ на путь открытаго восстания. Отсиживаясь въ урдѣ, Илласъ-Ходжа выпросилъ у отца позволеніе убить его, на что Тоглукъ отвѣтилъ присылкою опытныхъ убийцъ, но планъ этотъ не удался, такъ какъ жертва ихъ ускользнула вѣремя изъ Самарканда. Для борьбы съ джетами необходима была большая военная сила, которую не только Самаркань, но и весь Мавераннагръ не могъ еще выставить безъ упорного и систематического подготовленія.

Прежде нежели рѣшиться въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ на какую нибудь мѣру, Тимуръ приѣгнулъ къ помощи своего духовнаго наставника, а этотъ посовѣтывалъ ему бѣжать немедленно изъ Мавераннагра. Куда бѣжать?—Раскрывъ коранъ Тимуръ прочелъ: «солнце течетъ къ назначенному мѣсту».—Гдѣ-же это мѣсто?—Духовный отецъ указывалъ на западъ, на Хорезмъ, какъ на надежное прибѣжище всѣхъ изгнаниковъ ср. Азіи. Бѣствомъ-же нужно было торопиться, такъ какъ Тоглукъ, усмирившъ свои дикия степи, спѣшилъ уже на помощь сыну съ цѣлою ордою всадниковъ, стремившихся загладить оплошность войскъ Илласъ-Ходжи.

Оставляя Мавераннагръ, но небросая намѣренія войти въ него вновь въ качествѣ побѣдителя, Тимуръ увлекъ за собою небольшую толпу приверженцевъ и разбилъ свой шатерь на берегу р. Аму. Здѣсь онъ ожидалъ отвѣтныхъ посланцевъ на свои приглашенія войти съ нимъ въ союзъ, для изгнанія джетовъ. Услія его увѣнчались только на половину успѣхомъ, такъ какъ эмиръ Хорезма отказался отъ союза и даже распорядился арестовать его и только Хусайнъ пошелъ на мировую и обѣщалъ ему свою помощь.

Однако новый союзъ Хусайна и Тимура не упрочилъ положенія послѣдняго: джеты преслѣдовали его по пятамъ и совершенно разбѣли его отрядъ, уменьшившійся до шестидесяти всадниковъ. Битва окончилась тѣмъ, что Тимуръ бѣжалъ съ несколькими джигитами, не забывъ впрочемъ убить у своихъ противниковъ, если вѣрить его запискамъ, около тысячи человѣкъ. Очутившись въ Туркмени, бѣглецы попали въ новую опасность: турк-

мены, изъ желанія сдѣлать приятное Хорезму, посадили ихъ въ тюрьму, гдѣ они и провели пятьдесятъ мучительныхъ сутокъ. Освобожденіе изъ этой тюрьмы Тимуръ приписываетъ исключительно своей храбрости и находчивости.

Джеты продолжали безумствовать въ Мавераннагрѣ, такъ что человѣкъ съ достаточнouю популярностью и сильною волею не могъ бы ощутить недостатка въ людяхъ, готовыхъ выступить противъ притѣснителей. Поэтому и Тимуръ, вслѣдъ за самыми критическими положеніями, выступалъ еще не разъ на благодарное поприще освободителя родины, со многими тысячами приверженцевъ.

Спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ туркменской ямы, его можно было видѣть опять, во главѣ многочисленнаго отряда, въ Систанѣ, представлявшемъ въ ту пору крупный интересъ предпримчивому человѣку. При осадѣ одной изъ крѣпостей Систана, непріятельская стрѣла, ранивъ его въ руку, впилась ему въ бедро; нужно думать, что съ этого именно времени онъ началъ хромать и пріобрѣлъ мало по малу прозвище—«ленга», а по русскимъ лѣтописямъ—«хромца».

Систанъ былъ разграбленъ. Уплативъ этимъ способомъ жалованье приверженцамъ, Тимуръ быстро умножилъ ихъ толпу. Отовсюду шли уже къ нему отряды недовольныхъ, такъ что мысль о нападеніи на Самаркандъ и объ изгнаніи изъ страны джетовъ нисколько не была безумною. Ради достиженія этой цѣли, онъ возобновилъ еще разъ союзъ съ Хусаиномъ, но не довѣряя другъ другу, они оставили командование войсками каждый за собою. Идея изгнанія джетовъ ласкала не только Мавераннагрь, но и всѣ культурныя страны ср. Азии. Вскорѣ гарнизоны джетовъ двинулись со всѣхъ сторонъ противъ соединенныхъ отрядовъ Тимура и Хусаина. Силы враждовавшихъ сторонъ оказались неравными: джеты шли въ числѣ тридцати тысячъ всадниковъ съ несмѣтнымъ резервомъ за р. Сыръ, между тѣмъ у Тимура и Хусаина было пока не болѣе шести тысячъ и то скорѣе поселянъ, нежели воиновъ.

Тимуръ понималъ, что одинъ видъ тридцати тысячъ смѣлыхъ атлетовъ наведетъ панический страхъ на его маленькую армию. Не доводя поэтому дѣло до встречи, онъ поднялъ свой лагерь и ретировался передъ непріятелемъ, который, совершивъ переходъ по голодной степи, былъ очень утомленъ и предпочелъ отдохъ по-

гонѣ за уходившимъ врагомъ. Отойдя однако два—три фарсанга, Тимуръ быстро повернулъ фронтъ обратно и нанесъ безопасно отдыхавшему непріятелю чувствительное пораженіе. Охватившая по этому поводу таджиковъ радость усилилась еще извѣстіемъ о внезапной смерти Тоглуга!

Теперь города и крѣпости поняли, что джеты далеко не такъ храбры и могущественны, чтобы нельзя было защитить отъ нихъ гаремы и виноградники. Начались возмездія: тайные убийства сдѣлались обычнымъ явленіемъ, а крѣпостные ворота отворялись какъ-то сами собою, при одномъ звукѣ военной трубы того или другого избавителя.

Тимуръ засѣлъ въ Кешѣ, гдѣ свободно набралъ дружину въ тысячу человѣкъ, съ которою и вошелъ въ Самаркандъ, а отсюда развилъ и далѣе свои операции. Появляясь неуловимымъ партизаномъ то въ Кандагарѣ, то на берегахъ р. Аму, онъ, повсюду, поддерживаемый жителями, доводилъ гарнизоны джетовъ до того, что, при его приближеніи, они выкрикивали: «аль-амань! аль-амань!»—Тамъ же, гдѣ силы было недостаточно, онъ искусно завлекалъ непріятеля въ западни и хитрости, доходившія до того, что всадники его привязывали къ лошадямъ пучки хвороста, чтобы напугать непріятеля тучею пыли. . . .

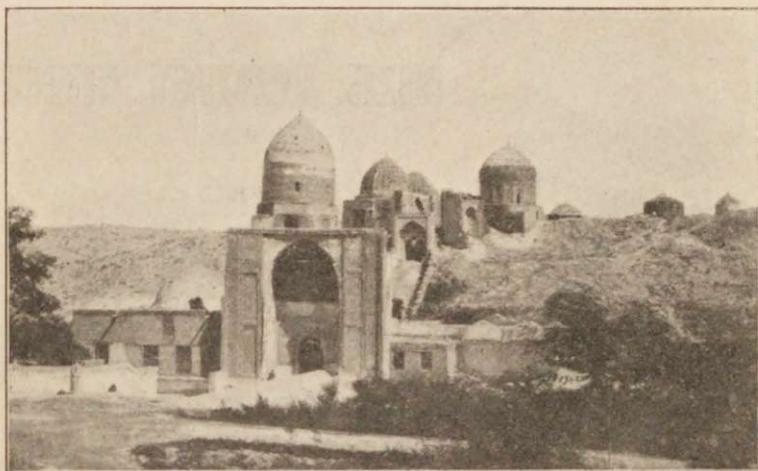
Иліасъ-Ходжа, неся въ этой партизанской войнѣ рядъ поражений, уже подумывалъ уйти въ свои степи, гдѣ соперники открыто вырывали изъ его рукъ вѣлокъ власти. Наконецъ, еще одно выигранное сраженіе и—Мавераннагръ освободился-бы отъ тиранніи дикарей! Но Хусайнъ вновь показалъ себя съ лицевой стороны и, не вступая въ бой, занялся подсчетомъ добычи, отнятой у джетовъ. Войска союзниковъ вновь раздѣлились и не разъ превращались еще въ ожесточенныхъ враговъ. Города и крѣпости переходили, въ теченіе двухъ - трехъ лѣтъ, изъ рукъ въ руки, пока Хусайнъ не оттолкнуль отъ себя всѣхъ приверженцевъ. . . .

На джетовъ продолжали между тѣмъ сыпаться удары и за оскорблениія женщинъ, и за насилия при сборѣ податей и за издѣвательство надъ вѣрою Пророка. Избиваемые изъ-за угловъ, на водопояхъ, на дорогахъ и площадяхъ, они очень обрадовались, когда получили наконецъ приказъ, отъ ушедшаго въ степь Иліасъ-Ходжи, оставить все зарѣчное царство и возвратиться на сѣверъ.

Тимуръ, однако, сознался впослѣдствіи, что приказы были

разосланы по его приказанию, съ подложными подписями и печатями.....

По возвращеніи въ степь, Иліасъ-Ходжа быль вскорѣ убитъ однимъ изъ претендентовъ на наслѣдство Тоглука, такъ что передъ трономъ Джагатая остались только два соперника — Тимуръ и Хусаинъ. Изъ нихъ народъ благословилъ одного—Тимура. Ему было въ эту пору тридцать девять лѣтъ.

Шахъ-Зинда.
Остатки древняго монументальнаго сооруженія
(въ Самаркандѣ).

XXXIII.

ГИБЕЛЬ ПОСЛДНЯГО СОПЕРНИКА.

(1368 г.).

нархія разслабленного зарбчнаго царства помогала долгое время джетамъ, стоявшимъ, по умственному развитию и природнымъ склонностямъ, ниже всѣхъ монгольскихъ племенъ, управлять его населениемъ исключительно насилиемъ и свирѣпостью. Ножи, дубины и веревки были столбами ихъ мудрости, а захваты женщинъ, коней и одежды—конечною цѣлью военной удачи. Задыхаясь подъ ихъ управлениемъ, таджики взывали, при каждомъ намазѣ къ Аллаху и его Пророку, о ниспосланіи имъ избавителя отъ этихъ злыхъ нечестивцевъ.—«Если джетъ увидить самого Мухаммеда, простертымъ на молитвѣ, то не затруднится бросить ему камнемъ въ затылокъ».—Такъ говорили таджики, приравнивавшіе джетовъ къ исчадіямъ ада.

Поэтому изгнаніе джетовъ можно сравнить только съ освобожденiemъ погребенного въ летаргіи человѣка изъ-подъ тяжелой плиты. Плита была сброшена и изъ подъ нея немедленно пробудилась жизнь со всѣмъ ея спросомъ и предложеніемъ и со всѣми ея красками и цветами. Правовѣрные могли-бы предаться еще разъ подобной радости, только при получениіи съ седьмого неба новаго списка корана, воспроизведенаго рукою самого Пророка.

Дервиши, быстро распространившіе вѣсть объ изгнаніи джетовъ, принялись славить повсюду Тимура.—«Если въ человѣческомъ ухѣ можетъ помѣститься слово Тимуръ»—распѣвали они на

базарахъ и кладбищахъ,—«то знайте, что нашего избавителя зовутъ Тимуромъ». Оставивъ текие и календарь-хане, они разсѣялись по всей странѣ, оповѣщаая, что джеты ушли въ свое отечество—въ пасть дьявола, и, по повелѣнію Аллаха, пасть эта закрылась за ними навсегда. Проходя даже мимо ямы или берлоги съ запахомъ шакала, они не пропускали случая воскликнуть: «благословляйте имя Тимура!»

Въ память освобожденія отъ джетовъ, правовѣрные пожертвовали цѣлья стада верблюдовъ и барановъ бѣднымъ людямъ, съ тѣмъ, чтобы они копали колодези въ пустыняхъ и садили возлѣ нихъ густолиственный таль. Эти водоемы получили тогда название «Тимуръ-су», или Тимуровой воды.

Матери новорожденныхъ сыновей забыли всѣ имена, кроме Тимура, такъ что изъ новорожденныхъ Тимуровъ можно было составить цѣлье тумени всадниковъ. Малотки эти обѣщали сдѣлаться въ свое время барадурами, эмирами, а при счастьѣ заняться захватомъ, въ какомъ нибудь торговомъ городѣ, воротъ, стѣнъ и урды. Предпріимчивые люди могли тогда добыть себѣ многое въ истерзанной Трансоксаніи.

Тюремные клоповники Мавераннагра опустѣли. Всѣ заключенные были выпущены на волю, безъ разбора ихъ преступленій. Каждый посаженный туда джетами считался невинно пострадавшимъ; многие ставили потомъ себѣ въ заслугу побывку въ тюремной ямѣ. Даже воръ, съ отрубленою кистью лѣвой руки, показывалъ на нее правою и объявлялъ трагическимъ тономъ: «джеты!»

Пустынники оставили свои пещеры и пришли въ нелюбимые ими города, чтобы присоединиться къ общей радости. Горожане приняли съ восторгомъ посѣщеніе святыхъ мужей; наиболѣе-же вѣрующіе, удостоившіеся ихъ спасительного дыханія, давали зарокъ не мыться всю жизнь, чтобы не отлетѣла отъ нихъ святая благость. На вопросы-же пустынниковъ: «за кого они должны молиться?—«За Тимура!» отвѣчала вся страна.

Пиръ ордена Накибенди собралъ въ эти дни столько подаяній, что могъ выстроить новый обширный пріютъ для странствующихъ дервишей. Онъ извѣстенъ и нынѣ подъ названіемъ «календарь-Тимуръ».

Саиды принесли Тимуру тюрбанъ, свитый изъ ткани, пролежавшей много дней на гробѣ ихъ великаго предка. Подарокъ этотъ превзошелъ, по его духовному значенію, даже цѣнность

сабли, которою Кешъ украсиль воинственный стань своего гражданина. Астрологи, смотрящіе только на небо, не остались въ чествованіи Тимура позади купцовъ, смотрящихъ только въ землю и въ свои копельки. Они нашли, что его судьба находилась подъ влияніемъ звѣзды «Джадды», а это указывало на его совершенство, долгую жизнь, славу, могущество и на предстоявшее владычество надъ всѣми семью климатами земли!

Воспринуло и творчество. Поэты не замедлили наполнить восторгомъ людскія сердца. Вспоминая при этомъ случаѣ подвиги Искандера-Двурогаго, они спрашивали, довольно пренебрежительно: велико-ли однако значеніе мертваго передъ живымъ? Даже съ богатыремъ Рустемомъ они обошлись на этотъ разъ безъ подобострастія, находя, что дивы, которыхъ онъ поражалъ своимъ мечемъ, не могли выдержать сравненія съ джетами.

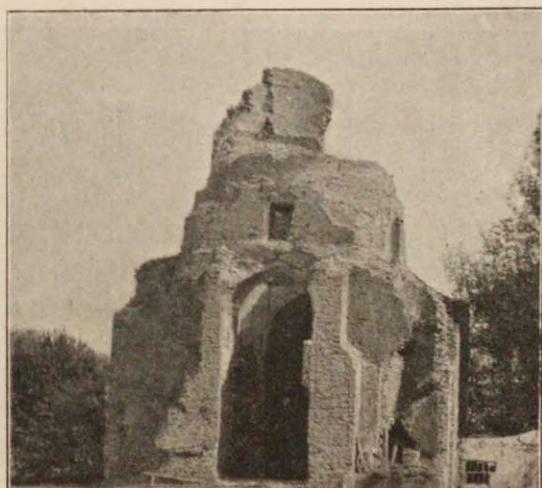
Музыканты изобрѣли въ честь Тимура трубу, изъ которой вылетали потрясательные звуки. Она служила впослѣдствіи парламентерамъ Тимура, когда онъ требовалъ передъ воротами осажденныхъ крѣпостей—дани и покорности.

Вообще Мавераннагръ обратился въ обширную гостинницу, въ которой предлагали пилавъ и мутаки каждому багадуру, приложившему стараніе къ изгнанію джетовъ. Старухи, перешедшія уже за предѣлы вѣрности своимъ повелителямъ, не брезгали бесѣдовать съ женщинами, которыхъ въ другое время онѣ осудили бы на избіеніе сухимъ кизякомъ. Суды пересмѣивались съ завѣдомыми ворами. Муллы, покинувъ свою важность, отворяли двери мечетей для дружественныхъ пиршествъ. Улемы, отклонившись отъ семи климатовъ и отъ халдейской мудрости, занялись геральдическимъ деревомъ побѣдителя джетовъ. Архитекторы, инженеры и инспекторы оросительныхъ канавъ выступили въ честь его съ новыми мостами, водораздѣлами и водоемами. Даже уличные ребятишки изобрѣли новую игру въ джетовъ и ихъ побѣдителя.

Такой взрывъ популярности пролагалъ Тимуру путь къ трону Джагатая. По его собственному признанію, мысль о захватѣ власти волновала его еще въ эпоху ранняго юношества и онъ всегда останавливался съ размышеніями надъ пѣсенями корана, отвѣчавшими его душевному настроенію. Правда, нерѣдко одна пѣснь противорѣчила другой, но теперь, передъ нимъ, точно сами собою открывались страницы книги Пророка, обѣщавшія ему удачу и

мощную поддержку. Къ тому-же, одинъ изъ его совѣтниковъ увѣръялъ—опять таки по его признанію—что «никакое предприятіе не трудно для того, кто соединяетъ мудрость плановъ съ терпѣніемъ, твердостью, энергіей, осмотрительностью и мужествомъ».—Въ числѣ дервишей нашелся настолько достойный человѣкъ, что Аллахъ повелѣлъ ему сказать Тимуру:—«Помни, о Тимуръ, что если-бы на небесахъ было два Бога, то вселенная пришла-бы въ беспорядочное состояніе!—Наконецъ гаданіе по корану открывало ему нѣсколько разъ одинъ и тотъ-же знаменательный стихъ:—«Мы сдѣляемъ тебя своимъ намѣстникомъ на землѣ».

Повидимому, все небесное и земное вело Тимура къ трону Джагатая, но не даромъ сказано и въ книгѣ Пророка: «не ходи на землѣ надменно, ибо ты не въ силахъ разрубить ее на двѣ части, какъ не въ силахъ поднять долины къ вершинамъ горъ»! Счастливое настроеніе Тимура было омрачено на нѣкоторое время смертью его жены Аль-Джой и духовного наставника Шамсутдина. Взамѣнъ этого совѣтника, ушедшаго къ Аллаху свидѣтельствовать о дѣлахъ земного міра, Тимуръ избралъ благочестиваго и обладавшаго даромъ ясновидѣнія Миръ-Саида-Берке. Этотъ новый ходатай за него передъ Аллахомъ пріобрѣлъ потомъ, съ течениемъ времени, величайшее его уваженіе и даже вызывалъ его на сооруженіе общаго для обоихъ надгробнаго мавзолея. Благодаря его мудрости, Тимуръ освѣщалъ весь свой дальнѣйший жизненный путь,

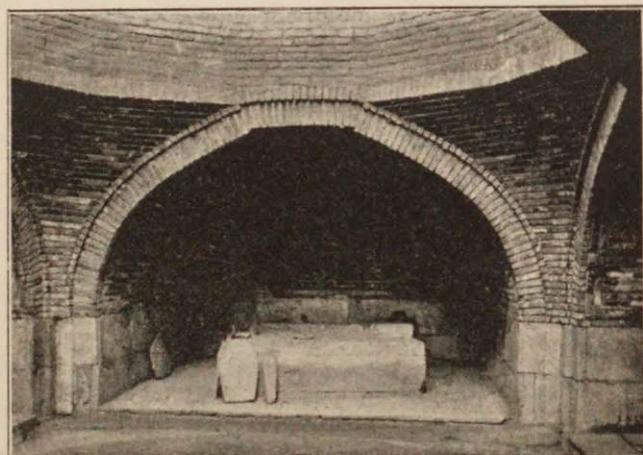
Остатки мавзолея на могилѣ Биби-ханымъ.
(Въ Самаркандѣ).

дерка въ одной рукѣ свѣчу справедливости, а въ другой свѣчу безпристрастія.

Что касается Аль-Джой, то гаремъ Тимура, обогатившійся, послѣ ея смерти, образцами женской красоты—Грузіи, Персіи и Индіи, не могъ уже наполнить пустоту его сердца. Одна только Биби - ханымъ залечила его страданія и удостоилась послѣ смерти величественаго мавзолея.

Послѣ ея смерти рушились послѣдніе остатки родственныхъ отношеній между Тимуромъ и Хусаиномъ. Оба они очутились передъ трономъ Джагатая во всеоружії своихъ партій и личной другъ противъ друга злобы. Хусаинъ заявилъ, что онъ, какъ истинный чингисидъ, подчинится только хану, избранному курилтаемъ. Яса-Намэ не было отмѣнено въ улусѣ Джагатая, а по его велѣніямъ похитители власти подлежали смертной казни. Тимуръ, тоже претендовавшій на единство крови съ Чингисъ-ханомъ, также согласился созвать курилтай изъ представителей всей джагатайской земли.

Въ одномъ изъ текіе, онъ свѣль дружбу съ несомнѣннымъ чингисидомъ Кабуль-шахомъ. То былъ молодой, болѣзnenный, нафанатизированный дервишъ, которому пиръ представлялся авторитетомъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни. Не смотря на свое высокое происхожденіе, онъ собираль, наравнѣ съ сочленами ордена, подаянія и наравнѣ съ ними не снималъ отрепья

Склепъ Биби-ханымъ.

до полнаго истлѣнія. Положеніе дервиша вполнѣ удовлетворяло его житейскимъ требованіямъ.

Вглядѣвшись пристальнѣе въ Кабуль-шаха, Тимуръ рѣшилъ, что сама судьба посыаетъ ему этого чахоточнаго, въ роли временнаго замѣстителя, кандидата въ премники джагатаидовъ. Мысль свою онъ открылъ пиру, а этотъ взялся приготовить дервиша къ не свойственной ему роли.

Курилтай состоялся при очень скромной обстановкѣ. Въ одномъ изъ загородныхъ садовъ, ночью, при свѣтѣ жировниковъ, собрались десятки горожанъ и багадуровъ, сотни дервишей и саидовъ, шахрисиабцы и правовѣрнѣйши изъ сыновъ ислама. Собранію этому было ясно, что избраніе хана неизмѣнить положенія политическихъ партій передъ трономъ Джагатая. Нужно было только, чтобы этотъ тронъ не оставался празднымъ и не вводилъ въ искушеніе людей, богатыхъ рискованною предпріимчивостью.

Ни Тимуръ, ни Хусайнъ не разсчитывали на избраніе ихъ въ ханы, такъ какъ партіи ихъ приверженцевъ не располагали значительнымъ перевѣсомъ. Курилтай открылся при строгомъ молчаніи, которое было нарушено Хусаиномъ, напомнившимъ прежде всего о доблестяхъ своего предка, а потомъ и о своихъ успѣахъ въ возстановленіи погибавшаго улуса. Но ему не дали распуститься въ хитросплетеніяхъ, такъ какъ въ среду курилтая ворвался пиръ съ нѣсколькими десятками дервишъ.—«Вотъ вамъ истинный потомокъ Чингисъ-хана и султанъ Мавераннагра!» заявилъ онъ, выдвигая впередъ Кабуль-шаха.—«Вы смотрите на его костюмъ дервиша? Да, онъ дервишъ, и это лучшее ручательство за то, что поклонники ислама найдутъ въ немъ защиту. Проводя время въ бесѣдахъ съ Аллахомъ и только съ Аллахомъ, онъ не будетъ имѣть времени, чтобы отнимать у васъ женъ и дочерей или сбрасывать васъ на землю съ высоты минаретовъ. Кабуль-шахъ! орденъ Накшбенди привѣтствуетъ тебя султаномъ джагатайской страны!»

Передъ курилтаемъ предсталъ слезоточивый, изможденный человѣчекъ, выглядѣвшій, при окружавшей его торжественной обстановкѣ, форменнымъ идіотомъ. Послѣ долгаго оцѣпенѣнія, онъ прибѣгнулъ къ спасительнымъ четкамъ и къ провозглашенію символическихъ именъ Аллаха: — «О, Могущественный!.... Дающій почетъ!.... Стремящійся вверхъ!...»—взвизгивалъ онъ по обычаю,

не естественнымъ голосомъ. — «Первый!... Послѣдній!... Видимый!... Скрытный!... Многотерпѣливый!... Конецъ всего!...»

Большинство членовъ курилтая, не признававшихъ за дервишами святости ихъ дыханія, увидѣло все ничтожество этого юродиваго, но не воспротивилось провозгласить его своимъ избранникомъ. Того желали оба соперника, намѣревавшіеся безпрепятственно управлять страною именемъ этого ненормального человѣка. Между тѣмъ, въ возбужденномъ мозгу послѣдняго, поднялся цѣлый рой вопросовъ:—«Неужели онъ надѣнетъ парчевый халатъ и бросить тыкву для сбора подаяній и спасительные отропья? Онъ будетъ судить, воевать, казнить, миловать? И его будутъ окружать, визирь, эмиры, улемы, багадуры? У него будетъ гаремъ? Онъ броситъ текіе на вершинѣ утеса и перейдетъ во дворецъ, гдѣ красивыя рабыни будутъ мыть его ноги?!»

Пиръ пришелъ ему на помощь.

— «Ты не можешь отказаться отъ ниспосланнаго тебѣ Аллахомъ положенія отца народа,» замѣтилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженія,—«при томъ-же, твой внутренній человѣкъ не оставитъ тебя и на тронѣ. Самъ Накшбенди явится къ тебѣ въ тяжелыя минуты на помошь. Будь-же о, Кабуль-шахъ! государемъ въ каждомъ уголкѣ своего государства и только помни, что духъ и мысли дервиша выше помысловъ самого султана».

Кабуль-шаха провозгласили ханомъ джагатайской земли—по счету двадцать восьмымъ—безъ обычныхъ переговоровъ о томъ, что онъ олицетворить—правосудіе, а народъ отблагодарить его любовью и повиновеніемъ. Избраніе его окончилось сценою, свидѣтельствовавшею, что новоизбранный ханъ останется и на тронѣ убѣжденнымъ дервишемъ. Онъ доказалъ это тѣмъ, что на виду своихъ избирателей принялъся перепоясываться, притѣзая обычный символъ дервиша:—«я связываю себѧ любіе и развязываю велико-душіе!... я связываю гнѣвъ и развязываю кротость! я связываю бѣсовское!.....

Но тутъ пиръ увелъ его изъ совѣщенія.....

Избраніе хана не улучшило дѣла зарѣчного царства. Партии Тимура и Хуссина обособились и приняли боевое положеніе; оба они, перейдя къ активной дѣятельности—къ захвату городскихъ воротъ, базаровъ и цитаделей—распоряжались страною отъ имени Кабуль-шаха. Послѣдній отказался перейти во

дворецъ, поэтому пиръ отослалъ его въ дальний текіе. Здѣсь уже никто не мѣшалъ ему связывать, хотя бы всю жизнь, грѣхи и развязывать добродѣтели. Долго-ли онъ упражнялся въ этихъ обязанностяхъ дервиша—неизвѣстно, какъ неизвѣстны время и причина его смерти. Одни говорили, что онъ оступился съ горной вершины въ бездну и достался шакаламъ, а другіе приписывали его смерть убийцамъ, эмирамъ Зельтузу и Заттху, желавшимъ понравиться и Хусаину и Тимуру. Послѣдній предалъ убийцъ проклятію, такъ по крайней мѣрѣ онъ свидѣтельствуетъ въ автобиографіи. Во всякомъ случаѣ, правовѣрные не позабыли обнаружить истину этого дѣла.

По смерти Кабуль-шаха, Тимуръ далъ Мавераннагру еще двухъ своихъ ставленниковъ—безмолвныхъ и бездарныхъ, служившихъ только заплатами на войлокѣ власти. Они не мѣшали ему готовиться къ рѣшительной борьбѣ съ Хусаиномъ. Скупости послѣдняго онъ противопоставилъ свою необычайную щедрость и, при коварствѣ противника, обѣщалъ явиться справедливѣйшимъ изъ государей.

Хусаинъ былъ скучъ до того, что ни одинъ человѣкъ не насытился его плавомъ. Его серкеры собирали подати съ урожая ранѣе, чѣмъ спускали воду съ рисовыхъ полей—и съ садовъ, прежде нежели слетались красные скворцы къ винограднымъ гроздямъ. За то, въ его кладовыхъ, хранились лучшія серебряныя изделия того времени, тюки шелковыхъ тканей и объемистые мѣшечки съ бирюзою и рубинами. Въ его конюшнѣ красовались идеальные арабскіе кони, а въ его гаремѣ блаженствовали на шелковыхъ одѣялахъ и мутакахъ образцы женскихъ прелестей. Надъ ними величалась знаменитая Каньо.

Наконецъ въ погонѣ за трономъ, вражда Тимура съ Хусаиномъ приняла настолько острый характеръ, чтоувѣренія ихъ въ дружбѣ сдѣлались только предвестниками засадъ и нападеній. Дружественные увѣренія—то на могилахъ святыхъ людей, то на коранѣ—не препятствовали Тимуру выхватывать у Хусаина Балхъ или Гиссаръ, а Хусаину—изгнать Тимура изъ Ходжента или Карши. Багадуры утратили, во время этой распри политическихъ противниковъ, всякое понятіе о чести и переходили съ спокойною совѣстью отъ одного претендента къ другому. Побѣдитель утромъ—обращался въ побѣженного вечеромъ и вождь многочис-

ленной толпы сегодня—бѣжалъ завтра въ пески и степи, съ тыквою для воды и съ обломками хлѣбной лепешки.

Наконецъ, неразсчетливая скупость Хусаина оттолкнула отъ него и послѣднихъ приверженцевъ, а щедрость Тимура, при благословенномъ дыханіи ордена Накшбенди, придала ему силу для рѣшительнаго удара. Между ними вспыхнула новая—по счету пятая—и послѣдняя война.

Она окончилась пораженiemъ Хусаина. Приведенный къ побѣдителю, онъ просилъ даровать ему жизнь, отказываясь при этомъ отъ политической дѣятельности и обѣщаюсь отправиться въ Мекку, чтобы слезами смыть свои грѣхи. Но ему не пришлоось исполнить свое добреое намѣреніе. Благодаря показному великодушію соперника, онъ возвратился въ Балхъ, гдѣ и принялъся хозяиничать по прежнему образцу. Заnimъ однако существовалъ теперь строгій надзоръ, отъ котораго ему пришлось бѣжать и скрываться въ какой-то башнѣ. Но и башня не охранила его жизнь: возмущившіеся противъ него багадуры подвергнули его участи, которая была предназначеца ему въ книгѣ очевидности. Неизвѣстно, предалъ-ли Тимуръ этихъ багадуровъ проклятию или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ не видѣлъ болѣе соперниковъ передъ трономъ Джагатая. Свое единовластіе онъ началъ прощенiemъ политическихъ враговъ и раздѣломъ оставшагося послѣ Хусаина богатаго наслѣдства. Прежде всего, нужно было разобраться съ гаремомъ, въ которомъ сошлись, путемъ плѣна, захватовъ, подарковъ и торговыхъ сдѣлокъ—красавицы Арmenіи, Грузіи и Индіи.

Дамы гарема представили передъ побѣдителемъ во всеоружіи красоты, съ расчетомъ плѣнить его сердце, чтобы не достаться его, нѣсколько грубоватымъ, багадурамъ. Одна изъ нихъ разсчитывала побѣдить героя своею дородностью, другая—алыми губками и мушками на вискахъ, третья—зубами ослѣпительной бѣлизны, но.... суровый Тимуръ пренебрегъ ихъ уловками. Онъ рѣшилъ раздать весь гаремъ своимъ сподвижникамъ. Въ послѣднее время выдѣлились чрезвычайною къ нему преданностью эмиры: Джакъ, Ику и Аль-Омра. Эти двѣнадцативершковые багадуры обладали своего рода молотилками вмѣсто рукъ и желѣзными ящиковыми вмѣсто грудныхъ клѣтокъ.—«Аль-Омра!» вызвалъ Тимуръ своего сподвижника.—«Возьми себѣ въ рабыни эту красавицу, которая напоминаетъ мнѣ маленькую птичку, постоянно вертящую хво-

стомъ!»—И маленькая птичка покорно послѣдовала за богатыремъ Аль-Омра. Что дѣлать, побѣдитель могъ подарить ее простому солдату!—«Эмиръ Ику! уведи къ себѣ это женское творенье, сурвившее вѣки и брови въ минуты моей битвы съ ея мужемъ».—«Эмиръ Джакъ! въ твоемъ гаремѣ вѣроятно нѣть китайской куклы. Возьми ее, позабавься.»—«Азисъ, Эд-динъ!... Монгали-Буга....»

Словомъ, никто изъ сподвижниковъ не быть обижень, при чемъ счастливый обладатель китайской куклы могъ ее тутъ-же промѣнять на арабскаго скакуна и получить въ придачу десятокъ мѣшковъ ячменя. Изъ всего гарема осталась одна Каньо. Сурово взглянула на нее побѣдитель, но и она не смущилась.—«Ты вымоешь мои ноги,» обратился къ ней Тимуръ, не решившись отдать ее одному изъ своихъ багадуровъ.—«Тебѣ, мой господинъ, составить славу имѣть рабынею дочь хакана,» отвѣчала Каньо, «но мое униженіе не принесетъ тебѣ счастья. Меня испугать невозможно. Взгляни на этотъ ножъ!»

По знаку Тимура, у Каньо отняли ножъ.

— «Я хотѣлъ испытать тебя и ты.... большие мнѣ не раба!» объявилъ Тимуръ.—«Ты можешь покинуть мою землю.... или остаться здѣсь свободною женщиной. Эмиры и багадуры, дайте дорогу дочери хакана!»

Богатство Хусаина оказалось такъ велико, что его достало на всѣхъ сподвижниковъ, а щедрость Тимура была такъ хорошо

Монголія XIX-го стол.
Главный кумирни.

разсчитана, что на пути къ трону не оставалось ни одного тернія.— «Послѣ этой побѣды разнесся слухъ, что самолюбивыя стремленія къ царской власти составляли единственную причину моихъ подвигъвъ,»—замѣтилъ онъ въ своихъ признаніяхъ передъ исторіей и потомствомъ.—«И дѣйствительно, чтобы укрѣпить свою власть, я явился расточителемъ благодѣяній, и мои сподвижники не имѣли недостатка въ сокровицахъ».

XXXIV.

ВОЦАРЕНІЕ ТИМУРА.

(1369 г.)

мерть Хусаина освободила Тимура отъ послѣдняго соперника въ погонѣ его за властью джагатайскаго хана. Подкупленные-же его чистокровнымъ исламизмомъ и щедрыми вакуфами—саиды и улемы были открыто и чистосердечно на его сторонѣ. Не ощущать онъ недостатка и въ беззавѣтно преданныхъ багадурахъ. Одариваемые военными добычами, они цѣльми толпами предлагали къ его услугамъ свои мечи и головы. Торговые люди также готовы были выказатьсь въ его пользу, хотя бы только въ надеждѣ увидѣть караванные пути Мавераннагра обеспеченными отъ необходимости платить пошлины каждому встрѣчному авантюристу. При всемъ томъ, онъ подолгу задумывался передъ вопросомъ

сомъ: наступило ли время выставить себя кандидатомъ въ ханы джагатайской земли? Онъ былъ уже въ порѣ, когда на дальнѣйшее развитіе энергіи можетъ разсчитывать только особо возлюбленный Аллахомъ смертный.

— «Созывать-ли курилтай?» — Вотъ вопросъ, съ которымъ онъ обращался на сороковомъ году жизни, то къ своему духовному наставнику Миръ-Санду-Берке, то къ вѣщимъ страницамъ корана. Гаданіе по корану считалось и тогда, въ жизни правовѣрныхъ, дѣломъ запретнымъ, но съ течениемъ времени оно обратилось въ духовную потребность Тимура. Впрочемъ, судя по его признаніямъ, онъ осуществлялъ нерѣдко свои планы, хотя бы они и не согласовались съ случайными предвѣщаніями Пророка. Такъ, кажется, разрѣшился и вопросъ: объявить ли себя властелиномъ джагатайской земли? Коранъ отвѣтилъ на этотъ разъ стихами, явно отрицательнаго значенія.—«Мы послали вамъ манну и перепеловъ, говоря: ѿште отличная кушанья и будьте довольны».—Не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что невидимая, но высокая сила усоващевала Тимура не касаться трона Джагатая и довольствоваться своимъ положеніемъ. Повторенное гаданіе еще сильнѣе смущило Тимура и онъ дважды перечель рѣзкій отвѣтъ корана:—«Аллахъ не любить тѣхъ, которые переходятъ границу».—Послѣдний отвѣтъ запечатлѣлся въ его душѣ такъ крѣпко, что слуги и приближенные видѣли его постоянно угрюмымъ и непривѣтливымъ. Но вотъ его встрѣтила женщина, рѣшившаяся нарушить его уединеніе.—«Господинъ мой!» обратилась къ нему Коньо.—«Побѣдивъ моего Хусаина, ты побѣдилъ и мое сердце, но до сихъ поръ ты еще ни разу не взглянулъ на меня. Взгляни! Можетъ быть я и не похожа на глупую ослицу».—Тимуръ невольно повиновался этому властному и нѣсколько насыщенному приглашенію, а взглянувъ на Конью, онъ пригласилъ ее побесѣдовать подъ навѣсомъ чинара. — «Тебя мучаетъ вопросъ: объявить ли себя ханомъ Джагатая?» продолжала женщина, замѣчательно постигнувшая его сокровенные мысли.—«Тебя смущаетъ коранъ? Но если ты вспомнишь, что Пророкъ не совѣтовалъ прибѣгать къ гаданію, то поймешь, что нарушая его заповѣди, ты и не долженъ ожидать милостиваго отъ него отвѣта».—Философія Конью поразила Тимура до того, что онъ рѣшился слушать и далѣе совѣты женщины.—«Знаю, что ты готовъ поступить наперекоръ мнѣнію слабаго женскаго ума, но, господинъ мой, остановись на вопросѣ: можешь

ли ты оставаться хозяиномъ только одного Самарканда? Никогда! На моей родинѣ говорять, что земля не насыщается трупами, какъ сердце желаниями, а я скажу, что Тимуръ не насытится однимъ Самаркандомъ. Объяви себя прямо властелиномъ—властелиновъ и, повѣрь, міръ будетъ у твоихъ ногъ, какъ теперь я, твоя рабыня..... внучка царя царей, отказавшаяся отъ брака даже съ шахомъ Хорезма!»

Странно было строгому мусульманину слушать советы женщины, но ея голосъ проникалъ глубже и отраднѣе даже указаній книги Пророка. Советы Каню исходили изъ сердца.—«Но не ступай на тронъ безъ просьбы курилтая, иначе каждый безумецъ можетъ прйтти и сказать тебѣ: уди съ трона, ты похититель!» продолжала наставлять женщина, все еще не выходя изъ роли рабыни.—«Твой наставникъ Миръ-Сайдъ-Берке ручается за твое избраніе. Безъ курилтая, ты будешьъ только счастливымъ, и то на неизвѣстное время, сыномъ своего отца, тогда какъ признанный всенародно гуръ-ханомъ, ты увидишь міръ у своихъ ногъ. У тебя есть чѣмъ кормить народъ—корми его, корми и молись, а когда вознесешься выше людскаго моря, дай твой бѣдной Каню маленькое мѣсто у твоего подножья.....» Передъ советами женщины, Тимуръ забылъ неблагопріятные отвѣты корана и согласился на курилтай. Мало того, угрюмый кандидатъ въ потрясатели міра забылъ въ этотъ день и о четвертомъ намазѣ и о томъ, что луна могла увидѣть какъ онъ, измѣнивъ своему величию, крѣпко поцѣловаль женское существо.....

Миръ-Сайдъ-Берке, находившійся въ заговорѣ съ Каню, саидами и багадурами, только и ожидалъ согласія Тимура на созывъ курилтая. У него уже были заготовлены призывныя посланія, написанныя лучшими каллиграфами того времени. Весь орденъ Накшбенди вызвался распространять ихъ не только въ Мавераннагрѣ, но въ Хорезмѣ и Гератѣ, на сѣверѣ и на югѣ и повсюду, куда могъ достигнуть странствующій дервишъ.

— «Во имя Божіе—лучшее изъ всѣхъ!» возвѣщалось въ посланіи. — «Мы, потомки Пророка, учителя, воины и народъ обращаемся къ правовѣрнымъ и къ каждому человѣку, понимающему, что одна мысль о тѣни Пророка замѣняетъ намъ свѣтъ, пишу и одѣяніе! Да будетъ извѣстно, что исламъ пережилъ тревожное время. По благовolenію Аллаха и благодаря звѣздѣ Тимура, язычники удалились съ позоромъ въ свою темную и холодную

страну. Однако исламъ не наполнилъ еще собою всѣ семь климатовъ и на землѣ продолжаютъ жить люди, которые поклоняются животнымъ и идоламъ. Надъ непризнающими правовѣрія все еще виситъ—безсильно и беспомощно—мечъ ислама. Страна наша разбилась на такія маленькия области, что и ничтожный врагъ побѣдить каждую изъ нихъ по одиночкѣ. Намъ нуженъ господинъ съ сильною властью. Прійдите-же для избрания его въ городъ Балхъ, который откроетъ вамъ свои ворота и сады. Пусть каждый вѣрный слуга ислама будетъ тамъ, въ ночь на 10 Рамазана 771 года».

До назначенаго срока курилтая было достаточно времени, чтобы дать хорошее назначение богатой добычѣ, доставшейся побѣдителю джетовъ. Не проходило дня, чтобы Канъ не корамила въ своемъ саду сотни обездоленныхъ женщинъ. Ни одинъ монастырь, ни одна мечеть не были обойдены вакуфнымъ клочкомъ земли или сада. Членамъ ордена Накибенди было обѣщано право подходить во всякое время къ окнамъ дворца и изливать передъ ними, въ пѣсняхъ, народныя жалобы. Багадуры обновили свое оружіе и сѣда, а эмиры Ику и Джакъ образовали даже гвардию изъ кешцевъ и самаркандцевъ.

Тяжело было самозваннымъ бекамъ разставаться съ захваченою ими властью, но уже въ воздухѣ чувствовалось, что пора народной сумятицы миновала и что наступаетъ новая эра крѣпкой власти. Популярность Тимура не нравилась счастливцамъ, захватившимъ города и крѣпости, но и имъ пришлось отправиться въ Балхъ, чтобы выслушать народную волю. Разумѣется, насколько возможно, они соблюли торжественную обстановку своего невольного путешествія. Путь каждому изъ нихъ открывалъ літаврщикъ, а за плечами выступалъ знаменщикъ, хотя бы съ одинокимъ хвостомъ буйвола или съ краснымъ платкомъ на древкѣ и съ пятью нашитыми на платкѣ пальцами.

Тимуръ, продолжая настаивать на своемъ родствѣ съ великимъ Чингисъ-ханомъ, требовалъ, чтобы при курилтайѣ были соблюдены всѣ старинные обычаи чингисидовъ. Обычай же предписывалъ, между прочимъ, являться на курилтай безъ оружія, и такъ какъ выборы переходили нерѣдко въ кровопролитіе, то избирались приставы для наблюденія за порядкомъ и за свободою народнаго приговора. Такими приставами были теперь эмиры Ику и Джакъ, хотя и неизвѣстно кѣмъ выбранные, но ретиво

исполнявшіе свои обязанности. Они одни явились вооруженными. Впрочемъ оппозиція увѣряла потомъ, что всѣ кешцы и самарканцы имѣли при себѣ, подъ верхнимъ платьемъ, хорошо наточенные ножи.

Балхъ гостепріимно открылъ собранію курилтая свои ворота и сады. Его такъ часто грабили разные авантюристы, что только въ крѣпкой власти онъ видѣлъ залогъ своего дальнѣйшаго существованія. Къ тому-же, дать мѣсто курилтая и даже понести крупныя, на угощеніе депутатовъ, издержки, считалось вопросомъ чести не только города, но и цѣлой провинції.

Саиды, улемы, купцы и лучшіе люди изъ народа пришли заранѣе къ сборному пункту курилтая. Позже прибыли оппозиціонные депутаты—изъ Хорезма, Герата, и Мерва, желавшихъ сохранить свои права вольности.

Наконецъ, за нѣсколько сутокъ до урочнаго дня, потянулись, съ искусственнымъ равнодушіемъ и напускною лѣнью, наиболѣе извѣстные въ странѣ вельможи, такъ что литавры гремѣли въ Балхѣ съ утра до ночи. Ротозѣямъ было чѣмъ насытить свои взоры; по дорогѣ съ сѣвера гремѣли литавры эмира Шейхъ-Мухаммеда, а по дорогѣ съ юга развѣвался бунчукъ эмира Кейхозу. На западѣ поднималась густая пыль, благодаря большой свитѣ эмира Сарбугая, но на востокѣ было еще интереснѣе; тамъ встрѣчали ханымъ, правившую однимъ изъ храбрѣйшихъ горныхъ племенъ.

Обычай предоставлялъ каждому участнику курилтая право высказывать откровенно и безпрепятственно мнѣнія о намѣченныхъ кандидатахъ, предложенныхъ тою или другою партіею. Каждый свободный и совершеннолѣтній человѣкъ, не замѣченный въ кражѣ и обвѣсѣ, могъ предлагать и своего кандидата и громко восхвалить доблести своего избранника. Отсюда возрождались порою страстные споры:—«Вашъ кандидатъ красивъ, но онъ такой заика, что Аллахъ не отличить его отъ курицы, которая только что снесла яйцо!» — Насмѣшникъ, порочившій кандидата противной партіи, не оставался безъ отмѣтки.—«Мы предпочитаемъ заику вашему краснобаю, который не можетъ различить по своему убожеству—барана отъ дикой свиньи!»

Не пощадили и Тимура.

— «Правда-ли, что онъ носитъ на ногѣ жѣлезное кольцо?» допрашивали депутаты Хорезма.—«Онъ не танцовщица, чтобы

носить кольца на ногахъ.»—«У насъ, въ Хорезмѣ, говорять будто это несчастье случилось съ нимъ въ малолѣтствѣ, когда онъ не готовился еще въ ханы и пасъ барановъ своего кишлака!....»—«Ахъ, вы также довѣрчивы какъ и мы, когда намъ говорятъ, что въ Хорезмѣ нѣтъ ни одной матери, которая-бы родила умнаго сына!»

— «Какъ времена перемѣнчивы», говорили мервцы.—«Мы помнимъ, какъ вашъ кандидатъ, рыскавшій по свѣту за новыми шароварами, сидѣлъ въ нашей овечьей загородкѣ. Исправнали теперь у него эта часть одежды?»—«Повѣрьте, она исправнѣе нежели ваши головы. Безъ него, на вашемъ лбу, были бы давно уже разрисованы идолы, а эти картины вы не смыли - бы молокомъ даже черной верблюдицы».

— «И мы видѣли вашего Тимура на свое мѣсто базарѣ», говорили гератцы.—«Онъ приѣжалъ тогда съ своими сорванцами и выкрикнулъ: люди, знайте, что я вашъ ханъ! Потомъ онъ схватилъ дыню и бараний курдюкъ и уѣжалъ изъ города. Тогда онъ потерялъ свои старые калоши, которыхъ и теперь валяются у городскихъ воротъ!»

Насмѣшки депутатовъ вольнолюбивыхъ областей нешли однако дальше невинныхъ остротъ, потому что багадуры Джакъ и Ику умѣли во время возстановливать порядокъ. Кешцы и Самарканцы появлялись, по ихъ условнымъ сигналамъ, всюду, гдѣ только черезчуръ назойливо порочили имя Тимура.

Дерзкіе пріумолкали также и при появлѣніи передъ ними сайдовъ, которые готовились подставить не только сердца, но и плечи, чтобы выдвинуть своего любимца выше лодской толпы. Они же обнародовали, ради успокоенія слабыхъ умовъ, родословную Тимура, указывавшую, что его предокъ въ пятомъ колѣнѣ и предокъ Чингисъ-хана въ четвертомъ были родными братьями. Объ этомъ родствѣ было, записано-де на стальныхъ доскахъ унесенныхъ вихремъ на вершину недоступной горы. На тѣхъ доскахъ значилось, что Тимуръ былъ сыномъ Турагая, а этотъ сыномъ Эмира Боргуля, а Боргуль сыномъ эмира Ильмиза..... и наконецъ, восходя ко временамъ Ноя, когда ковчегъ остановился на горѣ Джуди, а Мавераннагръ достался въ удѣль Іафету, послѣдний былъ истиннымъ родоначальникомъ и Чингисъ-хана и Тимура!....

Проводя Тимура на тронъ, сайды не забывали, что, при надлѣжа скорѣе небу нежели землѣ, они должны отличаться

отъ обыкновенныхъ людей и внѣшнею и внутреннею величавостью.

Отдѣлившись отъ толпы въ особый кружокъ, они бесѣдовали совершенно молча и потомъ, точно по наитию, исходившему изъ горячаго пространства, восклицали всѣ въ одинъ голосъ: «О, Тимуръ!»

Дервиши, менѣе всего заботившіеся о величавости, бѣгали изъ сада въ садъ, отъ одной группы къ другой и выкрикивали все то же имя: «О, Тимуръ!»

Самый воздухъ Балха наполнился Тимуромъ.

Звѣздочеты, собравъ группы любознательныхъ людей, обращали ихъ взоры на положеніе свѣтиль на небѣ и растолковывали непосвѣщенныи въ небесныя таинства людямъ, гдѣ горитъ звѣзда Тимура. Звѣзда горѣла замѣчательно ярко и прямо таки объясняла его необыкновенно могущественное значеніе. Она занимала такое властное положеніе на небѣ, что могла перемѣщать другія мелкія звѣзды съ мѣста на мѣсто и одни небесные свѣтильники гасить, а другіе возжигать яркимъ пламенемъ. Во всякомъ случаѣ, звѣздочеты рѣшили поднести Тимуру титулъ «Сагибъ-уль-кырана»,—повелителя звѣздъ; того требовало само небо. а они были его слугами.

Наконецъ нашлись очевидцы, которые видѣли, какъ, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ джетами, раскаленныя стрѣлы падали съ неба прямо въ колчанъ Тимура, а онъ посыпалъ ихъ отъ себя, во всѣ стороны, по направленію къ врагамъ....

Наступила торжественная ночь 10-го Рамазана 771 года. Въ эту памятную ночь, саиды готовились придать курилата послѣдній толчекъ. Повсюду, во всемъ Балхѣ и въ его окрестностяхъ, запылали громадные костры, а на минареты вышли, вмѣсто простыхъ мю'эззиновъ,—потомки Пророка, преисполненные величія и вдохновенія....

Провозглашеніе избранника должно было состояться на площади, обрамленной вѣковыми чинарами. Спустившись съ минаретовъ, саиды направились на площадь избранія съ приподнятыми зелеными тюрбанами и съ возведенными къ небу взорами. Все говорило за великое и таинственное значеніе наступавшаго торжества. За саидами послѣдовали кешцы и самарканцы, а потомъ толпа уже увеличилась настолько, что депутаты смѣшились съ сбродомъ и барадуры съ кожевниками. Кто-то выкрикивалъ въ полутьмѣ и въ облакахъ пыли:

— «Кто желаетъ побѣды исламу, тотъ за Тимура!»

Повсюду гремѣли литавры, ржали кони, а улицы и площади окутывались непроницаемою пылью и только выше всего, что двигалось и ликовало или наоборотъ роптало, носилось въ воздухѣ имя—Тимура!

Тимуръ не показывался въ собраніи курилтая, но ему были известны всѣ подробности народныхъ сужденій. Чья голова выше толпы, у того всегда есть готовые слуги; эти добровольцы постигали чутьемъ, что Тимуръ не забудеть ихъ преданности, когда, не удовлетворившись ролью какого-нибудь Кабуль-шаха, возстановить сказочный блескъ восточныхъ властителей.

Миръ-Сайдъ-Берке взялъ на себя обязанность пригласить Тимура выслушать народную волю. При его появлениі на парадной площади, группа саидовъ обратилась прежде всего съ молитвою къ Аллаху,—указать избранника, которому исламъ могъ-бы довѣрить свой мечъ для возвращенія на землѣ правды. Должно быть небо было подготовлено къ этой просьбѣ, потому что народная масса, какъ бы наэлектризованныя вдохновенiemъ свыше, завопила: «о, Тимуръ! будь счастливъ вмѣстѣ съ нами!»

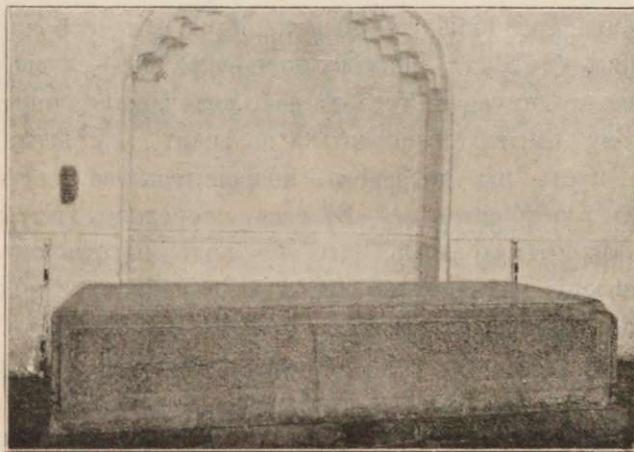
Тогда Миръ-Сайдъ-Берке подвелъ Тимура къ развернутому уже на землѣ войлоку, но, не давая ему ступить на этотъ старинный тронъ, обратился къ нему съ предложеніемъ спросить людей Мавераннагра и дальнихъ странъ, желающихъ ли они имѣть его своимъ властелиномъ? На этотъ вопросъ, предложенный Тимуромъ отчетливо и громко, послышались тысячи восклицаній и прежде всего голоса багадуровъ: — «Тимуръ, ты нашъ господинъ!» — «Ты мечъ ислама!» — «Ты повелитель звѣздъ!» — «Ты побѣда всѣхъ побѣдъ!» — Теперь Тимуру предстояло заключить нравственный договоръ съ народомъ.

— «Помни, о Тимуръ», говорилъ ему отъ лица предстоявшаго народа Миръ-Сайдъ-Берке, — «что когда ты будешь тѣнью Пророка, то для тебя будетъ закономъ только воля Аллаха и—справедливость. Слѣдуй за его волею и помни, что, утративъ справедливость, ты лишишься и того куска войлока, на которомъ мы вознесемъ тебя на царство».

Наступила пора и Тимуру предложить свои условия народу.—«А придетe-ли вы ко мнѣ, когда я васъ призову?» — «Да, да, придемъ!» загудѣла народная масса. — «Пойдетe-ли вы туда, куда

я поведу?» — «Пойдемъ, пойдемъ!» — «Убьете-ли, кого я прикажу?» — «О, Тимуръ, не сомнѣвайся!»

Этимъ обычнымъ обмѣномъ условій завершился актъ присяги. Оставалось только выполнить актъ возведенія на войлокъ власти. Прежде однако, чѣмъ ступить на него, Миръ-Сайдъ-Берке подалъ избраннику золотой поясъ, богатую саблю и жемчужныя серыги. По книгамъ старыхъ ученыхъ людей значится, что и Навуходоносоръ и справедливый Сулейманъ, прежде чѣмъ принять царскую власть, вѣвали серыги въ уши. То же сдѣлалъ и Тимуръ. Послѣ того Миръ - Сайдъ - Берке вручилъ ему баранью лопатку, какъ эмблему мощнаго властителя. Въ такой обстановкѣ багадуры, саиды и лучшіе люди подняли его на воздухъ, при громѣ литавровъ и бурныхъ восторговъ народной толпы. Троекратно вздымали и опускали его съ восклицаніемъ: «Аллахъ-экберъ!» — Тогда еще не было трона, кокъ-таша, которымъ Тимуръ украсилъ впослѣдствіи свою резиденцію.

Кокъ-ташъ.
Тронъ Тимуръ-ленга,
(въ Самарканѣ).

Но—какъ говорила и пословица того времени:—«столица не составляетъ царства»—не успѣли еще убрать войлокъ, на которомъ только что возносили властелина земли, какъ депутаты дальнихъ странъ и городовъ принялись сѣдлать коней и отправляться по домамъ. Теперь и литавры ихъ и бунчуки были припрятаны. Они не хотѣли даже, чтобы бѣгство ихъ было замѣчено эмирами

Ику и Джакомъ, успѣвшими получить начальство надъ сотнями Кеша и Самарканда. Ярлыки на это назначеніе они поспѣшно воткнули въ свои чалмы, а на кешцахъ и самарканцахъ заблес-тѣло оружіе.

Прежде всѣхъ скрылись депутаты Хорезма. — «Повѣрьте, что нашъ Ургенчъ красивѣе вашего Балха» сообщали они довѣри-тельно ближайшимъ сосѣдямъ. — «А кто можетъ спокойно сидѣть на своемъ сѣдлѣ, тому нѣть надобности поддерживать чужое стремя»....

Депутаты Мерва отнеслись еще горделивѣе къ совершив-шемуся событию: — «Во истину, только нашъ Мервъ можетъ считаться куполомъ міра и онъ такъ великъ, что весь вашъ Мавераннагръ могъ бы занять въ немъ мѣсто только задняго квартала».

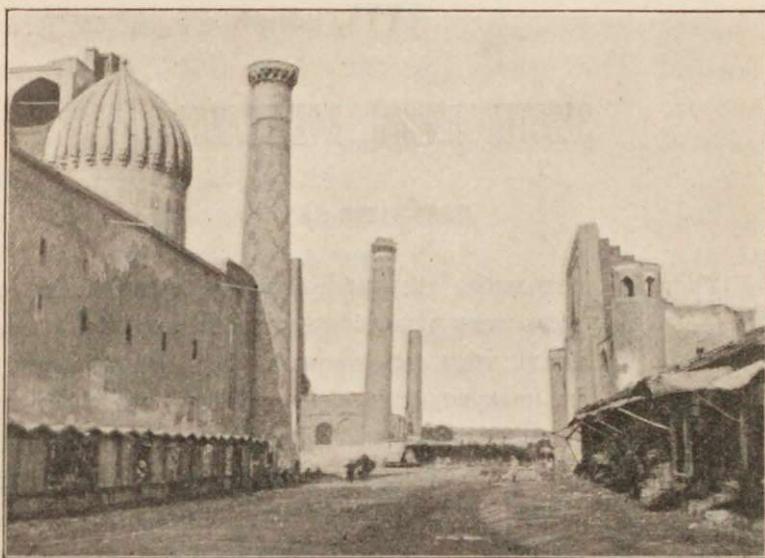
— «Мы люди торговые!» замѣтили депутаты Герата. «Намъ не нужно хана, который не купитъ у насть ни одного ячменного зернышка».

Курилтай завершился посыпкою во всѣ ближніе города и дальняія страны гонцовъ съ объявленіемъ обѣ избраніи Тимура въ гурь-ханы. — «Слѣдуя примѣру халифовъ, мы — саиды, воины и народъ возвели Тимура въ гурь-ханы», значилось въ оповѣщеніи. — «И дали ему клятву повиноваться во всемъ..., и если нарушимъ клятву, то пусть мы потеряемъ покровительство Аллаха и под-падемъ подъ власть сатаны». — Въ свою очередь и Тимуръ послалъ отъ себя грамоты о томъ, что по волѣ народа онъ принялъ бразды правленія надъ землей Джагатая и избралъ своей столицей Самаркандъ. — «Я, рабъ Божій, Тимуръ, говорю....» Такъ начи-налась эта грамота и такъ писались всѣ прочія, когда Тимуръ достигъ и зенита могущества. Истинный правовѣрный не нуждался въ пышномъ титулѣ.

Изъ Балха Тимуръ заѣхалъ въ Кенѣ поклониться могилѣ отца и потомъ въ Самаркандъ, гдѣ, при встрѣчѣ съ Канью, онъ сказалъ ей ласковое слово: — «Сколько у меня будетъ женъ, я не знаю, но ты, Канью, будешь между ними всегда первою и такъ до той минуты, когда Аллахъ пошлетъ къ одному изъ насть своего ангела смерти».

Первые дни воцаренія Тимура прошли во всеобщемъ ликова-ніи Мавераннагра и особенно Кеша и Самарканда, гдѣ богатые люди старались обратить вниманіе новаго властелина своими щедро-тами. Черная кость была сыта. Кромѣ даровыхъ угощеній, для ея

заработковъ открылись обширныя, общественные и ханскія работы по сооруженію величественныхъ зданій, новыхъ стѣнъ урды и въ устройствѣ ханскихъ садовъ. Лучшіе изъ нихъ, съ мраморными бассейнами, осѣненными многовѣковыми чинарами, съ цвѣтниками и птичниками, предназначались дамамъ гарема.

Регистанъ въ Самаркандѣ.

Вообще укрѣпленіе авторитета было первою заботою Тимура, а будучи недурнымъ сердцевѣдомъ, онъ зналъ кого и какимъ наградить значкомъ или чиномъ, для кого создать новую должность и чѣмъ поднять духъ патріотизма. Сознавая, что онъ владѣлъ трономъ при посредствѣ ислама, онъ обратилъ его въ лозунгъ, объявивъ, что распространеніе ислама по всѣмъ семи климатамъ будетъ его завѣтною мечтою. При этомъ, точно опредѣлившемся міровоззрѣніи, онъ потребовалъ отъ подданныхъ труда и порядка, а въ благодарность за эти качества обѣщалъ внутренній миръ и справедливость. — «Одни милости не будутъ имѣть границъ», добавлялъ онъ въ программѣ своего царенія. — «Милости, раздаваемыя во имя Аллаха, никогда и никого еще не разорили». Подобная программа не могла не порадовать весь вззволнованный міръ ислама ср. Азіи, увидѣвшій наконецъ надъ собою крѣпкую и многообѣщающую власть.

XXXV.

ЗАБОТЫ НОВАГО ВЛАСТЕЛИНА.

(1369—1376 г.г.).

 естолюбіе Тимура побуждало его еще на двадцатомъ году жизни мечтать о захватѣ Самарканда, послѣ того онъ провелъ такъ-же двадцать лѣтъ то полководцемъ безъ войска, то властелиномъ безъ подданныхъ. Этотъ длинный періодъ стремлений къ власти завершился наконецъ положеніемъ, предоставившимъ ему средства къ осуществленію широко задуманныхъ плановъ. Привозглашеніе-же гурь-ханомъ обновило его энергию до того, что «надѣвъ царскій плащъ, онъ отказался уже отъ покоя, какой вкушаютъ иногда правители на лонѣ бездѣйствія». — Этому признанію Тимура тѣмъ легче повѣрить, что достигнутый имъ на курилтаѣ успѣхъ возбудилъ противъ него умы всей ср. Азіи. Его необыкновенная предпримчивость, соединенная съ непреклонной волею, угрожала многимъ узураторамъ, съ которыми примирились уже нѣкоторыя, части Трансоксанії. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не видѣть что противъ его возвышенія возстануть не только отдѣльные заслистники, но и цѣлья, обиженнаго имъ племена.

Въ эту эпоху джеты, хотя и выгнанные изъ Мавераннагра, были все еще страшны на всей площади между Тибетомъ и Иртышомъ. Кашгаръ былъ ихъ столицею. По смерти Тоглука и Илласъ-Ходжи, въ средѣ ихъ нашлись предводители, ожидающие только удобнаго случая нанести вновь Мавераннагру сокрушитель-

ный ударъ. Съ другой стороны, на западѣ, Хорезмъ, возродившійся въ смутныя времена джагатаидовъ, напомнилъ, что Трансоксанія была столѣтіе тому назадъ только областю Хорезмской имперіи. Напоминаніе это заставляло подозрѣвать, что у Хорезма есть сильная опора, которая и дѣйствительно обнаружилась впослѣдствіи со стороны мощной З. орды. На югѣ Мервъ и Герать также не соглашались признать власть человѣка, который еще такъ недавно посѣщалъ ихъ въ качествѣ авантюриста. Наконецъ, въ самомъ Мавераннагрѣ, народъ настолько отыкъ отъ повиновенія, что со многими вазнавшимися людьми нельзя было управиться ни ласкою, ни строгостью....

Сознавая опасность своего положенія, Тимуръ употребилъ первые три года своего царствованія на организацію регулярной боевой силы. Тактика Чингисъ-хана служила ему въ нѣкоторой степени указателемъ въ дѣлѣ построенія армій и посылки ихъ на штурмъ или въ полевыя битвы. Вскорѣ, впрочемъ, ученикъ превзошелъ учителя и довелъ свой военный регламентъ до ариѳметической точности. Испытаніе его на практикѣ не заставило себя ожидать и затѣмъ, каждый изъ тридцати пяти совершиенныхъ имъ походовъ и каждое сраженіе служили ему поученіемъ, которымъ онъ пользовался, какъ только можетъ пользоваться завоеватель, отмѣченный гениемъ войны. Въ концѣ концовъ, онъ подарилъ любителямъ военного дѣла Воинскій Уставъ, поражающій своими стратегическими и хозяйственными тонкостями. Раздѣленный на отдѣльныя правила, онъ восходитъ отъ шила и десяти иголокъ, въ которыхъ нуждался его солдатъ, до сформированія арміи и завоеванія отдѣльныхъ царствъ.

По этому уставу, ряды войскъ пополнялись: въ мирное время— добровольцами, въ которыхъ никогда не было недостатка, а въ военное — обязательную повинностю. Двѣ-три юрты или сакли обязаны были выставлять всадника съ конемъ и полнымъ вооруженіемъ. Первою боевою единицею былъ десятокъ, которымъ начальствовалъ—по выбору товарищей—«унбаши». Десятки соединялись въ сотни, подъ начальствомъ—«юзбаши».—«Мингбаши» командовали тысячами. Десять тысячъ составляли «тумень», какъ напоминаніе Чингисъ-хановой тьмы.

Для унбаши требовалась только одна храбрость, но юзбаши должны были обладать кромѣ того и мудростью. Въ мингбашѣ цѣнились уже сообразительность и инициатива. Начальникъ туме-

ня являлся обладателемъ высшихъ познаний въ военномъ дѣлѣ, не исключая умѣнья завлекать враговъ въ засаду и подкупать знаменоносцевъ....

Войска состояли на жалованье. Стоимость одной лошади составляла штатную единицу жалованья. Простой мечникъ или копейщикъ получалъ одну единицу, багадуръ—три, унбashi—десять. Впрочемъ размѣръ жалованья измѣнялся отъ колебанія цѣнъ на жизненные продукты. Сыновья и внуки его располагали содержаниемъ отъ трехъ до двѣнадцати тысячъ всадниковъ и, кромѣ того, получали города и области на прокормленіе.

Вмѣсто денегъ выдавались иногда ордера на получение податей съ населенія покоренныхъ государствъ. Владѣлецъ такого ярлыка выжималъ свое жалованье какъ умѣль, но безъ права прибѣгать къ истязаніямъ. Жалованье иногда не уплачивалось отъ одной войны до другой, за то счастливые войны вознаграждали сь избыткомъ это терпѣніе.

Награды и наказанія были также регулированы. Кромѣ обычныхъ повышений изъ унбашинъ въ юзбашинъ и далѣе, храбрость и находчивость открывали путь къ званію эмира. Эмиръ первого класса получалъ выпущенную золотомъ палатку и, разумѣется, знамя и литавры. Почетные колчаны, копья и мечи дополняли наградной арсеналъ.

Знаками опалы служили разжалованье и совершенное изгнаніе—лицъ высокаго ранга—изъ рядовъ войска. Присылка эмиру женского ожерелья или вѣра служила приказомъ объ отставкѣ.

Во второй половинѣ своей боевой жизни, Тимуръ достигнулъ однообразія въ войскахъ. Лошади были подобраны по мастиамъ. Люди одѣвались въ одинаковые камзолы. Всадники имѣли запасныхъ лошадей. Оружіе состояло изъ лука, колчана, ятагана и, смотря по роду войска, топора и батика. Палатка полагалась на восемнадцать ч., а для багадуровъ на пять. Эмиры и мингбаши могли придумывать себѣ и произвольное оружіе. Кольчугами не пренебрегали.

Третья часть войска несла внутреннюю службу, т. е. удерживала недовольныхъ отъ революціи, а покоренные области отъ восстаний. Остальные двѣ трети были всегда на готовѣ выступить въ походъ по первому знаку своего вождя.

За исправнымъ состояніемъ войска и воинского хозяйства наблюдалъ почетный контролеръ «Аризъ-лашкеръ», пользовавшійся

правомъ личнаго доклада гуръ-хану. Онъ-же слѣдилъ и за ходомъ сраженія.

Боевымъ кликомъ было «сюрионъ»! и, разумѣется, «Аллахъ-экберъ»! Бѣгство-же непріятеля возбуждало восторженный возгласъ «альфераръ»!—Непріятель иногда и не думалъ бѣжать, а ему все-таки кричали: альфераръ!

Въ большомъ сраженіи всегда участвовало и знамя Тимура, хотя-бы онъ лично и не присутствовалъ. Значеніе знамени, какъ и захвата въ плѣнъ или убийство главнокомандующаго, было въ ту пору громадно: нерѣдко одно паденіе знамени вызывало неудержимую панику, доводившую до полнаго пораженія арміи. Подкупъ знаменоносца поэтому входилъ прямо таки, въ «правила побѣдоносныхъ сраженій».—Знамя Тимура находилось въ резервѣ и охранялось избранными мечниками и барадурами.

Арміей, свыше сорока тысячъ, Тимуръ командовалъ лично, а корпусомъ, свыше двѣнадцати тысячъ—одинъ изъ его сыновей. Мѣста сраженія выбирались опытными колонновожатыми, изучавшими предварительно всѣ шансы непріятеля. Имъ были напередъ известны условія предстоявшаго сраженія: число войскъ непріятеля, качества его стрѣлковъ и мечниковъ, его порядки нападеній—общею лавою или частями—и отступленій. Колонновожатые обязаны были также изслѣдовать—достаточно-ли имѣется для сраженія земли и воды и куда будетъ свѣтить солнце въ тотъ или другой часъ битвы.

Кромѣ тяжелой и легкой конницы, въ войскахъ Тимура содержались—понтонеры, метатели греческаго огня и артиллерія съ осадными машинами. За арміей слѣдовала, какъ и при Чингисъ-ханѣ, «толпа», изображавшая выручный скотъ и вообще военный матеріалъ на разныя потребности. Въ толпу сгонялись всѣ мирные граждане, попадавшіеся на пути военныхъ отрядовъ.

Гений войны, образовавъ Тимура, создалъ, говорить, въ немъ учителя позднѣйшему потрясалю земли, проявившемуся подъ именемъ Наполеона I. По крайней мѣрѣ послѣдній, какъ увѣряютъ военные писатели, строилъ и свои войска для побѣдоносныхъ битвъ въ порядкѣ, приближавшемся къ тактикѣ Тимура. Сходство это замѣчаются въ дѣленіяхъ на крылья, линіи, авангарды, аванпосты, резервы....

Тимуръ постепенно вводилъ свои войска въ бой, усиливая однѣ части другими и доходилъ до двѣнадцати атакъ. Извѣстны

случаи, когда во время сражений онъ садился за шахматную доску, на которой шашки изображали части войскъ и совершавшіяся передъ его глазами эволюціи. Нынѣшняя военная игра повторяетъ во многомъ игру Тимура.

Онъ дѣйствовалъ преимущественно конницею и посыпалъ пѣхоту только на небольшія разстоянія. Конница его подходила къ типу нынѣшнихъ драгунъ. Всадникъ легкой конницы имѣлъ въ походѣ колчанъ, палашъ, пилу, веревки, топоръ, кожанный мѣшокъ для воды и двѣ лошади, а всадникъ тяжелой кавалеріи—отборный по физическому развитію человѣкъ—кромѣ этого снаряженія, еще латы и шлемъ. Десятнику полагалась кольчуга.

При арміи слѣдовалъ запасный арсеналъ.

Эмиры могли фантазировать въ количествѣ и формѣ своего оружія и содержать громадное число лошадей: эмиръ низшаго ранга обязанъ быть имѣть сто десять лошадей и число это, повышаясь по рангамъ, доходило до трехсотъ лошадей главно-командовавшаго.

Такая организація военныхъ силъ Тимура совершилась, разумѣется, не вдругъ, а постепенно, какъ постепенно она выросла до восьмисотъ тысячи человѣкъ въ войнѣ съ Баязетомъ.

Покоренные страны предоставляли свои войска побѣдителю, которая онъ и направлялъ ихъ въ другія, чуждыя имъ области. Возмущенія въ войскахъ были рѣдки.

Располагая регулярною и хорошо дисциплинированною силою, Тимуръ испыталъ ее прежде всего на джетахъ, продолжавшихъ отравлять ему жизнь безпрерывными набѣгами. Можно было заранѣе предвидѣть чѣмъ окончится столкновеніе организованной силы съ полудикимъ народомъ, умѣвшимъ ратовать только стихийнымъ натискомъ, дубинами и длинными копьями. Но степи джетовъ были необъятны. Благодаря имъ, вольные рыцари бросались, при первой же неустойкѣ, въ разсыпную, такъ что на поляхъ битвъ оставались нерѣдки побѣдители безъ побѣденныхъ. Пять разъ переходилъ Тимуръ черезъ р. Сыръ и столько же разъ разсѣвалъ скопища султана Комарь-эд-дина, пока наконецъ послѣдній не потерпѣлъ рѣшительного пораженія, при которомъ онъ потерялъ не только султанатъ, но и свою красавицу дочь, доставшуюся побѣдителю, Дилшадъ-агу.

Слѣдя правиламъ обращенія съ врагами, Тимуръ возвель плѣнницу въ свои законныя жены. Бракъ этотъ имѣлъ признаки

политического союза Мавераннагра съ страною джетовъ, но Комаръ-эд-динъ, не понявъ своего положенія, затѣялъ новый походъ противъ зятя. Отвѣтомъ на неразумный вызовъ служило присоединеніе всей его страны къ Мавераннагру.

Однако недружелюбное отношеніе къ беспокойному тестю нисколько не повлияло на теплоту чувствъ Тимура къ его дочери. Мало того, побѣженный ея красотою, онъ оставилъ потомству вопросъ: неужели и его сердце загоралось чувствомъ нѣжной любви? Неужели сотни тысячъ труповъ, которыми онъ покрылъ впослѣдствіи пройденныя страны, не препятствовали проявленію въ немъ тонкихъ душевныхъ движений?

Несомнѣнно, большинство его браковъ было только актами политики. Посредствомъ ихъ, онъ покорялъ недруговъ, приобрѣталь дружбу и скрѣплялъ договоры. Въ этой серии браковъ, онъ не стѣснялся праздновать свою свадьбу въ одинъ день съ свадьбами своихъ внуковъ и требовать себѣ невѣстъ вооруженною силою.

Но другая серія браковъ свидѣтельствуетъ и о несомнѣнномъ существованіи нѣжныхъ чувствъ. Ради Аль-Джой онъ многое прощалъ ея брату Хусаину. Пріобрѣтя Дишадъ, онъ прожилъ съ нею цѣлую зиму въ загородномъ саду, на берегу р. Сыръ, не показываясь ни среди войска, ни въ приемной залѣ....

Впрочемъ, это уединеніе не препятствовало ему обдумать, въ тиши загороднаго сада, планъ войны съ Хорезмомъ. Сюда, не смотря на чрезвычайную трудность похода, пора была заглянуть, потому уже, что Синяя орда—дочь З. орды—возбуждала Хорезмъ къ неповиновенію. Покореніе же страны джетовъ должно было разогрѣть честолюбіе побѣдителя и подвинуть его къ дальнѣйшему расширенію его могущества.

Въ дѣйствительности, оно такъ и случилось. Если джеты, какъ язычники, подходили подъ повелѣніе корана вести съ ними войну, то хорезмы—строгіе мусульмане—не должны были ожидать нападенія Тимура. Отодвинувъ однако корантъ въ сторону, Тимуръ послалъ правителю Хорезма Гусейнъ-суфи требование отдать свою дочь въ замужество сыну его и любимцу Джигангиру. Гусейнъ-суфи отвѣтилъ отказомъ, замѣтивъ послу, что онъ готовъ склониться передъ З. ордою, но не передъ узурпаторомъ трона чингисидовъ.

Этого отвѣта было достаточно для предлога къ войнѣ, хотя бы Хорезмомъ править справедливѣйшій изъ мусульманъ. Вообще,

съ этого момента, принципы корана на счетъ войны были подавлены принципами деспота, положившаго такъ много стараний для сформированія побѣдоносной арміи. Послѣдней была не страшна и пустыня, отдаляющая и понынѣ Хиву отъ Самарканда, и палиющій зной и безводіе песковъ.

По этимъ необозримымъ пескамъ, осѣвшимъ здѣсь еще со временія иссякнувшаго Средиземнаго моря, проходилъ полтора вѣка тому назадъ великий учитель войны Чингисъ-ханъ. Но тотъ промчался буйнымъ вѣтромъ, тогда какъ наследникъ его военной славы направился по сложному и расчетливому плану. Всѣ тяжести своихъ туменей онъ отправилъ по р. Аму, на бесконечныхъ плотахъ изъ камыша, дерева и кожаныхъ мѣшковъ. По необычайной быстротѣ р. плоты подходили къ намѣченнымъ пунктамъ ранѣе, чѣмъ поспѣвала кавалерія, которая и находила повсюду готовые запасы продовольствія. Въ этомъ походѣ, въ туменахъ Тимура не было ни одного пѣхотинца.

Слухи о необыкновенной величинѣ и силѣ его арміи разнеслись по всей ср. Азіи съ быстротою степнаго вѣтра, такъ что стоявшій вдали отъ его пути Гератъ принесъ ему, по собственной иниціативѣ, на всякий случай, повинную. Въ числѣ его диплическихъ приношеній былъ и конь, носившій потомъ потрисателя земли многіе годы на своеи хребтѣ. Этотъ «Кунголанъ» обратился у историковъ востока чуть не въ крылатое существо, переносившее изъ страны въ страну Сагибъ-уль-кырана.

Вскорѣ Гусейнъ-Суфи убѣдился, что песчаное море не предохранило его отъ нашествія грозной боевой силы. Оно не охранило, по прошествіи еще пяти столѣтій, хивинскаго хана отъ появленія въ его столицѣ «бѣлой рубашки». Рубашка эта прошла по слѣдамъ Тимура, вынеся борьбу съ жесточайшимъ врагомъ — съ жаждою въ безводной пустынѣ....

Тщетно Хорезмъ укрѣплялъ стѣны и затворялъ ворота передъ Тимуромъ. Онъ пали подъ ударами катапультъ. Гарнизонъ его былъ сметъ какъ нива подъ нашествиемъ вепрей, а Гусейнъ, величавшийся еще такъ недавно тѣнью Аллаха на землѣ—смѣшался безслѣдно съ трупами своихъ защитниковъ.

Павшій Хорезмъ взмолился о пощадѣ, обѣщаю платить дань какую угодно будетъ назначить милостивому повелителю. Оставивъ здѣсь намѣстника, Тимуръ возвратился съ троїмомъ въ родной Мавераннагръ. Лично для себѣ онъ не пріобрѣлъ въ этомъ походѣ

ни одной жены, но для сына, Джигангира, Хорезмъ обязанъ быть доставить принцессу Сюонъ, затмѣвшую красотою и сказочныхъ фей незримаго міра.

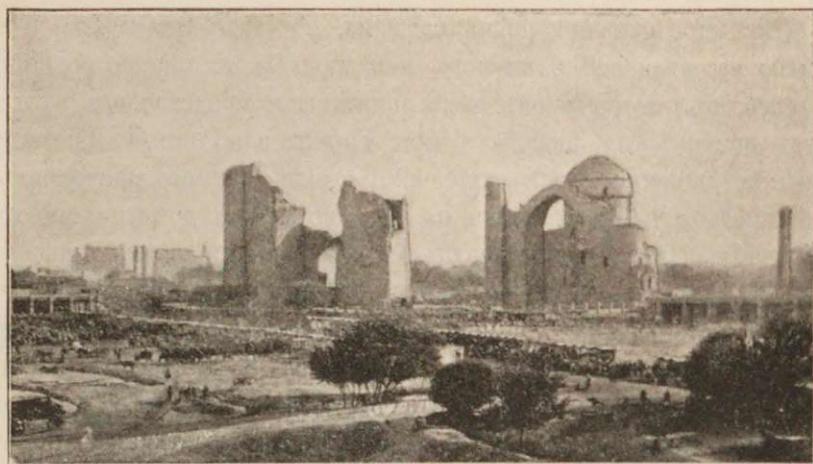
Скромно празднуда свои свадьбы, Тимуръ требовалъ, чтобы свадьбы его сыновей и внуковъ поражали баснословною роскошью. Кортежъ, въ которомъ слѣдовала принцесса, представлялъ картину, какую востокъ не видаль и при Гарунъ-аль-Рашидѣ. Громадный караванъ, конвоируемый тысячами торжественно настроенныхъ всадниковъ, слѣдовалъ, вдоль р. Аму, со всѣми доступными тогда удобствами. На слонахъ везли болѣе цѣнныя части приданаго: головные уборы въ видѣ коронъ и шлемовъ, золотой тронъ, сундуки съ драгоценными камнями, парчевые палатки и балдахины.— На встрѣчу ему выходили шейхи, имамы и муллы съ привѣтствіями и пожеланіями. Въ мѣстахъ отдыха, для невѣсты разбивали палатку, полъ которой покрывали золотою тканью. Вокругъ шатра курились благовонныя курильницы. Воздухъ былъ напоенъ мускусомъ и пріятными пѣснями рабынь....

Свадебная палатка принцессы изображала небесный сводъ, покрытый звѣздами изъ драгоценныхъ камней. Шарикъ наверху палатки былъ изъ амбры. Неподалеку отъ нея стояли шатры съ предназначенными для подарковъ кафтанами, шальми, платьями и матеріями. Наконецъ звѣздочеты Самарканда уловили по книгѣ небесь, счастливую минуту брака, и—онъ совершился къ общей радости дворца и народа!

Но и принцесса Сюонъ не помѣщала вскорѣ Тимуру повести вновь побѣдоносные тумени на Хорезмъ. З. орда начала открыто возбуждать Хорезмъ противъ его намѣстниковъ, но эта коварная игра окончилась—послѣ нѣсколькихъ впрочемъ походовъ—тѣмъ, что онъ распорядился уничтожить Хорезмъ до основанія и на его мѣстѣ посѣять ячмень. То былъ первый въ большихъ размѣрахъ опытъ безсердечности, такъ необходимой потрясало міра! Всѣхъ художниковъ Хорезма, ученыхъ и ремесленниковъ онъ отправилъ въ Кешъ, который и обратился съ того времени во вторую столицу нарождавшейся имперіи. Доставляя сюда и потомъ плѣнныхъ, Тимуръ украсилъ родной городъ дворцами и памятниками и обратилъ его въ «куполь учености и образованія».

Прежде всего, онъ построилъ въ честь своего отца мечеть и установилъ, въ поминъ его души, вакуфъ съ ежедневнымъ доходомъ въ двадцать барановъ, которые и отпускались въ пищу

всѣмъ странникамъ и неимущимъ. Второю его заботою было сооруженіе дворцовъ съ парками и восточными затѣями.

Остатки дворца Тимуръ-ленга въ Самаркандѣ.

Вскорѣ Кешъ принялъ въ свою усыпальницу его любимую dochь Ак-бѣгъ, сестру его Турканъ-хатунъ и наконецъ преждевременно скончавшагося Джигангира. Смерть послѣдняго повергла Тимура въ глубокую меланхолію, такъ что, повидимому, онъ готовъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній. Но приближенные къ нему люди употребили всѣ усилия, чтобы разогнать грустное настроеніе его души. Шейхи явились къ нему съ кораномъ, требовавшимъ отъ него истребленія невѣрныхъ. Ученые, богатые легендами и исторіями, вдохновили его подвигами Искандера-Двурогого. Даже женщины и тѣ желали видѣть, какъ ихъ повелитель вѣвѣаетъ ногу въ стремя войны. Наконецъ, его мрачное настроеніе прошло и—боевые литавры мѣродержца загремѣли вновь съ призывомъ къ истребительнымъ войнамъ.

XXXVI.

БОРЬБА ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ.

(1376 г.).

рмії, созданная Тимуромъ, счастливая звѣзда и желѣзная воля не позволяли ему мириться съ второстепеннымъ, въ средѣ кичли-
выхъ чингисидовъ и ихъ приемниковъ, положеніемъ. Между тѣмъ З. орда считала его выскочкою и смотрѣла на подвластный ему народъ съ обиднымъ пренебреженіемъ. Въ этомъ вызовѣ про-
глѣдывала своего рода гордость чистокровныхъ монголовъ передъ смѣшаннымъ населеніемъ ср. Азіи.

Пришедши въ ср. Азію монголы успѣли, въ теченіе полутора вѣка, совершенно раствориться въ средѣ культурныхъ таджиковъ. Промышленные сарты, обладавшиѣ всегда хорошимъ понятіемъ объ «ак-че»—бѣломъ серебрѣ,—также понизили величіе монгольской крови. Въ этомъ направленіи поработали, хотя и неумышленно, и такія племена, какъ дикокаменные горцы, каракалпаки и даже евреи мусульманского закона. Единство населенія Трансоксаніи было расшатано еще благодаря религіозной и этнографической розни, при которой сунниты презирали шіитовъ, а кочевой мірь шелъ противъ осѣдлаго....

Но З. орда, поглощенная величавостью, направленною и про-

тивъ данницы—Россіи, и противъ второстепенныхъ улусовъ, не замѣтила, что Тимуръ успѣль въ нѣсколько лѣтъ объединить разнородные элементы своей страны. По крайней мѣрѣ, дикокаменный горецъ, бросаясь на врага съ тяжелымъ мечемъ, не могъ упрекнуть таджика-копейщика въ недостаткѣ мужества. Такимъ образомъ, въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ, торгово-культурная страна преобразилась въ воинственную, чьему помогли и принципы ислама, высоко поднятые гурь-ханомъ, въ видѣ лозунга.

Довольствуясь приниженiemъ своей русской данницы, З. орда отбросила вовсе пути самоусовершенствованія и закоснѣла въ поддержаніи бѣлизны своей кости и чистоты своей крови. Занявъ аристократическое положеніе въ средѣ народовъ Чингисъ-хана, золотоордынцы избѣгнули смѣшанія съ покоренными народами. Послѣдніе были только ихъ слугами, но не родственниками. Сохранивъ, по своему степному міровоззрѣнію, эту высокую степень благородства, они удержали и всѣ высшія качества человѣка: выносливость, неустршимое наѣздничество и—безчувственность при побѣдѣ надъ врагами. Орда могла, во всякую данную минуту, сняться и направиться, со всѣми спутниками опустошительной войны, въ ту или другую сторону. Всѣ силы ея были постоянно въ сборѣ, а походная ея жизнь была нормальною, такъ что и самую монету она чеканила нерѣдко на ходу,—въ «ордѣ»—хотя въ продолженіи своего существованія она имѣла семнадцать постоянныхъ монетныхъ дворовъ. Избѣгнувъ родственной связи съ изнѣженными народами, она ограничивала всѣ сердечныя и душевныя отношенія предѣлами своихъ юртъ и степей.

Трудно опредѣлить, когда именно З. орда выдѣлила изъ себя Синюю орду, которая, въ лучшую пору своей исторической жизни, располагала степями съвернѣе Аральского моря и р. Сыръ и по временамъ раскидывалась отъ Урала до Дзюнгаріи и Кашгара. Изъ городовъ С. орды можно указать только на ея столицу—Саганакъ и на тотъ-же Оттаръ, нѣсколько поправившійся послѣ погрома чингисидовъ. С. орда служила своего рода пастищемъ З. орды и ея дополненіемъ. Бывали однако эпохи, когда она самостоятельно выпускала монету, вела войны и распоряжалась судьбами своихъ хановъ. Ея Саганакъ, бѣдное по понятіемъ осѣдлаго міра сельбище,—даваль въ подобныхъ случаяхъ тонъ, къ которому присматривались и прислушивались и за Ураломъ и въ Мавераннагрѣ. Не допуская ея впрочемъ до опаснаго усиленія,

золотоординскіе ханы препятствовали ей обзавестись собственною династією и находили, что она будетъ достаточно счастлива подъ ихъ личнымъ господствомъ.

Таково было убѣжденіе и девятнадцатаго хана З. орды Урусъ-хана, искренняго поклонника монгольской старины, сожалѣвшаго объ исчезновеніи Коренного юрта и династіи в. хановъ. Управляя на правахъ унії обѣими ордами, онъ видѣлъ въ степяхъ С. орды своего рода буферъ между быстро расширявшимся государствомъ гурь-хана и З. ордою. Дальнѣйшія обстоятельства указали, что въ такомъ буферѣ была дѣйствительная надобность, потому что Тимуръ повелъ тайныя сношенія съ властными золотоординцами, приглашая ихъ образовать въ сосѣдствѣ съ нимъ самостоятельное владѣніе.

По обнаруженіи этого договора, Тимуръ и Урусъ-ханъ повели глухую политическую борьбу, выставляя другъ противъ друга беспокойныхъ застрѣльщиковъ изъ бездомовыхъ степныхъ рыцарей. Луга одной стороны вытравливались другою; одна сторона перехватывала караваны, а другая — табуны; не безопасно было даже пройти изъ Мавераннагра къ могилѣ Ахметъ-Ясави.

Въ открытую борьбу Тимуръ рѣшился выступить не ранѣе, какъ при появлениі въ ср. Азіи Тохтамыша, одного изъ беспомѣстныхъ принцевъ чингисовой крови. Довольно легкомысленный по натурѣ, онъ рано, и безъ всякой подготовки, пустился въ погоню за высочайшею властью. Коренная монголія не поощрила однако его искательство и даже выпроводила его не особенно почетно изъ своихъ предѣловъ. Тогда онъ направилъ свои вождѣльнія на С. орду, полагая, что ея попечительница, ослабленная внутренними раздорами, поступится своею окраиною въ пользу его, несомнѣннаго чингисида.

Тимуръ очень обрадовался Тохтамышу, явившемуся, къ нему съ проосьбою о покровительствѣ, и пріютилъ его, какъ желанного гостя. Правда, послѣдній обнаружилъ вскорѣ же многіе изъ своихъ недостатковъ: изнѣженность, благодаря воспитанію въ гаремѣ, недостатокъ крѣпости духа и физической неутомимости и быстрые переходы отъ трусости къ чрезмѣрно широкимъ замысламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проявилъ большія умственныхъ способности и даръ политическихъ комбинацій, такъ что ему не доставало только опыта и военныхъ доблестей, чтобы выдвинуться изъ ряда чингисидовъ. Въ рукахъ Тимура онъ могъ сдѣлаться полез-

нымъ подручнымъ ханомъ и можетъ быть не только С. но и З. орды.

Выставивъ его въ соперники Урусь-хану, Тимуръ не могъ осилить его нетерпѣнія и принужденъ былъ выпустить его на арену, слабо снаряженнымъ, безъ регулярныхъ силъ, съ одною степною вольницею. Результатъ этой первой авантюры Тохтамыша былъ крайне печаленъ: при первомъ же столкновеніи съ золотоордынцами, ему пришлось спасаться бѣгствомъ вплавь, черезъ р. Сыръ, причемъ, раненый стрѣлою въ руку, онъ, благодаря только случайности, спасся отъ вѣрной гибели. Вѣсть объ этомъ пораженіи испугала Тимура. О Тохтамышѣ заговорили въ его войскахъ, какъ о трусѣ, недостойномъ поддержки, и наоборотъ, объ Урусь-ханѣ и его сыновьяхъ, славившихся своимъ набѣдничествомъ, упоминали съ уваженіемъ, какъ о воинахъ безъ страха и упрека....

Тимуръ не могъ отступить отъ задуманной имъ борьбы съ З. ордою по одному тому уже, что Урусь-ханъ прислалъ къ нему пословъ съ требованіемъ выдачи Тохтамыша. Чрезмѣрная заносчивость пословъ послужила на пользу Тимуру: его эмиры и багадуры увидѣли теперь, что поступки сосѣдей клонятся къ завладѣнію Мавераннагромъ!

Загудѣли боевые литавры....

Встрѣча Тимура съ Урусь-ханомъ произошла подъ Отрапомъ, зимою, когда свирѣпые бураны не давали возможности отличать своихъ отъ чужихъ людей. Выждавъ затишья, Тимуръ обрушился стремительно на авангардъ противника и нанесъ ему безусловное пораженіе. Войска ордынцевъ растерялись и отошли къ Уралу.

Весною Тохтамышъ получилъ извѣстіе, что Урусь-ханъ умеръ и что путь къ престолу З. орды никѣмъ не занятъ. Испытанное пораженіе не образумило его и онъ съ прежнимъ легкомысліемъ направился въ Шери-Сарай устраивать свою судьбу. Но его звѣздѣ было еще далеко до зенита славы. Укрѣпившись кое-какъ, въ полевомъ лагерѣ, съ небольшими силами, онъ потребовалъ къ себѣ на поклонъ ордынскихъ депутатовъ, но.... вмѣсто депутатовъ къ нему подошелъ сынъ Урусь-хана съ болѣшимъ войскомъ, передъ которымъ плохо укрѣпленный лагерь оказался не болѣе, какъ овечьею загородкою. Тохтамышу пришлось еще разъ бѣжать безъ оглядки къ своему покровителю, Тимуру.

Теперь Тимуръ долженъ былъ отстаивать уже не союзника,

а собственную воинскую славу. Она требовала обновлениѧ. Новое пораженіе поколебало-бы на этотъ разъ въ его непобѣдимость, поэтому онъ подготовился къ борбѣ исподволь и со всѣми воинскими приспособленіями. Осторожность эта была нeliшнею и настолько хорошо разсчитанною, что нанесенный имъ ударъ наследнику Урусь-хана обратилъ весь родъ послѣдняго въ бѣдныхъ степныхъ скитальцевъ. Тохтамышъ обратился такимъ образомъ въ подручнаго хана, которому покровитель предоставилъ всю С. орду и восточную часть З. орды. Приволжская же половина послѣдней долго еще не давалась ему въ руки, потому что тамъ распоряжался могущественный временщикъ, возводившій и низводившій хановъ—по выражению рус. лѣтописей—«сыроядецъ» Мамай.

Мамай былъ темникомъ, смотрѣвшимъ на престоль въ Сараѣ, какъ на призъ, предназначенный судбою предпримчивому наѣздинику. Онъ видѣлъ, что кровь истыхъ чингисидовъ утратила свою магическую силу и не создаетъ уже болѣе ни Батыевъ, ни Узбековъ и что, подъ покровомъ блеска и пышности орды, юятся малоуміе и худосочіе. За правомъ казнить и миловать—правомъ, передъ которымъ скатывались головы русскихъ князей—скрывались и такие злодѣи, какъ Темиръ-Хожинъ, перешагнувший къ трону черезъ трупъ убитаго имъ отца....

Кочуя со своимъ туменемъ на берегахъ р. Волги, Мамай, казалось, только и ожидалъ случая, чтобы нагрянуть въ Сараѣ, сѣсть на тронъ и пойти по слѣдамъ Батыя, а въ крайнемъ случаѣ посадить тамъ своего ставленника, достаточно послушнаго его приказаніямъ. Такой случай представился, когда Темиръ-Хожинъ занялъ тронъ, на которомъ ему удалось посидѣть всего трое сутокъ. При этомъ эпизодѣ присутствовали находившіеся въ ордѣ многіе рус. князья: «при нихъ убъенъ бысть царь Кидыръ отъ своего сына Темиръ-Хожина, а на четвертый день сѣде на царство, на седьмой день царства его темникъ Мамай замяте всѣмъ царствомъ его и бысть мяtekъ великъ въ ордѣ....»

Присутствовавши, при этой ордынской революціи, князья поспѣшили покинуть Сараѣ, такъ какъ и самому узурпатору было пока не до проявленія ханской власти. Возлѣ престола появились еще какіе-то претенденты, такъ что Мамаю пришлось перебраться съ своимъ туменемъ на горный берегъ р. и громить Сараѣ, въ которомъ успѣлъ укрѣпиться одинъ изъ предпримчивыхъ наѣздиниковъ. Поборовъ наконецъ всѣхъ соперниковъ,—Мамай объявилъ

ханомъ своего избранника Абдуллаха и позвалъ его именемъ рус. князей «къ ярлыку».

За то, что кн. Димитрій Ивановичъ покинулъ Сарай въ эпоху самой замятни, Мамай обошелъ его ярлыкомъ и вручилъ его Тверскому кн., не мало поработавшему въ ордѣ противъ Москвы. Но кн. Димитрій не былъ расположенъ уступать свою власть и прежде, чѣмъ кн. Михаилъ явился съ ярлыкомъ на великое кн., на встрѣчу ему и сопровождавшему его ханскому послу вышли московскія дружины. Посоль требовалъ кн. Димитрія къ слушанію ярлыка, но получилъ отвѣтъ: «къ ярлыку не ъду, а тебѣ, посолъ, путь свободенъ». Кн. Михаилъ остался при ярлыкѣ, но безъ в. княжества.

Русь начинала подниматься на ноги.

Великокняжескій споръ разрѣшился тѣмъ, что кн. Димитрій, побывавъ въ ордѣ, получилъ ярлыкъ, вѣроятно за хорошия деньги, на в. кн., при чёмъ великодушно уплатилъ десять тысячъ рублей за сына кн. Михаила, остававшагося въ залогѣ за невзносы дани отцомъ. Ханскіе ярлыки однако видимо утрачивали свою документальную бесспорность, такъ что между кн. Михаиломъ и кн. Димитріемъ потянулся длинный споръ за в. кн. Распрею этою воспользовалась прежде всего Литва, никогда и впослѣдствіи не упуская случая нападать на Русь въ тяжелыя минуты ея жизни.

З. орда, между тѣмъ, расширилась къ этому времени уже настолько, что не затруднилась выдѣлить изъ своего населенія большія колонизаціонныя партіи. Благодаря имъ, Казань выросла изъ ямской слободы въ столицу нового осѣдлого царства. Постигая весь вредъ, какой могло принести Руси возроставшее могущество Казани, в. кн. не имѣлъ ни повода, ни силы, чтобы избавиться отъ нежелательного сосѣдства. Одни ушкуйники могли еще въ этомъ случаѣ поработать на обще-рус. пользу, что они и выполнили въ довольно внушительныхъ размѣрахъ, не задаваясь впрочемъ государственными или политическими цѣлями. Новгородская вольница снарядила для этого флотилию изъ ста пятидесяти лодокъ и отправилась грабить низовья р. Волги. Побывавъ въ Булгаріи, она возвратилась оттуда съ громадною добычею, что вызвало гнѣвъ в. кн., повидимому нѣсколько притворный, такъ какъ новгородцы нашли способъ умилостивить его и принять на себя отвѣтъ передъ ордою за причиненное ей беспокойство.

Первымъ поводомъ къ возникшей между в. кн. и ордынскимъ временщикомъ непріязни, можно считать дерзкую грамоту послѣд-

няго съ напыщеннымъ титуломъ:—«отъ Восточнаго царя, отъ большія орды, отъ широкихъ поль, отъ сильныхъ татаръ, Царь Царей Мамай и великимъ ордамъ Государь....». Этю грамотою онъ оповѣщалъ ратая своего Димитрія Московскаго: «яко улусы нашими обладаеши, а нашему Царству пришедъ не поклониша; днесъ-же рука моя хощеть тя казнить....»

Не менѣе крупнымъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ считать и избеніе въ Нижнемъ ордынскаго посольства, опиравшагося, при непомѣрной кичливости, на свиту изъ тысячи человѣкъ. Посольство и его стражка были истреблены горожанами поголовно и, на этотъ разъ, не безъ молчаливаго кн. согласія. Всльѣдь за тѣмъ, возникли какіе-то торговые счеты, вызвавшіе побоище всльѣствіе притѣсенія булгарами не то рус. купцовъ, не то ушкуйниковъ. Нужно было наказать булгаръ. Хорошо снаряженной рус. рати казанцы не въ силахъ были оказать серьезнное сопротивленіе, поэтому и поплатились за свои неправды—селами, зимовками и волжскою флотилею. Булгары же принуждены были уплатить нѣсколько тысяч рублей окупу и принять московскаго таможника.

Почти одновременно и другіе кн. выступили противъ отдѣльныхъ ордынскихъ притѣснителей. Даже Олегъ Рязанскій, въ союзѣ съ однимъ изъ потомковъ казненнаго въ ордѣ Михаила Черниговскаго, уничтожилъ темника Тагая. Нижегородскій кн. Димитрій наказалъ Булатъ-Темира и, вообще, Русь поднимала отяжелѣвшую отъ ярма голову.

Понятно, Мамай не могъ оставить рядъ этихъ поступковъ безъ возмездія. Сегодня обижены Москвою—Булгарія и отдѣльные темники, а завтра—Сарай и вся орда?

Ордынцы, отличаясь хорошимъ устройствомъ развѣдочной части, никогда не набрасывались на чужіе области, города и рати, очертя голову. Въ этомъ отношеніи, орда свято хранила завѣты Чингисъ-хана; такъ она поступила и снарядивъ царевича Арапшу изъ С. орды въ походъ противъ Нижняго Новгорода. Путі указывала мордва, которая перенимала всѣхъ встрѣчныхъ людей и добывала отъ нихъ необходимыя вѣсти.

О приближеніи врага первый узналъ кн. Димитрій Сузdal'скій, а по его извѣщенію въ кн. выслалъ немедленно дружины на защиту Нижняго Новгорода. Но ордынцы такъ притаились, что самую вѣсть обѣ ихъ приближеніи сочли ложною. Московскіе воеводы и дружины, выступившіе изъ областей Владимирской, Юрьев-

ской, Переяславской, Ярославской и Сузdalской съ ихъ князьями не знали даже, гдѣ искать врага.

По крайней мѣрѣ, въ одинъ изъ знонныхъ, а для Россіи очень печальныхъ дней, воеводы и кн. показали, что имъ ошибочно поручили береженіе путей на Нижній. Вмѣсто этого береженія, они расположились на р. Пышѣ со всѣми удобствами боярской жизни.—«Всѣ они поѣхаша ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, мнящеся яко дома».

Дружины послѣдовали примѣру бояръ и воеводъ. Нацѣженные ими у попутныхъ жителей меды и брага привели ихъ къ опьяненію и къ разнудданности. Имъ показалось, что бесермене гдѣ-то далеко и поэтому «спустя порты свои съ плечь, а петли разстегавъ» они совершенно забыли поученіе Владимира Мономаха:

«Вышедши на войну не лѣниться; питью, фѣ, спанью не предаваться.... вставать рано и оружія не снимать съ себя».

Напротивъ, и воеводы и ратники ихъ:—«оплошишася и въ небреженіи хождааху, доспѣхи своя въ складывааху на телѣги, а иные въ сумы, а у иныхъ еще и сулицы не насаѣдены бѣху, а щиты и копія не приготовлены».—На острія же копій были намотаны рогожи, чтобы ихъ не захватило

сыростью. Кое гдѣ, если и былъ гдѣ нибудь дозорный конникъ, то и тотъ дремаль. Въ сопѣлки наигрывали. При такой боевой обстановкѣ, мордвѣ не трудно было провести Арапшу потаенно и окружить веселую компанію, какъ будто собравшуюся на дружескую попойку. Ордынцы гикнули и «внезапу, безъ вѣсти» ударили со всѣхъ сторонъ. Безоружнымъ и обезпамятѣвшимъ людямъ оставалось бѣжать, но куда? Вездѣ кололи и рубили безъ милости.

Увы! въ этотъ памятный день, р. Пьяна насытилась и людьми и коньми. Арапина стала на костяхъ христіанскихъ и занялся грабежомъ обоза.

Черезъ двое сутокъ, ордынцы уже хозяйничали въ Нижнемъ, оставленномъ кн. и боярами на произволъ судьбы. Нижегородцы бросились къ ладьямъ и кто имѣлъ силу и возможность, тотъ отплылъ по р. и бѣжалъ безъ оглядки. Остатокъ нижегородцевъ былъ истребленъ, за исключениемъ женъ и дѣвицъ, уведенныхъ въ полонъ. Но и въ Нижнемъ не долго хозяинчалъ Арапша; спустя сутки, онъ жегъ нижегородскія волости и избивалъ Переяславцевъ....

Благодаря оплошности воеводъ, орда разорила области Рязанскую и Нижегородскую, а на берегахъ р. Суры истребила все населеніе и испепелила всѣ села.

Расплата съ рус. стороны послѣдовала только въ слѣдующую зиму, когда тысячи мордовцевъ были брошены, частью въ проруби р. Волги, а частью собакамъ на растерзаніе. Одни старшины ихъ удостоились быть казненными на площади Нижняго Новгорода. Въ свою очередь и Мамай не оставилъ союзниковъ безъ отомщенія. Посѣтивъ Нижній, онъ залѣзъ тѣ же площади, на которыхъ пали мордовцы, рус. кровью.

В. кн. предупредилъ нападеніе на него тѣмъ, что собравъ полки, встрѣтился съ ордою на берегахъ р. Вожи. Битву начала орда. Она «ударила въ кони своя и скочила вборзъ, и накнула гласы своими», понеслась съ обычною стремительностью противъ обоихъ фланговъ рус. рати. На этотъ разъ мурза Бегичъ, предводительствовавшій ордынцами, опибся, понадѣявшись на монгольскую тактику—навести моментально панику и ужасъ на непріятеля. Ни окольничій Тимофей, ни кн. Данило Пронскій не поддались назадъ и крылья ихъ не разстроились. Напротивъ, по данному знаку, дружины ихъ отвѣтили атакою во фронтъ—«а князь великий удари въ лице»—и до того дружно, что ордынцы повернувшись конья свои, бѣжали за р. При этомъ паническому бѣгствѣ много ихъ «истопоща» и только ночь и сильная мгла воспрепятствовали истребительной погонѣ.

В. кн. возвратился въ Москву съ большою побѣдою и съ немалою корыстью. Побѣда далась до того легко, что, по выражению историка, она ничего не стоила россиянамъ «кромѣ труда убивать людей». Первая со времени монгольского ига, она имѣла

большое нравственное значение, указывавшее на возможность быть ордынцевъ.—«Отступило время отъ нихъ!» замѣчали уже въ дружинахъ, похвалявшихся своимъ подвигомъ.

Тѣмъ не менѣе успѣхъ, достигнутый на берегахъ р. Вожи, не представлялъ ничего решительного и служилъ только прелюдіей къ другой битвѣ Россіи съ ордою, къ битвѣ, которую никакая давность не сотретъ со страницъ рус. исторіи.

Мамай не могъ перенести пораженія его войскъ и сильное поднятіе рус. духа. Оба эти явленія угрожали ему гибелью въ глазахъ всего татаро-монгольского міра. Можно было думать, что Русь, при новой удачѣ, перейдетъ въ наступленіе.—«И учини себѣ тогда старый злодѣй Мамай совѣтъ нечестивый съ поганою Литвою и душегубивымъ Оломъ.»—Результатомъ совѣта было решеніе стать поперекъ вожделѣніямъ Руси и призвать къ войнѣ съ нею всякаго прохожаго человѣка. На этотъ призывъ явились не только блуждавшіе по степямъ остатки половцевъ, но и наемники—«армены, фрязи, черкасы, ясы и бургасы.»—Всѣ они ожидали дешевой и обильной военной добычи. При этомъ удобномъ случаѣ не отказались попытать счастья и Ягелло Литовскій и хитроумный Олегъ Рязанскій, всегда ненавидѣвшій Москву и готовый переметнуться на бесерменскую сторону. Мамай не скучился на обѣщанія и, взамѣнъ будущихъ надѣловъ на счетъ Москвы, онъ требовалъ только отъ своихъ союзниковъ признанія его сузереномъ.

Но Олегъ всетаки первый сообщилъ в. кн. Димитрю Ивановичу, что Мамай собрался на войну со всею ордою и что Литовскій кн. спѣшилъ къ нему на помощь. Поступокъ его понятенъ: все-же онъ измѣнялъ христіанству, а это щемило сердца рязанцевъ и при томъ—кто знаетъ—военное счастье такъ измѣнчиво!

В. кн. разослалъ немедля по областямъ призывъ вести сколько возможно болѣе ратныхъ людей въ Москву, со всѣми необходимыми орудіями военнаго дѣла. Призывъ не остался втунѣ. Бояре и кн. съ дѣтьми и дружинами—ростовскіе, бѣлозерскіе, ярославскіе, владимирскіе и муромскіе—направились къ Кремлевскимъ воротамъ. Дружины ихъшли за дружинами при всеобщемъ, необыкновенномъ воодушевленіи. Вскорѣ Москва собрала у себя огромную силу, которая, напутствованная духовенствомъ, пошла на бой съ врагомъ.

Шли на Коломну. Здѣсь присоединились къ дружинамъ и

ольгердовичи съ псковичами и брянскою силою. Произведенный в. кн. смотръ не могъ не доставить ему высокой душевной отрады: въ первый разъ еще Русь выставляла въ поле сто пятьдесят тысячъ ратниковъ!—«Отъ начала міру такова не бывала сила русскихъ князей и воеводъ мѣстныхъ, якоже при семъ в. кн. Димитрій Ивановичъ».

Мамай уже стоялъ за р. Дономъ «со всѣмъ своимъ царствомъ» въ ожиданіи вспомогательныхъ отрядовъ Олега и Литвы. Чтобы выиграть время, онъ вступилъ въ переговоры съ в. кн., говоря, что онъ удовольствуется данью, которую и назначилъ въ разбойничье размѣръ. Отъ умѣренной дани в. кн. не отказывался, предлагая ее—изъ опасенія проигранною битвою ухудшить положеніе всего рус. народа—уплатить «по христіанской силѣ и по своему докончанію.» Но Мамай узнавъ о приближеніи литовского войска, прерваль дальнѣйшіе переговоры.

Съ другой стороны, въ московскихъ полкахъ и въ средѣ воеводъ возникли колебанія.—«Иди, княже, за Донъ!» совѣтывали храбрѣйшіе. — «Не ходи, княже, за Донъ!» совѣтывали чрезмѣрно осторожные.—«Зане-же умножися враги наши, не токмо татарове, но и Литва и рязанцы».

Рус. войска стояли уже на берегу р. Дона, когда в. кн. получилъ грамоту преподобнаго игумена Сергія съ благословеніемъ вступить въ бой съ татарами. — «Чтобы еси господине, тако и пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Св. Троица.»—Утвердившись наконецъ въ мысли перевѣдаться съ бесерменами, в. кн. стяжалъ себѣ этимъ рѣшеніемъ громкое историческое имя и благодарность потомства на многіе вѣка. Переправа, благодаря густому туману, обошлась и на бродахъ и по наплавнымъ мостамъ, безъ тревоги и препятствія. На берегахъ р. Непрядвы, дружины построились въ боевой порядокъ, принявъ обычное дѣленіе на арміи праваго и лѣваго крыла, сторожевой полкъ и велиокняжеский, служившій и центромъ, и резервами. Но особенно важное значеніе въ предстоявшей битвѣ имѣла засада кн. Владимира Андреевича, успѣвшаго размѣстить свой полкъ въ удобномъ, потаенномъ мѣстѣ дремучаго бора, примыкавшаго къ полю битвы.

На обращенную къ войскамъ рѣчу в. кн. приглашившаго «мильыхъ братій», не щадить живота, кн. Владимиръ Андреевичъ отвѣтилъ съ достоинствомъ вдохновеннаго оратора:—«Господине, князь Димитрій Ивановичъ! воеводы у насъ вельми крѣпцы, а рус-

скіе удальцы съѣдомы, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы и колчары фряжскіе, корды ляцкіе, сулицы нѣмецкія.... а дорога имъ вѣдома.... и хотятъ они головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду.»

Мамай ожидалъ непріятеля на Куликовомъ полѣ.

Великокняжескій полкъ вступилъ первымъ въ битву, при чемъ в. кн., пренебрегшій совѣтами бояръ,—«княже господине! не ставися напреди битися, но назади, или на крилѣ, или иѣгдѣ въ опришнемъ мѣстѣ»—всталъ за рядового съ очевидною цѣлью возбудить въ ратныхъ людяхъ духъ энергической рѣшимости. Вскорѣ вступили въ бой всѣ войска, при чемъ вышла не малая сумятица, такъ что забыли и о в. кн. и въ разгарѣ битвы едва уберегли болыпія знамена. Возможно, впрочемъ, что иноки Троицкой обители Пересвѣтъ и Осляба были тѣлохранителями кн., по ихъ нашли послѣ битвы въ числѣ труповъ, изъ которыхъ они выдѣлялись своими схимами. Дубинка Пересвѣта, которую онъ сразилъ голіаѳа Челубея, хранилась еще недавно въ скопинскомъ Дмитріевскомъ монастырѣ.

Поле битвы раскинулось на десять верстъ. Вскорѣ сошлись сторожевые полки и—«бысть сѣча велика и брань крѣпка, и трусь великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала сѣча такова великимъ кн. Русскимъ.»—Въ быстро разгорѣвшейся битвѣ выдался было и такой критический моментъ, когда молодые ратники, устрашенные дикимъ завываніемъ ордынцевъ, лязгомъ оружія и грудами уже сваленныхъ труповъ, дали тылъ. Вотъ въ эту минуту разразился стихійный ударъ изъ засады кн. Владимира Андреевича. Онъ рѣшилъ битву. Изумленные и разсѣянные на громадной площади ордынцы не въ силахъ были противиться сѣжему войску изъ отборныхъ ратниковъ и обратились въ беспорядочное бѣгство.—«Мамай-же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ, нача призывать боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Ракля, Гурса и великаго своего помощника Ахмета. И не бысть ему ничто-же помощи отъ нихъ!»

Мамаю пришлось бѣжать и, «даша плеци свои на язвы», увлечь за собою «не готовыми дорогами» остатки разбитой силы.

Весь его станъ достался побѣдителямъ.

В. князя нашли въ обморочномъ состояніи. Латы и шлемъ его были исковерканы и изѣбчены, «но на тѣлеси его не бяше язвы

никое-же.» Радостная вѣсть о побѣдѣ оживила его до того, что онъ былъ въ состояніи обѣхать поле битвы и благодарить уцѣлѣвшихъ храбрецовъ. Поле было покрыто сотнею тысячъ труповъ.

Литовской кн. бѣжалъ, не вступивъ въ сраженіе.

Гонцы в. кн. оповѣстили повсюду обѣ одержанной побѣдѣ, которая была настолько рѣшительна, что казалось орда больше не встанетъ. Къ сожалѣнію, в. кн., оставаясь за р. Дономъ пятьдесятъ сутокъ, вмѣсто того чтобы погнаться за непріятелемъ и добить его остатки—устроилъ торжественное шествіе обратно въ Москву. Впрочемъ,бросившись на ордынскія земли, можно было потерять и результаты Донской побѣды, потому что рус. рать не готовилась къ долгому походу: въ обозахъ ея не было запасовъ, а ордынцы разумѣются истребили все, что попадалось на глаза.

Во всякомъ случаѣ, З. орда еще не пала и Руси предстояло имѣть съ нею крупныя дѣла.

«Сыродецъ Мамай, прибѣжа въ свою землю въ малѣ друзинѣ, видя себѣ бита, посрамлена и поругана.... ярся зѣло.... еще вѣсхотѣ ити изгономъ на Русь.»—Но въ это-же время, на него надвинулся ожидавшій удобнаго момента Тохтамышъ, которому не даваль покоя геній Чингисъ-хана. Наскоро собранные Мамаемъ тумени пришлось, такимъ образомъ, направить противъ новаго врага. Встрѣча ихъ произошла на р. Калѣ и, кажется, на томъ самомъ мѣстѣ, где чингисиды нанесли жестокое пораженіе соединеннымъ силамъ половцевъ и южно-рус. кн.

«И бысть имъ бой».—Мамаю здѣсь окончательно измѣнило счастье. Тумени его, не успѣвшіе залѣчить раны отъ ударовъ в. кн., вовсе не пошли въ сраженіе и передались Тохтамышу. По крайней мѣрѣ «Мамаевы князи, спедше съ конь своихъ, биша челомъ царю Токтамышю и даша ему правду по своей вѣрѣ.»

Мамай, захвативъ остатки своихъ богатствъ, бѣжалъ «отъ великаго страха даже до града, лежащаго надъ моремъ Кафы....» Здѣсь, генуэзцы—«створиша надъ нимъ облѣсть.» Или говоря проще, ограбили его и убили и—«тако бысть конецъ безбожному Мамаю!» Могилу его указываютъ и теперь еще между Феодосіею и Старымъ Крымомъ.

Достойно вниманія, что онъ оставилъ по себѣ на Руси болыше легендъ и поговорокъ, нежели кто либо изъ ордынцевъ. Съ этой стороны, даже Батый и Узбекъ менѣе извѣстны рус.

народу, нежели грозный сыроядецъ. Память о немъ сохранилась и въ духовномъ стихѣ о Димитріи Солунскомъ:—Невѣрный царь Мамай шелъ на Салымъ-градъ, которому предстояло подвергнуться общей участї разоренія и плѣна. Но одинъ почтенный старецъ, искренно молившійся Св. Димитрію, Солунскому чудотворцу, увидѣлъ чудо, предвѣщавшее, что Мамайской силѣ быть побитой. На утро «единъ человѣкъ, изъ-за престола возсталъ», одѣль ризу, сѣль на бѣлаго осла и вступилъ въ бой съ нечистыемъ царемъ. Побилъ онъ у него три тѣмы и прогналъ остатокъ вражеской силы за рубежъ. Во время бѣгства, Мамай захватилъ двухъ дѣвицъ—полонянокъ, которыхъ и допросилъ потомъ, какому могучему богатырю онъ обязанъ своимъ пораженіемъ? Дѣвицы назвали Димитрія Солунскаго; тогда Мамай приказалъ вышить его ликъ на коврѣ: «коню моему на прикрасу, а мнѣ царю, на потѣху.»

Дѣвицы отказались исполнить этотъ приказъ, но надѣялись повисла «сабля мурзавецкая» — и онѣ уступили съ горькими слезами. — Въ ночь онѣ вышили ликъ чудотворца, но на этомъ же коврѣ, обезсиленныя душевными страданіями, пріуснули и — о чудо! — онѣ проснулись уже въ соборной церкви своего родного Салымъ-града. Общая радость и князей—бояръ и «Митрія—Преполита» и всѣхъ христіанъ была безмѣрна.

Каличны пѣсни приписываютъ побѣду на Куликовомъ полѣ великомуученику Димитрію.

Смерть Мамая заключила собою одинъ изъ величайшихъ актовъ все болѣе и болѣе крѣпчавшей борьбы Руси за существованіе и установила новую эру въ отношеніяхъ ея къ ярму чингисидовъ.

XXXVII.

РАЗГРОМЪ МОСКВЫ ТОХТАМЫШЕМЪ.

(1382 г.).

охтамышъ возвратился въ Сарай могущественнымъ ханомъ, которому тѣни Батыя и Узбека указывали путь къ возстановленію поколебленаго могущества орды. Овладѣвъ гаремомъ, казною и улусами Мамая и расплатившись съ помогавшими ему войсками, онъ занялся приведеніемъ рус. земель въ прежнее данническое положеніе. Первымъ дипломатическимъ къ тому шагомъ было отправленіе имъ пословъ къ в. кн. Димитрю Ioанновичу и къ удѣльнымъ кн. съ извѣщеніемъ о выигранной имъ побѣдѣ надъ ихъ общимъ врагомъ. Послы должны были напомнить при этомъ, что онъ сѣль на Волжское царство и что ему нужно отдавать честь, какъ и его предкамъ—чингисидамъ. Князьямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отпустить пословъ съ честью, а потомъ послать и своихъ бояръ съ отвѣтными подарками.

В. кн. видимо не хотѣлъ понять тонкій намекъ воинственного ордынца на то, что занявъ тронъ Узбека, онъ ожидаетъ не подарковъ, а прямой дани и просьбы о выдачѣ ярлыка на княженіе. Желаніе его представлялось какъ бы несообразнымъ съ новымъ положеніемъ Руси, только что одержавшей верхъ надъ ордою, въ битвѣ на Куликовомъ полѣ. Переживъ въ этой битвѣ моменты высшаго напряженія духовныхъ и физическихъ силъ, рус. народъ успокоился на доставшихся ему лаврахъ и позабылъ, что монгольское ярмо продолжало еще оставаться на

его плечахъ. По крайней мѣрѣ торговыя москвичи, наполнивъ короба товарами, отправились тотчасъ-же въ гости къ булгарамъ, князья-же принялись за мѣстническіе счеты, а іерархи обратились къ сбору казны, въ которой всегда нуждались поставлявшіе митрополитовъ царьградскіе греки.

Хотя охраненіе государственной границы лежало на обязанности порубежныхъ удѣльныхъ кн., но и в. кн., не слѣдовало-бы предаваться въ этомъ дѣлѣ безмятежному покою. Получивъ отъ современныхъ витіевъ прозваніе высокопарнаго орла, в. кн. Димитрій Ioannovichъ не понять однако истинный смыслъ послѣднихъ ордынскихъ событий и, распустивъ по домамъ дружинниковъ, занялся исключительно дѣлами благочестія. Боевые доспѣхи онъ замѣнилъ власяницею смиренія, наблюдая только, чтобы Тверской кн. держался подальше отъ его отчины или чтобы новгородцы не били въ набать противъ Москвы и не разбойничали въ любимой имъ Костромѣ.

Отвѣтная любезности рус. кн. не удовлетворили Тохтамыша, поэтому онъ выступилъ противъ нихъ съ болѣе ясными уже предостереженіями. Поводомъ къ тому, онъ избралъ отказъ рус. гостей заклеймить товары его тамгою и расплатиться въ Булгаріи съ его таможниками. За подобный отказъ взыскивалась обычно только пена, но теперь онъ велѣлъ избить и ограбить гостей, а суда, на которыхъ они пришли по р., доставить въ орду. Для лучшаго-же уразумѣнія его намѣреній, онъ снарядилъ въ Москву посольство изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, съ прямою обязанностью напомнить в. кн., чтобы онъ явился съ выходнымъ и съ просыбою о ярлыкѣ на княженіе. Начальникъ посольства долженъ былъ объяснить, что Русь, оставаясь попрежнему улусомъ З. орды, не должна забывать, подъ страхомъ разоренія, о своемъ данническомъ положеніи.

Только теперь велиокняжеские совѣтники, если не просвѣтѣли, то поняли, что передъ ними выросла новая сила, задавшаяся мыслю воскресить времена тяжелаго рабства. Въ поднявшейся суматохѣ, Москва не придумала однако ничего другого, какъ только повернуть посольство обратно въ орду. Посольство, не располагая достаточными средствами сопротивленія, возвратилось въ Сарай съ извѣщеніемъ объ оскорблениі ханскаго величія. Послѣдовавшій такимъ образомъ разрывъ входилъ несомнѣнно въ планы честолюбиваго чингисида, испытавшаго, послѣ многихъ превратностей

судьбы, сладость обладанія привлекательнѣйшимъ удѣломъ своего великаго предка. При томъ же, его орда кормилась уже полтора столѣтія рус. данью и лишиться послѣдней—значило распасться, разсѣяться или-же обратиться къ трудовой жизни, къ чему она не имѣла ни малѣйшаго расположенія.

Москвѣ, вызвавшей столкновеніе съ сильнымъ врагомъ, слѣдовало-бы немедленно изготовиться къ оборонѣ, между тѣмъ москвичи продолжали обычное теченіе своего житейскаго обихода и—«премудрость строити ратныя дѣла . . . въ слабость женскую приложися». Москвичи не обезпокоились даже и при появлениі «на востоцѣ, предъ раннею зарею, звѣзды, которая была хвостата и акы кошѣйнымъ образомъ» . . . Только впослѣдствіи уже они поняли, что это небесное, непонятное имъ, явленіе предвѣщало злое нашествіе Тохтамыша на Русь и горькое «отъ поганыхъ татаръ нахоженіе на христіянъ».—До самыихъ же вѣстей объ этомъ припествиі, Москва продолжала молиться, торговать и бражничать, какъ бы не подозрѣвая, что орда еще жива, близка и жестокосердна!

Тохтамышу не стоило большого труда призвать къ своему бунчуку иѣсколько туменей всадниковъ, обычно жаждавшихъ войны, какъ урочного времени для обогащенія и ханскихъ милостей. При переправѣ черезъ р. Волгу, Тохтамышъ распорядился перехватить всѣхъ людей, которые могли извѣстить в. кн. о принятомъ на него изгояніѣ.—«Ведише бо рать изневѣсти внезапу, съ умѣниемъ и тацѣмъ злочитрѣмъ не дающе вѣсти про себѣ»... Кромѣ того, въ помошь и на послуги ему явились изъ Рязани, Суздаля и Нижнаго - Новгорода недовольные Москвою рус. кн. и княжичи. Прежде всѣхъ вышелъ къ нему кн. Олегъ Рязанскій, который, «бивъ ему челомъ», представилъ планъ не только взятія Москвы и в. кн., но и пѣненія всей рус. земли. Рязанцы, перенося всегда первыми удары ордынцевъ, разступались передъ ними, какъ передъ стихійною силою. Олегъ «хотяше добра своему княженію», задумалъ теперь провести вражбы войска мимо своей земли. Сузальские княжичи Василій и Семеонъ догнали ордынцевъ уже на дорогѣ къ Москвѣ. Выславъ ихъ, Суздаль продолжала только свою обычную политику сопротивленія Москвѣ и заботы объ удержаніи у себя великокняжескаго стола.

Продолжая задерживать каждого доброхота Москвы, Тохтамышъ все таки пропустилъ иѣсколькихъ поборниковъ рус. земли,

успѣвшихъ извѣстить в. кн. о приближеніи врага. Москва собралась на совѣтъ, но онъ обнаружилъ сильную рознь между кн., позабывшими:—«коль добро и коль красно еже жити вкупѣ». На совѣтѣ, в. кн. увидѣлъ себя въ одиночествѣ и замѣтно паль духомъ, такъ что оставилъ Москву на произволъ судьбы. Переbrавшись въ Переяславль и потомъ въ Кострому, онъ оправдывалъ свой поступокъ намѣреніемъ собрать ратную силу и ударить ордынцамъ въ тылъ. Намѣреніе его однако не осуществилось. Митрополитъ Кипріанъ также удалился въ Тверь. Владыко Герасимъ предпочелъ бѣжать въ Новгородъ. Москвѣ оставался выборъ между добровольною сдачею и сопротивленіемъ съ неизбѣжнымъ въ концѣ его погромомъ.

Послѣ бѣгства в. кн. и іерарховъ, участъ Москвы попала въ руки подонковъ населенія, поднявшихъ сумятицу, въ которой близкайшими совѣтниками были доставшіеся толпѣ боченки съ медомъ и брагою. На всѣхъ колокольняхъ загудѣли колокола, но ихъ усердный звонъ ничего не говорилъ ни разсудку, ни патріотизму, ни подъему духовныхъ силъ. Одна половина города пустилась въ бѣгство со всею своею рухлядью, а другая принялась грабить бѣжалщихъ, какъ недостойныхъ сыновъ отечества. Бояры оплачивали бѣгство цѣнными окупомъ. Не выпускали и митрополита, но у него нашлись богобоязливые почитатели, выпроводившіе его изъ города невредимымъ. Долгое время нельзя было затворить городскія ворота, такъ какъ напиравшая на нихъ толпа сельчанъ не внимала ни окрикамъ, ни сыпавшемуся на головы камнямъ и бревнамъ. По дорогамъ образовались встрѣчныя теченія изъ города и обратно, которыя распутывались кулачнымъ боемъ не разбиравшимъ ни пола ни возраста. Въ стѣнахъ Москвы задержались купцы, которымъ было очень трудно разстаться съ ихъ кладовыми, суконники, часть благо духовенства, чернецы и женщины; этою нестройною толпою верховодило вѣче безшабашниковъ, вошедшихъ, благодаря разливному морю напитковъ, въ воинственный ражъ.

Въ царившей сутолокѣ водворилось подобіе дисциплины только при появлѣніи въ городѣ Литовскаго кн. Остѣя, внука в. кн. Ольгерда. Кн. Остѣй пожелалъ доброю волею вступить въ борьбу съ ордою. Ему удалось наконецъ завалить ворота, разставить на стѣнахъ стрѣлковъ, наготовить кипятку, смолы и камней и обуздѣть сильными мѣрами безобразничавшую вольницу. Благодаря его рас-

порядительности, на бой изготовились люди всѣхъ состояній, такъ что архимандриты, наравнѣ съ суконниками и подростками, ретиво подносили булыжники и связки хвороста. Въ ту пору Москва была уже ограждена каменною стѣною, поэтому защитники ея могли смѣло бросать на головы ордынцамъ просмолленныя и подожженныя охапки сухой травы и сучьевъ.

Перейдя, по указаніямъ Олега, р. Оку въ бродъ, ордынцы взяли Серпуховъ и безпрепятственно подступили къ Москвѣ. Первоначально появились передъ нею малые карагулы, а потомъ и главные силы, которыми предводительствовалъ лично Тохтамышъ. Они пришли налегкѣ, безъ катапультъ, съ одними штурмовыми лѣстницами, изготовленными, по всей вѣроятности, захваченными въ пленъ сельчанами и серпуховскими плотниками.

Первый день осады прошелъ безъ боя, въ рекогносцировкѣ слабыхъ мѣсть городской стѣны. Прежде приступа къ штурму, ордынцы завязали съ москвичами дружественные переговоры. Парламентеры ихъ освѣдомились прежде всего, въ городѣ ли в. кн. Дмитрий и, получивъ отрицательный отвѣтъ, заявили, что ханъ пришелъ «показнити своего холопа Дмитрія», а такъ какъ онъ убѣгъ, то и нѣть причины держать ворота на запорѣ. Но москвичи, отказываясь на этотъ разъ вѣрить татарамъ, пустили въ нихъ иѣсколько стрѣль; тогда въ роли парламентеровъ выступили сузальскіе кн.—«Царь васть, своихъ людей, хочетъ жаловати, понеже неповинны есте. . . . не на васть бо воюя пришелъ, но на в. кн. ополчился. Онъ даруетъ вамъ миръ и любовь свою, а вы изыдѣте противу ему въ срѣтеніе съ честю и съ дары». Но и эти лѣстивыя рѣчи не поколебали москвичей, поэтому князья—сторонники орды не устыдились

прибавить: «имите намъ вѣры, мы бо ваши есмѧ князи христіанѣстїи.... и правду даемъ на томъ».

Едва-ли и такое увѣреніе склонило-бы кн. Остѧя къ сдачѣ Москвы, но защитники, которыми онъ располагалъ, были до крайности ненадежны. Лучшіе изъ нихъ люди занялись мыслями исключительно о спасеніи своихъ душъ и, въ ожиданіи смерти, предались молитвамъ, посту и покаянію. Въ храмахъ недоставало іереевъ для исповѣди и причастія.—«Нѣці же недобріи человѣци» занялись повальнымъ грабежомъ и особенно серебряныхъ и стеклянныхъ сосудовъ съ медами, возбудившими, не ко времени и обстоятельствамъ самохвальство. Шатаясь за городскими стѣнами, безшабашная, вольница разражалась кичливостью и безстыднымъ ругательствомъ. Орда же, не приступая къ рѣшительному дѣлу, словно забавлялась:—«стрѣляху напередъ и назадъ, скоро и улично, безъ прогрѣхи».

Осада длилась трое сутокъ. Нѣсколько приступовъ ордынцевъ были отбиты—камнями, кипяткомъ, тюфяками, самострѣлами и даже «великими пушками». Одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ—суконникъ Адамъ, сторожившій фроловскія ворота, убилъ стрѣлою любимца Тохтамыша и «се же бѣ велика язва всѣмъ татаромъ». На четвертый день осады, выступили вновь парламентеры; на этотъ разъ они обошли кн. Остѧя и москвичей лживыми рѣчами.

Ворота Москвы распахнулись въ полуденное время. Изъ нихъ вышла торжественно настроенная процессія архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, бояръ и множества черныхъ людей. Духовенство вышло въ ризахъ, со крестами и иконами. Бояре несли почетные дары....

При появлѣніи процессіи ордынцы не замедлили обнаружить коварство, съ какимъ они вызывали Москву сдаться на милость ихъ вождя.—«И въ томъ часѣ татарове почали сѣчи напрасно».... Первымъ палъ подъ ихъ ударами кн. Остѣй. Рядомъ съ нимъ изрубили духовенство и бояръ, вышедшихъ безъ оружія и безъ мысли о возможности—послѣ клятвы русскихъ кн.—подобной измѣны. Спустя нѣсколько минутъ, ордынскіе кони топтали уже, врываясь въ городскія ворота, трупы изсѣченныхъ мечами людей, блестящія ризы, иконы, кресты и самые дары въ видѣ мѣховъ, серебряныхъ сосудовъ и мѣшковъ съ рублями. О сопротивленіи не могло быть и помысла. Кромѣ проникнувшихъ въ ворота всадниковъ, толпа спѣшенныхъ ордынцевъ взбралась по лѣстницамъ на

стѣны — и разметалась повсюду, гдѣ только можно было увидѣть цѣнную добычу.

Москвичи, обезумѣвшіе отъ бѣшенаго вихря людской злобы, тщетно искали спасенія въ каменныхъ храмахъ, въ погребахъ и даже въ колодезяхъ. Дубины, мечи и кошы багадуровъ преодолѣвали всѣ препятствія. Надъ Москвою царилъ хаосъ звуковъ изъ колокольного набата, воинъ убиваемыхъ, побѣдоноснаго «урръ!» лизга оружія и паденія подожженныхъ зданій. То было дикое за- вызванье надъ истерзанною и угасавшею столицею, еще такъ недавно хвалившуюся своимъ великолѣпіемъ. Москва представляла уже въ ту пору — «градъ великъ, градъ чудень, градъ многочеловѣченъ.... и въ немъ же множество всякихъ узорочья». — И вотъ, въ нѣсколько часовъ, отъ этого великолѣпія остались дымившіяся пожарища, горы труповъ, прахъ, пепель и остатки обезумѣвшаго случайно нѣдобитаго народа!

Разумѣется никто и не вспомнилъ, въ чаду этого новального избѣнія и погрома о ярлыкахъ, данныхъ чингисидами въ охрану духовенства и его собственности. Напротивъ, оклады на иконахъ, церковные сосуды, златокованнія покрышки на священныхъ кни- гахъ, шитыя золотомъ одежды, унизанныя жемчугомъ пелены — привлекали особое вниманіе ордыщевъ. Всѣми этими трофеями были полны ихъ мѣнки, запасливо приготовленные еще при самомъ вторженіи въ городъ. Всѣ подгородные монастыри, разсчитывая на безопасность Москвы, спесли заранѣе въ ея храмы свои драгоцѣнности, поэтому добыча ордынцевъ превзошла ихъ ожи- данія. Усилия-же ихъ въ избѣніи людей и въ грабежѣ были такъ велики, что даже у багадуровъ — «руки и плеща измолкоша, сила изнеможе и саблямъ ихъ острія притупишася». — Повидимому ордынцы оставили руины Москвы въ тотъ-же день и вышли на ночь въ поле, унося съ собою груды богатствъ и уводя въ полонъ громадную толпу безмолвно трепетавшихъ москвичей и москвичекъ.

Орда привела достаточно запасныхъ коней, чтобы навьючить на нихъ добычу и достаточно веревокъ, чтобы окружить ими полонъ. Наступала осень. Въ расчеты Тохтамыша не входило зимовать на Руси, поэтому онъ «понудився нача отступати отъ града Москвы». Но прежде онъ разославъ своихъ темниковъ разорить и пленить все княжество. Разсыпавшіеся въ разныя сто- роны ордынцы быстро захватили Владімиръ, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ и Переяславль. Не требуя ихъ покорности, они

жги и рубили, рубили и жги. Вскорѣ полонъ ихъ увеличился до чудовищныхъ размѣровъ. Только у Волока кн. Владимира Андреевича устроилъ имъ засаду и уничтожилъ одинъ изъ отрядовъ. Но то былъ частичный успѣхъ, нисколько не поправившій разлившееся по русской землѣ бѣдствіе.

Проходя обратно по Рязанскому кн., Тохтамышъ отблагодарилъ кн. Олега тѣмъ, что землю его «поже, а людей посѣче». Полонъ и здѣсь получилъ сильный приrostъ и, окруженный веревками и стражею, попался на «поганскую работу въ татарской сторонѣ». Суздалыцы тоже ничего не выиграли измѣною обще-рус. дѣлу, потому что и монголы и татары охотно пользовались услугами измѣнниковъ, но никогда не приблизили ихъ къ себѣ, изъ опасенія встрѣтиться съ повтореніемъ измѣны.

По удаленіи грозы, в. кн. возвратился въ испепеленную Москву, со всѣми, бѣжавшими въ дни ея бѣдствія, боярами. Ему было отчего расплакаться «вельми слезно.» Прилежный къ молитвѣ и къ церковному благолѣпію, онъ напечь однѣ рушившіяся стѣны храмовъ, изрубленные иконостасы и совершенное отсутствіе богослужебныхъ книгъ и сосудовъ. Улицы, площади, р.р. и колодези Москвы были завалены разлагавшимися трупами. Распорядившись похоронами ихъ, в. кн. велѣлъ платить за уборку и погребеніе трупа по полукопѣйкѣ, на что казна его израсходовала триста рублей. Погребено было такимъ образомъ около шестидесяти тысячъ убитыхъ; кроме того, исчезло множество людей въ рѣкахъ и въ колодезяхъ, въ обрушившихся погребахъ и на пожарищахъ.

По очисткѣ отъ труповъ, Москва тотчасъ-же занялась домашними счетами. Поступокъ кн. Олега нельзя было оставить безнаказаннымъ, поэтому московская рать прошлась по его землѣ, такъ что и «до остатку пусту учинила.» Олегъ скрылся. Встрѣча съ москвичами обѣщала ему нѣчто худшее ордынского прішествія.

Митрополитъ Кипріанъ, отсидѣвшись, во время ратнаго нахожденія, въ Твери, чувствовалъ за собою эту вину и медлилъ возвратиться въ Москву, но в. кн. послалъ за нимъ бояръ съ настойчивымъ приглашеніемъ прибыть въ митрополію. Здѣсь онъ выслушалъ настолько сильныя укоризны за оставленіе паства въ дни ея бѣдствія, что изъ опасенія ареста и пожалуй сорванія клубка, поспѣшно перебрался въ Киевъ, откуда онъ принялъ

поддерживать Тверь противъ Москвы. Вмѣсто него былъ вызванъ находившійся въ заточеніи Пименъ, достигнувшій, путемъ подложнаго письма къ патріарху, посвященія въ митрополиты. Въ гнѣвъ своемъ на Кипріана, в. кн. какъ бы забылъ, что онъ тоже отсидѣлся въ Костромѣ, не подавъ своей отчинѣ ни малайшей помощи....

Возвратившись въ Сарай, Тохтамышъ отправилъ къ в. кн. послу Карача съ предложеніемъ, по сказаніямъ современниковъ, мира и любви, а въ дѣйствительности съ требованіемъ явиться въ орду за ярлыкомъ. Впрочемъ, и безъ этого напоминанія, князья не замедлили потянуться въ орду возобновить свои тяжбы. В. кн. послалъ своего сына Василия тягаться съ кн. Михаиломъ Тверскимъ, который лично отправился въ орду оспаривать свои права. Споръ этотъ окончился тѣмъ, что Тохтамышъ оставилъ у себя въ залогѣ и его сына и сына в. кн., спасшагося впослѣдствіи бѣгствомъ изъ Саара.

Далеко охотнѣе и ретивѣе, нежели противъ ордынцевъ, собралась московская сила противъ Новгорода, когда этотъ, пользуясь времененнымъ ослабленіемъ в. кн., взялъ разбоемъ Кострому и Нижній Новгородъ. Подъ стягъ в. кн. быстро собрались рати: московская, коломенская, звенигородская, можайская, ржевская, серпуховская, всего изъ тридцати городовъ и областей. Передъ этою силою Новгородъ почувствовалъ себя одинокимъ и немощнымъ. При томъ же взволновались и его вольные люди, выставившіе два вѣчевыхъ колокола: одинъ звалъ на Ярославовъ дворъ, а другой на Софийскую площадь. Въ добавокъ къ этой неурядицѣ, вольнолюбивый городъ отложился и отъ суда кн. и отъ суда митрополита, такъ что противъ него возстали и свои люди и чужія власти.

Новгороду, при одномъ слухѣ о походѣ на него в. кн., пришло смириться. Примирителемъ явился владыко Алексій, который просилъ в. кн. учинить миръ, избѣгнуть кровопролитья, а за прощеніе вины получить въ даръ восемь тысячъ рублей. Но в. кн., не соглашаясь на миръ, пододвинулъ свои многотысячныя рати къ городу, который не зналъ уже ставить ли ему остроги или попытать счастья въ новыхъ переговорахъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ монастырями, Новгородъ принялъся, стараясь затруднить къ нему подступъ, жечь монастыри и пригороды. Въ нѣсколько дней сожжено двадцать четыре монастыря и пять церквей, такъ

что, по справедливости, «бысть новгородцемъ и мнишьскому чину много убытка». Новая депутація новгородцевъ изъ духовенства и представителей городскихъ концовъ, была принята в. кн. ласковѣе прежней. Миръ состоялся по старинѣ: съ окупомъ въ восемь тысячъ рублей.

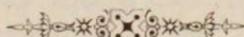
Вообще, неудачная борьба съ Тохтамышемъ завершилась повторениемъ данническаго положенія Руси. В. кн. обязался платить по серебряной полтинѣ съ деревни о трехъ дворахъ, такъ что рус. людямъ пришлось повторять скорбныи вонъ, раздававшійся во времена напшествія Батыя:

«Зачѣмъ мать сыра земля не погнется
«Зачѣмъ не раступится?....»

Руси пришлось выпускать монету съ именами хановъ и эта монета выбивалась въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ. За время Тохтамыша, арабскія надписи на монетахъ говорили о немъ какъ о царѣ, у которого в. к. считался только подданнымъ. Словомъ, при Тохтамышѣ наступили для Руси не менѣе тяжелыя времена, какъ и въ эпоху наибольшаго величія З. орды. Оратаю никакъ уже не приходилось хвалиться, что у него:

«Сошка красна дерева,
«Омѣшки серебряные,
«А присопечекъ красна золота...»

Орда, иронизируя надъ Русью, напоминала ей поговорку кочеваго мира: «быстро—де разсыпается подъ копытами коня песокъ пустыни, но еще быстрѣе уничтожается счастье людское подъ ударами судьбы!....»

XXXVIII.

ВОЙНЫ ТИМУРЪ-ЛЕНГА ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

(1385—1394 гг.)

ишивъ З. орду самостоятельности и полагаясь на вѣрность и благодарность своего ставленника, Тимуръ могъ безпрѣятственно предаться расширенію своего могущества и истребленію своихъ противниковъ. Впрочемъ, вспоминая свое блестательное прошлое, онъ любилъ указывать потомъ, что въ управлѣніи подвластными ему народами онъ руководился исключительно возвышенными свойствами души—кротостю, человѣколюбіемъ и терпѣніемъ. Опорою-же его государственной мудрости были одни лишь заботы о распространеніи ислама.—«Я поддерживалъ исламъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ!»—Таково было его признаніе передъ судомъ потомства.—«Первое правило, которое взошло на востокѣ моего сердца, клонилось къ утвержденію кодекса Мухаммеда—избраннаго Богомъ сосуда.»—«Изъ кодекса, превосходнѣйшаго изъ смертныхъ, я сдѣлалъ украшеніе своей имперіи, состоявшей изъ двадцати семи покоренныхъ мною государствъ!»—Такъ онъ твердилъ и современникамъ и потомству съ очевидною цѣлью возвести исламъ въ лозунгъ для потрясенія земли. Развивая свои попеченія объ исламѣ, онъ «избралъ изъ потомковъ Мухаммеда даровитаго человѣка и назначилъ его «садромъ»—министромъ духовныхъ дѣлъ и покровителемъ всѣхъ священныхъ мѣсть. Въ

покоренные страны онъ посыпалъ крѣпкихъ въ исламъ старцевъ для предостереженія вѣрующихъ и просвѣщенія колеблющихся. Въ каждомъ городѣ находился проповѣдникъ корана и хранитель могилъ святыхъ покойниковъ...».

Какъ-же однако случилось, что при такомъ религіозномъ настроеніи и преклоненіи передъ исламомъ, онъ извелъ мусульманской крови болѣе нежели пролили ее монголы, менѣе всего заботившіеся о покровительствѣ вѣрѣ Пророка? Вѣроятно, это противорѣчіе онъ объяснилъ-бы своимъ стремленіемъ къ высшей справедливости. Во имя ея, коранъ разрѣшаетъ войну и между своими послѣдователями, такъ что мусульмане-властители могутъ, не впадая въ противорѣчіе съ вѣрнѣями Аллаха, воевать съ собратьями и уводить ихъ въ плѣнъ, на каторгу.

Разумѣется, противники Тимура объясняли его безпрерывные войны съ соплеменниками нѣсколько иначе. Они припоминали въ этомъ случаѣ поговорку: «если у тебя въ рукахъ имѣется хорошо отточенная сабля, то для чего тебѣ другой поводъ къ нападенію?» Въ рукѣ-же Тимура заключались тьмы воиновъ, а съ ними и грозный вѣтеръ разрушенія.

Образчикомъ соображеній и поводовъ, по которымъ онъ такъ равнодушно проливалъ мусульманскую кровь, могутъ служить условія, вызвавшія вторженіе его въ Иранистанъ. Его шпионы посовѣтывали народамъ Ираковъ обратиться къ нему съ мольбою на притѣсненія ихъ правителей мозаффаровъ и другихъ ненавистныхъ имъ маленькихъ тирановъ. Жалоба эта возвудила въ Тимурѣ цѣлый взрывъ справедливости, потребовавшей однако хорошо обдуманного приготовленія къ серьезной войнѣ. Забывъ, что народъ считалъ тиранами всего нѣсколько человѣкъ, онъ выступилъ въ походъ съ многими туменями, решивъ напередъ, что онъ будетъ сурово карать каждого, кто окажеть ему сопротивленіе. По его предположеніямъ, къ тиранамъ Ираковъ могли примкнуть цѣлья царства—Гилянъ, Джарджантъ, Мазандеранъ, Азербайджанъ, Ширванъ и Фарсъ. Одного этого предположенія было уже достаточно, чтобы предпринять покореніе воображаемыхъ противниковъ и включить ихъ земли въ составъ своей имперіи. Но одного его появленія изъ-за р. Аму было достаточно, чтобы малосильные государи прислали ему гонцовъ съ подарками и съ выражениемъ покорности. Правитель Мазандерана—первый взмолился о пощадѣ.—«Мы, потомки Али, всегда довольствовались этой областью»,

писаль онъ надвигавшемуся потрясателю земли.—«Завладѣвъ нашею землею, вы выкажете свое могущество, но если вы пощадите насъ, то ваше поведеніе будетъ согласно съ милосердіемъ». Выказавъ великодушіе и не разоряя Мазандерана, Тимуръ двинулся далѣе, противъ Гиляна, Джарджана и Ираковъ.

Настоящій походъ повторилъ — по числу изведенныхъ со свѣта людей и по дикости военного ожесточенія—эпоху Чингисхана и его сподвижниковъ. Земли Иранистана представлялись въ ту пору, послѣ измельчавшей династіи гулагидовъ, выморочными, ожидающими предпріимчиваго завоевателя. Они состояли изъ двухъ областей—Иракъ-Араби и Иракъ-Аджеми и изъ серии болѣе мелкихъ сатрапій. Нѣкоторыя изъ нихъ успѣли утвердить свою самостоятельность на столько, что деспоты ихъ претендовали на положеніе отдѣльныхъ государей.

Считая своимъ правиломъ начинать войну не ранѣе, какъ послѣ отвергнутаго непріятелемъ приглашенія признать его господиномъ, Тимуръ повѣялъ однако вѣтромъ разрушенія на земли Ирана безъ предувѣдомленія ихъ властелиновъ. Ему было пріятно явиться въ обстановкѣ потрясателя земли, тогда какъ еще недавно онъ набѣгалъ сюда только съ толпою вольницы и не всегда счастливымъ авантюристомъ. Онъ не боялся болѣе, что туркмены посадятъ его подъ арестъ. Теперь ему не стоило бы труда сравнять ихъ столицу съ ячменной нивою.

Еще во время осмотра войскъ, передъ выступленіемъ ихъ изъ Мавераннагра, одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ дервишъ бросилъ ему въ голову грудинку барана. Этотъ поступокъ юродиваго былъ истолкованъ эмирами и багадурами за счастливѣйшее изъ предзнаменованій; оно предвѣщало обладаніе Ираномъ, считавшимся въ ту пору «грудью Азіи».

Туркменія, чувствуя свою вину передъ Тимуромъ, отдала ему теперь свои стада безпрекословно и повела его тумени—мѣстами, гдѣ можно было найти водопой,—частью на Гератъ, а частью къ Каспійскому морю. Гератъ, тоже неласково встрѣчавшій когда-то Тимура, немедленно поплатился не только накопленными сокровищами, но даже и желѣзными воротами, отправленными для городской стѣны Кеша. Нѣкоторыя персидскія крѣпости рѣшили сопротивляться. Первою изъ нихъ пала Кахкага или «смѣющацаяся»—на этотъ разъ неудачно—«надъ усилиями врага». Пали Шабурканъ и Кабушанъ, послѣ чего, такимъ болѣшимъ городомъ

какъ Нипабуръ, Себсеваръ и Тусъ, оставалось сдаваться на милость побѣдителя. Они торопились принести покорность, не ожидая появленія катапультъ и парламентеровъ, такъ громко трубившихъ передъ воротами цитаделей!...

Поклоненіе могиламъ святыхъ и в. людей входило въ жизненный обиходъ Тимура. Въ наиболѣе торжественныхъ случаяхъ, онъ прочитывалъ передъ ними и несмѣтными толпами зрителей, первую главу корана, что вызывало у правовѣрныхъ слезы умиленія. Мешхедь былъ уже и въ ту пору усыпальницею столбовъ ислама и его знаменитыхъ защитниковъ. Въ числѣ первыхъ, пользовалась особымъ уваженіемъ гробница—Абу-Мосліма, истребившаго въ честь одного халифа до полумілліона людей.

Тимуръ не только поклонился ей, но и наградилъ ее вакуфомъ изъ садовъ и земель изгнанныхъ правителей Мешхеда. Но при этомъ, воспоминанія о подвигахъ Абу-Мосліма въ честь ислама, возбудили въ немъ своего рода жажду соревнованія. По крайней мѣрѣ, дома, въ Мавераннарѣ, онъ не рѣшался сооружать башни изъ человѣческихъ головъ, тогда какъ въ походѣ на Иранистанъ подобныя башни считались уже только монументами его побѣдоноснаго шествія.

Сдавшіеся на милость побѣдителя жители Себсевара имѣли неосторожность возмутиться противъ насилия, что и привело ихъ къ небывалому еще наказанію. Тѣнь Абу - Мосліма подсказала Тимуру способъ устрашать непокорныхъ: онъ заключался въ сооруженіи башни изъ живыхъ людей, положенныхъ другъ на друга и залитыхъ извѣстью! На сооруженіе этой башни уложили двѣ тысячи человѣкъ. Но то была только первая проба архитектурной затѣи; впослѣдствіи, подобнаго рода башни доходили до гигантскихъ размѣровъ.

Управившись съ Гератомъ и съверо-восточными землями Ирана, Тимуръ разослалъ свои тумени приводить къ покорности Сеистанъ и Кабулистанъ, а самъ занялся спеціально обоими Ираками и ихъ вассалами. По временамъ, онъ возвращался налегкѣ въ Самаркандъ, гдѣ отдыхалъ въ кругу семьи, казниль, награждалъ и—вновь появлялся въ Иранѣ...

Вообще-же Иранистанъ, Кабулистанъ, Белуджистанъ, и Сеистанъ отняли у него, въ теченіе нѣсколькихъ возобновлявшихся походовъ, около восьми лѣтъ. Все это время исламиты испытывали страшныя пораженія отъ руки человѣка, которому соединен-

ныя корпораціи тогданихъ ученыхъ и саидовъ поднесли титулъ возстановителя и распространителя вѣры. Восхищенные имъ богословы предоставили ему даже въ поднесенномъ адресѣ «верховную власть во всемъ царствѣ Мухаммеда».

Владѣтель одного изъ Ираковъ шахъ Шедш отказался вступить въ борьбу съ Тимуромъ и выслалъ на встречу ему посольство съ дарами изъ пурпурового балдахина, царственного зонтика и богатыхъ тканей. Тимуръ потребовалъ дополнить эти дары дочерью шаха, для своего внука, сына Джигангира—Пиръ-Магомета. Шахъ покорно исполнилъ и это требование, чѣмъ и оградилъ свой Иракъ отъ погрома.

Султанъ втораго Ирака—Ахмедъ, укрѣпился было въ Султаніи, но одного появленія парламентеровъ надвигавшейся силы было достаточно, чтобы онъ бѣжалъ въ Тавризъ, а потомъ и въ Багдадъ. Страна его досталась побѣдителю безъ содѣйствія катаapultъ и палицъ багадуровъ. Примѣру ея послѣдовали Гилянъ, Рей, Азербайджанъ, Фарсъ, такъ что всѣ земли, на которыхъ ступали нѣкогда кони Чингисъ-Хана, поднали подъ власть приемника его славы и могущества. Отворилъ и Карсъ свои ворота. Пала и столица Грузій....

Тимуръ отпраздновалъ свои побѣды большою охотою. Въ громадной облавѣ, на которую были высланы цѣлья племена, сошли львы, тигры, волки, дикия лошади и джайраны. На ширахъ, которыми всегда сопровождались парадная охоты мусульманскихъ властителей, Тимуръ проявлялъ по истинѣ царственное величіе. Шахи, султаны, эмиры и ханы служили ему рабами, а женщины ихъ гаремовъ — рабынями, развѣзвавшими въ шатрѣ пищества прохладу вѣрами и ароматы мускуса. Два - три раза въ день Тимуръ мѣнялъ на своей головѣ короны, какъ трофеи плѣненныхъ царствъ....

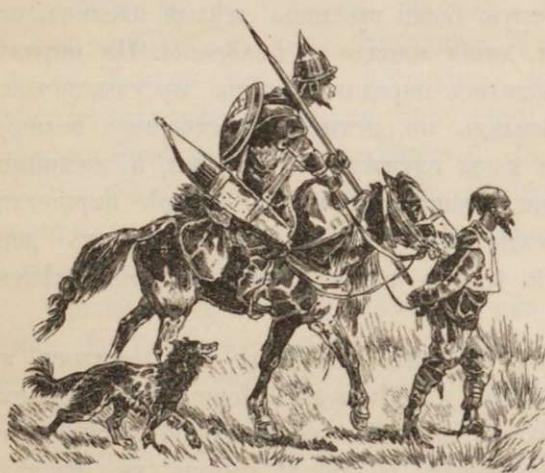
Зиму онъ провелъ на равнинѣ Карабага, куда явились къ нему на поклонъ кн. Грузіи и Ширвана. Первый поднесъ ему панцирь работы все того-же царя Давида, а второй девять девятокъ рабовъ, вешней и животныхъ. Въ числѣ рабовъ кн. называлъ и самого себя, чѣмъ и охранилъ отъ разоренія свою страну. Князья цѣловали землю передъ побѣдителемъ....

Противники-же Тимура испытали на себѣ всю тяжесть его гнѣва. Знаменитый Ванъ, надѣявшійся на свою неприступность,

пострадалъ сильнѣе другихъ городовъ и крѣпостей: его защитники были сброшены въ пропасти, а его верки срыты до основанія!

Повернувшись къ югу, Тимуръ взялъ безъ труда Испагань, имѣвшую пять миль въ окружности и до миллиона жителей. Украшенная въ свое время Александромъ В. и служа центромъ обширной торговли, она славилась тысячью караванъ-сараевъ и такимъ же числомъ большихъ мечетей. Великолѣпіе ея и богатство послужили однако и причиной ея слабаго сопротивленія воинственнымъ полчищамъ. Поставивъ ей намѣстника съ охраною стражею, Тимуръ двинулся далѣе, но неожиданное возстаніе испаганцевъ призвало его обратно къ кровавой уже расправѣ. Нафанатизированный кузнецъ, пылкій какъ его горнъ, сумѣлъ поднять противъ гарнизона часть горожанъ, убить намѣстника, истребить его стражу и поднять общее ликованіе, которое однако продлилось всего нѣсколько сутокъ. Быстро подоспѣвшіе тумени Тимура, овладѣвъ вновь Испаганью, принялись торжествовать свою победу со всѣми проявленіями вооруженной силы, утратившей образъ и подобіе человѣчества. Каждый воинъ обязанъ былъ представить своему десятнику опредѣленное число людскихъ головъ. Головы испаганцевъ обратились поэтому въ мѣновые знаки, цѣнившіеся въ первый день всеобщаго истребленія по тенѣгѣ за штуку, а въ

слѣдующіе дни всего въдвѣ - три чеки. Финаль разрушенія Испагани выразился пирамидами головъ, снесенныхъ на площади въ числѣ семидесяти тысячъ штукъ. Возлѣ этихъ пирамидъ, оставшіеся въ живыхъ муллы и улемы должны были славить имя Тимура, какъ величайшаго изъ рыцарей ислама и

благодѣтеля покоренныхъ народовъ. Надзирателями надъ этими проповѣдниками служили палицы багадуровъ....

Обративъ Персию и отложившись отъ нея сатрапіи въ свой улусъ, Тимуръ возвратился въ Самаркандъ, посыпивъ по дорогѣ

многократно разоренный Хорезмъ. Последний былъ заподозрѣнъ имть, по донесеніямъ корреспондентовъ, въ двойной измѣнѣ—въ выраженіи сочувствія павшимъ прикаспійскимъ государствамъ и въ переговорахъ съ Тохтамышемъ, который ни разу не поздравилъ Тимура съ послѣдними его побѣдами. Хорезмъ поплатился и на этотъ разъ всѣмъ своимъ имуществомъ и лучшими людьми, уведенными въ Самаркандъ, въ качествѣ рабочихъ для сооруженій предпринятыхъ во славу Аллаха мавзолеевъ и мечетей. Только что возведенныя городскія стѣны были вновь сравнены съ окружавшими ихъ пастищами и нивами.

Поведеніе Тохтамыша крайне огорчало Тимура, котораго, казалось, нельзѧ было удивить ни тайною засадою, ни коварною измѣною. Онъ почувствовалъ затаенную ненависть своего золотоординского ставленника еще во время праздниковъ на Карабагской равнинѣ; праздники были смущены тогда извѣстіями, что пришедши изъ Сарая эмиссары волнуютъ Мавераннагръ, распространяя слухи о томъ, что Тимуръ ложно именуетъ себя чингисидомъ. Тохтамышъ обѣщалъ даже прйтти и отнять отъ него всѣ земли, оставшіяся, по прекращеніи династіи джагатаидовъ, въ наслѣдство только истиннымъ чингисидамъ.

По поводу этихъ слуховъ, институтъ корреспондентовъ Тимура пришелъ въ величайшее волненіе. Находясь въ городахъ и при арміи, они обязаны были представлять донесенія о благонадежности намѣстниковъ, о поведеніи войскъ и о замыслахъ сосѣдей. Прибытие иностранцевъ и каравановъ состояло подъ особымъ ихъ наблюденіемъ. Содержка вообще своихъ подданныхъ между страхомъ и надеждою, Тимуръ прилагалъ этотъ пунктъ государственной мудрости съ особымъ тщаніемъ къ корреспондентамъ. За всякое уклоненіе отъ истины, корреспонденту отсыкали пальцы, за неправильный отчетъ отрубали руку, а за ложный доносъ—подвергали смерти. Корреспонденты обязаны были представлять отчеты ежемѣсячно, а въ важныхъ случаяхъ ежедневно. Гонцы ихъ снабжались пакизе съ изображеніемъ кречетовъ, при видѣ которыхъ встрѣчные «ямы» выставляли немедленно, на дорогу, осѣдланныхъ верховыхъ коней.

Единогласное увѣреніе корреспондентовъ о томъ, что Тохтамышъ, усиливъ свою власть порабощеніемъ рус. кн., замышляетъ выказать черную неблагодарность, не обезпокоило Тимура. Сохраняя видъ, что ему неизвѣстно коварство его ставленника,

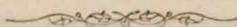
онъ распорядился заблаговременно приготовить многочисленные резервы. Персидский улусъ онъ предоставилъ въ кормление своему сыну Миранъ-Шаху, а самъ занялся пирами и охотами. На этотъ разъ, его «абалай» захватила всю площадь Мавераннахра до Аральского моря и до предѣловъ З. орды. Каковы были трофеи охоты можно судить по тому, что ежедневно приходилъ въ Самаркандъ, отъ имени гурь-хана—въ пользу эмировъ и багадуровъ—караванъ верблюдовъ съ лебедями и фазанами.

Не одна впрочемъ охота веселила сердце Тимура: онъ праздновалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свадьбу трехъ сыновей и дочери, отдавшей свое сердце одному изъ юныхъ багадуровъ. Слѣдовавшіе по этому поводу пиры, поражавшіе своимъ блескомъ и роскошью, не ослабляли однако осторожность, зоркость наблюдений и кипучую дѣятельность—«господина созвѣздій».

Оставаясь, какъ и всегда, подъ знаменемъ ислама, онъ побывалъ въ Кешѣ, гдѣ саиды разостлали чалмы подъ копыта его коня. Привѣтствовавшіе его дервиши—составили ему почетную стражу. На могилѣ отца, онъ прочелъ громогласно, передъ народомъ, первую главу корана. Разумѣется, вѣрнымъ сынамъ ислама отрадно было слышать, какъ ихъ желѣзный повелитель взывалъ къ Аллаху пѣвучимъ голосомъ:

«Направь насть на путь правый,
«На путь тѣхъ, которыхъ ты осыпалъ благодѣяніями,
«Но не тѣхъ, которые заслужили твой гнѣвъ...»

Подъ заслужившими гнѣвъ, Пророкъ подразумѣвалъ евреевъ, но въ душѣ Тимура сложилось, повидимому, иѣсколько иное мнѣніе: подъ заслужившими его гнѣвъ всѣ окружавшіе видѣли на этотъ разъ Тохтамыша и его сторонниковъ. Такъ поняли и тысячи, которымъ онъ предложилъ удвоить ихъ войска, не требуя для этого изъ казны ни одного динара. Они нажили въ войнѣ съ Иранистаномъ достаточные средства, чтобы удвоить на нихъ полки. Вскорѣ неизбѣжность войны съ З. ордою не составляла болѣе секрета. Правда, Тохтамышъ какъ бы опомнился и прислалъ своему покровителю девять скакуновъ и кречета, но посланцы его высушали отъ Тимура такие горькие упреки, что они повторились возвратиться въ Сарай съ извѣстіемъ о совершившемся разрывѣ дружественныхъ отношеній.

XXXIX.

РАЗОРЕНІЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

(1395 г.).

азорвавъ добрыя отношенія съ Тимуромъ, Тохтамышъ, первый открылъ явно - непріязненныя дѣйствія противъ недавняго покровителя. Къ тому побудила его ордынская аристократія, пріобрѣвшая въ Сарыѣ большое значеніе. Казуистика ея была проста. Она ставила вопросы

ребромъ:—«Не изъ личныхъ-ли цѣлей помогъ Тимуръ Тохтамышу взойти на престоль? Не видна-ли здѣсь коварная цѣль отнять, въ удобное время, поднесенный даръ? Не замѣтны - ли уже признаки подобнаго желанія? Обязанъ-ли при подобныхъ условіяхъ человѣкъ благодарить сдѣлавшаго ему добро?»—Вопросы эти трактовались съ разныхъ сторонъ, при чёмъ партія недовольныхъ упрекала Тохтамыша въ недостаткѣ доблестей Батыя и Узбека и въ измѣнѣ славному имени монголовъ. Секретъ-же этого настроенія ордынцевъ заключался въ томъ, что, выжимая изъ Руси все, что можно, аглены принуждены были довольствоваться только знатностью своего положенія, безъ блеска и роскоши истинныхъ вельможъ. Покореніе-же джагатайскихъ странъ, куда стекались богатства Иранистана, Хорезма, Кабулистана, Грузіи и западнаго Китая, несомнѣнно усилило бы блескъ золотоордынскаго двора.

Впрочемъ и самъ Тохтамышъ, уничтоживъ остатки войскъ

Мамая, разоривъ Москву и приведя рус. кн. къ данничеству, находилъ, что ему, истинному чингисиду, не слѣдуетъ терпѣть рядомъ съ собою узуратора, считающаго при томъ за собою право на благодарность. Въ этомъ случаѣ онъ былъ отличнымъ выразителемъ родной ему поговорки: «какъ огонь не насыщается—древами, глаза—видѣннымъ, уши—слышаннымъ, волкъ—овцами, такъ побѣдители не насыщаются побѣдами».

Утвердившись въ сознаніи, что все наслѣдство Чингисхана должно принадлежать ему и никому другому, онъ рѣшился напасть на Тимура съ двухъ сторонъ: въ Дагестанѣ и въ бассейнѣ р. Сыръ. Съ этою цѣлью, онъ отправилъ въ Дагестанъ армию съ двѣнадцатью агленами въ сто тысячъ всадниковъ, а къ Мавераннагру—два тумена въ видѣ авангарда—до прибытія подъ его личнымъ начальствомъ главныхъ силъ.

Экспедиція агленовъ началась удачно.—Дагестанская армія явилась на сцену военныхъ дѣйствій ранѣе, чѣмъ Тимуръ могъ прибыть изъ Мавераннагра къ берегамъ р. Куры. Здѣсь онъ нашелъ въ своихъ туменахъ замѣтный упадокъ духа, потому что непріятель ихъ оказался по численности втрое сильнѣе, и кромѣ того, З. орда, располагая шестью стами тысячъ войска, могла выставить въ короткое время сильные резервы. Резервы-же Мавераннагра не могли подойти во время, а возможное безъ нихъ пораженіе угрожало поголовнымъ истребленіемъ.

Прибытіе Тимура ободрило войска. Непріятелей раздѣляла только р. Кура, при чемъ лагерь Тимура оставался неподвижнымъ на правомъ берегу, а золотоордынцы нервничали на лѣвомъ и своими постоянными передвиженіями вызывали врага на бой. Вызовъ былъ принятъ. Въ первыя минуты битвы, аглены имѣли случай порадоваться тому, что застрѣльщики противниковъ были смыты и обращены въ бѣгство. Но пока шло авангардное дѣло, сынъ Тимура Миранъ-шахъ и воинственный таджикъ Ходжи-Сейфуддинъ переправились незамѣтно черезъ р., зашли въ тылъ агленамъ и—разбили ихъ на голову!

Дагестанской арміи не существовало болѣе!

Покончивъ здѣсь счеты съ З. ордою, Тимуръ возвратился въ Мавераннагрь, возлѣ котораго выросъ подошедший изъ-за Урала абалай въ сто тысячъ отборныхъ всадниковъ. Саганакъ находился уже въ рукахъ золотоордынцевъ, Кокань—въ осадѣ, а Омаръ-шахъ успѣлъ проиграть полевое сраженіе возлѣ Отрака.

Теперь спѣшили на помощь Мавераннагру всѣ побѣдители дагестанской арміи. Не смотря на глубокіе снѣга и холода, Тимуръ рѣшилъ изгнать абалай изъ своихъ предѣловъ. Появленіе его личнаго бунчука навело на золотоордынцевъ, занявшихся усиленнымъ грабежомъ, панический страхъ. Сберегая свою добычу, они умчались обратно въ орду, смутивъ только Тохтамыша неожиданною вѣстью обѣихъ пораженій.

Не довольствуясь изгнаніемъ непріятеля изъ своего государства, Тимуръ созвалъ курилтай, разсудиршій вторгнуться въ орду и наказать ее достойнымъ образомъ за грабежъ и неблагодарность. Только сорокадневная болѣзнь Тимура простояла на время исполненіе этого плана, но едва онъ оправился какъ, по всему Мавераннагру и по всѣмъ его вассальнымъ землямъ, загремѣли боевые литавры.

Ташкентъ бытъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, откуда войска двинулись къ Аральскому морю, съ тѣмъ, чтобы отсюда повернуть къ югу, по западной сторонѣ горнаго хребта Улу-Тау. Нѣсколько сотъ верстъ песчанаго пути по одной изъ среднеазиатскихъ голодныхъ степей не смущали всадниковъ, привыкшихъ уже проводить половину жизни на конѣ. На этотъ разъ, за арміями шелъ громадный обозъ съ запасами продовольствія, оружія и воды; впереди, въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ мѣсяцевъ хода, можно было разсчитывать только на охотничью добычу и на стада неосторожныхъ кочевниковъ. При четырехстахъ тысячахъ, вышедшихъ изъ Мавераннагра, людей и шестистахъ тысячахъ коней, требовался караванъ обозныхъ верблюдовъ, покрывавший степь на сотни верстъ....

Все, что напоминало роскошь, было изгнано изъ арміи и даже походный гаремъ Тимура ограничивался одною фавориткою. Довольство людей и скота было доведено до минимума: при кускѣ мяса—пока оно было—отпускалось муки менѣе полуфунта на человѣка, при чёмъ предоставлялось самому войску отыскивать добавочные рационы въ видѣ кореньевъ, соли, птичьихъ яицъ....

При проходѣ войскъ у подошвы Улу-Тау, Тимуръ произвелъ генеральный смотръ. Въ ознаменованіе его, каждый рядовой принесъ на определенное мѣсто по камню, изъ которыхъ составилась громадная башня. На одномъ изъ монолитовъ ея были вырезаны день, мѣсяцъ и годъ события. Всѣ войска прошли мимо Тимура. На головѣ его былъ тюрбанъ со многими рубинами, а въ

рукахъ онъ держаль—подобно персидскимъ шахамъ — воловью ляжку. Предводители туменей подъѣзжали къ возвышенню, съ котораго онъ обозрѣвалъ свою необъятную армію, и, сойдя съ коней, цѣловали передъ нимъ землю. Послѣ этого смотра, доставившаго вождю высокое наслажденіе и вызвавшаго многочисленныя награды, войскамъ быть данъ отдыхъ, послѣ котораго слѣдовали усиленные переходы до р. Тобола....

Приготавившись встрѣтить непріятеля, Тохтамышъ устроилъ во многихъ мѣстахъ засады, но юртъ-джи и корреспонденты Тимура были слишкомъ опытны, чтобы вдаться въ обманъ и очутиться передъ скрытыми завалами. Къ тому-же настухи-киргизы не затруднялись указывать на хорошо известные имъ броды, такъ что войска Тимура подвигались съ увѣренностью, какъ у себя—въ Мавераннагрѣ. Подвинувшись къ границамъ орды, Тимуръ установилъ обычныя предосторожности: люди его не смѣли отлучаться отъ командъ, а останавливаясь для почлега или отдыха, обязаны были оканчиваться и ограждать лагерь земляными насыпями. По ночамъ запрещалось держать огни. Отъ заката до восхода солнца циркулировали разѣзды на разстояніи форсанга отъ лагеря. Урду и главный штабъ охраняли двѣнадцать тысячъ жандармовъ, называвшихся «калачами».

Обѣ непріятельскія арміи—почти равныя числомъ—встрѣтились возлѣ Ахтубы. Войска Тимура дѣлились, по обычаю, на семь частей, съ лѣвыми и правыми крыльями, главными корпусами и резервами....

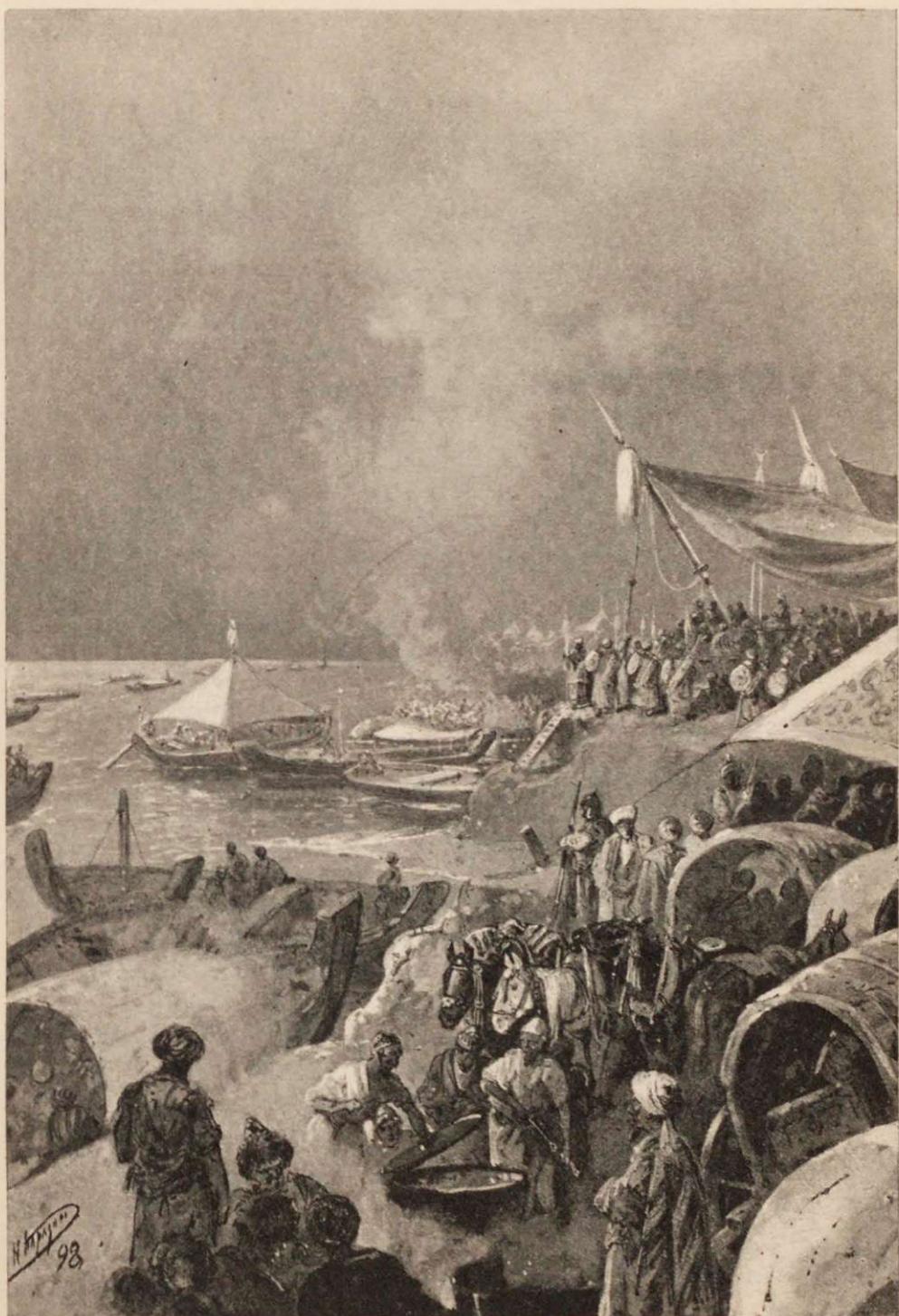
Передъ началомъ боя, неизмѣнныи Миръ-Сандъ-Берке произнесъ пламенную молитву и, въ виду всей арміи, бросиль въ сторону непріятеля горѣть черной земли. То было пожеланіемъ, чтобы лица враговъ уподобились этому праху. Загремѣли многочисленныя трубы и—тучи стрѣлья понеслись въ воздухѣ....

Тимуръ скрылъ передъ своими приближенными—и только признался уже въ автобіографіи—что онъ успѣль подкупить знаменоносца противной стороны, который обязался за хорошую плату опустить въ самый разгаръ битвы знамя на землю.

Битву открыли Хаджи-Сайфутдинъ и Миранъ-Шахъ. Бѣшеная атака ихъ ручнымъ оружіемъ смяла одно изъ непріятельскихъ крыльевъ и внесла въ самую сердцевину непріятельской арміи большую смуту. Въ этотъ моментъ знамя Тохтамыша склонилось и—исчезло. Сила была сломана. Правда, сраженіе еще долго дли-

ДВЪ ВОЛНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ТОРЖЕСТВО ТИМУРЪ-ЛЕНГА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ.

лось и даже перешло въ отдельныхъ пунктахъ на другіе и третыи сутки, но то уже была агонія—безъ знамени, безъ начальства и безъ хана.

Тохтамышъ бѣжалъ!

Побѣдители преслѣдовали его до р. Волги, которая и поглотила многія тысячи обезумѣвшихъ отъ страха всадниковъ. Все громадное поле битвы было усыпано трупами. Побѣдители встали на ихъ костяхъ и собрали трофеи своихъ подвиговъ. Они состояли изъ огромнаго количества пленныхъ, въ томъ числѣ и семействъ золотоордынцевъ, коней, оружія, кибитокъ, запасовъ продольствія и ханской казны....

По этому поводу Тимуръ велѣль устроить праздникъ побѣды. Праздникъ длился двадцать шесть сутокъ. Ликовавшій лагерь, занявъ возвышенный берегъ р. Волги съ необъятнымъ горизонтомъ, имѣлъ въ попечнику болѣе трехъ форсанговъ, при чемъ вся эта площадь была обведена богатыми тканями. Возвышенную точку лагеря занимала урма, покрытая парчею и украшенная бунчуками разбитаго врага. Гаремъ побѣдителя былъ временно пополненъ женами и рабынями побѣденного. Всѣ онѣ были, разумѣется, представительницами красоты своихъ земель и своего времени.

Смѣшино было барадурамъ принимать изъ ихъ нѣжныхъ рукъ пиршественные чаши. Среднеазіатскіе Олоферны, украшенные рубцами и вообще признаками боевой тревожной жизни, наводили страхъ даже на золотоордынскихъ дамъ. Впрочемъ, Тимуръ и передъ чашею пиршства быть серъезенъ, какъ вылитый изъ бронзы богъ войны. Пять тысячъ красивѣйшихъ юношей были выбраны изъ толпы на роли пажей. Всѣхъ ихъ одѣли въ богатыя платья изъ трофеевъ побѣдителя. Музыканты и пѣвицы славили любовь и побѣды. Пиръ длился, не прерываясь. Тысячи бочекъ со смолою, разгоняя гигантскими огнями мракъ ночи, представляли фантастически роскошную панораму. На горизонте пылали лѣса. Вопреки обычай, Тимуръ допустилъ вино. Вообще, передъ суровыми барадурами находились теперь всѣ три предмета, изгоняющіе заботу изъ сердца человѣка: тихо катящаяся вода, изумрудная трава и прекрасныя лица женщинъ!

Въ программу праздника вошло данное въ первый разъ на рус. земль драматическое представление: «Побѣда надъ Кипча-

комъ».—Оно было разыграно войсками Тимура съ музыкой, хорами и повторениемъ только что выигранныхъ битвъ.

Наконецъ, скрывшися Тохтамышъ взмолился о пощадѣ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ предать себя всѣмъ мукамъ ада, если онъ еще разъ разбудить чудовище раздора. Тимуръ имѣлъ неосторожность принять его клятвенное обѣщаніе о вѣчномъ мирѣ и распорядился прекратить праздникъ и — возвратить ордѣ свободу.

Походъ этотъ длился одиннадцать мѣсяцевъ.

Зиму Тимуръ провелъ въ Самаркандѣ, а весною возобновилъ походъ противъ обоихъ Ираковъ и ихъ вассаловъ. Тамошнее населеніе постоянно возставало противъ его намѣстниковъ, которые впрочемъ не отличались выдающимися способностями правителей. Одинъ изъ этихъ правителей — сынъ Тимура — имѣвшій на правахъ личаго владѣтеля, отискъ его руки, не нашелъ ничего болѣе достойнаго своего имени, какъ заняться разрушениемъ величественныхъ зданій намѣстничества.—«Ничего подобнаго я не создамъ, поэтому, чтобы прославиться, я разрушу созданное другими!»—Наконецъ, его мания дошла до такихъ предѣловъ, что одна изъ его женъ донесла Тимуру о душевномъ поврежденіи его сына. Намѣстникъ былъ отзванъ.

Вообще, какъ Персіи, такъ и другимъ побѣжденнымъ странамъ, не за что было благодарить Тимура. Одинъ Мавераниагръ съ Самаркандомъ и Кешемъ возсыпали за него искренно теплые молитвы, такъ какъ сюда стекались всѣ богатства покоренныхъ странъ. Послѣднія обязаны были только платить дань и славословить побѣдителя. Въ вознагражденіе за эти знаки подданничества, онъ получали охранные гарнизоны, баскаковъ, численниковъ, таможниковъ и цѣлую іерархію фискаловъ и корреспондентовъ.

Обративъ на этотъ разъ въ вассальные земли — Лористанъ, Хузистанъ и Фарсъ, Тимуръ вышелъ за волшебную долиною Шабеванъ, считавшееся четвертымъ земнымъ раемъ, на встречу Шахъ-Мансуру, неизвѣдавшему еще силы ударовъ его багадуріи. Въ пылу сраженія, семнадцатилѣтній сынъ Тимура Шахъ-Рохъ-Мирза лично отрубилъ голову Шахъ-Мансуру и бросилъ ее передъ отцомъ съ привѣтствіемъ: — «Пусть головы всѣхъ твоихъ враговъ покатятся такъ, какъ эта — подъ копыта твоей лошади!»—Входя послѣ этого эпизода побѣдителемъ въ Ширазъ, Тимуръ распоря-

дился запереть восемь городскихъ воротъ и оставить только девятыя открытыми для прохода его войскъ. Ширазцамъ пришлось выкупать свою жизнь всѣмъ своимъ достояніемъ. Лучшиe люди—ученые и художники—были и отсюда отправлены по обычаю въ Мавераннагръ.

Оставивъ югъ въ своемъ ленномъ владѣніи, Тимуръ двинулся на Багдадъ, которому книга очевидности предопредѣлила много-кратныя разоренія. Разсчитывая на прославленную любовь Тимура къ наукѣ и ея служителямъ, султанъ Багдада Ахметъ-Джелайръ выслалъ для переговоровъ своего знаменитаго ученаго муфтия Нуреддина Исфарини, который и представилъ высокому гостю, кромѣувѣреній въ дружбѣ, девять почтительныхъ даровъ — изъ арабскихъ лошадей съ золотыми сѣдлами, леопардовъ и другихъ интересныхъ предметовъ. Тимуръ очень обрадовался свиданію съ знаменитымъ ученымъ мужемъ, но напечь, что его полномочія не достаточно полны, поэтому, не теряя времени, онъ погнался за Джелайромъ. Напрасно султанъ сломалъ за собою мостъ на р. Тигрѣ. Не спасло его и то, что онъ разбрасывалъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ по частямъ свой гаремъ, онъ былъ настигнутъ на р. Евфратѣ и разбитъ на голову. Величественный Багдадъ сдался безъ боя. Кромѣ тяжелой контрибуції, онъ поплатился своими художественными произведеніями и учеными людьми, отправленными, какъ и всегда, въ Самаркандъ.

О каждой группой побѣдѣ Тимуръ оповѣщалъ близайшихъ властелиновъ съ напоминаніемъ, что провидѣніе послало его на землю возстановить царство Чингисъ-хана. Такъ онъ оповѣстилъ о новомъ покореніи обоихъ Ираковъ царя Египта и Сиріи, съ предложеніемъ ему дружбы и торгового договора. Можно однако думать, что подобныя извѣщенія не всѣмъ были пріятны, потому что онъ служили предвѣщеніемъ о дальнѣйшихъ не всегда миролюбивыхъ сношеніяхъ.

Нѣкоторыя крѣпости Месопотаміи выказали было сопротивление Тимуру, но его желѣзная настойчивость преодолѣвала всѣ препятствія. Вскорѣ ему сдалась неприступная Эдесса, построенная Нимвродомъ-Звѣроловомъ. Потомъ онъ взглянулъ и на то мѣсто, где была нѣкогда отненная печь Авраама. Его видѣли колѣнопреклоненнымъ у гробницы пророка Іоны, надъ которой устроили, по его приказу, богатый мавзолей....

Побѣдоносное шествіе его по южнымъ странамъ продолжало-

лось въ теченіе трехъ лѣтъ и завершилось новымъ посыпеніемъ Грузіи и Арменіи. Здѣсь онъ также караль, миловалъ или дарилъ жемчужныя короны и дипломы съ красными отисками своей руки. За это время умеръ его сынъ Омаръ-Шейхъ и родился известный въ исторіи и особенно въ астрономіи—внукъ Улугъ-Бегъ, подарившій миру астрономической таблицы.

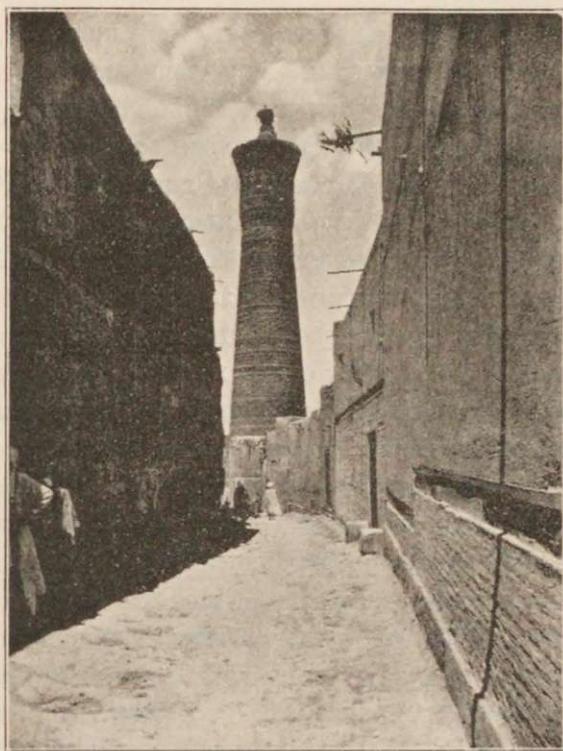
На альпахъ Кавказа онъ далъ праздникъ войскамъ и покореннымъ народамъ. Есть основаніе утверждать, что тронъ, на которомъ онъ принималъ владѣтельныхъ данниковъ, былъ поставленъ, для усиленія эффекта, у подошвы Казбека, потрясавшаго своими сѣдыми кудрями при восторженномъ «сюрюнѣ!» Тимуръ сидѣлъ въ коронѣ и съ скіпетромъ въ рукахъ....

Еще идя въ Грузію, онъ получилъ отъ корреспондентовъ, находившихся въ З. ордѣ, извѣстіе, что Тохтамышъ снова собирается войною на Мавераннагръ; извѣстіе это подтвердили и изъ Ширвана, куда пришли безъ всякаго повода аглены съ войсками.—«Тохтамышъ хочетъ оправдать нашу поговорку: положи волченка въ шапку, а онъ всетаки не будетъ твоимъ товарищемъ!»—замѣтилъ Тимуръ, отдавая приближеннымъ приказаніе изготовиться къ войнѣ.

Что же побудило Тохтамыша выступить вновь противъ Тимура? Замѣчательно, что, благодаря неумолимому предопределѣнію, мусульманскія страны скоро забываютъ паносимыя имъ пораженія. Объятія на первое время ужасомъ, онъ быстро переходить къ каждому миценію и къ желанію возвратить потерянное добро. Проигранное на р. Ахтубѣ дѣло требовало кроваваго возмездія. При томъ же, лично Тохтамышъ не жалѣлъ себя въ битвахъ и даже на р. Ахтубѣ прорвалъ было, съ одною своею охранною стражею, фронтъ тимуридовъ. Общественное мнѣніе орды винило тогда въ проигрышѣ исключительно агленовъ и войска, такъ что агленамъ пришлось повиниться и принести клятву, что въ другой разъ они не оставятъ хана безъ помощи и загладятъ свою вину.

На помошь З. ордѣ явились между прочимъ и перебѣжчики изъ Мавераннагра. Тамъ набралось не мало обойденныхъ почестями и обоженныхъ дарами людей и бѣлой и черной кости, при чемъ этотъ контингентъ эмигрантовъ усилился и преступниками, которымъ мозолили глаза постоянно работавшія висѣлицы и башни правосудія, хорошо исполняющія свое назначеніе въ ср. Азіи и въ концѣ XIX-го вѣка.

Вліяніе маверенагрскихъ бѣглецовъ на золотоордынцевъ имѣло значительные послѣдствія: они знали всѣ сокровенные тайны своей страны и не затруднились обнаружить всѣ ея уязвимыя стороны.

Башня для сбрасыванія на землю осужденныхъ на смерть.
(въ Бухарѣ).

Тохтамышъ, твердивши, что аглены должны смыть лежавшій на нихъ позоръ, обратился въ идола эмигрантовъ, распускающихъ слухи, что ихъ бывший повелитель—тиранъ и похититель достояній—только и ждетъ случая нанести вторичный и уже послѣдний ударъ всей З. ордѣ. Тохтамышъ выказалъ при этихъ обстоятельствахъ необыкновенную быстроту: въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ собралъ армію въ восемьсотъ тысячъ человѣкъ, которую и рѣшилъ ввести въ бой одною плотною массою, не раздробляя силъ, какъ въ прошлый разъ, между Мавераниагромъ и Дагестаномъ.

Войска Тимура были въ эту пору разбросаны на громадной площади, отъ пустыни Гоби до Инда, съ одной стороны, и до Чернаго моря, съ другой. Но, проводя время въ Иракахъ, Грузіи и

Армении и зная права соплеменниковъ, онъ былъ убѣжденъ, что Тохтамышъ попытается выказать еще разъ черную неблагодарность. Старые, испытанные бойцы были у него подъ рукою, а сыновья принялись ретиво формировать новые полки: Миранъ-шахъ въ Иранистанѣ, а Пиръ-Магомедъ въ Кабулистанѣ. Кроме того, всѣ курды и черкесы предложили ему свои услуги....

Тохтамышъ, создавъ громадную армию, не сумѣлъ выработать хороший планъ дѣйствій. Онъ долго колебался между нападениемъ на Мавераннагръ или на Дагестанъ. Нападеніе на Мавераннагръ обѣщало ему вѣрную победу, но прежде чѣмъ она далась бы въ руки, Тимуръ уже хояйничалъ бы въ Сараѣ. Сознавая всѣ выгоды своего стратегического положенія, Тимуръ какъ-бы подсмѣшивался надъ неопытнымъ противникомъ: не трогаясь изъ лагеря онъ давалъ пиры, разсуждалъ о своихъ будущихъ завоеваніяхъ и забавлялся дипломатическими переговорами. Выигрывая послѣдними время, онъ поручалъ своему послу переходить отъ уступчивости и миролюбія къ дипломатическому задору, пока гонцы не принесли ему извѣстіе, что всѣ его отряды стянуты и готовы къ бою.

При встрѣчѣ противниковъ на берегу р. Терека, золотоордынские аглены поняли, что недостаточно одной доброй воли и хорошей клятвы, чтобы побѣдить сильного врага. Осмотрѣвъ лично свою армию, Тимуръ убѣдился въ томъ, что каждый его рядовой принесетъ собою семь оружий: мечъ, пику, лукъ, стрѣлы, панцирь, батикъ и лассо—для поимки живыхъ враговъ.

Подробности прошедшаго боя интересны только для специалистовъ, но результатъ его очень важенъ для Россіи и, пожалуй для всего просвѣщенного міра. Тимуръ, во главѣ двадцати семи ротъ—«кушуновъ», открылъ битву, заглушившую однимъ лязгомъ оружія вѣчный ропотъ р. Терека, заалѣвшаго кровью кипчаковъ....

Не много золотоордынцевъ вернулось въ Сарай, которому пришлось увидѣть вскорѣ незваныхъ гостей. Тохтамышъ бѣжалъ въ Литву. Остатки его войскъ разсыпались по степямъ, такъ что и самая погоня за ними была-бы безпѣльною.

Пройдя земли З. орды, Тимуръ двинулся на Русь, какъ на данницу покоренного имъ улуса. Разумѣется въ княжество Московское манило его къ себѣ главенствомъ надъ прочими рус. областями и богатствомъ, сильно преувеличеннымъ въ описаніяхъ корреспондентовъ.

В. кн. Василій Димитріевичъ, получивъ безъ труда ярлыкъ

на в. к., открылъ собою эру наследственности и, продолжая платить дань Ордѣ, — всего пять тысячъ рублей,—старался то бракомъ съ литовскою княжною, то казнами новгородцевъ и грамотами митрополита, укрѣпить за Москвою в. кн. столь. Тохтамышъ, поглощенный заботами о своемъ положеніи, не видѣлъ, куда стремится его вассаль и поэтому не стѣснился даже подать ему отъ себя Нижній-Новгородъ и Суздаль.

Суздальские кн. долго потомъ плакались обѣ утратѣ своей самостоятельности, по крайней мѣре Симеонъ Димитревичъ, растерявшъ семейство и казну, постоянно печаловался на длинныя московскія руки:—«Многіе годы претерпѣвый, въ ордѣ и на Руси тружавыйся.... восемь лѣть служивый поряду въ ордѣ.... а все то на Московскаго.... и не обрѣти покоя ногама своими, не успѣничто-же!»....

Однако, чтобы подчинить себѣ Новгородъ, в. кн. пришлось побывать во второй разъ въ ордѣ и встрѣтить у Тохтамыша тотъ-же радушный приемъ. Но и ханская грамота на подчиненіе ему Новгорода — не убѣдила новгородцевъ въ томъ, что они должны представить ему черный боръ и явиться къ митрополиту на поклонъ. Въ послѣднемъ послушаніи новгородцевъ поддерживалъ составленный ими приговоръ, чтобы не зависѣть имъ отъ суда митрополитовъ.—«Господине!» отвѣчали они на предложеніе митрополита относиться къ нему въ судныхъ дѣлахъ.—«Мы есмѧ крестъ цѣловали и грамоту списали промежи себя крестную, что къ митрополиту не зватися». Но митрополитъ отвѣчалъ имъ просто: — «Дайте мнѣ грамоту, язъ печать урву, а цѣлованіе съ васъ снимаю, а мнѣ судъ дайте, какъ доселъ при иныхъ митрополитѣхъ было».—Новгородцы не согласились, послѣ чего вступили къ нимъ московскія дружины и быстро подвели ихъ подъ высокую руку в. кн. Замутился было и Торжокъ, но когда на московскихъ площадяхъ заалѣла кровь его гражданъ, у которыхъ ампутировали по порядку — руки, ноги и головы, то спокойствие было возстановлено, при чемъ московскіе бояре попользовались и дарами, служившими залогомъ мира, любви и согласія.

События эти были домашнимъ дѣломъ рус. князей Орда не вмѣшивалась въ нихъ. Москва-же, крѣпко занятая поглощеніемъ соѣдніихъ княжествъ и уничтоженіемъ крупныхъ домашнихъ недруговъ, не давала себѣ труда справляться, что дѣлается за предѣлами ея вождѣній. Неудивительно, поэтому, что лѣтописецъ от-

несся къ вѣсти о готовившемся нашествіи Тимура, какъ о появленіи чуть не библейскаго звѣря:—«Пріиде нѣкій безбожный царь, именемъ Темиръ-Аксакъ, съ восточныхъ странъ, отъ Синяя орды, отъ Шамахъйскыя земли, и велику брань створи и многъ мятежъ въздвиже въ Ордѣ и на Руси приходомъ своимъ».—Изумленный лѣтописецъ не поспѣшился на эпитеты Тимуру, котораго онъ, считая «хиппникомъ, ябедникомъ и грабежникомъ», называть по ремеслу кузнецомъ, сковавшимъ себѣ ногу, послѣ перелома ее во время кражи. Темиръ, по свѣдѣніямъ того-же лѣтописца, толмачилъ половецкимъ языккомъ и къ нему, какъ къ лютому разбойнику, приложилися «юноши немилостивые, мужи сорови и вси зліи человѣци».... Вообще всѣ лѣтописцы согласно обвиняли Тимура въ намѣреніи: «христіанъ томити, гонити и мучити, пещи и женци и мечи сѣщи».—Названія его Іуліаномъ, Діоклітіаномъ, Максиміланомъ, Декіемъ и Ликиніемъ—были только слабыми выразителями гнѣва Москвы на нежданнаго посѣтителя.

Разгромивъ «кочевище» Тохтамыша и отдохнувъ на берегахъ рр. Дона и Волги, Тимуръ направился къ Москвѣ. Рязанскому кн. опять пришлось принять недобраго гостя. Прежде всего поплатился Елецъ, въ которомъ однако едва-ли залеживались болыше капитали, такъ какъ онъ долго плакался потомъ обѣ ограбленныхъ у него полотнахъ.

Москва не умѣла обороняться. Она и теперь, когда чуть не у ея воротъ стоялъ уже «нежалостливый, зѣло немилостивый и лютый мучитель», засуетилась и опять познала, что надежда на ея защитниковъ крайне слаба. Митрополитъ открылъ церкви для неустаннаго общаго моленія, а совѣтъ собравшихся кн., возложивъ упование на помощь свыше, озабочился принести изъ Владимира чудотворную икону Божіей Матери. Москва, чувствовавшая уже татарскій арканъ на своей шеѣ, взмолилась всенародно: митрополитъ и княгини, всякъ возраста и полъ, непрестанно возсыпали мольбу къ небу обѣ избавленіи отъ напраснаго смерти.

Если вспомнить, что Тимуръшелъ изъ Мавераннагра первоначально голодными, песчаными степями, а потомъ черезъ уходивший въ небо каменный поясъ и, наконецъ, по трупамъ золотоордынцевъ, то легко предположить, что и закаленный духъ его багадуровъ пріутомился, а кони ихъ прямо таки обезножили. Къ тому-же, они вошли въ болотистыя и лѣсистыя мѣста, где росли слишкомъ сочныя и жирныя травы, въ сравненіи съ привычнымъ

имъ степнымъ кормомъ. Открылись болѣзни. Осень наступила дождливая, холодная, а сопутствовавшіе арміи ученые и корреспонденты докладывали, что сѣвернѣе пойдеть уже одна безпроглядная ночь. Снѣга угрожали въ будущемъ безкормицею.

Не рискувъ встрѣтиться съ рус. зимию, Тимуръ повернуль свои утомленные тумени обратно на югъ. Разумѣется, внезапную рѣшиимость его оставить Москву и Русь безъ погрома, народная молва отнесла къ чудеснымъ явленіямъ: одни связали это рѣшеніе грознаго врага съ помошью, оказанною чудотворною иконою, другие объяснили вѣщимъ сномъ, побудившимъ его возвратиться въ свой улусъ. Во снѣ онъ увидѣль-де высокую гору, съ которой сходили святители съ жезлами въ рукахъ, а надъ ними витала Жена въ багряныхъ ризахъ, окруженнная свѣтлыми воинами, грозившими лютому мучителю огненными мечами.

На возвратномъ пути онъ остановился на берегахъ р. Дона, возлѣ Азова, гдѣ приволье пастищъ всегда ласкало монгольского коня. Торговый Азовъ выпелъ съ привѣтствiemъ и съ просьбой не вѣять на него вѣтромъ разрушенія. Представители Венеціи, Генуи, Египта и Испаніи, всегда пребывавшіе въ этомъ международномъ портѣ, выпли съ дарами, которые онъ принялъ благосклонно и объявиль, что возьметъ изъ городскихъ запасовъ только хлѣбъ и фуражъ, такъ какъ въ товарахъ и деньгахъ онъ не нуждается.

Можетъ быть и въ дѣйствительности было таково намѣреніе Тимура, но исполнители его воли пожелали исправить ошибку своего повелителя. Не довольствуясь ячменемъ и мукою, они приписали къ казнѣ его и парчу златокованную, и пояса съ ламами и всѣ монеты, какія нашлись въ купеческихъ карманахъ. Азовцы вздумали протестовать. Тогда разразился надъ ними, какъ-то, самъ собою, вѣтеръ разрушенія. То было уже проявленіе разнузданности въ войскахъ Тимура. Той же участи подвергнулась вскорѣ и Астрахань, огородившаяся было стѣнами изъ выпавшаго въ обилии снѣга.

По уходѣ Тимура на золотоордынскомъ тронѣ оказалось три хана:—Тохтамышъ, бѣжавшій къ Витовту Литовскому, Койричакъ-Агленъ, сынъ Урусъ-хана и Темиръ-Кутлуй, темникъ, неожиданно предъявившій свое право на престоль во имя того, что Батый былъ его предкомъ.

Темиръ-Кутлуй быль выходцемъ З. орды, служившимъ въ

войскахъ Тимура. Теперь, когда Сарай потерпѣлъ крушеніе, ему представился удобный случай объявить себя претендентомъ на престолъ. Койничакъ принужденъ былъ посторониться передъ потомкомъ Батыя. Орда, жившая воспоминаніями о своемъ в. основателѣ, согласилась признать ханомъ Кутлуя.

Кутлуй потребовалъ у Витовта выдачи Тохтамыша.—«Измѣнича жизнь наша»—писалъ онъ Витовту въ нѣсколько философскому тонѣ—«нынѣ я ханъ, а завтра—бѣглецъ, нынчѣ богатъ, а завтра—нищій, нынчѣ много друзей, а завтра столько же враговъ. Ханъ Тохтамышъ чужой намъ обоимъ человѣкъ и мой злой врагъ. Выдай мнѣ его, а что около него ни есть, а то тобѣ». Витовтъ—разумѣется не изъ любви къ Тохтамышу—отвѣтилъ отказомъ,—«Язъ царя Тохтамыша не выдамъ, а съ царемъ Темиръ-Кутлуемъ хочу ся видѣти».—Честолюбіе давно уже грызло литовскую душу Витовта и ему очень хотѣлось посидѣть на московскомъ столѣ. Помощь орды въ такомъ предпріятіи была болѣе нежели желательна.—«Пойдемъ и побѣдимъ царя Кутлуя», обратился Витовтъ къ своимъ литовцамъ, «вземъ царство его, посадимъ на него царя Тохтамыша».—«Азъ тя посяжю въ ордѣ на царство», обратился онъ къ Тохтамышу съ уговоромъ,—«ты меня посади на Москву, на великому княженіи, на всей русской землѣ».

Витовтъ Кестутовичъ снарядился довольно основательно. Къ нему подошли до пятидесяти князей. Литвѣ, нѣмцамъ, лахамъ, татарамъ, волохамъ, подолянамъ—всѣмъ хотѣлось покорыстоваться на счетъ золотоординцевъ и на счетъ крупицъ, которыя должны были упасть со стола в. княжества.

Встрѣча Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ произошла на р. Ворсклѣ. Но, не доходя до битвы, соперники вошли въ мирные переговоры. Ордынецъ хитрилъ. Въ ожиданіи помощи, которую вель уже къ нему давнишній его помощникъ Едигей, онъ прикармливавъ пословъ Витовта, обѣщалъ признавать его чуть не отцомъ и даже соглашался, чтобы на ордынскихъ монетахъ выбивалось имя литовского кн. какъ сюзерена орды.

Но съ приходомъ Едигея картина перемѣнилась: послы Витовта возвратились въ свой станъ съ предупрежденіемъ о готовившейся битвѣ. На этотъ разъ лѣтописецъ замѣтилъ съ большими удовольствиемъ, что «поможе Богъ татарамъ». Ударъ Темиръ-Кутлуя въ тылъ литовцамъ сломилъ ихъ силы; бой длился до глубокой ночи и окончился бѣгствомъ Витовта и Тохтамыша.

На полѣ битвы легли семидесятъ четыре именитыхъ князей—Полоцкій, Брянскій, Кіевскій, Смоленскій, Рыльскій, Бѣльскій—и множество бояръ и воеводъ. Погибли двѣ трети ихъ армій.

Погнавшись за остатками литовцевъ, Темиръ-Кутлуй побывалъ въ Кіевѣ, который и представилъ ему контрибуцію въ три тысячи литовскихъ рублей, не считая тридцати рублей окупу, взятаго съ Печерскаго монастыря.

Москва не знала, радоваться ей или печалиться литовскому избѣнію, но что касается до Твери, то ея молодой кн. «узнавъ о торжествѣ хана» и несчастыи своего шурина, отправился въ орду за ярлыкомъ на Тверское княженіе.

Изгнанный изъ орды Тохтамышъ пытался было вступить въ новую борьбу за утраченный тронъ, но эта попытка была уже послѣднею въ его жизни. Онъ былъ захваченъ Едигеемъ на р. Иртышѣ и умерщвленъ вблизи нынѣшней Тюмени. Такъ окончить жизнь ордынецъ, который, въ эпоху своего цвѣтущаго положенія, владѣлъ громадными пространствами; монету съ его именемъ били въ семнадцати городахъ—и въ числѣ ихъ—въ нынѣшихъ Царевѣ, Астрахани, Азовѣ, въ Крыму, за Ураломъ, въ Хорезмѣ, Дербентѣ, Шемахѣ и Баку.

Еще при жизни Тохтамыша, Едигей, прибравшій орду въ руки, возвелъ на ея престоль Чадибека, но послѣдній чувствовалъ на столько свое бес силе, что оставилъ нѣсколько лѣтъ въ покой рус. кн., пока наконецъ рѣшился послать своего казначея за данью. Вмѣсто дани, казначея привезъ только дружескій подарокъ, да извѣщеніе, нѣсколько насыпливаго характера, что Русь оскудѣла серебромъ. При этомъ в. кн. Василій Дмитріевичъ отказался даже побывать въ ордѣ—за недосугомъ.

Въ борьбѣ съ З. ордою, Тимуръ какъ-бы утратилъ нить своей политической дальновидности. Ему обязательно было сломить Тохтамыша, иначе послѣдній обратилъ бы его владѣнія въ улусъ своей орды. Но, преодолѣвъ соперника, онъ воспользовался нерасчетливо плодами победы и въ конечномъ результатаѣ, привель татаро-монгольскій элементъ, такъ зорко сторожившій Европу, къ разложенію и самоистребленію.

Послѣ изгнанія и убийства Тохтамыша, З. орда видѣла еще на своемъ серебряномъ престолѣ пятнадцать хановъ и, въ числѣ ихъ, четырехъ сыновей Тохтамыша, но ни одному изъ нихъ не суждено было возстановить силу и блескъ престола. Между ними

не выискивалось ни Батыя, ни Узбека. Смѣния быстро одинъ другого и, не стѣсняясь при томъ никакими путями и средствами, они не посмѣли воспрепятствовать выдѣленію изъ ихъ владѣній самостоятельныхъ ханствъ и улусовъ и довели наконецъ орду до расчлененія и распаденія.

Музыкантъ и сказатель былинъ.
(изъ монгольской жизни).

XL.

ВОЙНА ТИМУРЪ-ЛЕНГА ВО ИМЯ ИСЛАМА.

(1398 г.).

странство, прорѣдила за собою тяжело нависшія надъ христіанствомъ тучи.

акъ и почему случилось, что Тимуръ не занялъ лично золотоордынскій тронъ и не объявилъ Русь своей данницей? Вопросы эти такъ исторически законны, что нельзя разсчитаться съ ними простымъ способомъ умолчанія.

Изгнавъ Тохтамыша, сломивъ упорство агленовъ и овладѣвъ Сараемъ, онъ могъ безъ труда сплотить свои тумени съ золотоордынцами и образовать изъ нихъ непреодолимую армію. Тѣни Батыя и Узбека взглянули - бы съ величайшою радостью на миллионъ вооруженныхъ тюрко-монголовъ, способныхъ раздробить копытами своихъ коней всю Европу. Къ счастью, гроза эта миновала и даже, уходя въ про-

Русь не понравилась Тимуру.

Перейдя за р. Волгу, онъ не встрѣтилъ ни одной стени, которая могла бы прокормить конницу въ нѣсколько сотенъ тысяч головъ. Здѣсь, зимою, когда по словамъ развѣдчиковъ, должны были проявиться неизбѣжно снѣжные сугробы выше конского хребта, онъ встрѣтился бы съ голодомъ и засадами. Послѣднихъ онъ могъ ожидать изъ каждого мрачнаго чернолѣсся и за каждымъ подозрительнымъ торфянымъ болотомъ.

Кромѣ того, его смущило и упорство рус. населенія: повсюду—въ Иранистанѣ, Кабулистанѣ, въ Грузіи и Армении—послѣ погрома одного города или одной крѣпости, его встрѣчали уже на колѣняхъ цѣлые страны и племена. На Руси-же оказались совсѣмъ иные обычаи: города защищались рѣдко, а сельское населеніе бѣжало въ лѣса, такъ что не надѣ кѣмъ было и показать силу багадуровъ.

Въ смыслѣ добычи и корысти Русь того времени не представляла человѣку, разорившему Багдадъ, Тавризъ и Испагань, ничего привлекательнаго. Съ одной стороны, суровая природа съ ея хвойными лѣсами и безбрежными болотами, лишила монгольскаго коня корма и раздолья, а съ другой и самая обстановка жителей представлялась довольно мизерною. Страна могла дать завоевателю горы громоздкой, но мало цѣнной добычи. Безпрерывные раздоры кн., охотно топтавшихъ своими дружинами нивы противной стороны, крайне угнетали экономический бытъ не однихъ городовъ, но и черныхъ людей. Если у кого изъ нихъ и заводился алтынъ, то ему мѣсто было подъ корнями стародавней сосны или въ подпольѣ, но не въ поясе или въ карманѣ человѣка. Въ карманѣ такъ часто заглядывали тогда и свои и чужие охотники до легкой наживы! По неволѣ, приходилось держать на виду одни потертые шубейки, лыковую обувь, да коробки для сбора грибовъ и лѣсной ягоды, а скотинку, и особенно лошадей—припрѣтывать въ ямы и буераки, съ ходами по заболотьямъ или черезъ лѣсную чащу.

Правда, на Руси не трудно было добывать толпы плѣнниковъ, но этими мѣновыми знаками ордынцы разбогатѣли уже на столько, что въ голодную пору разсчетливѣ было прирѣзать плѣнника, нежели кормить его, хотя бы кашею изъ просянной шелухи. Спрось на рабовъ изъ-за Чернаго и Каспійскаго морей затихаль иногда на цѣлые десятки лѣтъ, особенно послѣ тамошнихъ междуусобицъ, когда сунниты пополняли свою каторгу шантами.

Вообще, пройдя часть рус. областей, Тимуръ увидѣлъ, что ему нечѣмъ будетъ расплатиться съ своими войсками. Ограбленные, правда, увѣряли, что обозы этого агаюнина тяготились рус. добромъ, но такъ какъ слышался при этомъ плачъ и о кускахъ полотна, доставшагося завоевателю, то можно думать, что въ его обозѣ было достаточно кадей съ медомъ, связокъ съ бѣличными шутаями, но камней самоцвѣтныхъ или жемчуга было немного. Даже въ церквяхъ не имѣлось тогда драгоцѣнныхъ украшений: ризы священнослужителей готовились изъ крашенины, а причастная чаша изъ липового дерева. Въ монастыряхъ встрѣчалась еще цѣнная утварь, но рѣдкій изъ нихъ не былъ уже ограбленъ Батыемъ, Мамаемъ или Тохтамышемъ и ихъ темниками.

Къ тому же, развѣдчики сообщали, что далѣе, на сѣверъ, лежитъ страна съ необыкновенно длинными ночами и безпрерывнымъ холодомъ. Въ такой странѣ войска, собранныя въ Маверанагрѣ, Хорасанѣ, Иранистанѣ или Гюржистанѣ изъ народовъ, привыкшихъ къ голубому небу—могли только хворать и гибнуть, не принося исламу ни малѣйшей радости.

Наконецъ и вся совокупность этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ не остановила бы Тимура зачислить Русь въ число своихъ данницъ, если бы онъ могъ выбрать изъ сыновей благонадежныхъ намѣстниковъ. Но увы, отличаясь храбростью, они не обладали государственными способностями. Миранъ-Шахъ натворилъ не мало бѣль въ короткое управлѣніе Ираками. Омаръ-Шейхъ и Пиръ-Магомедъ превосходно рубили головы врагамъ, но можно ли одною этой способностью управлять государствомъ, которое и само растоптало еще такъ недавно арміи Мамая? Отдать же Русь намѣстникамъ изъ постороннихъ людей не значило ли нажить втораго Тохтамыша?

Далеко не такія мрачныя вѣсти шли изъ дальняго юга. По сказаніямъ ученыхъ людей и особенно по наблюденіямъ щіоновъ, азіатскій югъ представлялся такимъ богачемъ, который могъ насытить самый алчный аппетитъ. Еще ханы изъ чингисидовъ получали оттуда цѣлые караваны съ благовоніями, пряностями и жемчугомъ. Тамъ каждому покойнику, хотя бы парію, клали въ ротъ—такъ говорили развѣдчики—по жемчужинѣ необыкновенной величины. Тамъ крыши королевскихъ дворцовъ покрывали золотыми дощечками. Тамъ каждый ницій утолялъ жажду молокомъ кокосового орѣха. Острова-же Индіи изобиловали драгоцѣнными камнями

такой необыкновенной красоты и ценности, что один из чингисиадовъ расплатился за рубинъ цѣлою провинціею.

Наконецъ, тамъ, на одномъ изъ острововъ, хранились мощи прародителя человѣчества Адама. В. ханъ Кубилай получилъ даже оттуда два коренныхъ зуба и нѣсколько волосъ прародителя и кружку, служившую ему при жизни.

Не могли не заинтересовать Тимура и разсказы объ обезьянахъ, совершенно похожихъ на людей, о соколахъ необыкновенной величины и о птицѣ Рухъ на столько сильной, что она поднимала слона на воздухъ. Одно перо этого гиганта равнялось двумъ взрослымъ пальмамъ.

И въ такой благодатной странѣ люди кланялись идоламъ, коровамъ и цаплямъ! Да же болѣе того: на дальнихъ островахъ люди питались человѣческимъ мясомъ, а въ жертву богамъ приносили красивыхъ дѣвушекъ. Можно было думать, что именно населеніе этой страны и было указано Пророку въ той пѣснѣ Корана, которая повелѣваетъ вести войну съ «небрежными и беззаконными».

Въ средѣ своихъ приближенныхъ эмировъ и багадуровъ Тимуръ не разъ признавался, что походъ въ Индию составляетъ его душевную потребность. Признанный всѣмъ мусульманскимъ духовенствомъ за первого воина Пророка, онъ не долженъ быть терпѣть существованіе на землѣ людей, поклонявшихся множеству боговъ, богинь и неразумнымъ тварямъ. Онъ могъ бы еще помириться съ поклоненіемъ Брамѣ, Вишну и Сивѣ—создателю, охранителю и разрушителю міровъ, но поклоненіе обезьянамъ или змѣямъ требовало отъ него войны и истребленія язычниковъ. Особенно его интересовала р. Гангъ, на берегахъ которой побывалъ в. Чингисъ-ханъ. Объ этой р. было известно, что она изливается изъ пасти коровы и служить тремъ мірамъ: небу, землѣ и преисподней. Люди той земли считали величайшимъ счастьемъ утонуть въ ней, а въ крайнемъ случаѣ, завѣщаали бросить въ ея волны пепель по сожженнѣ ихъ труповъ. Чтобы пройти по ея берегу, отъ начала до конца, нужно было употребить шесть лѣтъ. Всѣ-же берега ея были усыпаны жертвениками и толпами молельщиковъ...

Развѣдчики доложили также Тимуру, что въ Индіи, вспоминавшей не безъ трепета о первомъ нападкѣ монголовъ, господствовала въ ту пору анархія: знатные люди противились султану Махмуду и не выпускали его изъ гарема, гдѣ впрочемъ его также презирали.

Безпокойный Мултанъ объявилъ себя независимымъ и избралъ отдалъного правителя. Богатый Лагоръ образовалъ и выставилъ собственную армию. Вообще Индію раздирили на части претенденты на престолъ послѣдняго властелина Фирузъ-Шаха.

Тимуръ не слѣдовалъ уже болѣе обычаю чингисидовъ предпринимать войны только по рѣшенію курилтая. Народное представительство онъ замѣнялъ въ этихъ случаяхъ своимъ тайнымъ совѣтомъ, который открывался иногда подъ открытымъ небомъ, на площади, окруженней шпалерами изъ разставленной въ почтительномъ отдаленіи стражи. Тронъ, окруженный сыновьями, внуками и родственниками гуръ-хана, былъ непремѣнною принадлежностью совѣта. Правое крыло предоставлялось потомкамъ Пророка, судьямъ, улемамъ, вельможамъ и людямъ святой жизни. Лѣвая сторона принадлежала военному элементу: главнокомандующему, начальникамъ туменей, шейхамъ воинственныхъ общинъ, эмирамъ и низшимъ чинамъ до унбаши включительно. Противъ трона имѣли мѣста диванбеки и визири. Церемоніймейстеры наблюдали за безопасностью и соблюдениемъ должнаго порядка.

Засѣданіе совѣта открывалось раздачею карагулу тысячи хлѣбовъ и—кушаній, назначаемыхъ поименно эмирамъ. Члены совѣта получали также обильную трапезу.

Но прежде чѣмъ открыть совѣтъ, по вопросу о походѣ въ Индію, Тимуръ обратился по секрету къ гаданію, по способу шамановъ, оставляя какъ бы въ запасъ гаданіе по корану.—«Человѣкъ ошибается, а лопатка никогда не ошибается», говорить еще и теперь всѣ ламы и шаманы, требующіе однако строгаго соблюдения обрядностей, безъ котораго гаданіе по кости лопатки—ничто.

Не смотря на то, что этотъ способъ гаданія пришелъ изъ страны буддистовъ, мусульмане охотно приняли его, такъ что при дворѣ Эмировъ состояли присяжные гадальщики. Они только, не смѣя начинать гаданіе по тибетскому обряду, не могли воскликнуть:—«Омъ-а-хомъ! Поклоняюсь Ламѣ, поклоняюсь Буддѣ, поклоняюсь Всесовершеннѣйшему и... отыскиваю истину по книгамъ тибетскимъ и тангутскимъ».—Они должны были, призывавъ благословеніе Аллаха, поступать далѣе по измѣненному въ мусульманскомъ стилѣ обряду.

Придворный гадальщикъ Тимура, не ограничившись одною лопаткою бѣлаго барана, пережегъ пять лопатокъ пяти барановъ,

съ пятью разными признаками. Одна изъ нихъ была темно-черная и маслянистая, другая бѣлая безъ масла, третья узкая съ красными жилками, четвертая похожая на пыль и пятая—безъ примѣтъ. То было трудное гаданіе, доступное только средствамъ богатого человѣка. По обряду слѣдовало, чтобы всѣ пять лопатокъ дали отвѣтъ тождественный и рѣшили: будетъ ли успѣха задуманная война? По первой серіи лопатокъ, получились крайне разнорѣчивые отвѣты. Три лопатки говорили, что война будетъ неудачна, а двѣ предвѣщали удачу. Во второй серіи, четыре лопатки говорили, что война будетъ удачна, а пятая оповѣщала, условно расположившимися трещинами и дорожками, что къ хозяину дома придется вдовая женщина съ истрапанными волосами и съ изодраннымъ подоломъ. То было предвѣщаніе болѣзни хозяину дома. Умный гадальщикъ, впрочемъ, вылѣпилъ тотчасъ же изъ глины фигурку этой вдовы женщины и выбросилъ ее въ воду, чѣмъ и предохранилъ гурьхана отъ тяжелой болѣзни.

Послѣ неудачи на пяти бараныхъ лопаткахъ, гадальщикъ увидѣлъ наконецъ на лопатѣ сайги—бѣлый путь къ точкѣ, которая мысленно изображала собою непріятельской станъ. Путь шелъ стрѣлою изъ средины лопатки, гдѣ предполагалось пребываніе Тимура; предвѣщаніе это говорило о несомнѣнной победѣ.

Ободренный этимъ результатомъ гаданія, Тимуръ открылъ засѣданіе совѣта. Передъ началомъ засѣданія, придворный мулла произнесъ рѣчь, въ которой онъ призывалъ Аллаха на помощь противъ язычниковъ. Нужно думать, что рѣчь была внушена самимъ Тимуромъ, по крайней мѣрѣ она отвѣчала вполнѣ его намѣреніямъ. Она звала его туда, на дальній югъ, за камений поясъ, къ истребленію народовъ, поклонявшихся огню, коровѣ и идоламъ. Одно-де существованіе подобныхъ народовъ омрачало и за гробомъ взоры Пророка.

Отъ членовъ совѣта требовалась полная откровенность, привыченная, разумѣется, церемоніальною учтивостью. Теперь, въ числѣ членовъ, нашелся какой-то несчастный ученый, замѣтившій, что государи странъ, лежащихъ за каменнымъ поясомъ, тоже исповѣдываютъ, и даже въ продолженіи трехъ вѣковъ уже, священные истины ислама и что поэтому война съ ними незаконна. Но тутъ саиды разбили соображенія ученаго. Они сообщили, что столица Индіи—Дели дѣйствительно управляетъ сultanами, исповѣдующими вѣру Пророка, но султаны эти такъ слабы въ вѣрѣ, что терпятъ

у себя цѣлые классы людей, поклоняющіхся и живымъ тварямъ и изваяніямъ изъ глины, дерева и металловъ.

Ученый быль посрамленъ.

Собрать его подѣлился своими свѣдѣніями о дорогѣ въ Индію. По дорогѣ къ каменному поясу должны были встрѣтиться женщины, похожія на мужчинъ и мужчины, похожіе на собакъ. Они были огромны, косматы и молчаливы. Они ловили звѣрей, которыми кормили своихъ женъ. Но ужасы эти встрѣтили только насмѣшки со стороны багадуровъ, замѣтившихъ, что если и есть такія твари на землѣ, то ихъ уже давно пора истребить всѣхъ до одного.

Хотя ученые и были посрамлены, но въ совѣтѣ чувствовалось нерасположеніе къ походу въ Индію. Нашлись даже юртъ-джи, рѣшившіеся на такую откровенность.—«Людей еще можно переправить черезъ каменный поясъ на веревкахъ, но лошадей трудно. Онѣ не понимаютъ гдѣ и когда слѣдуетъ жертвовать жизнью».—Не выдержало критики и это замѣчаніе. Въ совѣтѣ отыскался другой юртъ-джи, развѣдавшій путь, по которому проходили и Александръ Македонскій и Махмудъ Газнійскій и Махмудъ Гурійскій. Здѣсь послышалось со стороны мало знакомыхъ съ науками багадуровъ и такое мнѣніе, что колонновожатому простительно не найти дорогу на седьмое небо, но на землѣ ему должны - бы быть извѣстны всѣ пути....

Какой-то почтенный, но разслабленный визирь забормоталъ и при томъ внезапно, какъ бы очутившись передъ страшнымъ чудовищемъ:—«О, Тимуръ, впереди много рѣкъ и недоступныхъ горъ.... а за ними слоны.. и люди, у которыхъ слишкомъ много огня въ рукахъ, чтобы можно было брать ихъ въ плѣнъ».—Тимуръ подаль знакъ замолчать. Нашелся еще возражатель.—«Тамъ солнце такъ жарко, что мы изнеможемъ и не вернемся на родину. Нашъ народъ породнится тогда съ идолопоклонниками и что станется съ чистотою мусульманской крови?»—Тимуръ махнулъ и этому рукой. Засѣданіе не обошлось и безъ совѣтника съ двойнымъ языкомъ:—«О Тимуръ, Индостанъ самъ просится подъ стремя твоей ноги и его непремѣнно слѣдуетъ завоевать, но моя преданность велить тебѣ сказать, что тамъ съ одной стороны горы, а съ другой моря. Тамошніе воины идутъ въ битву на слонахъ, которыми давятъ людей, какъ ничтожныхъ муравьевъ. Намъ слоны страшны. О, Сагибъ-уль-кыранъ, прости мою откровенность!»

Когда всѣ возраженія были исчерпаны, Тимуръ разбрѣшиль говорить сыновьямъ и внукамъ.—«Когда ты завоюешь Индію, то одно ея золото сдѣлаетъ тебя повелителемъ всего міра!»—сказалъ Ширь-Магометъ.—«Завоеваніе Индіи отдастъ тебѣ пятый климатъ, которымъ ты еще не владѣешь», добавилъ Миранъ - Шахъ.—«И тогда тѣнь Пророка успокоится!» заключилъ Шахъ-Рохъ, знакомый съ тюркскими лѣтописями, что онъ и не замедлилъ обнаружить.—«Я читалъ», добавилъ онъ, «что отъ сотворенія міра было только пять царей Дари, Кисеръ, Фагфуръ, Каканъ, Шахиншахъ и что ты, отецъ, будешь шестымъ и послѣднимъ!»

Выслушавъ съ явнымъ одобреніемъ своихъ сыновей, Тимуръ приказалъ подать себѣ коранъ и открылъ его, вѣроятно случайно, на сурѣ, которую и прочелъ громко, во всеуслышаніе:—«Пророкъ, веди войну съ небрежными и беззаконными».

Эмиры и багадуры, услышавъ это велѣніе судьбы, издали радостное восклицаніе, а улемы принялись тотчасъ же толковать, что стихъ корана повелѣваетъ непремѣнно обратить оружіе противъ Индіи. Придворный мулла произнесъ что-то мистическое, непонятное, но очень возвышенное. Вообще, въ залѣ совѣта повѣяло духомъ единства и трусоватость исчезла. Каменный поясъ, который только что подпиралъ небеса своими остроконечными пиками, представлялся уже не болѣе какъ песочною горбушкою, а рѣки сузились въ ручейки. Отъ горячаго же солнца такъ легко было защититься войлочнымъ малахаемъ!

Война была рѣшена.

Совѣщаніе окончилось тѣмъ, что церемоніймейстеръ поднесъ глупымъ совѣтникамъ, по приказу Тимура, одному—вѣрть, другому—женское покрывало, третьему—браслетъ. То были знаки опалы и разжалованія: ученый обратился въ подметальщика улицъ, а визирь могъ отправиться на свой огородъ гонять зайцевъ, падкихъ грызть молодыя дыни.

Народамъ Мавераннагра и вассальныхъ областей было немедленно объявлено въ «тузукатѣ»—приказѣ Тимура,—что онъ не можетъ терпѣть далѣе слабости мусульманскихъ правителей Индіи и что, во имя ислама, онъ долженъ уничтожить въ этихъ государствахъ идолопоклонство. Отвѣтомъ ему служили посольства изъ Кипчака, Аравіи, Кашмира и даже отъ идолопоклонниковъ-калмыковъ, съ пожеланіемъ удачи въ святомъ дѣлѣ распространенія ислама.

Тимуръ никогда не медлилъ. Впрочемъ, планъ похода на Индию давно уже созрѣлъ въ его умѣ. Прелесть соловычного пѣнія въ садахъ Самарканда и созерцаніе красоты Биби-ханымъ, въ зеркальной комнатѣ гарема, не мѣшали ему создавать военные маршруты и опутывать мысленно враговъ дипломатическими сѣтями и щетиною пикъ.

Гонцы его отправились въ крупные центры монархіи съ приказаніями о поставкѣ людей, коней, оружія и запасовъ. Кандагару онъ повелѣлъ выставить тридцать тысячъ конницы для праваго крыла, а Кабулу такую же армію для лѣваго крыла. Центръ и резервы остались въ числѣ тридцати двухъ тысячъ человѣкъ подъ личнымъ его начальствомъ. Такимъ образомъ состоялась соединенная армія въ девяносто двѣ тысячи всадниковъ, ровно по тысячѣ человѣкъ на каждое изъ благословленныхъ имень Пророка. Разумѣется это было не совпаденіе, а расчетъ завоевателя, поднявшаго свое знамя во имя ислама!

Кандагарская армія, подъ начальствомъ эмира Рустема, находилась неподалеку отъ каменного пояса. Она поднялась съ такою внезапностью, что на Аттокѣ и въ Дели узнали о ея движеніи, когда она уже появилась у подошвы горъ. Кабульская армія направилась также къ горамъ Солимана и должна была вторгнуться въ Лагоръ.

Перевалы черезъ горы, остававшіеся и въ срединѣ лѣта подъ снѣгомъ, не были тогда известны, какъ теперь, поэтому движеніе большой арміи представляло не мало затрудненій. Армія Тимура, благодаря присоединенію къ ней встрѣчныхъ племенъ, выросла въ триста тысячъ всадниковъ, остановившихся въ недоумѣніи передъ крутыми, уходившими въ небо, горными массивами. Авангарду пришлось бросить коней по эту сторону неодолимой преграды и взобраться на вершины посредствомъ веревокъ. Этимъ же способомъ подняли и самого Тимура и его лошадь.

Въ то-же время летучія колонны разсыпались вдоль хребта для отысканія удобнаго прохода. Такимъ оказался Хайберскій проходъ, находившійся во власти воинственныхъ горцевъ—родонаучальниковъ нынѣшихъ афридіевъ, оруксаевъ, юзуфсаевъ, визирей и множества колѣнъ потанцевъ. Царившее тогда въ проходѣ, богатомъ водою и растительностью, племя сіагпушей преградило было дорогу развѣдчикамъ сѣверныхъ пришельцевъ, но узнавъ, что они явились съ одною цѣлью обратить южные народы въ исламъ, они

ни мало не задумались принять вѣру Пророка. Послѣ того уже, въ качествѣ единовѣрцевъ, они указали доступные проходы, но какъ только колонны втянулись въ горныя разсѣлины, они бросились въ тыль припельцамъ и произвели большое побоище. Уцѣлѣвшіе всадники Тимура дали однако знать слѣдовавшимъ позади ихъ войскамъ о встрѣченной ими измѣнѣ, послѣ чего отъ всего племени сіагпушей остался только холмъ череповъ, на которомъ потомъ отдыхали хищныя птицы.

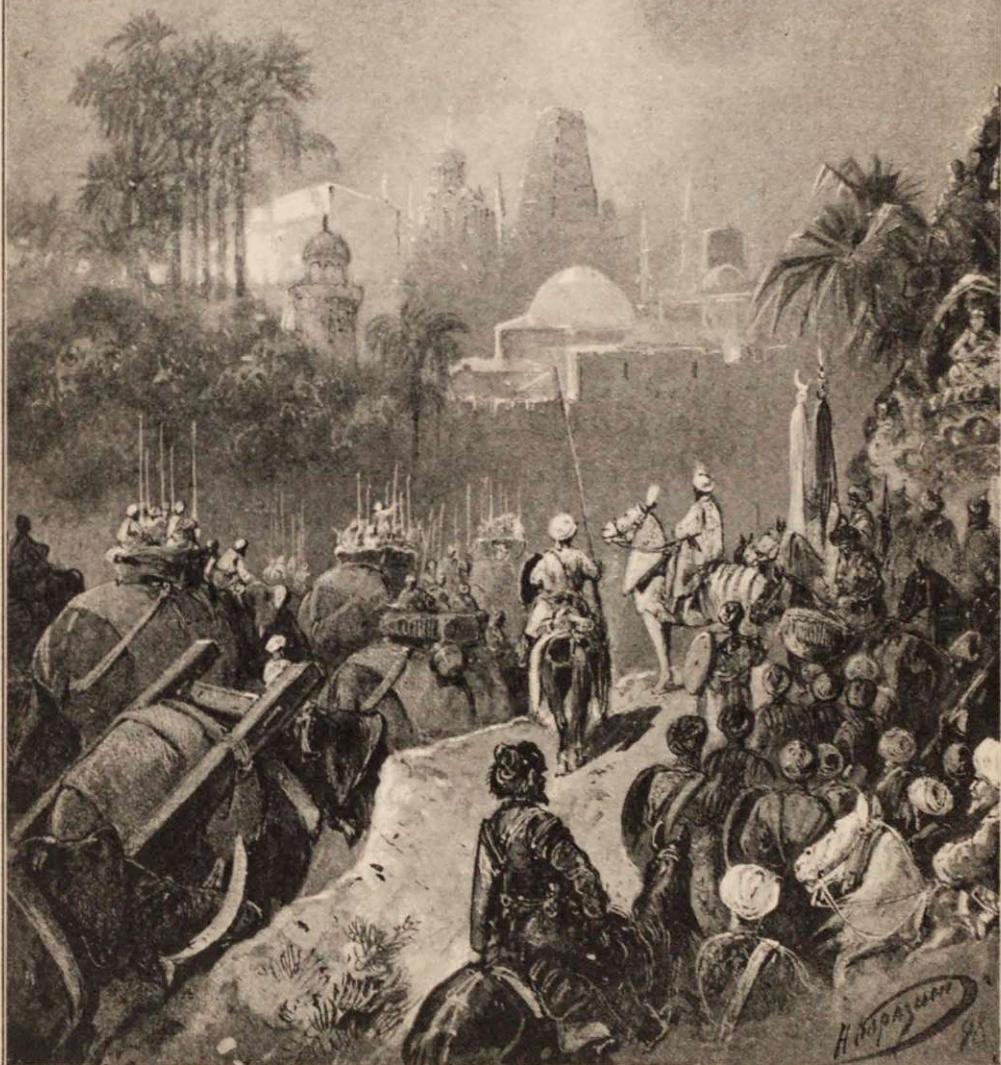
Открывъ проходъ, Тимуръ справился у своихъ ученыхъ, гдѣ переправился черезъ р. Индъ въ Александръ. Ему указали мѣсто у Аттока. Сюда онъ приказалъ стянуть всѣ свои отряды. Отсюда же онъ отправилъ и гонцовъ въ Мавераннахръ и сосѣднія страны съ извѣщеніемъ о благополучномъ прибытии въ страну язычниковъ. Впрочемъ,сосѣднія области уже поторопились, не ожидая его извѣщенія, выслать къ нему депутатовъ съ изъявленіемъ радости и покорности. Кашмиръ выступилъ первый на дорогу повиновенія и представилъ дары, свидѣтельствовавшіе обѣ его искреннемъ миролюбіи.

Затѣмъ началось побѣдоносное шествіе Тимура въ странѣ язычниковъ, которымъ однако рѣже предлагали принять исламъ, нежели цѣловать землю передъ побѣдителемъ. Попутно, летучія колонны пополняли его казну мѣстными произведеніями: золотомъ, камнями, жемчугомъ и слоновою костью. Оказавшій сопротивленіе Мултанъ былъ вскорѣ взятъ сыномъ Тимура, такъ что движеніе къ Дели замедлилось только сборами дани и рабовъ. Вразумленіе же невѣрующихъ и беззаконныхъ истинами корана было отложено до болѣе удобнаго времени.

Въ концѣ Октября, Тимуръ стоялъ подъ Дели и выслушивалъ разсужденія своего военнаго совѣта о способахъ покоренія непрѣтельской столицы. Разумѣется, соображенія эмировъ и багадуровъ были только рамкою диспозиціи, начертанной умомъ полководца. Преподавъ своей арміи правила не только побѣдъ, но и отступлений, онъ озабочивался лично приготовленіями къ битвѣ. Не пренебрегая ни одною изъ предосторожностей, онъ потребовалъ присяги всего войска—умереть, если то понадобится въ честь ислама и во славу повелителя.

Не менѣе важною предосторожностью было его распоряженіе истребить поголовно девиносто тысячъ захваченныхъ гебровъ. Единственная вина этой людской толпы заключалась въ томъ, что,

Двѣ волны
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ТИМУРЪ-ЛЕНГЪ ПЕРЕДЪ ДЕЛИ.

по наблюденіямъ А'ризъ-Лашкера, на лицахъ плѣнниковъ были замѣтны веселыя улыбки. Вѣроятно, подъ этими предательскими улыбками, подозрѣвалась надежда на скорое избавленіе отъ плѣна. И девиности тысячъ жизней не стало въ одинъ часъ! Каждый воинъ Тимура обязанъ быть умертвить собственноручно своихъ плѣнниковъ. Находившіеся при войскахъ ученые и поэты также не были освобождены отъ обязанностей палача. Каждый, кто рѣшился бы нарушить это приказаніе, подлежалъ смертной казни и конфискаціи всего имущества въ пользу доносчика.

Чтобы ободрить непріятеля и вызвать его изъ-за стѣнъ, Тимуръ приказалъ войскамъ проявить мнимую слабость—окопаться и окружить себя переносными щитами. Султанъ Махмудъ, соблазнившись искусственно открывшееся передъ нимъ картиною трусоватости, выступилъ изъ города съ большими эффектомъ въ открытое поле. Его окружала армія въ сорокъ тысячъ человѣкъ, въ сопровожденіи стрѣлковъ, помѣщенныхъ въ башняхъ на спинахъ слоновъ. Кроме арбалетчиковъ, на слонахъ же размѣстились и метатели греческаго огня. Клыки слоновъ были вооружены кинжалами, отравленными ядомъ.

Тимуръ предвидѣлъ эти средства войны въ Индіи и хитрости непріятеля. Не страшась ни стрѣльбы, ни длинныхъ копий, ни палицъ съ желѣзными шарами, онъ побаивался слоновъ, которые могли своимъ видомъ разстроить его конницу. Нужно было парализовать этотъ страхъ. Съ этою цѣлью, прежде чѣмъ величественный султанъ показался въ воротахъ своей столицы, весь предстоявшій ему путь былъ усыпанъ заранѣе заготовленными желѣзными острыми рогульками. Кроме того, въ лагерѣ держали на готовѣ сотни буйволовъ, предназначенныхъ выполнить службу сухопутныхъ брандеровъ. Они были обязаны пучками сухаго хвороста съ хорошо осмоленными фитилями...

Едва только горделивые слоны, напоенные передъ битвою рисовою водкою съ пряностями, грузно двинулись противъ непріятеля, какъ ихъ толстяя ступни наткнулись на острия безчисленныхъ рогулекъ. Гиганты взревѣли и припали на ноги. Сбросивъ съ себя башни и арбалетчиковъ, они обратились въ бѣгство. Но бѣгство не освободило ихъ отъ пронзительной боли, увеличивавшейся, напротивъ, новыми и новыми заостренными ершами, такъ что удары вожаковъ молотками въ голову только раздражали ихъ, но не приводили къ повиновенію. Въ это же время были выпущены

изъ лагеря буйволы съ зажженнымъ хвостомъ. Обезумѣть отъ боли и страха, они окончательно разстроили боевую силу слоновъ. Послѣдніе бросились на армію своего же султана, не ожидавшей подобной коварной хитрости и обратили ее въ бѣгство. Тимуру оставалось осыпать бѣжавшихъ тучами стрѣль.

Войдя побѣдителемъ въ Дели, Тимуръ приказалъ вынести изъ дворца тронъ султановъ на городскую площеадь, гдѣ и принялъ присягу на подданство уцѣлѣвшихъ сановниковъ и судей. Даже неучаствовавшіе въ битвѣ слоны были подведены къ нему на поклонъ, къ чьему ихъ пріучилъ этикетъ султанскаго двора.

Три дня войска Тимура жгли и грабили Дели, нисколько не заботясь объ обращеніи кого бы то ни было въ исламъ. Послѣ паденія Дели и истребленія лучшихъ военныхъ силъ султана, сѣверная часть Индіи очутилась въ рукахъ побѣдителя. Укрошивъ свой тылъ дымившимися развалинами и полями, покрытыми трупами, онъ направился въ долину р. Ганга, куда стремились и гебры въ надеждѣ спастись на водѣ отъ неумолимаго преслѣдователя. Но то была напрасная надежда: войска Тимура догнали рѣчную флотилю и вступили съ нею въ битву. Послѣдняя окончилась плѣномъ всѣхъ женщинъ и избѣніемъ всѣхъ мужчинъ. Алтари гебровъ были опрокинуты и огни ихъ погашены. Рѣшаясь кое-гдѣ бросаться въ битвы, они обрекали себя заранѣе на вѣрную смерть. Долины, ущелья, нивы, берега р.р., все было облито кровью, никакъ не сосчитанного числа труповъ.

Правители отдѣльныхъ областей сѣверной Индіи сѣшили принять мусульманство, но и эта измѣна священному огню не оберегла ихъ отъ дани—лопадьми и золотомъ. Кашмиръ спасся отъ погрома добровольнымъ подданствомъ, тогда какъ Лагоръ, которому высчитали какія-то обиды, былъ отданъ на разграбленіе.

Войска побѣдителя были обременены добычею какъ никогда и нигдѣ, такъ что самое движеніе ихъ было затруднено до крайности. И все таки Тимуръ—прервать свое побѣдоносное шествіе! Причиною этого неожиданного обстоятельства послужили донесенія корреспондентовъ, засыпавшихъ его извѣстіями о непріязненномъ положеніи султана Анатоліи. Послѣдній началъ относиться крайне пренебрежительно къ дѣламъ Тимура и, разсыпая повсюду шпіоновъ и посольства, стремился возстановить противъ него Египетъ, Сирію, Багдадъ, Тавризъ, Грузію, бывшій Хорезмъ и орды узбековъ.

Рѣшительный, какъ и всегда, Тимуръ оставилъ на время страну язычниковъ, нисколько не заботясь, сохранять ли они исламъ или воздвигнуть вновь алтари въ честь Зороастра. Но прежде чѣмъ уйти изъ Индіи, онъ справился у своихъ ученыхъ: гдѣ поставилъ Александръ - Двугорій знаки, въ видѣ монументовъ, своего въ ней пребыванія? Когда мѣста эти были найдены, онъ обвелъ вокругъ нихъ летучія колоны и потомъ отправился взглянуть на знаменитый утесъ, напоминавшій своею формою корову, изъ рта которой выбивалась струя священной рѣки, исходящей, если вѣрить ея поклонникамъ, непосредственно съ неба. Святость ея такъ велика, что закоренѣлый грѣшникъ, оскорбленный безчисленными злодѣйствіями, можетъ возродиться для небесныхъ жилищъ однимъ произнесеніемъ ея названія. Впрочемъ, грѣшнику совсѣмъуется при этомъ пройти, отъ видимаго начала ея до видимаго конца, съ поклонами послѣ каждого шага, для чего требуется не менѣе шести лѣтъ...

Увидѣвъ передъ утесомъ толпы молельщиковъ и тысячи жертвениковъ, обвитыхъ цвѣтами и злаками, Тимуръ подалъ знакъ, по которому жертвеники были опрокинуты, а передъ коровою трубачи проиграли военную фонфару. Тѣмъ и окончился этотъ визитъ побѣдителя въ страну, которую впослѣдствіи правнукъ Тимура — Акбаръ укрѣшилъ за династіей исламитянъ.

Одаривъ щедро войска, Тимуръ двинулъ ихъ по южнымъ отрогамъ Гималаевъ и выйдя къ Кабулу, отправился въ Мавераннахъ налегкѣ, подъ охраною всего нѣсколькихъ избранныхъ багадуровъ. Съ дороги онъ разослалъ гонцовъ съ подарками и вѣстями о своемъ скоромъ прибытии въ столицу. Подарки вассаламъ были отправлены на слонахъ, покрытыхъ дорогими тканями. Онъ не поспѣшилъ и въ раздачу красивыхъ баядерокъ, способныхъ очаровательными танцами разогнать черты грусти на челѣ завоевателя.

Этотъ походъ доказалъ между прочимъ, что ни Гинду-Кушъ, ни Солимановы горы не могли остановить энергичнаго воителя. Походъ длился менѣе года. Разумѣется, Самаркандъ устроилъ великолѣпную встречу тріумфатору, за которымъ слѣдовала обогащенная армія съ толпою рабовъ и рабынь. На двадцати слонахъ везли его личные трофеи, заключавшіеся въ ящикахъ съ рубинами, бирюзою, изумрудами, яхонтами и золотыми идолами, лишенными, въ честь ислама, мистического значенія. Нѣкоторые изъ нихъ были вставлены потомъ въ фундаменты стѣнъ знаменитой мечети Биби-ханымъ.

Исламъ торжествовалъ. Вслѣдъ за уничтоженіемъ язычниковъ изчезло и христіанство изъ ср. Азіи. Несторіане принуждены были бѣжать въ горы, гдѣ курды, въ продолженіи пяти уже столѣтій, продолжаютъ пробовать подъ ними арсеналы своего оружія. Полному торжеству ислама помѣшила только открывшіяся въ книгѣ очевидности страница, предвѣщавшая наступленіе истребительной войны между самими исламитянами и уже не ради торжества вѣры, а изъ личныхъ счетовъ самолюбивыхъ соперниковъ!

Генералъ кабульскихъ войскъ.
(XIX-го стол.).

XLI.

ВОЙНЫ ТИМУРЪ-ЛЕНГА ИЗЪ ЧЕСТОЛЮБІЯ.

(1400—1404 г.г.).

ще до похода въ Индію, Тимуръ узналъ о появлѣніи, на западѣ его Имперіи, султана Баязета, подъ ударами котораго рушилась уже независимость многихъ владѣній. Его развѣдчики видѣли своими глазами, что государство Румъ тѣсно для новаго завоевателя и что, покоривъ Никейскую имперію, онъ отправилъ войска, черезъ море, для осады столицы Византіи. Они намекали даже, что Баязетъ считаетъ Грузію, Армению, Месопотамію и Багдадскій халифатъ не болѣе какъ своими владѣніями. Вообще же тамъ, на западѣ, происходила въ эту эпоху перетасовка въ отношеніяхъ государей и народовъ. Недовольные Тимуромъ бѣжали къ Баязету, а недовольные Баязетомъ къ Тимуру. Давнишній ненавистникъ послѣдняго, предводитель туркменскаго колѣна черныхъ барановъ, Кара-Юсуфъ нашелъ у Баязета дружескій приемъ.

Возникновеніе Рума, какъ грознаго сосѣда и соперника, слѣдовало приписать слабости и раздорамъ чингисидовъ. Въ этомъ отношеніи упадокъ значенія монголовъ въ Азіи, выразившійся въ измельчаніи гулагидовъ и джагатаидовъ, расчистилъ поле для появленія новой могущественной династіи. Родонаачальникомъ ея былъ человѣкъ, занимавшій среднее положеніе между пастиухомъ, разу-

мѣется всегда хорошо вооруженнымъ, и разбойникомъ или, если угодно, рыцаремъ временъ Аладина. То былъ Ортогруль, простой кочевникъ, сумѣвшій возвыситься надъ роднымъ ауломъ въ нѣсколько десятковъ палатокъ.

Сыну его, Оттоману, выпало болѣе высокій удѣлъ. Достигнувъ кровавымъ служеніемъ Пророку положенія халифа, онъ оставилъ свое имя могущественной имперіи и сотнямъ миллионовъ людей. Тѣ-же побѣдоносныя войны съ невѣрными проложили ему путь въ пантеонъ историческихъ личностей. Проведя въ нашеествіяхъ и погромахъ почти тридцать лѣтъ, онъ развила свои боевые силы до необыкновенныхъ размѣровъ, чemu способствовали такие притягательные элементы какъ надежда на хорошую добычу и почетное мѣсто въ раю. Воины Пророка не будутъ, какъ известно, ощущать недостатка въ ручьяхъ сладкой воды и въ тѣнистыхъ деревьяхъ.

Христіане Прузы откупили свою жизнь передъ Оттоманомъ, но самый городъ ихъ обратился въ одну изъ столицъ мусульманства. Утративъ Прузу, христіане потеряли и Нику и Никомидію. Патріархамъ и императорамъ оставалось спасаться бѣгствомъ передъ захватывавшіо цѣлыми странами и царства волною мусульманства. Императоръ Андроникъ Младшій поплатился трономъ. Императрица Ирина отдала свою дочь въ жены сыну бывшаго пастуха. Паль Эфесъ. Христіанство уже слышало ревъ библейского звѣря.....

Не довольствуясь распространениемъ своего могущества на суши, оттоманы развили и морскія силы. Трапезундскій императоръ не посмѣлъ отказать ему въ своихъ галерахъ, такъ что Геллеспонтъ не остановилъ дальнѣйшаго движенія знамени Пророка. Западная Европа долго не придавала значенія этому явлению и только, несчастная для балканскихъ народовъ, битва на Коссово-вомъ полѣ пробудила папу, Кипрскаго короля, Венецию и орденъ Иоаннитовъ къ мысли о необходимости защиты противъ ислама.

Правнукъ Оттомана—Баязетъ блестательно поддержалъ славу воинственного предка. Своими выдающимися успѣхами онъ пріобрѣлъ у современниковъ название «гальдерамъ»—молніи, которая и дѣйствительно зажгла цѣлыми странами отъ Дуная до Евфрата. Въ дѣлѣ побѣды и истребленія людей, для него не существовало, какъ не существуетъ и для молніи, различія между христіанскими и мусульманскими землями. Всѣ онъ должны были составлять одно царство, подъ одною властною рукою султана оттомановъ.

Всѣ четырнадцать лѣтъ своего царствованія Баязетъ искалъ враговъ, чтобы сдѣлать ихъ своими подданными, хотя все-же передня Азія была главною ареною его боевой жизни. Тамъ признали его власть и сѣверная Анатолія съ знаменитою, впослѣдствіи, въ лѣтописяхъ христіанства и человѣчества, Ангорою. Тамъ эмиры, одинъ за другимъ, цѣловали подножіе его трона. Наконецъ, когда флотилія галеръ перенесла его въ Европу, Греція первая испытала беспомощность своего положенія. Подвластныя ей Фракія и Македонія пали и отуречились. Нашелся даже епископъ, проведшій его войска черезъ Фермопилы.

Халифъ поднесъ Баязету титулъ султана, чѣмъ абассиды признали его своимъ властелиномъ. Подвигаясь къ сердцевинѣ Европы, онъ уничтожилъ Молдо-Валахію и сталъ въ боевое положеніе передъ Сигизмундомъ, королемъ Венгрии. Здѣсь христіане выставили противъ него густой лѣсъ копій, похваляясь, что если-бы само небопало на нихъ, то они поддержали-бы его своими древками. Но увы, ни лѣсъ копій, ни тысячи мечей германскихъ и французскихъ рыцарей не остановили стихійную силу. Битва на берегу р. Дуная, при Никополѣ, была погромомъ христіанскихъ силъ; графъ Наварскій и двадцать четыре принца попали въ плѣнъ и послѣдовали за побѣдителемъ въ качествѣ трофеевъ! Постѣ того Бургундія и Кипръ прислали богатые выкупы; за освобожденіе одного гр. Наварскаго было уплачено двѣсти тысячъ дукатовъ.

Вторгаясь въ сердцевину Европы, Баязетъ не могъ однако считать себя обеспеченнымъ, пока въ тылу его оставался Константинополь съ независимымъ монархомъ. Тамъ были даже два монарха, оспаривавшіе престолъ другъ у друга: Мануиль—человѣкъ слабый, побывавшій уже заложникомъ у Баязета, и—брать его—Іоаннъ, человѣкъ, лишенный зрѣнія, но не желанія обладать трономъ.

Не приступая къ формальной осадѣ Константинополя, но окруживъ его съ моря и суши, Баязетъ потребовалъ десятилѣтняго перемирія. Мануиль съ радостью согласился на это предложеніе въ тайной надеждѣ возбудить новый крестовый походъ. Онъ согласился даже, чтобы выиграть время, платить дань и допустить у себя публичное исповѣданіе вѣры Пророка. Отчасти его надежда сбылась и Франція снарядила вспомогательный корпусъ, но всего въ шестьсотъ рыцарей, которые не рѣшились вступить въ бой съ оттоманами. Когда-же Франція отозвала ихъ обратно, Константинополю оставалось готовиться къ сдачѣ.

Вообще, ни одной Греческой империи грозило погибель, но и всему христианству грозила тяжелая истома. Отклинувшись на это бедствие рус. кн. и епархи послали милостыню въ Царь-градъ, что и отмѣтилъ современникъ въ картишной страничкѣ своей летописи:—«Злочестивый царь Турский, именемъ Баазытъ, собра воя многы и пришедъ городъ оступи съ всѣ стороны... Тогда же сущіа въ градѣ царь, и патріархъ и прочіа люди бяху въ печали велицѣ, и въ истомѣ и въ оскудѣніи. Слышавъ же то князь Василій Димитріевичъ изжалися зѣло обѣ въмысливъ съ отцемъ своимъ митрополитомъ Кипріаномъ и съ братею своею и съ прочими князьями русскими, и послана въ Царь-городъ много сребро... а князь Михаило Тверской также послалъ протопопа своего съ милостынею».

Появленіе Тимура въ тылу Баязета отсрочило паденіе Константинополя и затормозило оттоманамъ путь въ западную Европу.

Возвратившись изъ индійского похода триумфаторомъ, Тимуръ направилъ въ Самаркандѣ всѣ свои заботы на составленіе плана войны противъ Баязета и на организацію громадной арміи. Взвѣшивъ средства и силы врага, онъ видѣлъ, что война затянется на долго и что онъ будетъ имѣть противъ себя не только оттомановъ, но и поднявшихъ голову враговъ—Грузію, Арmenію, Сирію, Египетъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ племенахъ туркменъ и узбековъ.

Передовую колонну онъ двинулъ немедленно по возвращеніи въ Мавераннагръ. Назначеніе ея было зайти въ тылъ Баязету, подъ предлогомъ усмиренія возставшей Грузіи. Затѣмъ, предстояло движение главныхъ силъ, для сбора которыхъ изъ дальнихъ странъ потребовалось болѣе года. Въ начавшейся глухой борьбѣ, Тимуръ поступалъ крайне осторожно, сознавая, что могущество его противника не уступаетъ его личному значенію въ мусульманскомъ мірѣ.

Баязетъ совмѣщалъ въ себѣ рыцаря и вельможу—эпикурейца. На западѣ знали, что онъ отомстилъ за смерть своего отца Амурата убийствомъ на поединкѣ графа Лазаро. Вообще не было ни лестию, ни поэзіей, когда его называли молнией. Все, что можно было поставить ему, какъ воителю по профессіи, въ упрекъ—это самонадѣянность и презрѣніе къ врагу.

Личные доблести его не исключали однако существованія въ его арміи слабыхъ сторонъ, которыми и воспользовался противникъ.

Армія его страдала разноплеменностью. Вмѣстѣ съ янычарами, ходившими въ бой по призванію, въ ея рядахъ выступали и наемные европейскіе кирасиры, требовавшіе хорошей платы. Спаги перемѣшивались въ ней съ ордынцами, бѣжавшими изъ вассальныхъ странъ Тимура, а мусульмане чистой крови шли съ людьми, принявшими только по насилию вѣру Пророка. Пользуясь этою слабою стороною, Тимуръ широко повелъ излюбленную имъ систему подкуповъ непріятеля. Индійскіе идолы съ ихъ украшеніями изъ драгоценныхъ камней сослужили въ этомъ случаѣ болѣе дѣйствительную службу, нежели когда передъ ними курили ѿиміамъ.

Проведя зиму на берегу Каспійскаго моря, Тимуръ обрушился весною на Грузію и предложилъ ей ультиматумъ: принятие ислама или истребленіе. О вѣротерпимости на этотъ разъ не было и рѣчи. Между грузинами наплысли настолько крѣпкіе духомъ, что не устрашились и мученичества, но ихъ примѣръ усилилъ только поводъ къ безпощадному гоненію, которое дошло до сбрасыванія женъ и дѣтей въ бездонныя пропасти и до разрыванія на части непокорныхъ стоекъ. Ущелья и пещеры не спасали отъ преслѣдованія. Куда не достигали пики и стрѣлы, туда проникаль удушающій дымъ подожженного хвороста. Христіанство пошатнулось. Многочисленныя церкви Грузіи опустѣли.

Вскорѣ сдался и Тифлісъ.

Овладѣвъ послѣднимъ, Тимуръ направилъ свои дипломатическія способности на сношенія съ Баязетомъ. Поводомъ къ взаимнымъ другъ на друга жалобамъ было достаточно, такъ какъ войска обѣихъ сторонъ не разъ нарушили границы владѣній, никогда впрочемъ и никѣмъ не размежеванныя. Возлѣ Эрзерума и у береговъ р. Евфраты столкновенія были не только часты, но и прямо таки вызывательного характера. День за днемъ и счетъ за счетомъ, видимо приближали столкновеніе двухъ высокомѣрныхъ счастливцевъ. Тимуръ не признавалъ никого равнымъ себѣ, а Баязетъ считалъ его узураторомъ изъ породы степныхъ авантюристовъ. Понятно, что при обоюдномъ самомнѣніи, дипломатическія канцеляріи ихъ не нуждались въ утонченности слога. Окончательнымъ же поводомъ, къ обѣйну оскорбительными депешами, служилъ захватъ Кара-Юсуфомъ одного изъ боевыхъ эмировъ Тимура. Эмиръ остался въ тяжеломъ плѣну, а Юсуфъ остался подъ покровительствомъ Баязета.

— «Развѣ ты не знаешь, что монархи стоять на стражѣ

моихъ дверей и что я заставилъ фортуну охранять мою имперію?» спрашивалъ Тимуръ своего соперника, требуя выдачи Кара-Юсуфа.—«Будь же благоразуменъ и не думай, что козлиные рога доростаютъ до неба.»—Баязетъ также зналъ, чѣмъ довести своего врага до бѣлага каленія, поэтому и не затруднился упрекнуть его незнанностью происхожденія и придать ему титулъ степнаго разбойника. Кромѣ того, посланникъ былъ уполномоченъ упомянуть кое-что непріятное по части гарема съ пожеланіемъ, чтобы къ нему понавѣдались чужеземцы. Этотъ ядъ оскорблениія удвоился тѣмъ, что имя Баязета, выведенное золотомъ, стояло въ отвѣтномъ письмѣ выше имени Тимура, написаннаго простою тушью. Въ письмѣ-же Тимуру предстояло прочесть:—«Калѣка, тебѣ ли выставлять впередъ ногу надменности?» — Наконецъ, хотя посланнику и была дарована жизнь, но съ сильнымъ укороченіемъ его бороды, что явилось позорнѣйшею насмѣшкою надъ пославшимъ его властелиномъ.

Эти оскорбительные поступки противника вскипѣтили Тимура до того, что даже его багадуры вѣдрогнули, точно передъ неожиданнымъ прыжкомъ тигра изъ засады. Сивасъ былъ передовою крѣпостью османовъ и однимъ изъ густо населенныхъ городовъ Малой Азіи. На него-то и обрушился первый стихійный ударъ. Сто тысячъ жителей выступили на его защиту, но ни геройство ихъ, ни толстые каменные стѣны не устояли противъ восьми тысячъ минеровъ. Стѣны рухнули—и началось безпощадное и своеобразное истребленіе людей. Башни изъ человѣческихъ череповъ не удовлетворяли болѣе фантазіи побѣдителя, поэтому плѣнныя были связаны десятками, въ видѣ клубковъ, и въ этомъ состояніи брошены въ ямы съ жидкою глиною....

Истребленіе Сиваса служило сильнымъ предостереженіемъ Баязету, но Тимуръ рѣшилъ продолжать еще обезсиленіе его союзниковъ. Египетъ былъ на счету виноватыхъ передъ нимъ, потому что онъ держалъ у себя въ плѣну захваченнаго Кара-Юсуфомъ эмира. Не разсчитывая одержать верхъ надъ Тимуромъ, султанъ Египта подослалъ къ нему убийцъ. Обнаруживъ ихъ умыселъ и отрубивъ имъ носы и уши, Тимуръ возвратилъ ихъ обратно съ предложениемъ признать его царемъ, чеканить монету съ его именемъ и установить общественные за него молитвы.

Подвигаясь къ сердцу врага, Тимуръ осадилъ Алеппо, на защиту котораго выступили мамелюки. Они отнеслись къ его

нашествию съ высокомѣріемъ: копья и мечи ихъ были такъ остры! Самоувѣренность ихъ повела къ тому, что они вышли изъ-за городскихъ стѣнь и приняли бой на равнинѣ. Но еще въ началѣ боя произошло неожиданное: часть эмировъ открыто перешла на сторону Тимура! Они были подкуплены! Бой длился поэтому не долго и цитадель сдалась на милость побѣдителя. Войска знали, что они должны щадить каждого, кто объявлялъ себя законновѣдомъ, саидомъ, архитекторомъ, каменщиковъ, мастеромъ кафельного дѣла и вообще художникомъ и ученымъ. Этихъ плѣнныхъ всегда представляли Тимуру тотчасъ же по взятии города. Такъ было и при разореніи Алеппо.—«Я не кровожадный турокъ!» пояснилъ онъ сонму трепетавшихъ передъ нимъ ученыхъ.—«Богъ свидѣтель тому, что мои враги всегда были виновниками своихъ несчастій.»—Тѣмъ не менѣе, во время этой душевной исповѣди, улицы Алеппо обогрѣлись уже потоками крови, а на главной его площади выростала башня изъ человѣческихъ головъ. Не далѣе какъ къ первому намазу слѣдующаго дня, она уже служила минаретомъ для мю'эззина, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Потерявъ Алеппо, юноша-султанъ Египетскій разсчитывалъ поправить свою неудачу битвою при Дамаскѣ, но Тимуру и здѣсь сослужилъ его лозунгъ: во имя ислама! Историки напомнили ему, какъ воину Пророка, что Дамаскъ обошелся когда-то дурно съ Али и Гусейномъ и что могилы покоюющихся на его кладбищѣ двухъ женъ Пророка покрыты мусоромъ. Достаточно было и этихъ свѣдѣній, чтобы разогрѣть войска Тимура до высокаго фанатизма.

Дамаскъ внесъ миллионную контрибуцію.

И всетаки онъ былъ подожженъ со всѣхъ сторонъ и отданъ на разграбленіе. Одни оружейные мастера, законники и ученыe изѣгнули смерти. За то могилы женъ пророка украсились мраморными гробницами. Истребленіемъ мирнаго Дамаска Тимуръ желалъ устрашить мамелюковъ и всѣхъ, кто еще заграживалъ ему дорогу къ Баизету.

Послѣ краткаго отдыха въ раю, между р.р. Тигромъ и Евфратомъ, онъ обратился къ халифату. Правитель Багдада джеланридъ Ахмедъ сопротивлялся какъ могъ и затѣмъ, въ отчаяніи, бросился вмѣстѣ съ дочерью въ р. Тигръ. Послѣ сорокадневной осады, Тимуръ воспользовался священнымъ днемъ мусульманина—днемъ жертвоприношеній,—и нагрянулъ на защитниковъ, слиш-

комъ положившихся на высокій исламизмъ врага. При разрушении Багдада, были пощажены только мечети и медресе. За исключениемъ имамовъ, законниковъ и профессоровъ, вся остальная масса населения принесла, вместо жертвенныхъ овецъ, свои головы, изъ которыхъ образовался высокій монументъ въ честь побѣдителя. На эту пирамиду доставлено девяносто тысячъ головъ.

Слѣдующій годъ ушелъ на небольшія военные экскурсіи, на смотры войскъ и на военные праздники. Проводя зиму въ теплой долинѣ и ожидая подкрайненій изъ Мавераннагра и Ираковъ, Тимуръ пировалъ и раздавалъ награды багадурамъ, отличившимся въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Своего внука Мухаммедъ-Мирзу онъ наградилъ золотою короною и девятыю девятками прекрасныхъ лошадей.

Здѣсь, въ одной изъ генеральныхъ охотничихъ облавъ, А'ризъ-Лашкеръ насчиталъ четыреста тысячъ человѣкъ, но войска все еще продолжали подходить и при томъ въ строго регулярномъ порядкѣ. Каждый туменъ имѣлъ уже свою опредѣленную форму, такъ что при бѣломъ знамени—и лошади и латы и колчаны были тоже бѣлого цвѣта.

Весною придворные астрологи обратили вниманіе Сагибъ-уль-Кырана на появление кометы кроваваго цвѣта, затмѣвшавшей по ночамъ всѣ прочія свѣтила. Длинный хвостъ ея, обращенный на востокъ, появлялся при мѣсяцѣ и, по объясненіямъ истолкователей, предвещалъ наступленіе кровавой войны. Имя побѣдителя не оставалось для звѣздочетовъ тайною, такъ какъ въ сочетаніи лучей кометы легко было прочесть имя Тимура и—никого болѣе.

Послѣдний торжественный смотръ войскамъ Тимуръ произвелъ въ присутствіи пословъ соперника, которымъ разрѣшилъ остаться и при присягѣ по поводу предстоявшаго важнаго дѣла. Всѣ принцы-тимуриды и начальники туменей, представь передъ своимъ вождемъ, цѣловали передъ нимъ землю съ возвзваніемъ къ Аллаху о ниспосланіи ему непреодолимой силы.

Истомивъ, наконецъ, своего противника и уничтоживъ съ болѣзняеннымъ ожесточеніемъ его окраинныхъ вассаловъ, Тимуръ двинулся съ береговъ р. Аракса по направленію къ Ангорѣ. При этомъ, его летучія колонны соблюдали всевозможныя военные предосторожности: лѣса, горы и переправы подвергались тщательному обзору, а инженеры и саперы очищали путь и строили мости на столько крѣпкие, что по нимъ безопасно проходили слоны.

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

БИТВА ВОЙСКЪ ТИМУРЪ-ЛЕНГА СЪ ГВАРДІЕЙ БАЯЗЕТА.

Баязетъ тоже направился къ Ангорѣ.

Окруживъ его шпионами, Тимуръ понималъ, что и онъ въ свою очередь окруженъ шпионами противника. Сиблюдая поэтому полнѣйшее наружное спокойствіе, онъ предавался, въ дни отды-ховъ, съ своимъ походнымъ штатомъ законниковъ и богослововъ философскимъ размышеніямъ. На заданную имъ тему: «правъ ли завоеватель, кидая во время войны тысячи живыхъ людей въ ямы?» ученые, счастливо избѣгнувшіе этихъ ямъ, отвѣтили совер-шенно успокоительно: воинъ-де пророка обизанъ быть высокимъ какъ пальма и крѣпкимъ какъ сталь. Впрочемъ, желая смягчить наведенный имъ ужасъ, онъ посыпалъ могилы—сегодня Ноя, завтра жену Мухаммеда и его мю'эззина. Но разумѣется это высокое душевное настроеніе не мѣшало ему зорко слѣдить за всѣми поступками непріятеля.

Пышный Баязетъ вель себя иначе. Чтобы выказать пренебреженіе къ противнику, онъ затѣялъ передъ его глазами гене-ральную охоту. Увы! проведя нѣсколько дней въ этой забавѣ, онъ доставилъ врагу величайшее наслажденіе. Его тысячи соколовъ и собакъ въ драгоценныхъ ошейникахъ были великолѣпны, но увлеченіе ими не способствовало его успѣху. Пользуясь свободою, Тимуръ избралъ удобную позицію и разставилъ, по всѣмъ прави-ламъ стратегіи, свою полумилліонную армію. Передъ ея фронтомъ были вытянуты ряды слоновъ съ башнями для стрѣлковъ и мета-тального огня. Лагерь укрѣшили частоколомъ и рвомъ....

Наконецъ у горы, гдѣ Помпей разбилъ Митридата, оба войска стали въ боевой порядокъ. Войсками Тимура и его сопер-ника командовали ихъ сыновья и внуки. Зять Баязета, сербъ Стефанъ Лазаревичъ начальствовалъ его гвардіей, составленной изъ европейскихъ рыцарей....

Бой начался ровно утромъ, при восклиданіяхъ со стороны Ти-муря «сюрюнь!» и «Алла!»—со стороны оттомановъ. Знакъ къ бою подальше дервишъ, вышедший изъ фронта войскъ Тимура и про-пѣвшій громко воинственную молитву.

На этотъ разъ, Тимуръ отомстилъ противнику своего рода высокомѣремъ: въ разгарѣ боя, онъ сѣлъ играть въ шахматы съ такимъ спокойствiemъ, какъ будто передъ нимъ совершилась повседневная картина.

Разумѣется, не онъ одинъ, но и сыновья его и довѣренные эмиры знали уже, какія части войскъ Баязета были подкуплены и

золотомъ и обѣщаніями. Еще бой былъ вначалѣ, какъ войска Анатоліи перешли уже на сторону Тимура. Янычары и европейскіе кирасиры дались въ обманъ, погнавшись за притворно бѣжавшими эмирами и попали въ засаду. Одни сербы дрались какъ львы. Опытный глазъ Стефана видѣлъ, однако, что сраженіе проиграно и даже не вслѣдствіе однѣхъ измѣнъ, но и по превосходству непріятельской тактики. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, но Баязета, человѣка упрямаго и нелюбимаго войскомъ, нельзя было спасти.

Въ битвѣ при Ангорѣ столкнулись—молиеносный побѣдитель странъ и народовъ съ желѣзнымъ потрясателемъ земли. Съ обѣихъ сторонъ участвовало болѣе миллиона солдатъ. Оба вождя были окружены блестящими свитами изъ принцевъ и полководцевъ. Татары, персы, грузины, армяне, турки и сербы дрались то съ одной, то съ другой стороны; на этотъ разъ жельзо остановило удары молній.

Послѣ жаркаго боя, армія Баязета распалась на двѣ громадныя толпы бѣглецовъ, направившихся частью къ морю, частью къ горамъ. Вскорѣ Баязетъ, оставленный войсками и даже сыновьями, увидѣлъ себя только посреди десяти тысячъ, оставшихся ему вѣрными, янычаръ. Но нестерпимая жажды подкосила силы и этихъ бойцовъ, такъ что, къ наступленію ночи, отъ его громадной арміи остались одни бивуачные слѣды.

Кромѣ того, припадокъ сильной подагры и паденіе съ лошади не дали ему и возможности уйти отъ погони и онъ—еще недавній побѣдитель Византіи, а теперь изнеможенный и обезславленный плѣнникъ—очутился передъ лицомъ врага! Его поставили передъ Тимуромъ въ ту минуту, когда этотъ объявлялъ своему партнерию шахъ и матъ!

Гаремъ и сокровища эпикурейца—султана достались человѣку, котораго онъ еще недавно называлъ калѣкою и степнымъ разбойникомъ. При видѣ цветковъ гарема, побѣдитель впалъ въ глубокое раздумье. Пройдя всю Азію, онъ видѣлъ и красавицъ Ирана и баядерокъ Индіи, но онъ не шли и въ сравненіе съ женами и рабынями Баязета. Вспомнивъ же о своихъ таджикскихъ дамахъ, онъ принужденъ былъ сознаться, что до сихъ поръ не видѣлъ истинной красоты. Тамъ, въ Мавераннагрѣ, кожа красавицъ нисколько не отличалась отъ выдѣланного сафьяна, а у этихъ была нѣжна, эластична.... Бюсты были достаточно открыты, чтобы сравнить ихъ съ бюстами самаркандскихъ дѣвъ и матронъ. Наконецъ, изъ широкихъ шелковыхъ шальваръ, скрѣпленныхъ у лодыжекъ золо-

тыми аграфами, выглядывали маленькие ножки, видимо щеголявшія высокимъ подъемомъ въ крошечныхъ туфляхъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Тимуръ рѣшилъ, что гаремь Баязета неудобенъ для его страны. Во первыхъ, его собственная фамилія взбунтовалась-бы при видѣ чудесныхъ соперницъ, а во вторыхъ, жены и дочери таджиковъ вздумали-бы подражать соблазнительнымъ пери. Плѣнному гарему была предоставлена поэтому полная свобода....

Побѣденнаго соперника Тимуръ принялъ великодушно. Увидѣвъ его изнемогшімъ отъ физической боли, неимовѣрной жары и нравственнаго угнетенія, онъ обласкалъ его и поклялся за сохраненіе его жизни.—«Неисповѣдимы величія Вседержителя!» замѣтилъ онъ недавнему гальдераму.—«Онъ даровалъ полміра мнѣ, какъ, а другую половину тебѣ, разслабленному, но какъ мы оба ничтожны въ глазахъ Господа!»—Даже отысканный въ числѣ плѣнниковъ, сынъ Баязета—Муса былъ доставленъ къ отцу, «чтобы утѣшиться взаимнымъ обществомъ», въ почетномъ платьѣ. Но все таки любезности побѣдителя не обошлись безъ серьезнаго почетнаго караула.

Битва при Ангорѣ принесла Европѣ и христіанству неоцѣнимую историческую услугу. Поставивъ на этотъ разъ высокомѣреѣ выше интересовъ мусульманства, Тимуръ принудилъ Баязета снять осаду Константинополя и остановить наводненіе Европы слугами Пророка. Между тѣмъ, передъ соединенными силами этихъ двухъ геніевъ войны, вся Европа могла-бы очутиться въ рабскихъ цѣняхъ!

Въ дни нахожденія Баязета подъ стражею, преданные ему люди повели было подземную мину къ его палаткѣ, но ихъ стараніе послужило только къ усиленію надзора за плѣнникомъ. Тимуръ распорядился доставить его въ Самаркандинъ, въ качествѣ величайшаго изъ своихъ трофеевъ. Подагрику трудно было держаться на конѣ, поэтому устроенное для него сѣдло имѣло перильца, вызвавшія известную сказку о клѣтиѣ, въ которой будто-бы везли павшаго султана оттомановъ. Сказаніе это дошло и до рус. лѣтописца, который, говоря, о Тимурѣ, замѣтилъ, что онъ—«Царя Крестія Турскаго въ клѣтиѣ желѣзной вожаше съ собою».

Но намѣреніе Тимура выставить трофеи свой на показъ Мавераннагру не сбылось. Надломленный несчастіями и болѣзнями, Бая-

зеть умеръ отъ удара, не воспользовавшись и данною ему уже свободою. Передъ смертью, онъ просилъ Тимура не истреблять его семьи и не разорять Румъ,—прибѣжище ислама. Тимуръ разрѣшилъ похоронить его въ Бруссѣ и, въ знакъ уваженія къ покойному, разрѣшилъ полный трауръ, состоявшій въ то время изъ голубаго платя съ войлочными воротниками. Съ момента смерти до момента погребенія не переставали бить въ барабаны. Близкія же къ покойному женщины невозбранно наполнили свои назухи камнями и безпрерывно плакали и причитали.

Послѣ погрома Ангоры, изъ массы плѣнныхъ были выбраны знаменитые ученые и великий чтецъ корана, которые и отправлены въ Самаркандъ.

Историческое подъ Ангорою событіе закончилось отправкою гонцовъ во всѣ концы мусульманскаго міра съ извѣстіями о побѣдѣ и за одно, къ Византійскому императору, съ требованіемъ дани, которую тотъ платилъ Баязету.

Довершая завоеваніе малой Азіи, Тимуръ побывалъ въ Галатіи, Фракіи и Пафлагоніи и повсюду, съ приближеніемъ его багадуровъ, замирали и человѣческій голосъ и дѣтской плачь. Христіанство не существовало здѣсь уже болѣе столѣтія, о чемъ позабылись египтяне, сломившіе при Акрѣ послѣднія усилия крестоносцевъ. На Акрѣ возлагались тогда серьезныя надежды. Цѣльть рыцарства вышелъ на ея стѣны и засѣль въ ея башняхъ, но египтины обладали баллистами и катапультами страшной силы. Осажденные были забросаны массою камней и защита сдѣлалась невозможна. Король бѣжалъ на островъ Кипръ и христіанское владычество въ Палестинѣ пало съ того момента на многіе вѣка!

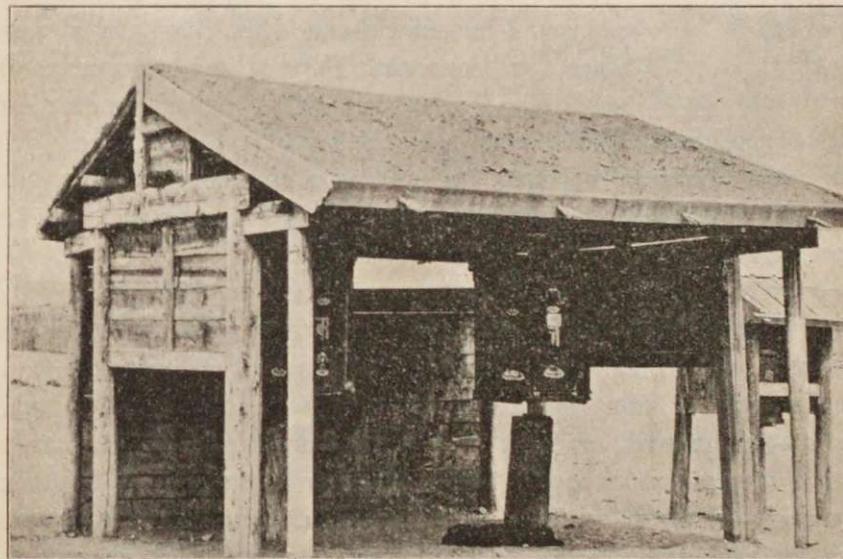
Тѣмъ не менѣе, Тимуръ успѣлъ еще помѣряться силами съ европейскими рыцарями при осадѣ Смирны. Раскинувъ свои тумени по всей имперіи оттомановъ, онъ не могъ оставить Смирну безъ осады и штурма. Смирну защищали рыцари Родоса, подъ начальствомъ брата Вильгельма-де-Мине. Ему-то, прежде нежели приступить къ штурму цитадели, Тимуръ сдѣлалъ предложеніе явиться съ данью и выставить его знамя на стѣнахъ цитадели. Рыцарь отвергъ это предложеніе и—боевые литавры Тимура загремѣли.

Цитадель Смирны сообщалась съ моремъ, на которомъ стояли галеры родосцевъ. Вскорѣ осажденные увидѣли, какъ со стороны земли подвинулись къ нимъ башни, на высокихъ штурмовыхъ

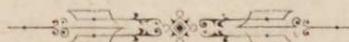
льстницахъ, а со стороны моря выросла плотина, изъ набросанныхъ камней. Тогда цитадель оказалась окруженною со всѣхъ сторонъ. Родосцы сопротивлялись упорно, но ни горящія стрѣлы, ни снаряды съ греческимъ огнемъ не избавили ихъ отъ беспощаднаго натиска Тимура. Въ двѣ недѣли осады, средства осажденныхъ были истощены и рыцарямъ оставалось только бѣгство на подоспѣвшихъ темною, бурною ночью галерахъ, присланныхъ гросмейстеромъ ордена.

Все населеніе Смирны подверглось истребленію. Всѣдѣ удалившимся родосцамъ, войска Тимура стрѣляли отрубленными головами. Паденіе Смирны вызвало преклоненіе передъ Тимуромъ Лесбоса и Хиоса, а съ ними и генуэзцы поспѣшили съ своими дарами.

Смирна была конечнымъ пунктомъ на западѣ, до котораго достигали войска Тимура. Геллеспонтъ задержалъ дальнѣйшее ихъ шествіе. Распорядившись всѣми пройденными землями, какъ вассальными владѣніями, и поспѣтивъ еще разъ съ огнемъ и мечемъ Арменію и Грузію, онъ предоставилъ ихъ намѣстникамъ на ленномъ правѣ и, поѣхав четырехлѣтняго отсутствія изъ Мавераннагра, возвратился, уже въ девятый разъ, триумфаторомъ въ свою столицу.

Общественная молитвенная мельница.
(въ Монголії).

XIII.

ТИМУРЪ-ЛЕНГЪ ВЪ ЗЕНИТЪ СЛАВЫ.

(1404 г.).

умъ битвы при Ангорѣ не успѣлъ стихнуть, какъ три тумена всадниковъ уже гнались за старшимъ сыномъ Баязета, намѣревавшимся захватить въ Бруссѣ государственные сокровища оттомановъ и бѣжать въ Европу. Пять сутокъ длилась бѣшеная погоня. Изъ тридцати т. человѣкъ, къ воротамъ Бруссы прискакали только четыре т., которыхъ было однако достаточно, чтобы помѣшать Сулейману воспользоваться богатствами отца. Вся казна Баязета перешла въ руки его счастливаго противника, который порадовался также и пріобрѣтенію знаменитыхъ ученыхъ Шамседдина-Фенари и Мухаммеда-Джесери.

Никогда еще Тимуръ не возвращался въ Мавераннагръ съ такимъ торжествомъ, какимъ украсили его путь побѣдоносныя войска и намѣстники его земель. Мавераннагръ потерялся даже въ соображеніяхъ: чѣмъ приличнѣе обставить его дорогу на вершину «отца—пастуховъ», гдѣ ему приготовили царственный шатерь. Саиды предлагали окропить дорогу кровью жертвенныхъ барановъ, а купцы—покрыть ее тканями и коврами. Кажется восторжествовалъ первый планъ, такъ что Тимуръ взошелъ на вершину холма путемъ небывалаго величія.

Прежде нежели вступить въ столицу, онъ пожелалъ вознаградить войска за перенесенные ими труды и совершенные ими подвиги. Поэтому церемоніймейстеры его доставили къ подножію холма все оружіе, какое мастера изготовили, во время его отсут-

ствія, множество почетныхъ одѣждъ и великолѣпной сбруи. Серію этихъ подарковъ дополняли серебряные кушаки съ каменями, кольца съ печатями, золоченые стремена, сѣдла съ инкрустациими изъ слоновой кости и парадные панцыри изъ тигровыхъ шкуръ.

Вскорѣ долина р. Зера покрылась необозримымъ военнымъ лагеремъ и подоспѣвшими караванами съ военными трофеями. Сотни слоновъ и тысячи верблюдовъ были навьючены царственными драгоцѣнностями и именно царственными, такъ какъ въ ихъ числѣ находились короны Армении и Грузии и чалмы самого Баязета. Число сундуковъ, наполненныхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, было такъ велико, что ихъ достало бы на высокую стѣну для урды.

Когда Тимуру доложили о приходѣ каравановъ съ трофеями, онъ назначилъ день военного празднества и раздачи наградъ. Въ этотъ день, онъ явился передъ народомъ и войсками на тронѣ, съ короною на головѣ. Его окружила свита изъ сыновей, внуковъ, визирей, эмировъ, багадуровъ, сандовъ и улемовъ. Берега долины р. Зера были покрыты моремъ всадниковъ.

Дѣла докладывали визири.

Первые награды онъ роздалъ своимъ сыновьямъ и внукамъ. Старшіе изъ нихъ получили области въ завоеванныхъ странахъ, на правахъ намѣстниковъ, а младшіе—лошадей, рабынь и верблюдовъ съ таинственными сундуками. Потомъ, послѣдовало поголовное повышеніе изъ одного класса въ другой эмировъ, а рядовыхъ—въ «храбрецы». Бунчуки, знамена и литавры раздавались также съ болыпою щедростью. Вообще, обойденныхъ наградами не было, такъ что отецъ—пастуховъ никогда еще не видѣлъ такого числа счастливыхъ людей, какъ въ день этого военного торжества.

За наградами послѣдовалъ раздѣлъ военной добычи. Соблюдая этикетъ, сыновья поднесли короны отцу, а онъ, подержавъ каждую на своей головѣ, передалъ ихъ церемоніймейстерамъ и потомъ онъ оставались, до конца праздника, на подушкахъ у его ногъ. Ему же подвели и слона съ величественнымъ трономъ Баязета, которому нашлось мѣсто только позади скромнаго трона Джагатая, покрытаго бѣльмъ войлокомъ.

Прочіе трофеи онъ распредѣлилъ съ тактомъ человѣка, рожденного не въ бѣдной курганчѣ, возлѣ дымного очага, а подъ покровомъ шелковыхъ тканій съ золотыми травами. Мраморную подставку для корана—«роаль»—на столько массивную, что для

доставлениі ея изъ Багдада понадобились сотни быковъ, онъ отдалъ въ главную мечеть Самарканда. Всадники, потерявши въ

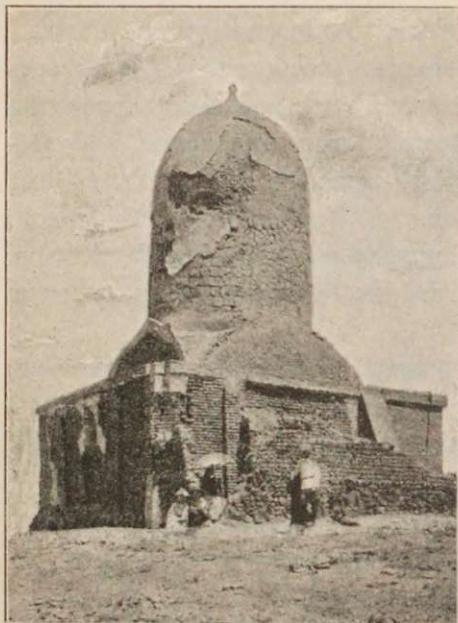
походѣ лошадей, получили ихъ по цѣлому десятку. Табуны буйлововъ ушли на работы въ многочисленныхъ садахъ и при постройкѣ грандіозныхъ мечетей и усыпальницъ. Драгоцѣнная сбруя на чистокровныхъ арабскихъ скакунахъ порадовала визирей, а сокола и собаки — эмировъ. Массы женскихъ украшений перешли въ гаремы вельможъ. Ковры раздали ткачамъ, а клиники ятагановъ — оружейникамъ, на образцы. Рабыни промѣняли своихъ прежнихъ повелителей на новыхъ, безъ особыхъ сердечныхъ утратъ и сожалѣй.

Можно думать, что въ числѣ добычи заключалась и библиотека, захваченная въ Бруссѣ.

Руины мавзолея, сооруженнаго Тимуръ-ленгомъ на вершинѣ «отца пастуховъ».

Даряя и въ пылу ожесточенной ярости пощаду ученымъ и оберегая ихъ отъ солдатъ, Тимуръ дорожилъ лѣтописями и книгами, какъ продуктами творчества излюбленныхъ людей. Разумѣется, въ то время, когда багадуры бросали людей съ утесовъ или разрывали ихъ на части, никому не приходило желаніе беречь книги. Но библиотеки Арmenіи и Бруссѣ, если вѣрить сказаніямъ, уцѣлѣли и хранились потомъ въ башнѣ, въ которую допускались одни глубокоученые улемы. Время и погромы Ср. Азіи изгладили слѣды этого драгоцѣнного книгохранилища.

Послѣ раздачи наградъ и раздѣла добычи слѣдовало совершиТЬ правосудіе и тогда уже предаться отдыху и угощенію. Разумѣется, невозможно было разрѣшить всѣ накопившіяся жалобы, поэтому Тимуръ выбралъ двѣ-три, чтобы никто не подумалъ объ отказѣ гурь-хана въ правосудії. Первая изъ нихъ поступила отъ жителей Самарканда на главнаго инспектора арыковъ за то, что онъ запиралъ воду на замокъ и отпускалъ ее за взятки. Обвиненіе

въ убийствѣ и грабежѣ не было-бы такъ тяжело, какъ обвиненіе въ притѣсненіи при отпускѣ воды. Тимуръ приказалъ вызвать благонамѣренныхъ людей, которые могли опровергнуть или подтвердить обвиненіе. Обвинителями явились непогрѣшимые люди—саиды. Разумѣется, обвиненный не могъ услышать ничего другаго какъ только: «алибѣ баринъ!» Соблюдавшійся въ подобныхъ случаяхъ этикетъ требовалъ, чтобы всѣ присутствовавши, при произнесеніи приговора, возблагодарили Создателя за внушеніе повелителю мудраго и справедливаго решения. Даже обвиненный не освобождался отъ обязанности призвать имя Аллаха во славу гурь-хана. Этикетъ былъ выполненъ на этотъ разъ съ удвоеннымъ усердіемъ, но только обвиненный не успѣлъ воскликнуть «Аллахъ-Экбарь!», какъ бывшій уже на готовѣ палачъ перерѣзаль ему сонную артерію. Трупъбросили въ р. Зеро.

Наступила пора угожденія войскъ и народа. Нужно думать, что недостатка въ пищѣ не было, такъ какъ страны, лежавшія за р. Аму, совершенно обѣдали по проходѣ туменей, возвращавшихся изъ похода, лошадьми и скотомъ. За то, по берегамъ р. Зеро дымились теперь тысячи печей и сутился громадный персональ пекарей и поваровъ, готовившихъ горы мяса, хлѣбныхъ лепешекъ, пилава и птицы, битой соколами.

Когда пища была раздана, Тимуръ, покрывшись боевымъ головнымъ уборомъ—войлочнымъ малахаемъ съ драгоценными рубинами,—обѣхалъ весь свой необъятный лагерь. Ему предшествовали музыканты. Вместо же фельдмаршальского жезла, онъ держалъ ту самую баранью лопатку, которую поднесли ему на курилтаѣ, при избраниі его въ Эмиры Мавераннагра. Во время его обѣзда проявлялись такія минуты общей восторженности, что саиды могли бы объявить его Пророкомъ и никто не вспомнилъ-бы о многихъ тысячахъ исламитянъ, такъ недавно еще сложенныхъ въ башни и пирамиды....

Наполнивъ боевые сердца эмировъ и багадуровъ благодарными чувствами, а ихъ карманы жалованьемъ, выданнымъ за все время похода противъ оттомановъ, Тимуръ вступилъ въ столицу, готовую уже принять достойнымъ образомъ своего державнаго хозяина.

Чингисиды, преклонявшіеся исключительно передъ стихійною силою огня, меча и стрѣль, оставили Самаркандъ въ полуразоренномъ состояніи. Шедшій черезъ него торговыі путь въ Индію

заглохъ. Оросительные каналы его заросли бурьяномъ. Мечети и медресе разрушились и сады зачахли и затянулись паутиною чужеядныхъ растеній. Но Тимуръ давно уже призвалъ свою столицу къ новой жизни и прежде всего возобновилъ запущенную ирригацию, безъ которой не могло существовать любимое имъ садоводство. Каждое выдававшееся событие онъ ознаменовывалъ разведеніемъ нового сада или сооруженіемъ грандіознаго зданія. Женитьбѣ его на Туманъ-Акѣ, Самаркандѣ обязанъ устройствомъ «райскаго сада», поражавшаго и европейскій вкусъ очаровательнымъ расположениемъ и архитектурною прелестью. Ради его величія и красоты, были соединены двѣнадцать садовъ въ одинъ бесконечный паркъ съ дворцами, прудами и фонтанами. Дворецъ былъ воздвигнутъ изъ благо мрамора, на искусственномъ холмѣ, покрытомъ коврами живыхъ цветовъ. Фонтаны этого сада играли золочеными шариками, то взлетавшими на воздухъ, то падавшими на вершину сильной струи.

По случаю женитьбы на Тукель-ханымъ, онъ подарилъ Самарканду «садъ, восхищающій сердца». Къ сооруженію его были призваны не только ремесленники и художники, но и астрологи, выбравшіе благополучный часъ для разбивки дорожекъ. Здѣсь опять красовались мраморныя колоннады, обвитыя виноградомъ, аллеи сикоморовъ и павильоны изъ фарфоровыхъ украшеній.

Въ честь одной изъ своихъ внучекъ, онъ приказалъ развести садъ, который служилъ-бы восхищениемъ всему миру. За работами наблюдали нѣсколько эмировъ. Мраморы для его бассейновъ привезли изъ Тавриза, птицъ въ клѣткахъ—изъ Индіи; оттуда же и молодыхъ слоновъ. Роскошь и чарующіе виды «Шимали» вошли потомъ въ поговорку, когда рѣчь заходила о несравнимомъ великолѣпіи.

Парки изъ чинаровъ и тополей были также красою Самарканда. Замки ихъ, украшенные снаружи сирійскими рѣзчиками и расписанные внутри аль-фреско, напоминали сказочныя жилища съ золотыми столами, райскими птицами и восхитительнымъ ароматомъ.

Богатые граждане города пошли по слѣдамъ увлеченій гурьхана. Неудивительно поэтому, что посланникъ Короля Кастиліи увидѣлъ передъ собою одинъ сплошной, необозримый садъ и только посрединѣ его—столицу міродержца—городъ. Ведя хронику своего путешествія въ «Тимурбекову» землю, де-Клавиго ни въ чемъ не

погрѣшилъ, написавши о Самаркандѣ, что земля его богата «хлѣбомъ, виномъ, плодами, и птицами» и что не только въ произведеніяхъ земли и климатѣ заключается его богатство, но и «въ шелковыхъ тканяхъ, атласѣ и тафтѣ». Къ этому времени, толпы плѣнныхъ мастеровъ и художниковъ развили въ Мавераннагрѣ златотканное, оружейное, стекольное и даже писчебумажное производство.

Въ Самаркандѣ Тимуръ имѣлъ удовольствіе прослѣдовать къ урдѣ, подъ навѣсомъ созданного имъ караванъ-сарай, проходившаго прямою линіею изъ одного конца города въ другой. Постройка его была выполнена чрезвычайно просто: все встрѣчное сломано и, взамѣнъ сломанаго, построенъ крытый пассажъ. Распорядители получили за то новые почетные халаты, а владѣльцы разрушенныхъ домовъ—право благословлять мудрость Тимура. Строительная горячка обуревила его до того, что онъ лично наблюдалъ за работами и раздавалъ рабочимъ мясо и деньги.

Вообще же, придворные историографы сложили еще при его жизни поговорку, гласившую что:—«Самаркандъ—лицо земли, а Бухара—мозгъ ислама».—Они же записали на память, что отъ дней святаго Пророка никакая страна не производила столько имамовъ и богослововъ, какъ Мавераннагрь при Тимурѣ.

Въ составѣ населенія Мавераннагра преобладали уже въ ту пору сарты, название которыхъ вызвало у десяти солидныхъ историковъ десять солидныхъ монографій, съ совершенно различными выводами. Выводы каждого изъ нихъ чрезвычайно убѣдительны. Не прибавляя къ нимъ одиннадцатаго трактата, достаточно сказать, не прибѣгая къ Птоломею или къ Марцеллину, что название это можно отнести съ одинаковымъ успѣхомъ и къ киргизскому слову «сары-атъ», обозначающему желтую сабаку и къ греческому названію нынѣшней р. Аму «Яксартъ». — Затѣмъ, ничѣмъ нестѣсняемые филологи нашли, что сартъ означаетъ и старьевщика, и труса, и нѣженку, а главное ростовщика съ безбожными процентами.

Несомнѣнно лишь то, что сарты—люди иранскаго происхожденія—очень представительны, смугловато-бронзовы, стройны, сухи по преимуществу, съ выразительными глазами и съ аристократическими конечностями. Въ бѣлой чалмѣ и въ халатѣ, сарты представляются въ старости образцами библейской красоты.

Бороды ихъ въ большомъ уваженіи; головы разумѣются выбриты и усы подстрижены.

Въ царственной столицѣ не могла сохраниться простота чингисидовъ, поэтому Тимуръ придалъ своему дворцу величие, соотвѣтствовавшее его сану. Дворецъ его помѣщался въ цитадели и шелъ уступами, по склону горы, въ нѣсколько этажей. Съ вершины горы легко было защищаться не только стрѣлами, но и ручнымъ оружіемъ. Защита ввѣрялась дворцовой стражѣ изъ двѣнадцати тысячъ жандармовъ. Старшіе эмиры и принцы жили также во дворцѣ, служа ему охраною и находясь сами подъ его надзоромъ.

Во дворцѣ достойны были вниманія—роскошь гарема и простота приемной залы. О баснословной роскоши гарема шли, впрочемъ, неясные слухи; стѣны его, покрытыя венеціанскими зеркалами, представляли по тогдашнему времени сказочное богатство. Приемный залъ могъ быть названъ приемнымъ дворомъ. То была площадь удлиненного четыреугольника, окруженная со всѣхъ сторонъ деревяннымъ навѣсомъ незатѣйливой работы. Противъ входа, на противоположномъ концѣ двора, у стѣны, стояль—и стоитъ и теперь—тронъ Тимура, который принято называть «кокъ-ташемъ». Вопреки своему названію, глыба мрамора—не болѣе пяти четвертей въ вышину и четырехъ аршиновъ въ длину—сѣроватаго цвѣта съ незамысловатыми арабесками и рѣзными по угламъ колонками, не представляетъ ничего поражающаго воображеніе. Въ дни аудіенцій, тронъ покрывали бѣлымъ войлокомъ. Неподалеку отъ него, въ стѣнѣ, красовался—и красуется теперь—кусокъ ижелѣза, по всѣмъ признакамъ метеорнаго происхожденія—служившій талисманомъ, подареннымъ однимъ изъ халифовъ, должно быть очень бережливымъ человѣкомъ.

Не смотря на несомнѣнно умышленную простоту трона, онъ имѣлъ большое символическое значеніе во всей послѣдующей жизни тимуридовъ. Высота его не затрудняла гуръ-хана, такъ какъ предъ нимъ не было недостатка въ знатныхъ плѣнникахъ, готовыхъ замѣнить своими спинами необходимыя подставки. Своихъ эмировъ Тимуръ не употреблялъ для этой лѣсенки. Народу-же никто не мѣшалъ вѣрить, что кокъ-ташъ упалъ съ неба и былъ подаркомъ Пророка его вѣрному слугѣ.

Простота тронной залы была также плодомъ умышленного расчета. Народъ видѣлъ гуръ-хана въ одѣждѣ ничтожной цѣны и

подъ навѣсомъ, какой не трудно встрѣтить и въ курганчѣ, между тѣмъ, передъ нимъ сгибались до земли принцы, плѣнныя фельдмаршалы, независимые кн., предводители ордъ и послы императоровъ и королей...

Послѣ блистательной побѣды надъ оттоманами, послы ожидали возвращенія Тимура съ болѣшимъ нетерпѣніемъ. Они торопились принести ему поздравленіе и вывѣдать, куда онъ намѣренъ направить своихъ багадуровъ. Въ числѣ пословъ можно было видѣть и Рюи-Гонзалеса-де-Клавиго, камергера короля Кастиліи и маленькаго смѣшнаго человѣчка съ длинною косою, рискнувшаго отрекомендоваться посланникомъ китайскаго императора. Китай, выѣхавъ изъ своихъ предѣловъ монгольскія войска, выступалъ вновь на поприще независимости и даже надменности.

Послы однако ошиблись, ожидая, что Тимуръ приметъ ихъ тотчасъ же по прибытіи въ Самаркандъ. Прежде ихъ, и даже прежде своихъ визирей, онъ принялъ архитекторовъ, инженеровъ, садоводовъ и мастеровъ каменнаго дѣла. Всѣ они явились къ нему съ рисунками, планами и образцами, способными пленить своимъ вкусомъ и разнообразiemъ самое изощренное требованіе. Но каково-бы ни было увлеченіе Тимура грандіознымъ строительствомъ, все таки интересы саидовъ, улемовъ и ауле, стоявшихъ у вратъ ислама, оставались у него на первомъ планѣ.

Можно утверждать, что, говоря о своей набожности, Тимуръ былъ искрененъ и не фарисействовалъ, совѣщаясь съ людьми твердыхъ религіозныхъ убѣждений. Въ возмужаломъ возрастѣ онъ постоянно сносился съ настоятелями орденовъ, съ шейхами и сандами; они, въ свою очередь, поддерживали въ немъ вѣру то различными знаменіями, то благопріятными истолкованіями его иллюзій и даже сновидѣній. Поэтому, первое правило, «которое взошло на востокѣ его сердца», касалось возвеличенія корана, какъ кодекса превосходнѣйшаго изъ смертныхъ. Изъ сандовъ онъ избралъ министра духовныхъ дѣлъ, завѣдавшаго совѣстю подвластныхъ ему исламитянъ. Власть его была обширна: онъ назначалъ попечителей мечетей, муфтій въ городахъ, инспекторовъ рынковъ и кази для народа.

Придерживаясь строгой почвы ислама, онъ не могъ оставить нравственную сторону жизни населенія безъ своего попеченія. Трудно теперь сказать, въ какомъ у него почетѣ была «дарра»—ременная плеть, установленная шаріатомъ, для укрѣпленія мусуль-

манъ въ правилахъ вѣры и нравственности. Рисковано было-бы тоже сосчитать и «мухтасибовъ», этихъ эдиловъ, завѣдывавшихъ религиозными и нравственными обязанностями народа. Но то, что дарра была въ ходу, особенно на базарахъ и мухтасибы наставляли встрѣчавшихся на улицахъ женщинъ не носить украшений, такъ какъ онѣ соблазняютъ мужчинъ, то въ этомъ служить порукою имя втораго халифа Омара. Онъ первый замѣнилъ обычное наказаніе подошвами калошъ—плетью изъ бараньей кожи. Во время наказанія и «траинъ» и наказуемый обязаны были распѣвать стихи изъ корана. Впрочемъ, вся операція велась чрезвычайно законно: ремень вырѣзывался изъ кожъ верблюда, коровы и зайца, ручка изъ масличного дерева и, затѣмъ, законъ указывалъ, гдѣ и что прикрѣпить, закрутить и спнить. При этомъ точномъ регуляторѣ, надзирателямъ не трудно было дисциплинировать поднадзорный имъ міръ нравственности.

Плеть всегда несли за рапсомъ его прислужники.

Саиды, хорошо одаренные Тимуромъ, почтили его титуломъ возстановителя вѣры. Мало того, сообща съ улемами, они издали обѣ этомъ посланіе, разосланное во всѣ концы мусульманства. Оно говорило:—«Въ каждомъ вѣкѣ Аллахъ посыаетъ на землю в. защитника, возстановителя и распространителя вѣры. Въ первомъ вѣкѣ гиджры, народъ ислама дѣлился на партии: одна изъ нихъ проклинала халифовъ, другая злословила Али. — Омаръ-Абдуль-Азисъ удержалъ ихъ отъ братоубийственной войны и сдѣлался опорой Пророка. Во второмъ вѣкѣ, появилось множество ложныхъ вѣроучителей. Халифъ-Мамунъ Справедливый осудилъ ихъ и направилъ вѣру на истинный путь. Въ третьемъ вѣкѣ, религія готова была исчезнуть. Священная Мекка находилась въ рукахъ кардатовъ, не убоявшихся вырвать изъ Ке'абы Черный Камень. Они истребили тридцать тысячъ пилигримовъ. Но явился Моктадиръ Билляхъ и армія его возстановила религію. Въ четвертомъ вѣкѣ, появились противныя вѣрѣ новшества и испорченность нравовъ, но Азадоуетъ - Дилеми низвергъ виновнаго халифа и залѣчилъ язвы религій....»

Перечисливъ всѣ восемь вѣковъ со дня гиджры и, найдя, въ каждомъ изъ нихъ, особо отличенного перстомъ Аллаха ревнителя вѣры, саиды и улемы заключили свой манифестъ такъ:

— «Въ восьмомъ вѣкѣ, эмиръ Тимуръ распространяетъ вѣру въ городахъ и между народами. Онъ почитается потомковъ Пророка

и богослововъ. И теперь, да принадлежить ему верховная власть на всемъ пространствѣ царства Мухаммеда».

Посланіе это разошлось повсюду, гдѣ восхваляли имя Аллаха и гдѣ таилась хотя-бы слабая искра ислама. Правда, появились скептики и независимые умы, спрашивавшіе: — «Можно ли молиться за благополучіе Тимура, когда душа его купается въ мусульманской крови?» — На подобный вопросъ могъ быть только одинъ отвѣтъ: «Кисметъ!» При этомъ-же отвѣтѣ, скептикамъ приходилось идти въ мечеть и возсылать хотубу за благополучіе гурь-хана.

Поддерживая дружественное общеніе съ потомками Пророка, Тимуръ устраивалъ нерѣдко паломничества къ могиламъ ауліѣ. И теперь, не успѣвъ отдохнуть отъ похода и, невзглянувъ на ожидающихъ приема пословъ европейскихъ и азиатскихъ государей, онъ объявилъ хаджъ къ могилѣ султана Ахметъ-Ясави. Призывъ этотъ быстро облетѣлъ Мавераннагръ, перешель черезъ пески и горы, проникъ за р.р. Сыръ и Аму и толпы средне-азиатскихъ паломниковъ потянулись со всѣхъ сторонъ въ Самаркандъ, объявленный сборнымъ пунктомъ. Здѣсь, сады добродѣтельныхъ людей были объявлены пріютами для странниковъ. Благодаря щедрости гурь-хана, никто и ни въ чёмъ не ощущалъ недостатка. Въ этомъ отношеніи онъ следилъ заповѣди Пророка: не ограничиваться одними поклонами на востокъ или западъ и не жалѣть имущества своего на пользу всѣмъ нуждающимся въ помощи.

Никогда еще въ Мавераннагрѣ не собирался такой большой караванъ пилигримовъ. На призывъ явились и старцы, носящіе при себѣ саваны на случай смерти и юноши, далекіе еще отъ мысли о загробной жизни.

Караванъ растянулся на два фарсанга. Ему предстояло пройти черезъ ущелье, известное теперь подъ именемъ «Тамерлановыхъ» воротъ, потомъ черезъ безводную степь, переправиться черезъ р. Сыръ и отъ Ташкента повернуть къ Туркестану. Путь открывали дуваны. Глупыя пляски ихъ не нравились серьезнымъ людямъ, но они такъ упорствовали, что пришлось помириться съ этими колонноважатыми. За дуванами шли софты, собравшіеся въ одну корпорацію изъ медресе Кеша, Самарканда, Бухары и даже Балха. Улемы и саиды шествовали чрезвычайно степенно, они бесѣдовали только съ однимъ небомъ. Даже ноги ихъ, наступая, то на ящерицъ, то на острія разбитыхъ кувшиновъ, не чувствовали ничего земного.

Тимуръ былъ центромъ каравана. Онъ шелъ съ величествен-
ной благосклонностью. По временамъ, онъ поддерживалъ своею
мощною рукою одряхлѣвшихъ отцовъ вѣры, въ числѣ которыхъ
находились его духовный советникъ и пиръ дервишей. Всѣ, кому
изъ каравана приходилось проходить мимо этой группы, чувство-
вали только трепетъ и свое душевное убожество.

За центральною группою шли маловѣрные люди—эмиры и
багадуры, не осмѣливавшіеся, однако, пускать въ оборотъ свои
военные замашки. Они съ удовольствіемъ поохотились бы дорогою,
но то было-бы преступленіемъ противъ правилъ, указанныхъ кора-
номъ для путешественниковъ къ святымъ мѣстамъ. Подавая при-
мѣръ простому народу, они усердно выслушивали слова улемовъ
и оберегали саидовъ отъ случайностей въ дорогѣ.

На время хаджа, Тимуръ выстригъ бороду и пересталъ брить
голову, а вмѣсто обычнаго платья завернулся въ кусокъ шерстяной
верблюжьей матеріи, сбросилъ сапоги и вооружился посохомъ изъ
моисеева дерева. Паломники шли безъ запасовъ пищи и воды.
Впереди шли караваны съ хлѣбными лепешками, дынями и турсу-
ками кислого молока. Пророкъ не запретилъ путешественникамъ
обильную ёду.

Тимура благословляли....

Заботы его объ удобствахъ пилигримовъ были такъ велики,
что на почлегахъ, когда всѣ предавались отдохновенію, онъ пере-
ходилъ отъ одной группы къ другой и вслушивался въ людской
говоръ. Повсюду воздавали похвалу его высокому благочестію и
неизмѣримой щедрости.—«О, подающій! О, питающій! Распростра-
ненный!» восклицали въ группѣ дервишей.—«Источникъ всякаго
существованія! Владѣлецъ всякаго имущества! О господинъ надъ
почестями и властями! О Тимуръ!»—Одинъ изъ отцовъ вѣры,
примкнувшій къ группѣ саидовъ, увѣрялъ своимъ старческимъ
беззубымъ шепотомъ, что къ нему каждую ночь является птица
Шахинъ, которую никто ни вообразить, ни описать не можетъ и
каждый разъ, передъ восходомъ солнца, восклицаетъ: «Кто равенъ
Тимуру?».—Багадуры, какъ люди преданные землѣ и ея радостямъ—
разсуждали житейскимъ языкомъ: —«Онъ щедръ какъ мѣшокъ,
въ которомъ не переводится ячмень, а съ такимъ вождемъ, кто
не пойдетъ въ огонь и воду?»

Тимуръ не подходилъ къ группамъ земледѣльцевъ и ремеслен-
никовъ, такъ какъ они не представляли политической силы.

Купцовъ-же въ караванѣ было немного; они послали Ахметъ-Ясави свои приношения, а сами остались дома наверстывать убытки. Коранъ разрѣшаѣтъ посыпать, вмѣсто личнаго хаджа,— жертвы и только воспрещаетъ при этомъ брить голову, на время, необходимое для достижениія жертвы къ Ке'абѣ.

Караванъ былъ встрѣченъ хранителями гроба султана Ахметъ-Ясави со всевозможными знаками почестей. Торжественное чтеніе корана не прерывалось ни на минуту и жертвенный котель не оскудѣвалъ также ни на одно мгновеніе.—«Въ моемъ народѣ», думалъ Тимуръ, «живутъ двѣ великия задачи: Ѣсть и молиться! Да, Коньо, хотя и женщина, но она была права, подавъ мнѣ совѣтъ—быть щедрымъ и богомольнымъ».

Много дней шло ликованіе въ старомъ Туркестанѣ, но вотъ хаджъ оконченъ и караванъ собрался въ обратный путь. Здѣсь картина измѣнилась. Пророкъ разрѣшилъ людямъ, при возвращеніи изъ святыхъ мѣстъ, всѣ радости жизни: и щегольство, и охоту, и все, что веселитъ духъ человѣка.

Тимуръ провожалъ обратно своихъ людей. Теперь онъ красовался на горячемъ аргамакѣ, съ мечомъ у бедра и съ колчаномъ полнымъ стрѣлъ, за нимъ едва поспѣвали сокольники съ сильными и остроглазыми соколами и сворами собакъ, которымъ и тигръ не казался страшнымъ врагомъ. Эмиры и барадуры также преобразились и вошли въ роль военныхъ людей. Все на нихъ было и грозно и красиво.

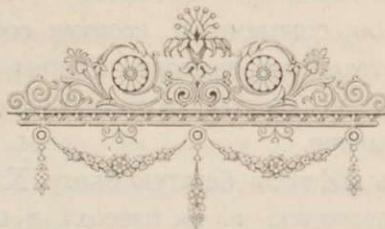
Берега р. Сыръ обѣщали богатую охоту. Хлѣбныя нивы были покрыты стаями перепеловъ, а въ плесахъ и протокахъ камышевыхъ зарослей шумѣло неумолично пернатое царство. Сокола взвивались безпрерывно и охотники едва успѣвали приторачивать къ сѣдламъ лебедей, гусей, утокъ, каменныхъ куропатокъ, фазановъ и безчисленную мелочь. Вся добыча предназначалась на угощеніе каравана. Пилавъ вышелъ изумительный!

Для Тимура приберегли звѣря, достойнаго его смѣлости и удара. Для него былъ обложенъ тигръ въ камышахъ, давно уже разбойничавшій въ стадахъ прибрежныхъ пастуховъ. Тяжелое и мѣткое копье его образумило навсегда лютаго звѣря. При этомъ царственный охотникъ, поражая его, не забылъ воскликнуть: «Аллахъ-Экбаръ!»—Убитый тигръ былъ выставленъ на показъ всему каравану—и кто рѣшилъ, что сильнѣе привлекало къ Тимуру въ данную минуту сердца людей: попеченія-ли его о

лодекомъ благъ или мѣткій ударъ копья? Поздравленія слились въ одинъ общий гуль.

По возвращеніи въ Самаркандъ, Тимуръ предался обычному теченію дѣлъ. Разумѣется, онъ побывалъ на семейной половинѣ, гдѣ лично раздалъ женамъ, внучкамъ и старшимъ рабынямъ драгоцѣнныя украшенія, доставшіяся ему изъ гарема Баязета. Увеличилъ-ли онъ при этомъ свой гаремъ—неизвѣстно, такъ какъ садовъ и дворцовъ у него было достаточно для новыхъ обитательницъ, хотя бы число ихъ и удвоилось и утроилось.

Впереди предстоялъ рядъ придворныхъ праздниковъ съ приемомъ и угощениемъ посланниковъ, что не мѣшало гурь-хану предаваться государственнымъ заботамъ и литературнымъ трудамъ, выразившимся въ «автобіографіи», въ «уложеніи» и въ «тузукатахъ». При этомъ, мысль его усиленно работала надъ планомъ войны съ Китаемъ, хотя и оставалась до времени государственнымъ секретомъ.

ХЛІІІ.

ДУШЕВНОЕ РАВНОВѢСІЕ ТИМУРЪ-ЛЕНГА.

апась энергіи Тимура было не истощимъ. О томъ же, въ какой степени природа, опасности и «счастливое сочетаніе звѣздъ» выработали въ немъ качества грознаго властелина, удобнѣе всего прослѣдить, хотя бы по одному дню его жизни, и при томъ въ обстановкѣ полнаго душевнаго равновѣсія.

Въ это время Тимуръ жилъ во дворцѣ, подаренномъ имъ молодѣтней внучкѣ, которую онъ любилъ со всею теплотою чувствъ добродушнаго дѣда. Неизбѣжная терраса дворца открывалась въ лучшую часть сада, съ прудами и птичьими садками. Въ Мавераннагрѣ стояла въ ту пору глубокая осень, которая, подъ небомъ теплago юга, придаетъ садовой листвѣ картиинную оранжево-пурпуровую окраску. При каждомъ легкомъ дуновеніи вѣтерка—чинары, тополи и караагачь отряхивали свой уборъ, который рѣялъ въ воздухѣ тучами лепестковъ....

Рано утромъ, послѣ первого намаза, Тимуръ вышелъ на террасу въ состояніи полнаго душевнаго равновѣсія, что замѣтили

эмпры Ику и Джакъ, исполнявшіе при немъ обязанности постоянныхъ тѣлохранителей. Комнаты ихъ, также какъ и келии ученыхъ, секретарей и цензоровъ выходили на террасу.

На террасѣ Тимуръ отдался на нѣсколько минутъ вдумчивому размышленію. Для окружавшихъ его лицъ не было секретомъ, что онъ любилъ гадать по полету листьевъ, описывавшихъ въ воздухѣ разнообразные зигзаги. Листъ, падавшій въ прудъ, предвѣщалъ смерть, на дорожку—жизнь, на верхушку другого дерева—побѣду. Вотъ и теперь, съ вершины вѣкового тополя сорвался пурпуровый листокъ и, сдѣлавши нѣсколько неожиданныхъ колѣнъ, опустился на тонкую вѣточку гранатового куста.—«Аллахъ-Экбаръ!» воскликнулъ гурь-ханъ, съ облегченнымъ сердцемъ.—«Бисмилляхъ иль Рахимъ!».—Восклицаніе это открывало утренний къ нему доступъ всѣмъ, кто не боялся предстать передъ его, не всегда ласковымъ взглядомъ.

Прежде всѣхъ явилась въ это утро депутація изъ старцевъ библейского типа, въ зеленыхъ чалмахъ, съ высокими посохами и съ осанкою людей, не боящихся попирать землю ногами. Впереди выступалъ, Миръ-Сайдъ-Берке. Не доходя до террасы, онъ вознесъ приличное добрымъ мусульманамъ восхваленіе имени Аллаха. Оно было выполнено по всѣмъ правиламъ религіозной этики, съ поднятіемъ рукъ къ ушамъ и голосомъ внятніемъ, но безъ напѣва.—«Бисмилляхъ!» отвѣчалъ гурь-ханъ. Обмѣнъ этими славословіями повторялся потомъ весь день, даже когда были приведены закоренѣлые преступники.

Миръ-Сайдъ-Берке произнесъ вдохновеннымъ голосомъ благодарственное слово повелителю.—«О, повелитель! Ты уничтожилъ башни невѣрія и воздвигъ на ихъ мѣстѣ знамя единаго Бога. Ты вручилъ намъ лучшее изъ твореній міра—коранъ, писанный рукою халифа Османа! Всѣ мы, здѣсь стоящіе, только ничтожнѣйшія тѣни Пророка, благодаримъ тебя за спасеніе этой величайшей драгоцѣнности и именемъ всего мусульманскаго міра восклицаемъ: Тимуръ! въ тебѣ заключено все зданіе истиной вѣры!» — Миръ-Сайдъ-Берке, признанный заживо святымъ, не могъ ни листить, ни описывать: коранъ, за спасеніе котораго онъ воздавалъ такую благодарность повелителю, былъ теперь на виду всего Самарканда! Всѣмъ известно, что подлинныя суры появлялись на бараньихъ лопаткахъ, оставшихся на храненіи у вдовы Мухаммеда. Послѣ его смерти, халифъ Абубекръ обнародовалъ первый списокъ корана,

но въ дальгѣйшихъ воспроизведеніяхъ его появились уже варианты переписчиковъ. Тогда, чтобы не исказить вѣроученіе, третій халифъ Османъ приказалъ собрать всѣ появившіяся рукописи и сжечь ихъ, а съ экземпляра Абубекра списать лично копію и приказалъ считать ее единственнымъ вѣрнымъ экземпляромъ. Это «Келями-Шерифъ» или «святое перо», изложенное куфическими письменами, безъ знаковъ препинанія и гласныхъ, было спасено Тимуромъ во время погрома царства Баязета и доставлено въ главную мечеть Самарканда. Ради почета, Келями-Шерифъ была перевезена на спинѣ слона, подъ золотымъ балдахиномъ, въ сопровожденіи саидовъ, шейховъ, мулль и стражи. Тимуръ, разумѣется, не предвидѣлъ, что эта драгоценность достанется въ руки невѣрныхъ и займетъ почетное мѣсто на полкахъ Императорской рус. библіотеки....

Принявъ благодарность саидовъ, Тимуръ приказалъ церемоніймейстеру подать связку почетныхъ халатовъ. Чтобы увеличить цѣнность подарка, каждый халатъ какъ-бы накидывали на плечи Тимура и потомъ уже передавали тому или другому саиду. Одного изъ нихъ, недавно возвратившагося изъ Мекки, Тимуръ спросилъ:—«Правда-ли, будто вы говорите народу, что священная Кѣаба виситъ силою особой благодати на воздухѣ и однажды въ году поднимается, на нѣкоторое время, къ седьмому небу?»—«О, гуръ-ханъ!»—не задумался отвѣтить нѣсколько плутоватый на видъ саидъ—«я говорю это съ цѣлью поддержать въ народѣ вѣру въ святыню». Тимуръ одобрительно кивнулъ головою.—«Вѣрить-ли намъ, что въ Индостанѣ люди боготворили корову?» спросилъ въ свою очередь быстроглазый саидъ.—«Да, пока эти люди были живы, они заблуждались!....»

Аудіенція саидовъ окончилась. Послѣ нихъ явился шейхъ-уль-исламъ съ отчетомъ обо всемъ, что онъ сдѣлалъ въ послѣднее время на пользу ислама. Въ этомъ отношеніи, онъ пользовался разрѣшеніемъ Тимуръ-ленга принять рядъ государственныхъ мѣръ для поднятія престижа мусульманства передъ идолопоклонниками, огнепоклонниками и людьми пятикнижія, псалмовъ и Евангелія.

Шейхъ-уль-исламъ принадлежалъ къ ученому сословію и поэтому не затруднился послѣдовать примѣру великихъ мусульманъ, заботившихся о поддержаніи ислама. Въ этомъ отношеніи, хорошимъ руководствомъ служилъ договоръ, заключенный Омаромъ, по завоеваніи Сиріи, съ христіанами. Послѣдніе обязались — брить

переднюю часть головы, снять кресты съ церквей, не возвышать голосъ при молитвѣ, не погребать своихъ мертвцевовъ вблизи мусульманскихъ кладбищъ, юздить на ослахъ, безъ сѣдель и спустивъ обѣ ноги въ одну сторону, не носить мечей, не надѣвать чалмъ, проходить мимо мусульманъ съ опущенными глазами и отмѣтать себя широкими, черными поясами....

Впослѣдствіи мусульманскій обиходъ усилилъ и эти строгости. Христіане должны были носить на шеѣ деревянные кресты въ пять ф. вѣсомъ, а въ бани ходить не иначе какъ съ бубенчиками на шеѣ. Возлѣ домовъ, они должны были выставлять особые знаки, чтобы мусульмане не испрашивали на эти дома, по ошибкѣ, благословеній Аллаха.

Всѣ эти знаки приниженія совершенно исчезли при владычествѣ чингисидовъ, но теперь они были вновь введены во владѣніяхъ Тимура съ усиленною строгостью. Теперь, шейхъ-уль-исламу пришлось доложить повелителю, что вскорѣ всѣ проживавшіе въ его государствахъ христіане—исчезнутъ, уѣгутъ въ горы, что могло только радовать истинныхъ слугъ Пророка.

Послѣ шейхъ-уль-ислама явились цензора поступковъ гуръхана. Послѣ обычныхъ привѣтствій, они скрылись въ кели, откуда могли слышать все, что говорилось на аудіенці. Цензоры были установлены самимъ Тимуромъ. Нельзя отрицать, что многіе десpotы считали справедливость лучшимъ украшеніемъ своей власти. Тимуръ причислялъ ее даже къ двѣнадцати правиламъ государственной мудрости, хотя вмѣсть съ тѣмъ онъ дѣлилъ ее на нѣсколько видовъ: на справедливость во время войны и мира и на справедливость по отношенію къ своимъ и чужимъ.

Цензорамъ онъ предоставилъ право все видѣть, что онъ дѣлаетъ и слышать, что онъ говорить. Они могли критиковать его поступки и слова и докладывать ему о совершенныхъ имъ несправедливостяхъ. Поводомъ къ учрежденію цензоровъ служилъ дошедший до него пересказъ о томъ, какъ въ одной изъ дальнихъ странъ нашелся муфтій, не принявший въ свидѣтели самого султана за то, что послѣдній посѣщалъ неисправно мечеть. Цензорами Тимура были: Махмудъ-Шагабъ и Насръ-эд-динъ-уль-Арамиръ.

Махмудъ-Шагабъ—въ прошедшемъ багадуръ, утратившій съ годами силу мышцъ—былъ цензоромъ на время войны, а въ мирное время только въ дѣлахъ о бунтахъ, восстаніяхъ и рѣзняхъ.

Насръ-эд-динъ-уль-Арамиръ быль, ранѣе возведенія въ сань цензора, избранъ народнымъ, въ полномъ значеніи этого слова, судьею. Народъ призналъ его справедливымъ человѣкомъ и пошелъ къ нему съ своими жалобами на обидчиковъ. Приговоры его исполнялись добровольно и безаппеляціонно. Слухъ о справедливости этого человѣка дошелъ до повелителя и онъ пожелалъ повидать лично народнаго мудреца. Передъ нимъ предсталъ старый таджикъ, въ бѣлой рубашкѣ—до пятъ, съ веревкою, вмѣсто пояса, и съ высокимъ посохомъ. При одномъ взглядѣ на этого отходившаго уже въ вѣчность человѣка, легко было понять, что онъ не убоится гнѣва гуръ-хана.—«Какъ нужно поступать, чтобы быть справедливымъ въ наказанії?»—спросилъ его Тимуръ.—«У твоихъ судей, гуръ-ханъ, вѣсы имѣютъ только двѣ чашки, а вѣсы справедливости должны имѣть три. Твои суды взвѣшиваютъ преступленіе и наказаніе. Прикажи имъ прибавить третью чашку и пусть они взвѣшиваютъ прежде преступника, потомъ его преступленіе и въ заключеніе наказаніе! И ты будешь справедливъ!»—Удовлетворившись отвѣтомъ народнаго Соломона, Тимуръ объявилъ его своимъ цензоромъ и тѣмъ открылъ ему двери въ свои дворцы и въ засѣданія тайного совѣта.

Послѣ приема сандовъ насталъ часъ правосудія. Въ этотъ часъ долженъ быль явиться верховный кази и, подъ стражею, наиболѣе серьезные преступники. О каждомъ преступникѣ кази излагалъ подробно вину его и приговоръ собранія судей.

Рѣшенія повелителя были кратки:—«Алибъ-баринъ!»—«Зинданъ!»—Первому несчастливцу предстояло немедленно лишиться головы, а второму—отправиться въ клоповникъ. Наконецъ, Тимуръ изрекъ милостивое: «Я не слышалъ!»—Это было рѣшеніе, которымъ обвиняемый освобождался отъ наказанія.—«Аллахъ - Экбаръ!»—и оправданный степенно удалялся изъ судилища.

Послѣ судебнаго разбора, явился придворный астрологъ Абдульлахъ—Лисонъ, положеніе котораго, въ ряду приближенныхъ къ Тимуру людей, было наиболѣе тяжелымъ. Благодаря его феноменальной памяти, Тимуръ поставилъ его во главѣ ученаго сословія своей столицы. То была высокая честь, съ которой не смѣли вступать въ споръ и лучшіе лавры багадуровъ и эмировъ. Но съ нею сопрягались и минуты горечи, такъ какъ ему приходилось отвѣтчать, безъ раздумья, на самые разнообразные вопросы повелителя, а онъ не затруднялся спрашивать: гдѣ находятся тѣ горы,

въ которыя Александръ-Двурогій загналъ Гоговъ и Магоговъ? Если злые геніи будуть мучить людей въ аду, то кто же будетъ мучить злыхъ геніевъ? Сколько имѣль крыльевъ аль-буракъ, доставившій такъ быстро Мухаммеда на небо?—Кромѣ отвѣтовъ на многіе изъ подобныхъ вопросовъ, ученому поручалось проводить оросительные каналы, строить мосты на р.р. и ванны для гарема, варить мыло, но главное наблюдать за сочетаніемъ звѣздъ. Ученый энциклопедистъ явился въ этотъ день по приказу Тимура.

—«Взгляни на плащъ Аллаха»—приказалъ ему повелитель— «и узнай: будетъ-ли благополучна моя война съ Китаемъ, царь которого осмѣливается называть себя сыномъ неба? Собери своихъ помощниковъ и дай мнѣ отвѣтъ не позже завтрашнего утра.»

Ученый удалился.

До обѣда еще предстояло выслушать докладъ А'ризъ-лашкера о сборѣ войскъ къ новому походу и депутацію изъ Монголіи, явившуюся съ жалобами на притѣсненія со стороны Китая.

— «Твоихъ войскъ, о гурь-ханъ, достанетъ, чтобы покорить и остальные два климата, не подошедшіе еще подъ твою власть!» докладывалъ А'ризъ-лашкеръ въ уединенной части сада. «Война не потребуетъ и половины твоего войска, но есть дѣла, которыхъ требуютъ хорошаго размышенія. Юрть-джи видѣли въ рукахъ невѣрныхъ неизвѣстное нашимъ войскамъ оружіе. Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ бросать горшки съ нефтью, но китайцы приспособились послыкатъ въ человѣка неотвратимую смерть. Она вылетаетъ теперь изъ трубки, вмѣстѣ съ огнемъ и, на этотъ разъ, наши люди неохотно пойдутъ на войну. Я слышу, они уже спрашиваютъ другъ друга—можно-ли воевать противъ волшебниковъ одними пиками и стрѣлами?»—Откровенный докладъ А'ризъ-лашкера отравилъ весь остальной день Тимуру, такъ что депутацію изъ коренной Монголіи онъ принялъ нетерпѣливо, сухо, съ недовольствiemъ.—«Не стыдно-ли было вамъ, монголамъ Коренного юрта, покинуть все, что пріобрѣль въ Чингисъ-ханѣ и бѣжать постыдно изъ-за большой стѣны? Вы показали тамошнему народу свои спины, какъ мыши показываютъ свои хвосты кошкамъ. Гдѣ ваше мужество? Что васъ такъ испугало? Вы говорите, что руки вашихъ враговъ владѣютъ теперь огнемъ, убивающимъ людей и лошадей? И вы ничего другого не придумали какъ плакать о помоци, какъ плачетъ верблюдъ, сломившій себѣ переднія ноги! Стыдно! Прочь съ глазъ моихъ!»

Всѣмъ было ясно, что дѣла Монголіи съ Китаемъ очень озабочиваютъ Тимура. Онъ приводили его въ такое раздражительное состояніе, что только Миръ-Сайду-Берке удавалось возстановлять его душевное равновѣсіе. На этотъ разъ, Тимуръ поддался просьбѣ своего святого друга осмотрѣть предпринятую въ честь Биби-ханымъ — величественную постройку.

Цари и покоренные страны охотно пополняли гаремъ Тимура. Первые считали своихъ дочерей умилостивительными жертвами грозному завоевателю, а вторыя, поставляя въ его гаремъ перлы красоты, считали ихъ дополнительною данью къ караванамъ серебра, тканей и риса. Множество дамъ его гарема не оставили по себѣ ни малѣшихъ воспоминаній, но Аль-Джой, Каньо и Биби-ханымъ, не прошли безслѣдно для исторіи.

Биби-ханымъ была, по однимъ сказаніямъ, дочерью китайского императора, а по другимъ—сестрою одного изъ эмировъ. Настоящее ея имя: Сарай-Мулькъ-ханымъ. Въ честь ея, Тимуръ задумалъ построить мечеть, настолько высокую, чтобы ангеламъ не трудно было отдохнуть на ея кровлѣ, при полетѣ ихъ между небомъ и землею, и настолько обширную, чтобы вся столица могла побывать въ пятницу, подъ ея куполомъ. Персія, Индія и Китай удѣлили, что было лучшаго у нихъ, для сооруженія этого монумента. Вѣроятно Индія прислала геніального архитектора, Китай мастеровъ изразцоваго дѣла, Персія—художниковъ живописи, а прочія покоренные страны—тымы рабовъ. Постройка подходила въ ту пору къ окончанію, хотя минареты еще не достигали предположенной высоты, а колонны изъ мраморныхъ монолитовъ и яшмы стояли вчернѣ, безъ капителей. Тимуръ не пожалѣлъ для ея украшенія трофеевъ, добытыхъ погромомъ Дели и областей, взорвавъ р. Гангъ. По возвращенію въ Самаркандъ изъ Рума, онъ порадовался, увидѣвшіи, что его излюбленное дѣтище уже сверкало куполомъ, покрытымъ драгоценной мозаикою. Работы велись спѣшно, день и ночь. Въ порогахъ зданія, подъ тяжелыми плитами, были положены изображенія Будды—во всѣхъ его превращеніяхъ, начиная отъ цапли и оканчивая коровою—украшенія бирюзою, изумрудами, сапфирами и зелеными камнями....

Теперь, передъ его восхищенными взоромъ, возвышалось зданіе, поражавшее богатствомъ и величественностью. Геніальное сочетаніе размѣровъ и линій, красокъ и золота, мраморовъ и бронзы, поражало самое смѣлое воображеніе. Съ той поры прошли вѣка,

пронеслись многія бури, а лазоревая краска облицовки стѣнъ остается свѣжею, точно эти изразцы вчера или сегодня вышли изъ горнила мастера! Вѣнецъ зданія былъ по истинѣ совершенствомъ. Онъ состоялъ изъ центральнаго купола оригинального типа, окруженнаго повтореніями меньшей величины. По угламъ зданія выступали минареты для мю'эззиновъ. Наконецъ высокая стрѣльчатая арка дополняла зданіе.

Религія Пророка, опасаясь возвращенія къ идолопоклонству, не допускаетъ никакихъ изображеній, особенно въ мечетяхъ, кромѣ арабесокъ, геометрическихъ фигуръ и, въ видѣ послабленія,—цвѣтовъ и растеній. Художнику было однако достаточно и этихъ скромныхъ границъ творчества, чтобы произвести строительное чудо. Мозаика, терракота и не благодарный въ художественномъ смыслѣ алебастръ—вотъ и все, чѣмъ располагала тогда техника. Въ цвѣтахъ преобладали—голубой, бѣлый и зеленый. Но и этого немногаго оказалась достаточно для геніального творенія.

Минареты, купола и главныя архитектурныя линіи были обвиты, что видно и теперь, надписями, въ которыхъ каждая буква занимала място на отдельномъ изразцѣ. Въ этихъ надписяхъ воздвигалась хвала Богу, а за нимъ Тимуру.—«Царство Богу и постоянство ему!» возвѣщалось на внѣшней сторонѣ купола.—«Священная мечеть эмира Тимура, сына эмира Турагая, сына....» значилось на внутреннемъ фронтона.—«Мечеть величайшаго султана, столба міра и вѣры, эмира Тимура, сына....»—Входъ въ мечеть шелъ черезъ бронзовыя двери, испещренныя арабесками дивной рѣзбы. Вѣроятно она была однимъ изъ трофеевъ гурьхана.

Мечеть и медресе всегда сливались, по складу тогдашней жизни, въ одно сооруженіе. При Баби-ханымъ было несомнѣнно громадное медресе съ кельями для софтовъ, получавшихъ содержаніе изъ вакуфовъ мечети. Не даромъ красавица Сарай-Мулькъ пользовалась, кромѣ титула Баби-ханымъ, еще именемъ «Благотворительницы».

Насладившись въ сотый разъ красотою зданія, Тимуръ все-таки продолжалъ хранить нѣсколько меланхолическое настроеніе. Проклятый вопросъ о войнѣ съ Китаемъ не отпадалъ отъ его сердца.

Наступилъ часъ для приема посольствъ. Приемъ чужестран-ныхъ пословъ отличался особо торжественною обстановкою.

Неудивительно, что народы, побывавшие подъ копытами монгольскихъ коней, прислушивались чутко къ каждой вѣсти о Тимурѣ. Вѣсти эти ловили и отдаленнѣйшія страны. По крайней мѣрѣ, донъ-Енрико III—король Кастиліи и Леона, послалъ дважды разузнавать о силахъ и намѣреніяхъ Баязета и Тимура. Первое посольство, отправленное къ Баязету, явилось къ нему наканунѣ несчастной битвы подъ Ангорою. Узнавъ послѣ сраженія, что въ лагерѣ побѣжденного султана находятся послы, Тимуръ потребовалъ ихъ къ себѣ, приласкалъ ихъ и отправилъ обратно съ дарами къ королю Кастиліи. Отвѣтное посольство короля должно было закрѣпить дружбу съ Тимуромъ и вотъ, камергеръ Рюи-Гонзalezъ де-Клавиго отправился изъ Кадикса, чтобы прослѣдовать въ Тимурбекову землю. Посольство перезимовало въ Перѣ. Въ слѣдующемъ году ихъ встрѣтили почетные пристава Тимура, пользовавшіеся неограниченнымъ правомъ отбирать у попутнаго населенія все, что могло понадобиться посольству. Появленіе шайтана было поэтому болѣе пріятно населенію, нежели появленіе посланника.

Пристава требовали обыкновенно столько всякаго продовольствія, точно съ ними шло цѣлое войско. При видѣ приставовъ, купцы закрывали даже лавки и съ крикомъ: «посланникъ!» пускались бѣжать «точно дьяволъ гнался за ними».—Такъ говорить самъ посланникъ де-Клавиго.

Впрочемъ и каждый гонецъ Тимура могъ ссадить первого встрѣчнаго съ лошади, за исключениемъ саида, чтобы привезти поскорѣе повелителю ту, или другую вѣсть. По дорогѣ къ Самарканду, посольству приходилось обмѣниваться подарками, любезностями и выслушивать совѣты ёхать возможно быстрѣ.

Въ этотъ день Тимуру должны были представляться, кроме де-Клавиго, послы изъ Вавилона и Китая. Посольства были приняты по тому же церемоніалу, какой практикуется и теперь у среднеазіатскихъ властителей, съ тою разницей, что послы не призываются въ настоящее время до колѣнопреклоненій. Впереди посольствъ несли подарки и вѣрительныя письма. Посланниковъ вели подъ руки.

Камергеру могущественнаго короля пришлоось трижды преклонять передъ Тимуромъ правое колѣно и почтительно складывать руки на груди. Наконецъ, церемоніймейстеры поставили его на оба колѣна. — «Какъ поживаетъ король, мой сынъ?» спросилъ Тимуръ посланника.—«Я радъ узнать о его здоровье и даю ему свое благословеніе». Послѣ этой любезности, церемоній-

майстери посадили, по своимъ соображеніямъ, де-Клавиго ниже посланника изъ Китая, но Тимуръ тотчасъ-же исправилъ ихъ ошибку. Пересаживая пословъ, онъ замѣтилъ при этомъ довольно внушительно:—«Если Богу будетъ угодно, то я скоро повѣшу этого китайца, чтобы онъ не смѣть въ другой разъ являться съ нелѣпыми порученіями».

Приемъ завершился угощеніемъ, въ которомъ видную долю составляли лошадиные окорока. Мясо было сварено на кухнѣ, но окончательно блюда готовились здѣсь же, въ залѣ, на виду всѣхъ. На золотыя и серебряныя блюда наложили много вкусныхъ вещей: лошадиныхъ почекъ, баарныхъ головъ, обложеныхъ ломтиками курдюковъ и еще мяса и еще мяса. Блюда были прикрыты хлѣбными лепешками. Десертъ состоялъ изъ превосходныхъ плодовъ.

Тимуръ оказалъ посланнику короля большую любезность. Онъ взглянулъ на его подарки въ этотъ же день, тогда какъ, по этикету, онъ могъ удостоить ихъ вниманія только на третыи сутки послѣ поднесенія. Подарки онъ роздалъ приближеннымъ, представивъ, впрочемъ, Каню выбрать себѣ лучшіе изъ нихъ. Затѣмъ, посольство было милостиво отпущенное домой съ приставникомъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ, обязанныхъ беречь покой дорогихъ гостей и заботиться обѣ ихъ продовольствіи.

Вечеромъ состоялся праздникъ, на который были приглашены родственники гурь-хана, посланники и высшее общество Самарканда, не исключая и женщинъ, продолжавшихъ ходить съ открытыми лицами. Громадный садъ, окружавшій парадный павильонъ, былъ открытъ и для народа, которому позволялось прѣпенѣть передъ стоимостью столовъ изъ золота и кувшиновъ для питья, украшенныхъ крупнымъ жемчугомъ, изумрудами и рубинами.

Послѣ парадаго обѣда появились церемоніймайстери съ серебряными чашами, наполненными монетами. Осыпавъ ими гостей, Тимуръ бросилъ остатки ихъ посланникамъ въ подставленные ими полы одеждъ. Здѣсь-же посланники были надѣлены новымъ платьемъ, за что имъ пришло становиться вновь на колѣни.

Подобныя праздники, особенно на открытомъ мѣстѣ, отличались иногда необыкновеннымъ многолюдствомъ. Цѣлья орды собирались пировать въ честь своего государя. Тысячи палатокъ разбрасывались тогда по необозримому пространству, съ расчетомъ видѣть изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ центральную палатку гурь-хана. То былъ скорѣе величественный замокъ, нежели шатерь.

Для него не жалѣли стеганыхъ золотыми нитками покрываль, предохранявшихъ отъ жгучаго солнца. Шелковые узоры, серебряныя бляхи, изразцовые полы, золоченые орлы и соколы—все это придавало праздничной урѣ скозочный видъ.

Хозяйкою такихъ праздниковъ была Каньо. Преклонный возрастъ не мѣшалъ ей сохранять положеніе первой жены перваго въ мірѣ человѣка. На праздникахъ въ честь пословъ, она являлась во всеоружіи своихъ уборовъ и драгоцѣнностей, при чемъ она была набѣлена до степени эмальировки. Туника ея изъ красной шелковой ткани, вышитая золотыми травами, имѣла шлейфъ, достаточный для пятнадцати поддерживавшихъ его придворныхъ дамъ. На головѣ возвышался шлемъ—изъ ткани разумѣется—усѣянный жемчугами и бирюзою. Въ бесѣдкѣ шлема блестѣли дорогіе рубины; султанъ изъ перьевъ, перевитыхъ золотыми нитями, вѣничалъ головной уборъ, который поддерживали три придворныхъ дамы. Надъ нею несли балдахинъ изъ бѣлой шелковой ткани, а впереди шла толпа евнуховъ....

Послѣ того какъ Каньо заняла мѣсто, началось шествіе второй жены, потомъ третьей и далѣе, и наконецъ восьмой. Каждая изъ нихъ занимала мѣсто по старшинству, но съ одинаковымъ церемоніаломъ.

Народъ не рисковалъ приближаться къ павильонамъ гарема. Особая стража наблюдала за благочиніемъ. Дерзкихъ, рѣшившихся пробираться далѣе дозволенной черты, она могла пугать не только дубинами, но и стрѣлами.

Собственно увеселительная часть, не считая питья и Ѵды была не разнообразна. Народъ тѣшили учеными слонами и обезьянами. Слоновъ заставляли бѣгать и раздавать хоботами удары направо и налево, что возбуждало общій смѣхъ, но не тѣхъ ротозѣевъ, разумѣется, которымъ доставались удары.

Павильонъ Каньо щеголялъ дверью, на одной половинѣ которой былъ изображенъ Св. Петръ, а на другой Св. Павель; изображенія эти—въ золотыхъ ризахъ—ясно указывали происхожденіе ихъ изъ ограбленыхъ христіанскихъ храмовъ. Тѣмъ-же путемъ, какъ и двери, были вѣроятно пріобрѣтены и такие предметы гордости Каньо, какъ шкафчики, поставцы и столики, осыпанные жемчугомъ и каменьями. Но украшеніемъ, не имѣвшимъ подобнаго ни въ одной странѣ, слѣдовало считать дерево изъ литого золота съ вѣтвями и листьями какъ у дуба. Вышиною оно

было въ ростъ человѣка, съ ниспадавшими плодами изъ желтыхъ и красныхъ рубиновъ, отборныхъ жемчужинъ и другихъ рѣдкостей. Золотыя птички клевали эти плоды фантазіи.

По временамъ, на Тимура нападалъ бѣсъ неудержимаго правосудія. По крайней мѣрѣ, и въ этотъ вечеръ пріема пословъ и общаго ликованія, онъ приказалъ поставить посреди сада, на видномъ мѣстѣ, нѣсколько висѣлицъ.

«Хакимъ» Самарканда—важный человѣкъ въ Мавераннагрѣ—былъ заподозрѣнъ, во время отсутствія Тимура, во взяткахъ, за что его и повѣсили въ этотъ день при довольно парадной обстановкѣ. Другъ хакима, предлагавшій громадный выкупъ за его голову, занялъ мѣсто на сосѣдней висѣлицѣ. Потомъ досталась та-же участъ разной мелочи—мясникамъ, бапмачникамъ и сапожникамъ—за то только, что они продавали дорого свой товаръ. Все имущество ихъшло, разумѣется, въ государственную казну.

Въ разгарѣ праздника, многіе приближенные Тимура удостоились получить по горсточки драгоценныхъ камней. При завоеваніи каждой страны, Тимуру докладывали, гдѣ именно и какіе добываются въ странѣ драгоценные камни. Всѣ такія мѣста объявлялись его лично собственностью. Неудивительно поэтому, что въ торжественные дни приближенные его появлялись осыпанными драгоценностями. Къ тому-же, камни и тогда, какъ и теперь, имѣли символическое значеніе. Былъ даже камень мудрости, котораго вѣчно искали и никогда не находили. Лунные камни и рубины пользовались особымъ почетомъ. Первые, благодаря своимъ жилкамъ, служили напоминаніемъ о волосахъ бороды пророка, а вторые приближались къ поэтическимъ устамъ красавицъ....

Еще продолжали пылать смоляные бочки и факелы, искусно запрятанные въ густой листвѣ, какъ Тимуръ удалился незамѣтно изъ сада. Слѣдомъ за нимъ ушли Ику и Джакъ. Они знали, что за стѣною сада ихъ ожидаютъ лошади и что гурь-ханъ поспѣть въ эту ночь отца-пастуховъ. Планъ Аллаха освѣщалъ землю миriadами свѣтильниковъ.

На Чупанъ-Ата не было еще въ ту пору обсерваторіи, передавшей впослѣдствіи имя Улугъ-Бега ученому міру всѣхъ странъ и вѣковъ. Всѣ же ученыя пособія звѣздочетовъ заключались пока въ хорошо отполированномъ металлическомъ листѣ, въ лоханяхъ съ водою, превосходно отражавшихъ небо, въ циркуляхъ, треугольникахъ, линейкѣ и въ принадлежностяхъ черченій.

Наблюдение за движениемъ свѣтиль съ вершины Чупань-Ата доставляетъ въ тихую звѣздную ночь неизъяснимое наслажденіе. Въ этой части Азіи, воздушное пространство покрывается только въ немногіе мѣсяцы тучами, а въ большей части года, оно прозрачно до возможности отличить простымъ глазомъ звѣзду одного класса отъ другого. Мириады ихъ дарятъ землю чарующею картиною; переливы огней буквально гипнотизируютъ здѣсь человѣка и погружаютъ его въ міръ безотчетнаго упօенія, въ міръ безпредѣльной загадки....

Но если смотрѣть и на звѣздное небо каждую ночь, и при томъ по долгу службы, то не трудно, погружаясь въ міръ безпредѣльности, уснуть обыкновеннымъ человѣческимъ сномъ. Успуть на Чупань - Ата было тѣмъ легче и пріятнѣе, что вѣтерокъ, пришедший вмѣстѣ съ волнами р. Зеро, изъ-за горныхъ хребтовъ, наводилъ истому и сладкія грэзы. Звѣзды, къ тому-же, не конфузились, когда звѣздочеты сбрасывали халаты и, свернувшись подъ головы, утонали въ гармоніи прохлады ласкающаго свѣта и тишины, прерываемой изрѣдка полетомъ испуганной перепелки.

Много было помощниковъ у Абдуль-лахъ-Лисона, но когда наступила полночь, всѣ они, не оскорбляя горнія пространства, оставили звѣзды въ покоѣ, зная, что каждая изъ нихъ пойдетъ своею дорогою. Вскорѣ храпѣли ихъ съ высоты обсервационной вышки вступивъ даже въ споръ съ рокотомъ р. Зеро.

Одинъ Абдуль-лахъ-Лисонъ продолжалъ сидѣть надъ металлическою доскою и жадно вглядываться въ мерцавшія по отливу металла яркія точки. Онѣ хлопотали о чьемъ-то небѣ, уходили — одна быстрѣе, другая медленнѣе. Начертить мысленно дорогу въ Китай, астрологъ закрѣпилъ по ея направленію сотни точекъ; некоторые изъ нихъ отсвѣчивали яркою кровью, другія дымились, или убѣгали, точно съ испугомъ, въ ту или другую сторону. Звѣзда Тимура — крупная, яркая, грозная — вела за собою плеяду крошечныхъ звѣздочекъ, которыхъ двигались за нею покорною толпою.—«О, Тимуръ ты побѣдилъ!» произнесъ звѣздочетъ, невольно поддаваясь теченію своихъ мыслей.—«Твои враги бѣгутъ отъ тебя какъ лани отъ тигра!»

Вѣроятно астрономъ намѣревался скомбинировать окончательно предсказаніе неба, потому что онъ сошелъ съ вышки за сумочкой, въ которой хранились тушь и кисти. Каково-же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ подъ вышкою — самого Тимура! Неподалеку

стояли Ику и Джакъ. Явление это показалось ученому ночнымъ призракомъ, а можетъ быть и злымъ духомъ, желавшимъ помѣшать правильному теченію небесныхъ свѣтиль. Однако онъ не успѣлъ произнести имя того, кто создалъ свѣтила, какъ властная рука заградила ему ротъ.—«А тѣ, что такъ глупо храпятъ тоже совѣщаются съ свѣтилами?» спросилъ гурь-ханъ приданнымъ шепотомъ.—«Они усыплены величіемъ плаща Аллаха!» едва нашелся отвѣтить испуганный ученый.—«А доступенъ ли имъ плащъ Аллаха?»—«Нѣть, повелитель, онъ еще не вполнѣ развернулся передъ ними».

О, если бы храпѣвшіе астрологи предвидѣли свою участіе, они давно проснулись-бы. Теперь-же, по знаку Тимура, Ику и Джакъ взошли на вышику и—астрологи очутились въ волнахъ р. Зеро!

Такъ окончился этотъ день Тимура, который не пожелаль и взглянуть на карту звѣздочета. Очевидно, душевное равновѣсіе его было нарушено заботами о возраставшемъ могуществѣ Китая. Сама по себѣ, коренная Монголія никакъ не интересовала его, но производя себя отъ Чингисъ-хана, онъ не могъ оставить дерзкіе поступки застѣнного царства безъ серьезнаго возмездія.

Въ оазисѣ Ср. Азіи.

XLIV.

СМЕРТЬ ТИМУРЪ-ЛЕНГА.

(1405 г.).

опреки обычаю, гостивши у гуръ-хана послы не получили на этотъ разъ не только отвѣтныхъ писемъ къ ихъ государямъ, но и прощальной аудіенці, что огорчило европейца и напугало китайца. Китаецъ исчезъ, не попытавшись даже вступить въ объясненіе съ церемоніймейстеромъ, а де-Клавиго замѣтилъ своему приставу, что онъ возвратится домой только по личному приказанию Тимура. Тѣмъ не менѣе, пристава настойчиво потребовали, чтобы всѣ послы выѣхали изъ Самарканда на другое же утро, съ угрозою вышроводить слушниковъ силою. Мало того, послы увидѣли себя подъ стражею, что и убѣдило ихъ въ необходимости покориться внезапному капризу, если то былъ капризъ, непреклоннаго гуръ-хана. Каждому послу дали по одной лошади и они выѣхали изъ Самарканда. Де-Клавиго объяснилъ впослѣдствіи этотъ поступокъ—апоплексіей, которая лишила будто-бы Тимура возможности вести устную рѣчъ. Слухъ этотъ однако не подтвердился, потому что Тимуръ, спустя короткое время, принималъ уже въ Кепѣ новаго китайскаго посла.

— «Мы узнали», писалъ ему китайскій императоръ, «что ты, Тимуръ, идешь противъ нась воиною. Это ты напрасно дѣлаешь. Для того, чтобы дойти до Китая, надоѣно побѣдить много препят-

ствій и пройти безграничныя, безводныя степи. Въ Китаѣ, какъ ты знаешь, двѣнадцать тысячъ городовъ и въ каждомъ изъ нихъ по двѣнадцати тысячъ войска. Мы уже не тѣ, чѣмъ были при Чингисъ-ханѣ, и поэтому даемъ тебѣ хороший совѣтъ: не становись на опасный путь. Повѣрь, ты погибнешь со стыдомъ, прежде нежели достигнешь нашей страны».

Тимуръ прочелъ это письмо, принимая китайского посланника на утесѣ, высотою въ сорокъ саженей. Какъ-бы въ отвѣтъ на полудружественные, саркастические намеки письма, онъ бросилъ свой платокъ съ утеса и—тотчасъ-же сотни человѣкъ не задумались сбѣжать съ опасностью жизни, по ребру утеса, въ долину, чтобы только поднять этотъ платокъ.—«Ты видишь», обратился тогда онъ къ посланнику,—«какова преданность ко мнѣ народа и войска. Передай-же обѣ этомъ, по возвращенію въ свою страну, человѣку, который имѣеть смѣлость называть себя Сыномъ-Неба и скажи ему, что весною я побываю въ Пекинѣ—взглянуть на самоотверженіе его подданныхъ. Другого отвѣта не будетъ, прощай».

Ошибочно было-бы однако думать, что рѣшеніе идти воиною на Китай явилось внезапно, безъ зрею обдуманного плана—напротивъ, война эта была рѣшена Тимуромъ еще во время нахожденія его въ Индіи. Онъ намѣревался проникнуть оттуда въ Тибетъ и выйти на встрѣчу арміи, которая должна была двинуться изъ Мавераннагра, черезъ Кашгаръ, во внутрь Китая. Только появленіе на міровой сценѣ султана оттомановъ и его кичливыя угрозы помѣшили осуществленію этого плана. Поспѣшая встрѣтиться съ Баязетомъ, Тимуръ прервалъ индійскій походъ и отдалъ планъ похода въ Китай, выславъ сюда множество развѣдчиковъ и соглядатаевъ. Одни изъ нихъ должны были изыскать удобнѣйшіе пути, другіе описать пастища и колодцы, третьи узнать силы крѣпостей и войскъ и, наконецъ, сообразить кого и чѣмъ подкупить.

Теперь юртъ-джи возвращались одинъ за другимъ и не проходило дня, чтобы Тимуръ и его визирь военныхъ дѣлъ не имѣли съ ними тайного совѣщенія. Явились вѣстовщики и изъ Монголіи, которая, хотя и очень ослабѣла, но все-же могла выдвинуть вспомогательныя силы, по издавна проторенному пути, къ большой стѣнѣ. Такимъ образомъ, Китай былъ-бы охваченъ съ трехъ сторонъ и очутился бы въ тискахъ болѣе крѣпкихъ, чѣмъ то было при Чингисъ-ханѣ.

Но вѣстовщики доставили изъ Монголіи неотрадныя вѣсти;

тамъ шелъ расколъ, который служилъ скорѣе помошью нежели угрозою Китаю. Расколъ затѣяли ойраты. Они считали себя, старѣйшимъ монгольскимъ племенемъ, хотя въ дѣйствительности были только рабами коренныхъ монголовъ. Послѣднихъ они ненавидѣли какъ притѣснителей и вели втайне сношенія съ Китаемъ. Всѣ четыре колѣна ихъ—по числу четырехъ пастбищъ: для верблюдовъ, лошадей, коровъ и овецъ—считали себя консервативною частію Монголіи и отрекались отъ всякихъ новшествъ. Они стояли за степные порядки и не признавали чарующаго значенія новыхъ обычаевъ государственной жизни. Достигавшія къ нимъ вѣсти изъ Самарканда о томъ, что во дворцѣ Тимура есть комнаты съ зеркальными потолками, или что шлейфы его женъ носятъ десятки придворныхъ дамъ, были только горючимъ матеріаломъ въ разгоравшейся борьбѣ старомонголовъ съ сородичами, переживавшими понятія и обычай сѣдой старины.

Ойраты задумали даже избрать собственного хана и образовать независимое государство. Обрадовавшись этому плану, Пекинъ осыпалъ ойратовъ и нефритовыми шариками на шляпы и титулами вановъ всѣхъ степеней. Поддерживая ихъ замыселъ, онъ, возставши изъ пепла и развалинъ, потѣшилъ удержанвшіеся за большою стѣною остатки монголовъ. Этимъ пришлось ретироваться и постыдно до того, что коренной Монголіи предстояло Переходить изъ господствующаго положенія въ вассальное, что не было-бы первымъ примѣромъ. Преслѣдуя эту цѣль, Китай выдвинулъ за большую стѣну значительныя команды каторжниковъ, что равнялось авангарду, обязанному расчистить дороги, засѣять поля, наполнить водоемы и подготовить путь для основательного занятія страны.

Могъ-ли Тимуръ снести этотъ позоръ чингисидовъ? Объявивъ себя отпрыскомъ крови Чингисъ-хана и считаясь, по праву, преемникомъ его славы, онъ не простиль-бы себѣ подавленіе Монголіи Китаемъ. При томъ же послѣдній, укрѣшившись до Байкала и Амура, могъ-бы тревожить его владѣнія со стороны Кашгара и Дзунгаріи.

Не разрѣшивъ распустить по домамъ войска, возвратившіяся изъ Рума, и даже наградивъ ихъ выдачею впередъ жалованья, онъ устроилъ лагерь въ Міанкальской долинѣ, но только для отдыха и поправки коней и оружія. Видимо, онъ рѣшился на зимний походъ, съ цѣлью избѣжать разливовъ рѣкъ и образования топей изъ солончаковъ. Вообще же, онъ обнаруживалъ сильное нетерпѣніе и отвергалъ совѣты обождать подножнаго корма.

Народъ, впрочемъ, и особенно торговый классъ, не желалъ войны съ Китаемъ и только эмиры и багадуры были не прочь взглянуть на золотыхъ и серебряныхъ китайскихъ идоловъ. Мавераннагръ опасался за свое экономическое благополучие. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Тимуръ возстановить блескъ чингисидовъ и подновить бывшую столицу коренного юрта—Хара-Харумъ, но въ послѣднемъ случаѣ умалилось бы значеніе Самарканда и сократились бы его торговые обороты, питавшіяся военными трофеями.

Это опасеніе породило множество предѣцій, указывавшихъ на предстоявшую неудачу задуманного предприятия. На базарахъ передавали съ умышленною таинственностью о прорицаніяхъ и видѣніяхъ благочестивыхъ мужей, прозрѣвшихъ въ предстоящемъ походѣ—«конецъ всему».

Конецъ всему былъ видѣнъ въ многоразличныхъ образахъ и таинственныхъ явленіяхъ. Пробѣжая мимо одной пещеры, Тимуръ увидѣлъ незнакомца, который не могъ дать отвѣта, кто живетъ въ пещерѣ или кто тамъ скрывается. По строгому приказу Тимура, онъ побывалъ въ пещерѣ и, выйдя обратно на Божій свѣтъ, объявилъ, что онъ былъ въ раю. Тамъ, на берегу прекрасного пруда и подъ тѣнью чинаровыхъ вѣтвей, онъ видѣлъ 12 муллъ въ бѣлыхъ чалмахъ и бѣлыхъ одеждахъ, а посреди ихъ—балдахинъ, на которомъ возсѣдалъ прекрасный юноша, также въ бѣлосѣжной одеждѣ. Этотъ юноша подалъ посланцу ларчикъ съ приказаніемъ представить его Тимуру. Такъ и поступилъ посланецъ. Открывъ ларчикъ, Тимуръ увидѣлъ всего три буквы, изъ которыхъ вышли слова: конецъ всему. Тогда благочестивые люди разъяснили ему, что прекрасный юноша предупреждаетъ его не ходить войною на Китай, иначе будетъ—конецъ всему!

Это быстро распространившееся въ народѣ сказаніе достигло слуха Тимура, но онъ замѣтилъ кратко и внушительно:—кисметъ!

Народъ однако не терялъ надежды переупримить Тимура. Существовало предсказаніе, что онъ не умретъ ранѣе, чѣмъ рождается мальчикъ, который при самомъ рожденіи прокричитъ три раза: Аллахъ-экбаръ! Но вотъ пронесся слухъ, что такой мальчикъ родился и что, родившись, онъ прокричалъ тотчасъ-же трижды Аллахъ - экбаръ! Когда этотъ слухъ достигъ Тимура, онъ приказалъ произвести разслѣдованіе, которое подтвердило достовѣрность слуха. Узнавъ объ этомъ, Тимуръ все таки не отмѣнилъ походъ и ограничился неизмѣннымъ—кисметъ!

Возобновивъ старинный обычай, онъ созвалъ курилтай изъ эмировъ и багадуровъ и открылъ его рѣчю, искусно направлявшую умы къ желанному имъ решению.—«Минуло много уже лѣтъ, какъ я вступилъ на царство. За это время, на моей душѣ накопилось не мало грѣховъ. Не мало я пролилъ вмѣстѣ съ вами и мусульманской крови; но того требовала высшая справедливость. Теперь я чувствую необходимость смыть эту кровь—кровью язычниковъ, и поэтому объявляю вамъ походъ противъ Китая».

Выслушавъ властное слово, курилтай рѣшилъ, что, для угоднаго Аллаху дѣла, слѣдуетъ посадить на коней двѣсти тысячъ человѣкъ и послать ихъ съ разныхъ сторонъ противъ Китая.

Вскорѣ, на пространствѣ между Міанкальскою долиною и Туркестаномъ, сосредоточились двадцать туменей съ обозомъ, въ которомъ запасливые темники вели не только порціонный скотъ, но и дойныхъ верблюдицъ. Произведя генеральный смотръ А'різъ-лашкеръ доложилъ съ чистой совѣстью гурь-хану, что войска его такъ бодры и веселы, точно они и не блуждали послѣднія десять лѣтъ между берегами р. р. Аму, Ганга, Куры, Аракса, Тигра и Евфрата. Наиболѣе запасливые люди везли съ собою сѣмена среднеазіатскихъ растеній, предполагая, что обстоятельства заставятъ ихъ основаться гдѣ нибудь, на продолжительное время.

Не менѣе осторожно поступилъ и Тимуръ. Покидая Мавераннахръ на неопределеннное время, онъ объявилъ тайному совѣту, что ему долженъ наслѣдовать внукъ Мирза-Пиръ-Мухаммедъ съ правомъ назначить намѣстника въ Индостанъ. Тайный совѣтъ принесъ клятву на коранѣ содержать это рѣшеніе въ секрѣтѣ и, прежде всего, отъ устранившихъ отъ наслѣдства сыновей гурь-хана. Впрочемъ, изъ послѣднихъ только Шахъ-Рухъ пользовался такою популярностью, что могъ-бы образовать сильную партію и пойти на перекорь волѣ отца.

Въ Декабрѣ, когда стали рѣки и отвердѣли солончаки, войска направились на сѣверъ, съ расчетомъ миновать горные дороги и затруднительные снежные перевалы. Маршрутъ лежалъ черезъ Отаръ и степи, съ первыми привалами у Тенлаго озера.

Отъ Міанкальской долины до Тимуровыхъ воротъ, движение войскъ представляло высокую отраду: кони чувствовали себя необычайно бодро, а поэтому и люди скрѣбѣ джигитовали, нежели или длиннымъ и скучнымъ походомъ. Котлы на бивуакахъ были полны, а костры по ночамъ, изъ заранѣе заготовленнаго можжевель-

ника, горѣли необыкновенно весело. Днемъ грѣло солнышко, не расpusкая дороги, такъ что войска прошли всю голодную степь, точно сѣлали пріятнѣйшую изъ прогулокъ.

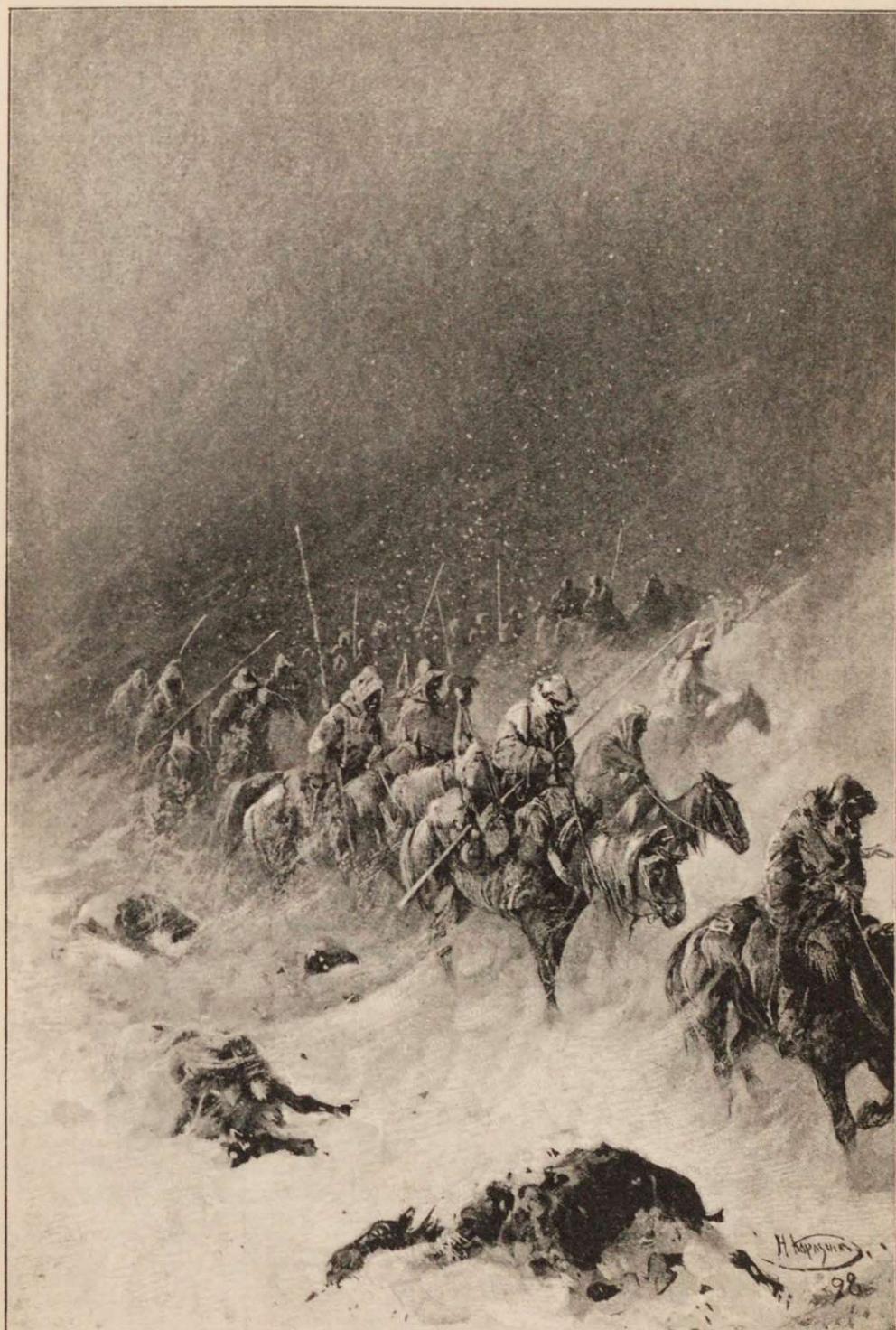
Но съвернѣе Ташкента вынѣлъ снѣгъ; еще немнога съвернѣе и появились серые морозы, точно духи киргизской степи протестовали противъ нарушителей ихъ покоя. Впрочемъ и морозы не имѣли значенія, такъ какъ у каждого всадника были въ запасѣ шаровары и бешметы изъ длинношерстыхъ бараныхъ шкуръ; даже и лошади шли подъ мягкими, настеганными войлоками.

Объ одномъ только была общая затаенная мольба—это, чтобы Аллахъ благословилъ избѣжать степныхъ бурановъ. Продолжительный буранъ въ голой, открытой степи, и особенно при сильномъ морозѣ, не уступаетъ по своимъ ужасамъ, ни песчаной бурѣ, ни удушающему «гармсиду». Если-же выпадаетъ при этомъ толстый покровъ снѣга надъ обледенѣлою корою, то путнику нечего и пробовать вступать въ борьбу съ мертвящимъ стихіей. Буранъ начинается своего рода зангрываніемъ снѣжныхъ пылинокъ съ встрѣчными препятствіями. Тонкая, блѣдая пелена быстро вздымается кверху, и въ какой нибудь часъ, наполняетъ собою, какъ кажется напуганному путнику, весь Божій міръ. Повсюду является одинъ блѣдый, но безпроглядный мракъ, отнимающій отъ человѣка всю нить соображеній о времени и пространствѣ. Стороны восхода и заката солнца дѣлаются безразличными. Штурмъ въ океанѣ и буранъ въ степи—порожденіе одной и той-же беспокойной и беспощадно мятущейся силы.

По мѣрѣ приближенія къ киргизской степи, войска Тимура начали встрѣчаться съ буранами, заметавшими людей, юрты и высокія деревья. Но какъ только вздымалась пушистая выога, препятствовавшая ходу коней, тумени останавливались и сплачивались въ компактную массу. Каждый десятокъ долженъ быть спѣшился и образовать кольцо съ людьми посрединѣ и съ лошадьми, обращенными внутрь кольца мордами. Два—три часа такой стоянки не составляли еще большого лишенія, но бураны становились все продолжительнѣе, а морозы крѣпче, между тѣмъ о кострахъ и теплой пищѣ нечего было и думать. Благодаря то сильному морозу, то нервному проявленію, одинъ изъ десятка коней неожиданно отпрыгивалъ и, вырвавъ поводъ изъ рукъ полуокоченѣвшаго хозяина, бросался въ трепетномъ испугѣ—по направленію, куда мчался буранъ. Слѣдомъ за нимъ, вырывался тогда и весь десятокъ,

ДВЪ ВОЛНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОДЪ ТИМУРЪ-ЛЕНГА.

который вносилъ такую тревогу въ сосѣднія группы, что эти также топтали копытами сидѣвшихъ на корточкахъ всадниковъ и неслись за бураномъ на неизбѣжную гибель....

Выпадали такие тяжелые дни, что мингбashi, повѣривши послѣ бурана свои тысячи, не досчитывались множества коней и всадниковъ, исчезавшихъ совершенно безслѣдно. Безполезно было бы допрашивать буранъ, гдѣ онъ скончалъ лошадь или человѣка— это ужъ обыкновенно его секретъ, по крайней мѣрѣ до появленія весны, когда волки и птицы являются въ степь пользоваться плодами его преступленія. Въ одинъ изъ такихъ бурановъ, погибъ визирь. Онъ вздумалъ отдохнуть подъ деревомъ, одиноко стоявшимъ на дорогѣ, но, отягченная ледянымъ наростомъ, вѣтвь его откололась—и визиря не стало. — Кисметъ! замѣтилъ Тимуръ, узнавъ объ этомъ происшествіи.

А'ризъ-лашкеръ докладывалъ ежедневно о печальныхъ результатахъ борьбы его войскъ съ пагубною силой бурановъ. Не было ни одного тумена, который не поплатился бы обозами, людьми или запаснымъ скотомъ. Мысль объ остановкѣ движенія не приходила однако въ голову Тимуру, такъ какъ возвращеніе обратно, за горную цѣнь, охраняющую Самаркандъ отъ сѣверной стужи, было-бы униженіемъ его военныхъ талантовъ, да къ тому-же движеніе это не уберегло-бы его войска отъ бурановъ и за Ташкентомъ, въ голодной степи.

Но вотъ, изъ тумена въ туменъ проникла вѣсть, что самъ гуръ-ханъ, переправляясь черезъ р. Сыръ, принялъ нечаянно ледяную ванну и опасно заболѣлъ. Говорили, будто его голова горитъ какъ въ огнѣ и онъ не узнаетъ, ни А'ризъ-лашкера, ни Ику, ни Джака. По слухамъ слѣдующаго дня, онъ не могъ даже доехать верхомъ до Отрака и его отнесли туда на войлокѣ, причемъ онъ, въ горячечномъ забытьи, приказывалъ подать ему лошадь и боевые доспѣхи....

Пораженные этою вѣстью, которая вполнѣ подтвердилась присланными изъ главной квартиры гонцами, всѣ двадцать туменей остановились, не зная идти-ли далѣе или выждать чѣмъ разрѣшится болѣзнь гуръ-хана? Она-же разгоралась все сильнѣе и сильнѣе и придворный врачъ Фапуллахъ безплодно истощалъ свои медицинскія познанія и средства.

Больной вспоминалъ въ бреду многія изъ событий своей тревожной жизни и обнаруживалъ мысли и планы, составлявшіе его

глубоко-затаенную тайну. Онъ повторилъ даже дословно памфлетъ, ходившій въ Самаркандѣ, передъ началомъ похода.—«Слышиши, какъ бушуетъ мой ураганъ?» шепталъ онъ стихъ нерасположеннаго къ нему скорбнаго поэта.—«Слышиши какъ реветь и воетъ злое порожденіе пустыни? Знай-же, о Тимуръ, что это пока передовые полки моихъ злыхъ геніевъ. За ними примчатся еще легіоны послушныхъ мнѣ слугъ—изъ пустынь дальняго сѣвера и изъ горныхъ ущелій. Я пошлю ихъ къ тебѣ на встречу и посмотрю, какъ ты будешьничтоженъ въ ихъ объятіяхъ.... и тогда, прислушайся, не раздастся ли смѣхъ демона? то будетъ мой смѣхъ надъ твою душою....»—Воспаленный мозгъ Тимура очевидно работалъ надъ этимъ предвѣщаніемъ, потому что онъ срывался съ постели и безсмысленно повторялъ, уткнувшись въ уголь комнаты: — Алибъ-баринъ, алибъ-баринъ! То былъ приговоръ памфлетисту, осмѣлившемуся смыться надъ душою гурь-хана.

Въ минуту просвѣтленія, онъ повторилъ передачу наслѣдства Мирзѣ Пиръ-Мухаммеду, говоря, что Шахъ-Рухъ-Мирза не управится съ обширною имперіей.

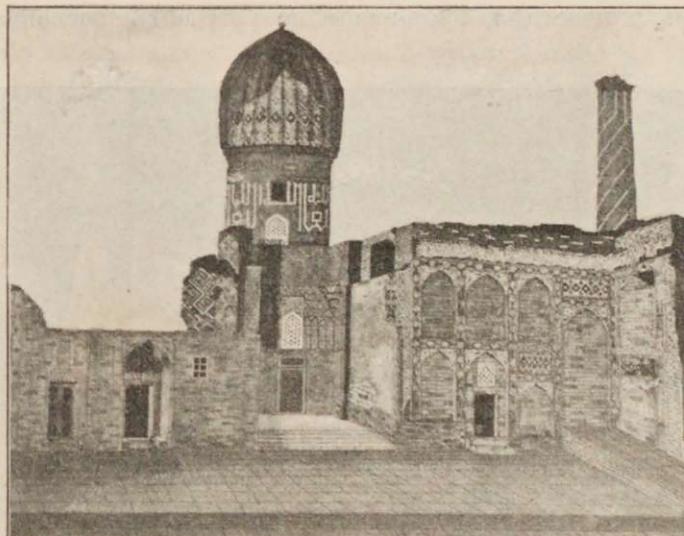
Вскорѣ Фацулахъ убѣдился, что его искусство бессильно противъ болѣзни гурь-хана, противустоявшей самымъ сильнымъ изъ известныхъ ему средствъ. Ни рвотный камень, ни корень жизни изъ Тибета не смягчали бредъ больного. Мысль его обращалась съ быстротою молніи. Сию минуту онъ приказывалъ воображаемой передовой цѣпи стрѣлять стоя на колѣньяхъ, а спустя мгновеніе, требовалъ загородить дороги башнямъ изъ людскихъ череповъ, двигавшимся на него изъ Испагани и Тавриза. Однажды онъ вообразилъ себя христіанскимъ священникомъ, летѣвшимъ въ пропасть, куда его бросили по приказанію какого-то злодѣя Тимура. Его посыпали и тѣни Аль-Джой и Биби-ханымъ, причемъ одна упрекала его за мечеть, выстроенную имъ въ честь другой. Наконецъ, онъ протянулъ руку за подаяніемъ, но при этомъ, вместо стиховъ странствующаго дервиша, запѣлъ стихи брошенного ему упрека:—«Слышиши-ли ты, какъ бушуетъ ураганъ и какъ мчатся на встречу къ тебѣ полки моихъ злыхъ геніевъ?....»

Наступила наконецъ минута, когда Фацулахъ уступилъ изголовье больного придворному имаму Гаибъ-Уллаху. Этому, превосходнѣйшему изъ чтецовъ корана, оставалось уловить мгновеніе, когда явится ангель Израфиль и отдать душу Сагибъ-уль-кырана отъ его бренной оболочки. Но ранѣе того, слѣдовало

употребить всѣ усилия, чтобы умиравшій прочелъ, на сколько возможно ясно, основыя, начала ислама и хотя-бы одну суру корана—«Эльсафать». Напрасно, однако, имамъ возглашалъ молитву, исходившую, по выражению самого Мухаммеда, изъ серда корана; умиравшій уже не постигалъ всей возвышенности стиховъ:—«Труба прогремитъ и они встанутъ изъ могиль».—Взамѣнъ этого спасительного стиха, умиравшій прощенталь еще разъ:—«Слышите-ли какъ бушуетъ ураганъ?»

То было его послѣднее слово въ царствѣ живыхъ и почтенный Гайбъ-Уллахъ увидѣль, какъ ангель Израфиль принялъ на свои крылья душу Тимура и скрылся въ пространствѣ. — Я иляга-илля-лагу! раздалось у изголовья умершаго восклицаніе имама, возвѣстившее, что послѣдняя искра жизни угасла въ оболочкѣ повелителя.

Окружавшіе покойнаго муллы, эмиры и темники удержкались отъ слезъ только изъ опасенія, чтобы не обезпокоить полетъ ангела Израфила. Приближенные люди приступили тотчасъ же къ предписаннѣмъ обрядамъ: эмиръ Ику и Джакъ омыли тѣло своего вождя и, надѣвъ на него саванъ, изъ простой бумажной ткани, положили его лицомъ къ Ке'абѣ. Въ то-же время, совѣтъ изъ важнѣйшихъ лицъ арміи—имама и темниковъ—решилъ доставить по-

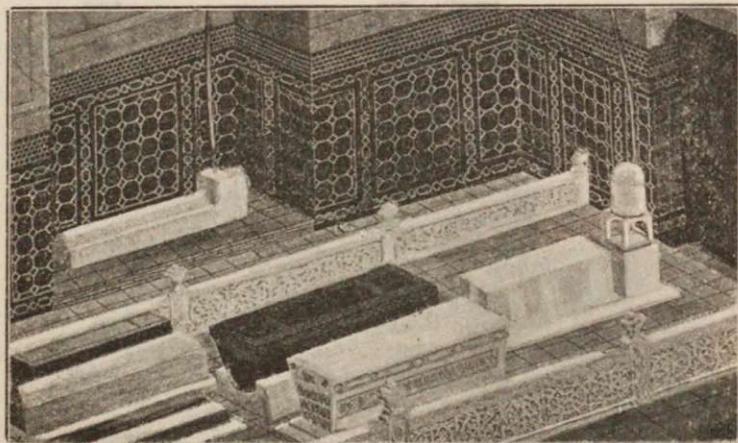

Мавзолей-мечеть Тимуръ-ленга.
(въ Самаркандѣ).

койника въ столицу и тамъ уже поступить, какъ признаютъ диванъ и родные. Покойника засыпали комфорою и зашили въ кожу....

Въ этомъ видѣ онъ возвратился — на хребтѣ своего боевого коня—изъ послѣдняго похода въ Самаркандъ. Здѣсь его ожидалъ склепъ, приготовленный по его плану, для успокоенія его самого, и его духовника Миръ-Саида-Берке. Теперь, надъ склепомъ возвышается мавзолей, извѣстный подъ названіемъ Гуръ-эмира, свидѣтельствующій уже много вѣковъ о томъ, что «ничтожный рабъ Мухаммѣдъ, сынъ Мухаммѣда изъ Испагани», достоинъ въ свою очередь мавзолея, какъ величайший изъ архитекторовъ. «Ничтожный рабъ», скромно помѣстившій свое имя въ надписи вокругъ двери, открывающей входъ въ мавзолей, произвѣль иѣчто вдохновенно-возвышенное.

Центральная, осьмигранная часть мавзолея покрыта куполомъ, обведеннымъ иѣсколькими поясами синаго, бѣлаго, голубого и зеленаго цветовъ. Куполъ завершается сводомъ, напоминающимъ приподнятый тюрбанъ изъ ткани небеснаго цвета. По сторонамъ мавзолея возвышались стройные минареты—каѳедры мюэззиновъ—для призыва правовѣрныхъ къ намазамъ. Стихи корана, обивая весь куполъ, представляли въ техническомъ отношеніи верхъ совершенства; по красотѣ же куфической каллиграфіи и по достоинству эмали, блестательно выдержавшей цѣлые вѣка бурь и непогоды, Гуръ-эмиръ не уступаетъ роскоши Биби-

Саркофаги
надъ могилами Тимуръ-ленга и его приближенныхъ.
(въ Самаркандѣ).

ханымъ. Да, «ничтожный рабъ», стѣсненный узкою рамкою мусульманской этики въ дѣлѣ строительства, перешедшей въ Ср. Азію вмѣстѣ съ аравитянами, распорядился арабесками, звѣздочками, треугольниками и мозаикою съ силою творчества, недосягаемаго для подражанія.

Внутренность мавзолея состоить изъ верхняго надгробнаго этажа и склепа, въ которомъ хранятся и по нынѣ остатки Тимура и девяти близкихъ ему людей. Нужно думать, что «ничтожный рабъ» не успѣлъ окончить внутреннюю отдѣлку склепа, такъ какъ онъ болѣе чѣмъ простъ. Впрочемъ, эта простота находится въ гармоніи съ взглядомъ мусульманина на тлѣнность и ничтожество останковъ человѣка.

Тимуръ всегда выражалъ желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ благочестивымъ наставникомъ его Миръ-Сайдомъ-Берке.—«При воскресеніи, въ день страшнаго суда, онъ разсчитывалъ ухватиться за халатъ святаго человѣка, чтобы хотя такимъ путемъ очутиться въ раю.»—Такъ говорили люди, не одобравшие Тимура за его избіеніе правовѣрныхъ.

Воля его была исполнена.

Впереди недавняго господина созвѣздій несли его мечь и копье, какъ эмблемы распространенія ислама, а затѣмъ шли тумени спѣшившихся всадниковъ. Молитву надъ нимъ долженъ былъ совершить человѣкъ, лучше и почтеннѣе котораго нельзя было бы найти во всемъ населеніи Самарканда. Но и лучшіе люди боялись принять на себя эту святую обязанность изъ опасенія, чтобы пятна, хотя-бы и незамѣтныя на совѣсти чтеца, не обезпокоили умершаго.

Передъ могилою, тѣло покойнаго, освободивъ отъ дорожной оболочки, положили лицомъ къ Меккѣ, куда и обратились взоры всего предстоявшаго народа. Читавшій молитву окончилъ ее воззваніемъ:—«Боже нашъ, если умершій былъ добродѣтель—умножь его добродѣтели, а если грѣшенъ—прости его грѣхи!» И Тимуръ-ленга опустили въ могилу!

На первое время, у его могилы были водружены только бунчукъ и бѣлое знамя и уже потомъ его знаменитый потомокъ Улугъ-бекъ покрылъ его могилу великолѣпнымъ нефритовымъ монолитомъ. На память же потомству, искусный рѣзчикъ и знатокъ арабской каллиграфіи выреѣзаль на немъ:—«Это гробница великаго султана, милостиваго хакана-эмира Тимура—Курагана»....

Далъе надпись гласить въ угоду покойному:—«Чингисъ хантъ проходитъ изъ того же рода, отъ которого происходятъ дѣды до стояхвального султана, погребенаго въ этой священій гробницѣ».

Пройдуть вѣка, а Тимуръ не сойдетъ со страницъ исторіи и не исчезнетъ изъ сказаний и балладъ центральной Азіи. Прошли пять вѣковъ со времени его смерти, а степной бардъ и теперь еще поетъ:—«О, божественный Тимуръ! Когда ты жилъ подъ нашими шатрами, мы были воинственны и грозны. Когда ты трогался съ мѣста—дрожала земля. Передъ твоимъ взглядомъ цѣпенѣли цѣлья страны, освѣщаемыя солнцемъ.»—«О, божественный Тимуръ! Скоро ли возродится великая душа твоя? Вернись къ намъ, вернись, мы ждемъ тебя, о Тимуръ!»—«О, божественный Тимуръ! На нашихъ обширныхъ степяхъ мы живемъ спокойно, но сердца наши полны огня. Вспоминая славные дни, мы спрашиваемъ: где тотъ вождь, который возбудить въ нась воинственный духъ?»—«О, божественный Тимуръ! »

Общественная молитва исламитянъ передъ мавзолеемъ Тимуръ-ленга.

Можно сомнѣваться, что на это поэтическое воззваніе откликнется когда нибудь возрожденный духъ Тимура, но ему все-таки отрадно прислушиваться изъ загробнаго міра къ балладамъ

кочевниковъ. Не такъ отнеслись къ нему горожане. Потомки благоговѣвшихъ передъ нимъ исламитянъ привели его мавзолей въ оскорбительное запустѣніе, которое крайне удивило пришедшихъ въ Ср. Азію кяфировъ. Но кяфиры еще болѣе удивились, когда увидѣли, что хранители мавзолея протягиваютъ къ нимъ руки за подачками: на чай для себя и на салныя свѣчи для усыпальницы. Бросивъ монетку на саркофагъ Сагибъ-уль-кырана и выйдя на свѣтъ изъ подъ неоштукатуренного и закоптѣлого свода, кяфиръ невольно разражается классическимъ восклицаніемъ:—«Такъ проходить слава міра сего!»—и идетъ осматривать не менѣе печальные руины, нѣкогда величественныхъ мечетей и медрессе Самарканда: Ходжи-охаръ, Тилля-кари, Биби-ханымъ, Шахъ-зинде....

XLV.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ ТИМУРИДОВЪ.

(XV стол.).

читая, что «написанное живеть въ потомствѣ долѣе чѣмъ сдѣланное», Тимуръ оставилъ своимъ дѣтямъ и внукамъ—«счастливымъ завоевателямъ государствъ и великимъ повелителямъ міра»—два большой важности литературныхъ памятника: «Автобіографію» и «Уложеніе». По однимъ сказаніямъ, оба эти творенія вышли непосредственно изъ-подъ его пера, чemu легко повѣрить, такъ какъ онъ хорошо зналъ не только турецкій, но и персидскій языки; по другимъ-же сказаніямъ—надъ редакціей ихъ трудились ученые секретари, хорошо сберегавшіе тайны своего повелителя. Переходя изъ одной рукописи въ другую, изъ столѣтія въ столѣтіе, изъ страны въ страну, оба произведенія, видимо, укорачивались и удлинялись съ уклоненіями отъ первоначального текста. Подлинные свитки ихъ утрачены. Извѣстно, что царственныій авторъ не разставался съ ними, даже и въ походахъ, поэтому можно думать, что они были выкрадены—вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ футляромъ—въ Отрапѣ, вслѣдъ за его неожиданною смертью. Въ сущности, его автобіографія является передъ судомъ потомства не столько описаніемъ прожитого, сдѣланного и продуманного, сколько политическимъ манифестомъ и программою для династіи тимуридовъ. Во многихъ случаяхъ, она явно противорѣчить сказаніямъ безпристрастныхъ современниковъ и даже

расходится сама съ собою, не говоря уже о нѣкоторой страстности тона, направленной противъ памфлетовъ, обращавшихся въ народной средѣ и въ стихахъ и въ прозѣ.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, Автобіографія и Уложеніе служать превосходнымъ подспорьемъ для уясненія, какими путями мощный гений Тимура создалъ такую величественную имперію. Оставаясь вѣрнымъ своей эпохѣ, онъ не могъ не считаться съ кабалистическими цифрами. Мусульманство относилось тогда съ особымъ почтеніемъ къ цифре—девять, но онъ предпочиталъ, по числу зодіакальныхъ знаковъ—двѣнадцать. Его государственная мудрость покорилась, поэтому, на двѣнадцати принципахъ; его народы состояли изъ двѣнадцати классовъ и его военные чины имѣли двѣнадцать ранговъ.

Вотъ тѣ двѣнадцать правилъ мудрости, которыя помогли ему—по увѣренію автобіографіи—сдѣлаться достойнымъ многочисленныхъ троновъ.

Онъ заботился о распространеніи религії Аллаха и законовъ Мухаммеда и тѣмъ поддерживать исламъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Чтобы укрѣпить замокъ своего счастья, онъ дѣлилъ людей на двѣнадцать классовъ, сообразно съ значеніемъ ихъ подвиговъ и важностью ихъ совѣтовъ.

Онъ былъ одинаково благосклоненъ къ врагамъ и друзьямъ, а въ управлѣніи народами руководствовался только кротостью, человѣколюбіемъ и терпѣніемъ. При этомъ, предусмотрительность и бдительность были его неизмѣнными спутниками.

Такою-же опорою служила преданность ему воиновъ и эмировъ. Для воодушевленія ихъ, онъ не щадилъ золота и драгоценныхъ камней и допускалъ ихъ къ своему столу, за что они жертвовали своею жизнью.

Любовь созданій Божіихъ, т. е. простого народа, онъ пріобрѣталъ безпристрастіемъ. Одна справедливость управляла его решеніями и хотя воины награждались въ болѣшей мѣрѣ, чѣмъ ремесленники, но и тѣ и другіе видѣли одинаково надѣ собою руку великодушія.

Всѣ благородныя души имѣли къ нему свободный доступъ, но его дверь открывалась шире передъ саидами, дервишами, факирами, философами и историками. Онъ избѣгалъ причинять имъ печали и ни въ чемъ имъ не отказывать.

Будучи настойчивымъ въ предпріятіяхъ, онъ старался подражать людямъ и пророкамъ, начиная отъ Адама до Мухаммеда. Впрочемъ, онъ избиралъ для подражанія однѣ лишь похвальныхыя качества ихъ и старался избѣгать сдѣланныхъ ими ошибокъ.

Изученіе покоренныхъ имъ народовъ входило въ его политическую программу. Съ этою цѣлью, онъ содержалъ въ каждомъ покоренномъ государствѣ человека испытанной честности, обязаннаго доводить до его свѣдѣнія обо всѣхъ неблагонадежныхъ явленіяхъ. Знатныхъ людей онъ считалъ своими братьями, а простыхъ людей—дѣтьми.

Всѣхъ, кто искалъ его покровительства и «его соли», онъ принималъ съ открытыми объятіями. Никто изъ заключившихъ съ нимъ дружескій союзъ не раскаялся въ своемъ поступкѣ.

Блескъ его счастья не затмѣвалъ его взоры и каждый получалъ должное. Опытъ, вынесенный имъ изъ превратностей судьбы, научилъ его какъ слѣдуетъ поступать съ друзьями и съ врагами.

Послѣднее правило мудрости его заключалось въ презрѣніи къ измѣнникамъ, оставлявшимъ въ моментъ сраженія своего полководца.

Такимъ образомъ, каждое изъ двѣнадцати правилъ государственной мудрости Тимура отличалось возвышенностью и прекраснодушiemъ. Весь-же его кодексъ могъ быть одинаково пріятенъ и рыцарю безъ страха и упрека и патріарху съ возвышенною душою...

Соблюдая двѣнадцать правилъ мудрости, онъ раздѣлилъ и всѣ подвластные ему народы на двѣнадцать классовъ, съ представлениемъ каждому изъ нихъ справедливыхъ границъ. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ дополнительному принципу, перешедшему за число зодіакальныхъ знаковъ, это принципу содержанія народа и войска «между страхомъ и надеждою». — «Слѣди строго» внушалъ ему духовникъ, «за своими эмирами и слугами, иначе между ними появятся крамолы и возмущенія».

Въ первый классъ онъ зачислилъ потомковъ Али, шейховъ и лучшихъ знатоковъ корана. Этому классу суждено было украшать его дворъ и разрѣшать богословскіе вопросы о томъ, что воспрещено и что разрѣшено книгою Пророка.

За богословами слѣдовалъ совѣтъ изъ старцевъ и ученыхъ, одаренныхъ мудростью, твердостью характера и глубокимъ опытомъ жизни.

Избранные благочестивцы слѣдовали за нимъ повсюду, даже и на войну, выпрашивая ему у Аллаха побѣды и благословенія. Строгость жизни и аскетизмъ были обязательными качествами этого третьаго класса установленной іерархіи.

Эмиры и шейхи находились въ дружественныхъ отношеніяхъ къ повелителю. Но такъ какъ измѣна въ мусульманскихъ войскахъ была явленіемъ зауряднымъ, то офицерскій корпусъ состоялъ подъ усиленнымъ надзоромъ А'ризъ—лашкера.

Рядовые воины и народъ состояли въ одномъ классѣ и пользовались равною долею его вниманія. Ни одна сторона не смѣла тѣснить другую.

Тайный совѣтъ избирался изъ немногихъ лицъ, которымъ онъ повѣрялъ свои сокровенные мысли. Совѣтъ всегда оставался только совѣтомъ и ничѣмъ болѣе.

Диванъ его состоялъ изъ четырехъ визирей, диванбеги и секретарей. Диванбеги завѣдывали общимъ теченіемъ государственныхъ дѣлъ, не распространяя свое влияніе на духовныя дѣла. Визирь провинцій заботился о государственной казнѣ и объ удержаніи народа на положеніи благоденствующихъ гражданъ. Военный визирь заботился о комплектованіи войскъ и объ удержаніи ихъ на положеніи довольныхъ своею судбою воиновъ. Онъ не всегда имѣлъ средства выплачивать жалованье исправно, но, при обилии добычи, его первая обязанность заключалась въ расплатѣ за прежнее время. Визирь путешествующихъ охранялъ интересы странниковъ и особенно сандовъ, дервишей и хаджей. Визирь двора наблюдалъ за личною казною Тимура и за придворнымъ этикетомъ.

Врачи, астрологи и геометры, они-же и архитекторы, были почтены особымъ классомъ, обязаннымъ помогать своимъ искусствомъ больнымъ, распознавать счастливыя сочетанія звѣздъ и составлять планы садовъ и зданій.

Историки и лѣтописцы составляли также особый классъ. На обязанности ихъ лежало посвященіе его въ жизнь пророковъ и святыхъ людей, а главное въ причины возвышенія и паденія ихъ счастья.

Мистики и факиры объясняли ему величие будущей жизни и, по собственному его признанію, сообщали ему удивительныя вещи.

Оружейники пользовались особымъ почетомъ. Заботы ихъ

объ исправномъ содержаніи оружія армії оставались всегда у него на виду.

Купцы и каравань - баши, подъ которыми слѣдуетъ подразумѣвать шпионаовъ и развѣдчиковъ, замыкали собою зодіакальнуу цѣнь населенія. Они проникали въ Китай, Индостань, Египетъ, Аравію, Сирію и даже «на островъ франковъ». Рѣдкія венци они представляли ко двору. Къ этому же классу принадлежали и странники всѣхъ націй, которыхъ приглашали къ его столу съ обязанностью дѣлиться свѣдѣніями о государяхъ и обычаяхъ дальнихъ странъ.

Кромѣ состоявшихъ на жалованы служилыхъ людей—саиды, улемы, дервиши и доктора получали также казенное содержаніе и пенсіи.

Преподавая потомкамъ правила укрѣпленія и расширенія ихъ могущества, Тимуръ отмѣтилъ съ особою заботою качества, которыми должны обладать визири. По его идеалу, визирь долженъ быть отличаться душевною возвышенностью, проницательностью ума, опытомъ и способностью примирять враждующія стороны. Онъ признавался недостойнымъ сана, если ему были доступны клевета и злословіе и если онъ покровительствовалъ людямъ, искашившимъ въ жизни только мірскихъ благъ. Будучи «кавалеромъ шпаги» и «кавалеромъ пера», визирь не долженъ быть выслуживаться передъ повелителемъ однимъ только смиренiemъ. «Визирь-же съ наклонностями разбойника»—замѣтилъ категорически Тимуръ—«открываетъ своему государству путь къ вѣрной погибели».

Регламентируя весь соціальный строй своего государства, Тимуръ озабочивался, понятно, и обще - гражданскими интересами, нашедшими охрану въ его постановленіи объ управлениіи государствомъ. На большихъ дорогахъ была разставлена стража, обязанная конвоировать купцовъ и путешественниковъ; стража отвѣчала за каждую пропавшую венцу въ караванѣ. Для наказанія грабителей и разбойниковъ онъ сохранилъ всѣ строгія постановленія Чингисъ-хана. Въ городахъ безопасность обеспечивалась полицейскою стражею. Нищихъ кормили на государственный счетъ, но за то ихъ клеймили особыми знаками, а повторявшихъ нищенскую профессію отдавали въ рабство.

Государственные подати не превышали тридцати трехъ процентовъ урожая. Оживленіе водою мертвыхъ земель освобождало предпринимателя отъ податей на первый годъ и только на третій

онъ платиль полный окладъ хераджа. Если подати платили исправно, то дѣло обходилось безъ серкера, въ противномъ случаѣ появлялся выжиматель, который однако не смѣль прибѣгать ни къ палкѣ, ни къ кнуту, ни къ цѣпи. Заброшенныя земли раздавались для обработки, при чёмъ бѣдные земледѣльцы получали въ ссуду земледѣльческія орудія. Засоренные арыки вновь оживлялись бѣгучею водою. Наконецъ, вымороchnыя имущество обращались на богоугодныя дѣла или отсылались въ Мекку. Онѣ-же служили рессурсами для содержанія гробницъ святыхъ поборниковъ вѣры. Впрочемъ, на содержаніе гробницъ назначались нерѣдко богатые вакуфы; пожертвованія-же народа на это дѣло распредѣлялись пропорціонально заслугамъ святыхъ. Гробницы каждого святого получали ковры, освѣщеніе и определенное количество—для пилигримовъ и служителей—сѣбѣстныхъ припасовъ.

Каждый городъ обязанъ быть содержать школу, мечеть и богадѣльню, зданія суда и городского управлѣнія. Города же содержали смотрителей при караванъ-сарайахъ и главныхъ ирригаторовъ.

Самаркандъ сдѣлался не только сосредоточиемъ власти, но и главнымъ центромъ экономической и промышленной жизни всей громадной имперіи Тимура. Его ткачи и оружейники не уступали мастерамъ Дамаска, ювелиры—художникамъ Грузіи, архитекторы и каменьщики—геометрамъ Индіи, а хлопчато-бумажные фабрикаты—знаменитымъ тканямъ Алеппо.

При такой стройной и величественной гармоніи государственныхъ порядковъ, Тимуръ могъ разсчитывать, что его пріемникамъ останется продолжать и совершенствовать дѣло его творческихъ силъ. Но здѣсь повторилась легенда о высокомъ минаретѣ, сложенному безъ цемента. Онъ развалился отъ дуновенія вѣтра, ранѣе чѣмъ мю'эззинъ провозгласилъ въ первый разъ имя Аллаха. Этого необходимаго цемента не оказалось и въ имперіи Тимура, что обнаружилось тотчасъ-же послѣ его смерти и открытія оставшагося послѣ него наслѣдства.

Большое наслѣдство порождаетъ обычно большую вражду.

Наслѣдство Тимура возбудило—и даже ранѣе нежели опустилась надъ пимъ плита въ склепѣ—раздоры во всемъ Мавераннагрѣ. Саиды и улемы объявили себя сторонниками исполненія воли покойнаго, но народъ подыскалъ другого кандидата на обладаніе кокъ-ташомъ. Наконецъ выяснилось образованіе двухъ

партий за внуковъ Тимура и одной за сына его Шахъ-Руха. Каждая партия, забывъ и о курилтаѣ и о томъ, что воля покойниковъ должна считаться священною, принялась работать изо всѣхъ силь въ пользу своего кандидата, не безъ надежды, разумѣется, напомнить ему въ свое время о своей преданности.

Ближе всѣхъ къ кокъ-ташу находился въ ту пору внукъ Тимура—поэтъ Халиль, проводившій все время у ногъ красавицы Шадъ-и-Мулькъ. Любовь эта сердила еще Тимура и до того, что онъ распорядился разлучить влюбленныхъ, но Халиль продолжалъ и въ разлукѣ изливать свои пламенные чувства въ поэтическихъ газеляхъ.

Заоблачная думы не помышали однако Халилю воспользоваться предложеніемъ образовавшейся въ пользу его партии и захватить, тотчасъ послѣ смерти дѣда, урду Самарканда со всѣми ея несмѣтными богатствами. Благодаря послѣднимъ, быстро увеличилось число его сторонниковъ, такъ что вскорѣ образовалась армія, достаточно сильная, чтобы вступить въ борьбу съ войсками противниковъ. Противники тоже не дремали и, какъ только войска одного изъ нихъ появились изъ-за р. Аму, въ средѣ тимуридовъ проявилось междуусобіе, съ губительнымъ для династіи ожесточениемъ.

Назначенный покойнымъ Тимуромъ наслѣдникъ Пиръ-Магометъ—правитель Кабулистана и Индостана—находился, во времія его смерти въ Кабулѣ, гдѣ, не зная чemu отдать предпочтеніе: вину или женщинамъ—утрачивалъ постепенно пріобрѣтенную имъ въ молодости славу храбрѣшаго изъ тимуридовъ. Это качество беззавѣтной храбрости подкупало Тимура, находившаго, что пріобрѣтенное мечемъ нельзя сберечь, какъ полагалъ его сынъ Шахъ-Рухъ, спокойнымъ и ласковымъ образомъ правленія. Разставшись съ военными доблестями и утонувъ въ радостяхъ гарема и вина, Пиръ-Магометъ не успѣлъ предупредить Халиля и, не обладая казною дѣда, не могъ привлечь на свою сторону избранныхъ темниковъ и ихъ тумени. Бросивъ Кабулъ, бывшій для него Капуей, онъ быстро двинулся къ Самарканду, гдѣ однако не удалось ему и взглянуть на кокъ-ташъ. Приверженцы Халиля разбили его въ двухъ сраженіяхъ. Наконецъ его слуга, возведенный, быть можетъ, въ мгнѣту невмѣнености, въ визири, умертвилъ его съ цѣлью занять мѣсто эмира въ Кабулѣ.

Послѣдовавшіе послѣ того мятежи въ Мавераннагрѣ и вообще

въ земляхъ Тимура, обратились въ своего рода хроническое явление, что испыталъ на себѣ и Халиль, разбитый, благодаря измѣнѣ своихъ войскъ, возставшими противъ него эмирами. Неудача его была такъ велика, что онъ лишился и кокъ-таша и Шади-и-Мулькъ, отданной побѣдителями на поруганіе черни.

Такимъ образомъ, династіи тимуридовъ угрожало, вслѣдъ за смертью ея родоначальника, совершенное паденіе и при томъ съ быстротою, не часто повторявшеюся и въ средніе вѣка. Спасая династію, Шахъ-Рухъ оставилъ милый ему Иранистанъ и направился въ столицу покойнаго отца. Походъ его былъ триумфальнымъ шествіемъ, по крайней мѣрѣ народъ отшатнулся отъ мятежныхъ эмировъ и охотно отворялъ передъ нимъ безъ боя городскія ворота. Такъ поступилъ и Самаркандъ. Находившійся въ заточеніи Халиль былъ возвращенъ и обрадованъ, получивъ опять возможность сочинять газели у ногъ Шади-и-Мулькъ. Кокъ-таша, однако онъ болѣе не увидѣлъ, потому что Шахъ-Рухъ объявилъ себя наслѣдникомъ всѣхъ странъ, покоренныхъ его отцомъ. Впрочемъ, Сирія и Арабистанъ были уже утрачены безповоротно.

Погасивъ мятежи, Шахъ-Рухъ возвратился въ Иранистанъ, оставивъ намѣстникомъ въ Трансоксаніи старшаго сына своего двадцатилѣтняго молодого человѣка Улугъ-Бега. Этотъ тимуридъ оказался, въ качествѣ воина — олицетворенiemъ неспособности, такъ что узбеки, разбивая его на голову, не разъ грозили Самарканду своими дубинами. Только помощь отца и народная любовь спасали его отъ внѣшнихъ погромовъ и домашнихъ заговорщиковъ.

Правленіе Улугъ-Бега считается тѣмъ не менѣе золотымъ вѣкомъ Трансоксаніи. Не считая указанія корана о войнѣ съ невѣрными — божественными откровеніями, онъ нашелъ неизсякаемый запасъ духовной пищи въ наукахъ, искусствѣ и образованіи. Съ этой стороны, онъ дорогъ человѣчеству постройкой обсерваторіи, для которой призвалъ ученыхъ изъ многихъ извѣстныхъ тогда центровъ умственной жизни. Въ числѣ строителей находились и халдеи и израильтяне; на это любимое дѣло онъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни средствъ. За то, въ оконченномъ видѣ, обсерваторія его явилась однимъ изъ чудесъ свѣта. Ея глобусы, измѣрители и инструменты, показывавшіе движеніе и разстоянія свѣтиль поражали просвѣщенійшіе умы того времени. И не одни современники гордились дѣломъ рукъ своего повелителя; таблицы

его, указывающія положеніе неподвижныхъ звѣздъ и теченіе планетъ, служать и теперь предметомъ размышенія звѣздочетовъ.

Дѣятельность Улугъ-Бега не ограничилась областю астрономіи. Созиная мечети, медресе и монастыри, онъ не остановился и передъ устройствомъ картииной галлереи. Коранъ и саиды не одобрили это предпріятіе. Впрочемъ фанатики были удовлетворены, когда узбеки, при одномъ изъ набѣговъ на Самаркандъ, пустили въ ходъ противъ китайской эмали и художественной мозаики, всѣ известныя имъ средства разрушенія.

Смерть Шахъ-Руха вызвала и Улугъ-Бега на ненавистное ему поле битвъ. Считая себя по праву наслѣдникомъ отца, онъ поспѣшилъ въ Иранистанъ, но уже на дорогѣ онъ встрѣтился съ войсками своего племянника, успѣвшаго овладѣть Гератомъ. Племянникъ захватилъ въ плѣнъ сына его Абдуль-Латифа и угрожалъ, въ случаѣ дальнѣйшаго спора за наслѣдство, лишить его жизни. Улугъ-Бегъ, подчиняясь родительскому чувству, отступилъ отъ своихъ правъ, но эта уступка повела къ чудовищному послѣдствію.

Получивъ свободу, а съ нею и намѣстничество въ Балхѣ, Абдуль-Латифъ возсталъ противъ отца, который для усмиренія его долженъ былъ выступить во главѣ вооруженной силы. Силы его оказались слабыми и въ первой-же стычкѣ сынъ не отказался отъ удовольствія взять въ плѣнъ отца и найти раба персіянина, не задумавшаго лишить жизни знаменитаго Улугъ-Бега! Абдуль-Латифъ не долго однако возсѣдалъ на кокъ-ташѣ. Преданный покойному Улугъ-Бегу слуга отрубилъ ему голову и безпрепятственно повѣсила ее на перекладинѣ городскихъ воротъ.

Съ той поры имперія Тимура понеслась къ раздробленію на мелкія части съ стихійною силою. Къ тому-же, на тимуридовъ надвинулась какая-то манія величія и господства, такъ что самый неосмысlenный правнукъ в. человѣка считалъ за собою право хотя - бы на одну ступеньку къ кокъ-ташу. Безъ малѣйшихъ доблестей предка, каждый изъ нихъ помнилъ только, что путь жизни его былъ возвеличенъ служеніемъ исламу и благоговѣніемъ передъ кораномъ. Этотъ же путь избирали и они, съ тою разницею, что насажденные Шахъ-Рухомъ и Улугъ-Бегомъ свѣтскія науки были преданы остракизму и замѣнены догматами изувѣрства. Гератъ и Самаркандъ вошли въ непримиримое соперничество, оросившее вновь Трансоксанію потоками крови. Если въ этомъ году дрались на берегахъ р. Аму, то, въ слѣдующемъ, жатва

смерти происходила на берегахъ р. Сыръ. Внукъ Тимура сторожилъ правнука, а племянникъ дядю. Нескончаемые раздоры ихъ дали возможность окрѣпнуть туркменамъ на югъ и узбекамъ на

Артиллерія и артиллеристы.
(въ Ср. Азії, XIX-го стол.).

сѣверѣ. Не рѣдко, иранская армія, усиленная туркменами, хозяйничила на берегахъ р. Аму и пряталась въ безграничныхъ пескахъ, заслышавъ топотъ самарканскихъ войскъ, братавшихся изъ расчетовъ съ ненавистными узбеками. Сегодня Эбусаидъ казнилъ любимую жену покойнаго Шахъ-Руха, а завтра этого же Эбусаида вели на веревкѣ къ мѣсту отсѣченія головъ.

Благодаря взаимоистребленію тимуридовъ, степи сѣвернѣе р. Сыръ подпали подъ власть узбековъ, выдѣлившихся изъ орды и усилившихся населеніемъ многократно раззоренного Хорезма. Первоначально, явились оттуда отщепенцы отъ родныхъ ауловъ, а затѣмъ пришли и родовичи. Тимуриды, нуждаясь по временамъ въ ихъ помощи, не подумали отѣснить непрошенныхъ сосѣдей,

напротивъ, они приняли храбрѣйшихъ изъ нихъ въ свои багадуры и даже въ свою охранную стражу. Нѣкоторое время степной сбродъ не имѣлъ, ни хана, ни бека, ни гражданского устройства, пока не выдѣлился изъ ихъ среды своего рода счастливецъ, изрѣстный подъ именемъ Шейбани.

Человѣкъ недюжинного ума и съ большими организаторскими способностями, онъ сумѣлъ придать своимъ послѣдователямъ нѣчто цѣльное. Первоначально, онъ служилъ тимуридамъ изъ жалованья, но, отложившись отъ нихъ, объявилъ своихъ приверженцевъ независимою узбекскою ордою. Туркестанъ съ его святымъ патрономъ обратился въ столицу новой орды. Тимуриды не протестовали противъ этого своеолія. Тогда узбеки заняли по бассейну р. лучшія мѣста и между прочимъ историческій Оттаръ и Сауранъ и продолжали двигаться по направленію къ Ташкенту, къ благодатнымъ долинамъ р.р. Ангрена и Чирчика.

Тимуриды опомнились, когда узбеки появились уже возлѣ Самарканда и когда не легко было противостоять натиску ихъ боевой, образовавшейся въ степи, силѣ. Кромѣ того, Шейбани разослалъ прокламаціи ко всѣмъ народностямъ, которымъ пріятно было-бы низвергнуть тимуридовъ. Хорезмцы, составлявшіе нѣкогда ядро узбековъ, отклинулись первые на его призывъ.

Самаркандъ, обладая въ это время цитаделью, сооруженною по правиламъ инженернаго искусства, выдержалъ девятимѣсячную осаду полудикихъ степняковъ и сдался только послѣ блокады, прекратившей доступъ въ многолюдный городъ припасовъ. Отворивъ свои ворота, самаркандцы не ожидали пощады и, дѣйствительно, все, что дала ему культура, все пало подъ ударами узбековъ, не признававшихъ въ разгарѣ страстей ни роскоши фонтановъ, ни прелести поэзіи, ни очарованія на диво устроенныхъ садовъ.

Готовые задохнуться подъ натискомъ дикихъ степняковъ, самаркандцы вспомнили о пра-правнукѣ Тимура мирзѣ Баберѣ, проявлявшемъ уже не разъ военные способности. Баберъ охотно вошелъ съ ними въ тайное соглашеніе и, набравъ достаточную силу изъ багадуровъ старого времени, подступилъ къ Самарканду. Шейбани ретировался и засѣлъ въ Бухарѣ въ ожиданіи подкреплений и прилива новыхъ силъ изъ степи и изъ отлагавшихся отъ тимуридовъ провинцій.

Мирза Баберъ не выдержалъ новаго натиска узбековъ и,

потерпѣвъ, послѣ небольшого успѣха, серьезное пораженіе, принужденъ быть обратиться въ авантюриста-скитальца, которому улыбнулась возможность воспользоваться безначалемъ въ Кабулѣ и накинуться на него во главѣ немногочисленной вольницы. Кабульское предпріятіе вышло удачнымъ. Тогда онъ проникъ въ Индию, гдѣ удачи смѣнялись пораженіями, но и пораженія не мѣшиали ему объявить себя падишахомъ.

Окончательно счастливый поворотъ въ судьбѣ Бабера установился съ того времени, когда ему удалось сжечь Лагоръ и осадить Дели. Подъ стѣнами послѣдняго вольница Бабера, численностью всего въ тринадцать тысячъ человѣкъ, обратила въ бѣгство армію султана Ибрагима въ сто тысячъ всадниковъ, расположавшихъ къ тому же тысячу слоновъ. Съ этого времени, счастье не оставляло Бабера и хотя правители отдельныхъ владѣній безпрерывно возставали противъ него, но веселый, ласковый обходительный, умный и щедрый—онъ преодолѣвалъ своихъ соперниковъ и старался завязать повсюду торговья и политическія сношенія. Даже и Москва согласилась съ нимъ дружественный союзъ, такъ какъ в. кн. Василій Ивановичъ не зналъ: «кѣмъ состоить Бабури-паша въ Индійскомъ государствѣ—государемъ или только урядникомъ»?

Послѣднему изъ тимуридовъ суждено было основать династію, известную подъ имѣнемъ «Великихъ Моголовъ». Три столѣтія она владѣла лучшими странами Индіи, пока вторженіе Надира, а потомъ захваты Англіи не низвели Великихъ Моголовъ до положенія скромныхъ пенсионеровъ англійского казначейства.

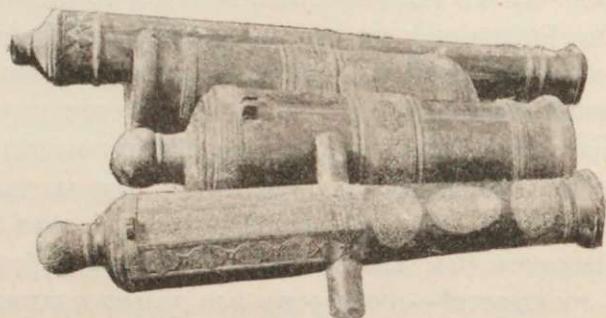
Занявъ кокъ-ташъ, Шейбани повелъ своихъ узбековъ, къ которымъ примкнули силою естественныхъ вещей и остатки разбитыхъ имъ войскъ, громить провинціи тимуридовъ. Сопротивленіе Иранистана и Кабулистана было сломано въ рѣшительныхъ битвахъ, такъ что Гератъ поднесъ шейбанидамъ крупную контрибуцію. Вскорѣ и всѣ главнѣйшіе пункты Трансоксаніи, Хорезма и Хоросана признали его власть.

Такимъ образомъ династія Тимура, просуществовавъ около столѣтія, пала навсегда, наполнивъ исторію немногими, послѣ своего родоначальника, громкими именами.

Шітамъ однако удалось организовать оборону противъ узбековъ, черезъ-чуръ уже полагавшихся на грозное имя своего предводителя и на счастливо сложившіяся обстоятельства. Въ нынѣш-

ней Туркменіи, на р. Мургабѣ, произошла рѣшительная битва между утомленною арміею узбековъ и значительными силами Ирана. Шейбаниды потерпѣли полное пораженіе. Шейбани былъ убитъ, доставивъ при томъ побѣдителямъ радость увидѣть его черепъ обѣланнымъ въ золото для пиршественной чаши.

Трагическая смерть Шейбани не воспрепятствовала шейбанидамъ править кореннымъ наслѣдіемъ Тимура почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія, пока на смѣну имъ не явилась изъ обломковъ орды династія аштарханидовъ. Но появленіе и этой династіи и ея мусульманскихъ преемницъ только запечатлѣло рѣшимость исторического рока не возвращаться болѣе къ возобновленію мірового значенія Тимура и его угасшей навсегда имперіи.

Среднеазіатскія пушки.
(XIX-го стол.).

XLVI.

ДУХОВНАЯ ИЕРАРХИЯ ВЪ БОРЬБѢ РОССИИ СЪ ЧИНГИСИДАМИ.

(XIII—XV стол.).

ктивная дѣятельность Тимура, по отношенію къ Россіи, ограничилась походомъ, предпринятымъ имъ послѣ вторичнаго пораженія Тохтамыша и оставшемся безъ результата. Тѣмъ не менѣе, косвенное значеніе Тимура въ историческомъ развитіи Россіи чрезвычайно велико. Ослабленіе З. орды ускорило собираніе земли рус., выступавшей медленно, съ тяжелыми усилиями и нравственными пожертвованіями на путь сопротивленій приволжскому царству исламитянъ и его улусамъ. Медленность эта объясняется, отчасти, кромѣ кн. неурядицы и моральнымъ значеніемъ рус. духовенства того времени, имѣвшаго несчастье пользоваться золотоордынскими милостями. При переходѣ изъ язычества въ исламъ, ордынцы сохранили монгольскую политику наружнаго доброжелательства къ рус. духовенству, чѣмъ, разумѣется, еще болѣе усилили существовавшую и безъ того, въ средѣ духовныхъ пастырей, деморализацию.

Нестроеніе въ этой средѣ обнимало въ ту пору всѣ ступени іерархіи, не исключая епископовъ и даже митрополитовъ. Россія видѣла—по крайней мѣрѣ въ періодѣ до ослабленія З. орды—и соперниковъ на одну и ту же каѳедру, и исповѣдника жидовской ереси, и не малое число грековъ, поставленныхъ патріархами «по мздѣ», а не по личному ихъ достоинству. Если таковъ былъ составъ іерарховъ церкви, то легко понять изъ какихъ

убогихъ элементовъ группировалась тогда среда ближайшихъ духовныхъ наставниковъ народа.

Къ счастію, на этомъ мрачномъ фонѣ, выдѣлились такія свѣтила церкви и подвижники распространенія и укрѣпленія христіанства, какъ митрополиты Петръ, Алексій, Іона и такие крупные дѣятели, какъ Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Діонисій Глухинскій и наконецъ, еще въ борбѣ съ монголами, почтенный старецъ Вассіанъ. Разумѣется и второстепенные дѣятели служили опорою христіанства, но все таки, въ борбѣ съ чингисидами, только немногіе духовные мужи и витіи проявили свою силу и то исключительно въ критическихъ случаяхъ. Въ жизни же обыденной, духовенство ограничивалось посыпкою по адресу золотоординцевъ эпитетовъ, въ родѣ «треклятыхъ и безбожныхъ агарянъ».

Причиною этого крупного недостатка энергіи служило крайне неустойчивое положеніе духовенства, создавшееся подъ тройнымъ давлениемъ: мѣстнаго кн., греческаго патріарха и хана З. орды. Неблаговоленіе одной изъ этихъ сторонъ парализовало расположение другой и бѣлый клобукъ, надѣтый въ Царь-градѣ, не обезпечивалъ еще отъ тюрьмы въ Кіевѣ или во Владимірѣ. Каждой сторонѣ хотѣлось располагать духовною іерархіею, какъ орудіемъ своей личной политики, поэтому кн. и патріархи, никогда не упускали изъ виду политическія склонности своихъ ставленниковъ.—«Священные и божественные каноны повелѣваютъ архіереямъ приходить сюда дважды въ годъ»,—писалъ патріархъ митрополиту Алексію,—«потомъ, нѣкоторые изъ святыхъ архіереевъ приняли за правило, по отдаленности мѣста и по болѣзни, приходить только однажды въ годъ... Приходи и ты, когда найдешь удобнымъ; въ противномъ случаѣ—пиши, присылай и проси, въ чемъ нуждаешься: о церковныхъ потребностяхъ, о политическихъ дѣлахъ и обо всемъ, о чемъ хочешь знать. Пиши сперва о своемъ, а потомъ обо всемъ здѣшнемъ, какія здѣсь бываются дѣла церковные, политическія и царскія...» Словомъ патріархъ стремился располагать изъ Царь-града рус. митрополіею не менѣе властно, какъ и кн. и сидѣвшій въ Сараѣ чингисидъ.

Князья, а въ вольныхъ городахъ замѣнявшее ихъ вѣче, участвовали непосредственно въ избраніи кандидатовъ въ епископы. Кн. предлагалъ въ этомъ случаѣ своимъ подданнымъ: «поискать себѣ такого мужа въ попѣхъ-ли, въ игуменѣхъ-ли, въ чернѣцѣхъ-ли». Избранный кандидатъ долженъ быть побывать у митрополита за

рукоположениемъ. Иногда, впрочемъ, митрополиты присыпали своихъ ставленниковъ, но, при нежеланіи принять ихъ, кн. отвѣчали: «не избраша сего людіе земли нашей»—и ставленникъ оставался не у дѣль.

Избрание митрополита сопровождалось болѣе сложнымъ процессомъ, въ которомъ принимали живое участіе патріархъ и окружавшій его дворъ. Послѣдній, по склонности своей къ взяточничеству, выставлялъ нерѣдко на одну и ту же каѳедру одновременно двухъ и даже трехъ митрополитовъ, какъ напримѣръ Кипріана, Пимена и Діонисія. При томъ же, Кипріанъ былъ назначенъ еще при жизни митрополита Алексія, при которомъ явился и никому не вѣдомый въ Россіи митрополитъ Романъ. Этотъ незнакомецъ потребовалъ также присылки церковной дани, которая понадобилась ему для расплаты съ патріархатомъ. Вообще, патріархъ Филофей не стѣснялся поставлять Россіи митрополитовъ болѣе, чѣмъ ей было нужно. Въ свою очередь и в. кн. Дмитрій Іоанновичъ не затруднился устраниТЬ Кипріана, терпѣливо выжидавшаго смерти Алексія и противопоставить ему простаго священника Митяя.

Митяй поступилъ въ свою очередь довольно рѣшительно: онъ самолично надѣль бѣлый клобукъ и только, когда противъ этого самовластія возроптали епископы, отправился въ Царь-градъ за инвестицію. Отправляясь туда, онъ выпросилъ у благоволившаго къ нему в. кн. бланкъ хартіи: «дай ми хартію не написану, за своею печатью, на запасъ; еже ми будетъ надобѣ, то напишу на ней». Вместо Царь-града онъ попалъ въ З. орду, гдѣ успѣль заручиться ярлыкомъ, именовавшимъ его архимандритомъ.

По дорогѣ изъ Сарай въ Царь-градъ, Митяй умеръ, чѣмъ воспользовалась его свита и избрала въ митрополиты одного изъ своихъ товарищѣй—Пимена. Этотъ не стѣснился написать на бланкѣ, данномъ Митяю, какъ бы отъ в. кн. къ патріарху: «избрахъ на Русь сего Пимена и паче того иного не обрѣтохомъ». Патріархъ объявилъ Пимена митрополитомъ. Но в. кн. встрѣтилъ его какъ наглаго обманщица и по возвращеніи его въ Россію сорвалъ съ него бѣлый клобукъ. Митрополія перешла къ терпѣливому Кипріану. Не долго впрочемъ и Кипріанъ правиль митрополіей; ему было поставлено въ вину равнодушіе, съ какимъ онъ отнесся къ разоренію Москвы ордынцами. Въ наказаніе за это равнодушіе, в. кн. предложилъ ему оставить митрополію, которую и вручилъ

недавно оскорбленному Пимену. Но Пименъ вновь не удовлетворилъ в. кн., который послалъ въ Царь-градъ за инвеститурою новаго избранника Діонисія. Послѣдній при возвращеніи въ Москву былъ арестованъ по наущенію проживавшаго въ Кіевѣ Кипріана и умеръ подъ арестомъ.....

При в. кн. Василіі Димитріевичѣ, Кипріанъ снова явился во главѣ митрополіи. Послѣ его смерти, патріархъ прислали грека Фотія, противъ которого возстало южно-русское духовенство, избравшее въ свои митрополиты Григорія. Послѣдній, участвуй въ соединеніи греческой церкви съ латинскою, подвергнулся за то проклятію въ московскихъ соборахъ. По смерти Фотія, митрополія лишилась главы надолго, а когда в. кн. избралъ епископа рязанскаго Іону—патріархъ отказалъ въ инвеститурѣ и прислали своего ставленника Исидора. Послѣдній явилъ себя прымымъ измѣнникомъ православію. Побывавъ на флорентинскомъ соборѣ, онъ возвратился въ Россію уже легатомъ отъ ребра апостольскаго.

В. кн. посадилъ его подъ стражу.

Такое печальное состояніе митрополіи, въ связи съ невѣжествомъ низшей іерархіи, беззаботно сплетавшей во едино свѣтлые завѣты христіанства съ дикими проявленіями суевѣрія, накопило множество вопросовъ, которыми пришлось заняться—по разрушениіи уже З. орды—Стоглавому собору. Но явившіеся на соборъ отцы церкви впали въ новыя погрѣшности «по простотѣ и невѣжеству», какъ выразился повторный въ Москвѣ соборъ, и внесли въ народную жизнь такія постановленія, какъ о небритіи бороды и усовъ и двуперстномъ знаменіи. Впрочемъ, брадобрейный вопросъ былъ разрѣшенъ еще при владычествѣ монголовъ, въ угоду которымъ русские бояре разстались съ природнымъ украшеніемъ, а потомъ возвратили его, чтобы вновь утратить подъ бритвою уже Петра Великаго.

Этотъ низкій уровень нравственныхъ и умственныхъ силъ іерархіи, могъ только веселить сидѣвшихъ въ Сараѣ чингисидовъ. Послѣдніе сочли для себя выгоднымъ не вмѣшиваться въ избраніе и назначеніе рус. іерарховъ и только требовали, чтобы они являлись къ нимъ въ Сараѣ свидѣтельствовать о признаніи своего васильного положенія. Признаніе это чингисиды награждали ярлыками, которые менѣе всего могли способствовать возрожденію или обновленію—съ христіанской точки зрѣнія—рус. духовенства. Изъ ста восьмидесяти монастырей монгольской эпохи, всѣ первоклассные, числомъ до пятидесяти, пользовались ярлычными правами.

Подъ названиемъ ярлыка исходила каждая бумага отъ имени хана, удостовѣренная его именною тамгою. Во второстепенныхъ случаяхъ, не касавшихся общаго государственного механизма орды, ярлыки исходили отъ влиятельныхъ ханскихъ женъ.

Чингисиды прибѣгали, до принятія мусульманства и тюркскихъ обычаевъ, къ уйгурской грамотѣ, совершенно неизвѣстной тогда рус. востоковѣдамъ. Послѣдніе сознавались, что иныхъ документовъ они «не возможохомъ перевести, зане неудобопознаваемою рѣчью писаны быша». Дѣло перевода пошло бойчѣе, когда Узбекъ «предался вѣрѣ срачинской» и перемѣнилъ своихъ монгольскихъ секретарей на знатоковъ арабскихъ письменъ.

«Вѣра срачинская» не освобождается—и по корану и по шариату—духовенство иныхъ исповѣданій отъ даней и пошлинъ. Ханы же З. орды и по принятіи мусульманства не облагали рус. іерарховъ, монастыри, церкви и клиръ сборами въ свою пользу. Разумѣется, они поступали такъ не изъ уваженія къ служителямъ другихъ религіозныхъ исповѣданій, а единственно изъ стремленія замыкать духовныя уста, которыя, по самому ихъ назначению, должны были воспитывать и даже поднимать народныя массы противъ иенавистныхъ притѣснителей.

Предоставляя рус. духовенству широкія льготы, ханы раздавали ихъ, въ видѣ особыхъ милостей, за которыми іерархи церкви должны были лично являться въ орду. Извѣстны впрочемъ случаи, когда ярлыки были доставляемы ордынскими чиновниками. Значеніе ордынскихъ милостей имѣло особую цѣну и потому еще, что монастыри и церкви не располагали въ ту пору избыткомъ благъ земныхъ.—«Овогда-же не достояще вина, имже обѣдня служити и фиміяна, имже кадити, овогда-же воску, имже свѣщи скати».—Свѣчи приходилось замѣнять по нуждѣ березовыми лучинами; такова была бѣдность монастырскихъ кассъ. На помошь имъ выступали нерѣдко кн. «своего ради спасенія» или «на память преставившимся» или «за въ здоровіе пребывающими въ житіи», но они жаловали преимущественно пустощи, не приносившія никакого дохода. И только наиболѣе прилежные къ церкви и наиболѣе заботливые о своемъ спасеніи, жаловали села, рыбныя ловли и другія доходныя статьи.

Въ ордѣ, послѣ поклоновъ вельможамъ и взятокъ ханскимъ канцелярямъ, іерархи получали, быть можетъ при торжественной обстановкѣ, изъ рукъ хановъ ярлыки. Къ величайшему сожалѣнію,

нѣть возможности сличить эти ярлыки съ ярлыками, данными кн. на отчіи и дѣдичіи столы. Гдѣ-же ярлыки на княженіе? Почему ни одинъ изъ нихъ не проявился ни въ подлинникѣ, ни въ спискѣ? Разумѣется они были слишкомъ дороги владѣльцамъ для того, чтобы хранить ихъ въ писцовыkhъ коробахъ и сундукахъ. Кромѣ того, неизбѣжное въ нихъ указаніе на подданничество и дани дѣлали ихъ крайне непріятными документами. Можно утверждать поэтому, что кн. припрятывали ихъ въ укромныхъ мѣстахъ, въ потаенныхъ ларчикахъ, а потомъ Москва, скучая маленькие удѣлы и разоряя большіе, собрала ихъ и уничтожила, какъ патенты, утратившіе значеніе.

На пропитаніе историковъ, время сохранило только семь золотоордынскихъ ярлыковъ Менгу-Тимура, Узбека, Берди-Бека, Атиоляка и щедрой на ярлыки жены Джани-Бека Тайдулы, данные представителямъ рус. духовенства. Между ярлыками хановъ и Тайдулы замѣтна существенная разница. Первые исходили во имя «Бессмертнаго Бога силою», «Бессмертнаго Бога силою и величества» и «Вышняго и Бессмертнаго Бога силою и величества и милостію его многою»; вторые же титуловались значительно скромнѣе: «Тайдулино слово» и «по Зенибекову ярлыку Тайдулино слово». Первые и по величавости и по властной рѣчи служили грамотами на широчайшія льготы, а Тайдула, благодаря русскаго іерарха за ея исцѣленіе, какъ бы передавала только приказанія мужа или дополняла его великія милости.

Ярлыкъ Узбека на льготы Петру митрополиту представляется образцомъ слова старшаго къ младшимъ. Усвояя величественный тонъ передъ вассалами, секретари Узбека подыскали въ его администраціи: «князей великихъ, среднихъ и низкихъ, сильныхъ воеводъ и вельможъ, удѣльныхъ князей, славныхъ дарогъ книжниковъ, уставодержальниковъ, учителей, повѣстниковъ, собирателей и баскаковъ, пословъ и гонцовъ»... Самое-же слово было адресовано всѣмъ жителямъ улусовъ, гдѣ только оно могло быть услышано.

Возможно, что рус. переводчики пріукрашивали, въ цѣляхъ уже внутренней политики, содержаніе ярлыковъ, но, оставляя въ сторонѣ витіеватость ихъ слога, все таки ясно, что ханъ запрещалъ довольно строго обижать соборную церковь, митрополита Петра и его людей. Митрополиту онъ предоставилъ судить—безъ вмѣшательства кн. и чиновниковъ хана—

своихъ людей и разбирать ихъ тяжбы. Вельможамъ ханства и служилымъ его людямъ, онъ воспретилъ вступать въ церковные и митрополичьи села, борти, лѣса, ограды, мельницы, зимовища и во всякия иные стяжанія. Обычай допускали изъ этой льготы изъятіе только въ пользу свободной охоты хана и его людей. Баскакамъ, таможникамъ, данщикамъ и поборщикамъ также воспрещалось обижать архимандритовъ и причты. Никто изъ нихъ не имѣлъ права требовать отъ монастырей и клира ни поплужнаго, ни почтоваго, ни мытнаго, ни мостового сборовъ.—«А мы Божія бережемъ и даннаго Богу не взимаемъ», оповѣщалъ ханъ въ своей охранной грамотѣ,—«а кто взимаетъ Божія... будеть казненъ смертною казнью; за то видя и иные въ боязни будуть». Церкви, монастыри и часовни и самая вѣра были неприкосновенны: «Кто учнетъ вѣру хулiti или осуждати и тотъ человѣкъ не извинится ни чѣмъ же и умретъ злую смертію.»—Въ воздаяніе этихъ льготъ, Узбекъ поручалъ духовенству молиться за него, за его женъ, дѣтей и за все его племя «правымъ сердцемъ и правою мыслю». Ярлыкъ заключенъ пожеланіями митрополиту пребывать безъ скорби и печали.

Ханъ свидѣтельствовалъ въ ярлыкѣ, что онъ повторяетъ только льготы, даннага уже имъ самимъ и его предшественниками. Изъ его предшественниковъ, Менгу-Тимуръ снабдилъ ярлыкомъ безъимянно всѣхъ рус. митрополитовъ и церковныхъ людей. Достойно вниманія, что онъ упоминаетъ о грамотахъ еще Чингисъ-хана, завѣщавшаго—«чтобы есте и послѣдніе цари, по тому же пути, пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богоодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молять Бога и за наше племя, безъ печали и благословляютъ насть».—«Да не клянутъ насть» прибавилъ Менгу, заботившійся, разумѣется, чтобы даруемыя имъ льготы не пропали втуне и чтобы христіанское духовенство позаботилось, въ отплату за льготы, представительствомъ за него передъ Вседержителемъ.

Ярлыки Атюляка и Берди-Бека митрополитамъ Михаилу и Алексію ссылаются также на ранѣе дарованныя льготы и только, перечисляя ихъ, варьируютъ добавленіями. Въ ярлыкѣ Атюляка явственно сказывается характеръ инвеституры.—«И онъ, митрополитъ Михаиль—какъ сядетъ на своемъ столѣ, молить Бога за насть и за наше племя въ родъ и родъ и молитву воздастъ». За это ханъ повелѣлъ: «не надобъ ему, ни его людямъ...

попамъ и черицамъ... ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запрость, ни дары... ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни выѣздное, ни мимоходное»...

Берди-Бекъ, удостовѣривъ, что онъ не «изыначиваетъ» прежніе ярлыки, объявилъ, что будетъ казнить злому смертью каждого, кто дерзнетъ занимать церкви постоеемъ или рушить ихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, митрополитъ или поповскій чинъ должны были возмоловить: «есте пожалованы церковнымъ домомъ, землемъ и водамъ, огородомъ и виноградомъ».

Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются ярлыки жены Джани-Бека Тайдулы, питавшей къ христіанскому духовенству высокое уваженіе. Страдая долгое время болѣзнью глазъ, она устранила своихъ придворныхъ знахарей и положилась исключительно на молитвы митрополита Алексія, пользовавшагося уваженіемъ не только патріархата и рус. духовенства, но и орды. Митрополитъ Алексій не затруднился даже отлучить отъ церкви Смоленского кн. Святослава за союзъ его съ Ольгердомъ—и патріархъ одобрилъ безусловно это отлученіе—«И наша мѣрность считаетъ тебя», писалъ патріархъ отлученному, «поступившемъ дурно. Ты получиши отъ насть прощеніе тогда только... когда попросишь у митрополита прощенія».

Тайдула видѣла сонъ, въ которомъ митрополитъ явился къ ней въ полномъ облаченіи съ сонмомъ священниковъ. Сонъ былъ на столько яснымъ, что она распорядилась даже приготовить, по видѣніемъ образцамъ все церковное облаченіе. Джани-Бекъ вызвалъ по ея просьбѣ митрополита въ орду, не забывъ пригрозить ему за ослушаніе своею немилостью. Сонъ оказался вѣщимъ. Тайдула, благодаря молитвѣ христіанина, прозрѣла и, питая къ своему избавителю благодарныя чувства, снабдила его охранною грамотою на предположенную имъ поѣздку въ Царь-градъ. Ярлыкъ этотъ можно считать своего рода подорожной, въ которой царица обращалась къ темнымъ и къ тысячнымъ князьямъ... и ко всѣмъ приказникамъ, чтобы они, если случится Алексію митрополиту пойти къ Царь-граду «не замали его, ни силы-бѣ надъ нимъ не учинили ни какія; или гдѣ ему случится постояти, чтобы его никто не двинулъ»... и опять таки въ вознагражденіе за то, что онъ творить молитву за Джани-Бека и за его дѣтей.

Вообще Тайдула, пользовавшаяся въ ордѣ высокимъ положе-

иємъ, охотно награждала ярлыками іерарховъ. На имя митрополита Ионы «Тайдулино слово» было таково: «гдѣ Иона молебникъ за насть молится... и иныя церковные молебницы.. не емлють у нихъ ничего, за неже они молитву за насть творятъ Богу».—Того же свойства поученіе Тайдула проявила и въ ярлыкѣ митрополиту Феогносту.—«А земли его, и воды, ни огородовъ, ни мельницъ и что нибудь церковное кто ни будетъ нашихъ—не занимаются».

За получкой ярлыковъ побывали въ ордѣ митрополиты Максимъ, Петръ, Феогностъ и Алексій и епископы Кирилъ, Игнатій, Тарасій.

Ярлыки служили духовенству охраною не только противъ ордынскихъ сборщиковъ податей и всякой мимоходкой и момощей вольницы, но и противъ своихъ же властолюбцевъ и корыстниковъ.—«Кто наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ и гибъ на себя отъ него пріемлетъ, а отъ насть казнь ему будетъ смертная.»—Угроза эта относилась одинаково и къ ордынцамъ и къ христіанамъ, которые вздумали бы нарушить дарованная ханомъ вольности.

Разумѣется, значеніе слова «старшаго къ младшему» измѣнялось по времени и обстоятельствамъ; такъ, ярлыки, крѣпкие въ рус. предѣлахъ, не охраняли въ ордѣ отъ взятокъ и подарковъ. Митрополитъ Феогностъ, на котораго впрочемъ и новгородцы жаловались патріарху за чрезмѣрное вымогательство даней, былъ обвиненъ передъ ханомъ въ томъ, что, собирая много дани съ духовенства, обходитъ ханску казну безъ всякаго вниманія. Это обвиненіе обошлось въ шестьсотъ рублей, розданныхъ митрополитомъ во взятки, благодаря которымъ онъ не остался безъ ярлыка.

Обидная для христіанского чувства сторона ярлыковъ заключалась въ ихъ значеніи грамотъ ставленническаго характера.—«Слезы мя одержать», говоритъ по этому поводу современникъ, «понеже убо милость получи святая соборная апостольская церковь... отъ невѣрныхъ и поганыхъ агарянскихъ дѣтей!»—Отсюда вытекало то прискорбное положеніе, при которомъ іерархамъ церкви приходилось, въ одно и то-же время, молиться о здравіи и спасеніи агарянскихъ дѣтей и служить панихиды по тысячамъ убіенныхъ этими дѣтьми православныхъ христіанъ. Извиненіемъ этой двойственности служило опасеніе за то, что орда, встрѣтивъ сопротивленіе духовенства, могла-бы поступить и въ мирное время,

какъ поступала въ военное, т. е. истреблять не только людей, но и ихъ храмы и монастыри. Монгольская книга запретовъ отживала свое время, а замѣнившая се книга пророка разнесла повсюду, изъ знайной Аравіи, жажду къ порабощенію не признающихъ ислама, народовъ.

Говоря о чингисидахъ и ярлыкахъ, нельзя миновать ярлыки, которые были выдаваемы ханами природнымъ подданнымъ, заслуживавшимъ особаго почета и вольностей. Еще Чингисъ-ханъ установилъ сословіе тархановъ-вельможъ свободныхъ отъ податей. Ярлыкъ крымскаго чингисида Саадеть-Гирея можетъ служить нѣкоторымъ образцомъ тарханныхъ грамотъ. Молодое, по времени самостоятельности, крымское ханство не могло не покичиться титуломъ и обширностью своей администраціи. Слово хана шло какъ бы изъ В. улуса, что указывало на желаніе крымцевъ узурпировать главенство З. орды.—«Великаго улуса, праваго крыла, лѣваго крыла, тьмой, тысячу... угланамъ и бекамъ... ларугамъ... законовѣдцамъ».—Словомъ, приказаніе адресовалось на имя цѣлыхъ десятковъ властей и наконецъ—«многому народу».—«Пусть они будутъ вольными тарханами!» объявили Саадеть Гирей какого-то заслуженнаго человѣка и его семью.—«Да не требуютъ и не берутъ съ нихъ оброкъ, называемый ясакъ, да не хватаютъ для гоньбы подводъ, лошадей изъ подъ подводы, овецъ и ягнятъ, да не Ѣдятъ кормовъ ихъ»... Вообще ярлыкъ освобождалъ счастливца отъ подушного сбора, отъ рабства, отъ постоя и всякихъ обидъ и притѣсненій. Но и тутъ ханъ обязывалъ тархана, какъ и христіанско духовенство, обильно возсылать утромъ, и вечеромъ молитвы за него и за весь его родъ. Отъ службы-же хану ярлыкъ не освобождалъ и даже угрожалъ нѣтчику лишениемъ тарханныхъ льготъ.

Данныя ханами льготы рус. духовенству несомнѣнно сдерживали послѣднее отъ возбужденія національныхъ чувствъ противъ пришельцевъ. По крайней мѣрѣ, нѣть и слѣдовъ о воззваніяхъ противъ агарянъ въ теченіи всего первого блистательнаго периода существованія орлы. Напротивъ, считая ихъ потихоньку и бесерменами и злоязычниками и нечестивцами, духовенство вело себя съ чрезмѣрно скромностью. По раззореніи Кіева, митрополія перешла во Владиміръ. Патріархъ благословилъ этотъ переходъ съ тѣмъ, чтобы Кіевъ оставался всетаки первою каѳедрою, а Владиміръ второю. Не успѣла впрочемъ митрополія оставить разва-

лины Киева, какъ въ немъ проявился самозванный митрополитъ Феодоритъ, не нашедшій однако въ патріархатѣ поддержки.

Духовная Монголія XIX-го столѣтія.

Богдо-гегенъ.

Настоятель монастыря.

Воплощепное божество.

Ученый наставникъ.

Киевъ на время умалился и примолкъ, такъ что кн. не въ силахъ былъ возобновить силу и значеніе столицы своихъ предковъ. Владимирская каѳедра тоже безмолствовала противъ ордынского гнета. Только съ переходомъ въ Москву, митрополія начала страживать съ себя кошмаръ, наведенный первоначально кровавыми расправами, а потомъ ханскими щедротами. Къ сожалѣнію, смуты въ іерархіи и взяточничество патріархата повели къ расчлененію единой митрополіи на три: Московскую, Киевскую и Литовскую, а впослѣдствіи на восточно-рус. и западно-рус. Это разъединеніе служило такимъ же тормазомъ къ освобожденію Россіи отъ монгольской опеки, какъ и междуусобія удельныхъ кн. и ссоры ихъ съ Москвою.

Можно думать, что хожденіе іерарховъ въ орду прекратилось

ранѣе того, какъ в. кн. отказался отъ ярлыка Тохтамыша. По крайней мѣрѣ, съ этой эпохи восточно-рус. духовныя силы какъ будто воспрянули, такъ что имъ не приходилось уже двинуть свои души и помыслы передъ Сердцевѣдцемъ.

Преподобный Сергій первый благословилъ открыто в. кн. Димитрія Іоанновича и его воеводъ на войну противъ правившаго ордою темника Мамая. Войска выступили тогда изъ Москвы при громогласномъ и общемъ напутствіи духовенства. Даље и коломенскій епископъ Герасимъ вышелъ на встрѣчу войскамъ, съ испрошеніемъ у Господа дарованія имъ побѣды. Кроме того, на берегахъ р. Дона в. кн. получилъ ободрительное посланіе Сергія, призывавшаго христіанъ къ битвѣ за свободу Россіи.

Не мало употребилъ и митрополить Іона усилий, чтобы сплотить удѣльныхъ кн. ради борьбы съ ордою. Онъ разсыпалъ по-всюду грамоты съ призывомъ къ единенію и къ помощи в. кн. Онъ-же просилъ и тверскаго епископа Исаю, чтобы этотъ:— «Тверскому кн. Борису Александровичу говорилъ и бывъ челомъ и докучалъ твердо, чтобы кн. Борисъ къ в. кн. своимъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ татаръ съ своими со многими людьми». Епископы должны были уже возсылать моленія, чтобы Богъ даровалъ в. кн. «дерзость великую и помочь на поганыхъ».

Митрополитъ Геронтій напомнилъ в. кн. Іоанну Васильевичу, нерѣшительно собиравшему войска противъ наступавшаго врага, что онъ не наемникъ, а прямой оберегатель государства. На берегахъ р. Угры цѣлый соборъ духовенства вновь обратился съ представленіемъ къ кн., чтобы онъ отложилъ страхъ и противостоялъ врагу. В. кн. продолжалъ медлить даже, когда Ростовскій архіепископъ Вассіанъ обѣщалъ, что «ангелы сидутъ съ небесъ и, что Господь пошлетъ отъ Сиона жезль силы».... Вообще, побуждая кн. броситься на татаръ, Вассіанъ, не смотря на свои преклонные годы, явился достойнѣйшимъ изъ духовныхъ учителей. Любовь къ родинѣ и идея христіанства придали ему и жгучее краснорѣчие и презрѣніе къ ненависти, какую онъ могъ вызвать не только со стороны ордынцевъ, но и въ свитѣ окружавшихъ кн. вельможъ.—«Не слушай твоихъ развратниковъ, хотяющихъ твою честь въ безчестье и твою славу въ безславіе приложить» увѣщевалъ онъ кн., а предвидя, что послѣдній будетъ оправдываться присягою, данною на вѣрность хану, онъ разрѣшилъ его отъ присяги, какъ отъ дѣла подневольного, вынужденного, а потому и не

обязательного для совѣсти.—«Когда клятва по нуждѣ бываетъ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея и прощать, и мы прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ тебя—не какъ на царя, но какъ на разбойника и хищника и богоборца».... Величественное посланіе Вассіана говоритъ о томъ, что ханскіе ярлыки и льготы встрѣчали порою—узы, не часто,—въ кругу іерарховъ крѣпкихъ духомъ противниковъ.

Но видно, страхъ передъ ордынцами былъ еще такъ великъ, что и посланіе Вассіана не остановило кн. отъ побѣга съ береговъ р. Угры.

Исторія считаетъ это историческое бѣгство за первоначальный моментъ освобожденія Россіи отъ татаро-монгольского ига. Такого момента въ дѣйствительности никогда не существовало, потому что освобожденіе приближалось путемъ сїединенія разнородныхъ обстоятельствъ и, прежде всего, подчиненія удѣльныхъ интересовъ единодержавной Москвѣ.

Вообще же, значеніе духовенства въ разгорѣвшейся борьбѣ Россіи съ чингисидами было не велико. Несколько краснорѣчию посланій и воззваній способствовали несомнѣнно частнымъ успѣхамъ рус. силы, но ни монастыри, ни церкви не прилагали выдающихся заботъ къ устраниенію ордынской опеки. Есть основаніе утверждать, что ханскіе ярлыки вполнѣ достигали цѣлей татарской политики: они, вмѣстѣ съ кн. дарами и вкладами опасливыхъ богачей, вывели и черноризцевъ и бѣлое духовенство изъ нищенства и повели ихъ по дорогѣ, далеко уклонившейся отъ христіанскихъ завѣтovъ.

Монастыри, особенно въ періодъ наступившаго ослабленія чингисидовъ, начали возникать буквально десятками, съ строгими отшельническими уставами, которые однако не помѣшали многимъ нежелательнымъ явленіямъ. Основатели монастырей и подвижники, оставившіе на память о себѣ и добрую славу и тяжелыя вериги, хранили и «ризу спасенія и шлемъ нeliцепріятія чистыми и не порочными», но не малое число братій состояло изъ простыхъ бродягъ, скитавшихся изъ монастыря въ монастырь съ вопросомъ, гдѣ лучше жить? Не съ того ли времени ведется и поговорка: «дожила голова до чернаго клубука», приписываемая обычно опустившемуся человѣку при поступлении его въ монастырскую братію? Даже въ самой Москвѣ, на глазахъ митрополіи, состояніе духовенства было, по признанію высокого-ученаго архіепископа-

историка, крайне печально.—«Многіе поступали во священники потому только, что не хотѣли работать своими руками.... Другіе, особенно вдовы священники и діаконы, вели зазорную и соблазнительную жизнь». Митрополитъ Феодосій рѣшился наконецъ «пуждою навести ихъ на Божій путь». Но его усилия возбудили въ духовенствѣ такой ропотъ, что на его голову посыпалась проклятія и онъ, чувствуя полное безсиліе свое исправить распустившуюся іерархію, удалился для подвижничества въ Чудовъ монастырь.

Распущенность эта длилась впрочемъ многіе годы и по сверженіи золотоординской опеки. Такъ «Государь царь и в. кн. Иванъ Васильевичъ свелъ съ Новагорода архіепископа Феодосія и поставилъ на Великій Новгородъ архіепископомъ Сергѣевскаго игумена Серапіона».—«Серапіонъ отставилъ священниковъ и діаконовъ, что патрахиль держали, а велѣль тѣмъ священникамъ и діаконамъ въ крылосѣ стояти»....

Не смотря на это разложеніе нравовъ духовенства, крѣпкій въ вѣрѣ народъ подвигалъ нечувствительно свою землю къ освобожденію изъ власти агарянскихъ дѣтей. Для борьбы съ ними, землѣ рус. предстояло еще собраться въ одно политическое тѣло, чemu и положиль начало первый собиратель земли рус. в. кн. Иоаннъ Даниловичъ, прозванный Калитою.

XLVII.

СОБИРАНИЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

(1328—1480 г.г.).

равственные основы, расшатанные въ средѣ высшихъ чиновъ іерархіи и невѣжество клира способствовали во многомъ къ удержанію рус. земли въ слѣпомъ повиновеніи З. ордѣ. Тому-же помогали раздоры кн. и разъединеніе ихъ ратной силы. Наконецъ и вся Русь того времени дѣлилась на сѣверную—воинственную—половину и южную—болѣе культурную, нежели приспособленную къ кровопролитію. Совокупность этихъ условій предоставила ордѣ возможность занять положеніе, угрожавшее ни одной Россіи, но и Западной Европѣ. Къ счастью, совершившееся въ теченіе долгаго періода, хотя и не безъ кровавыхъ жертвъ, объединеніе удѣльныхъ кн. подъ длинною и цѣпкою рукою Москвы, остановило этотъ ростъ орды и пресѣкло ея губительное на христіанство и культуру давленіе.

Объединенію удѣловъ препятствовали, цѣлые вѣка, личные интересы кн., умножившихся до того, что младшимъ отраслямъ не доставало помѣстій на безбѣдный прокормъ. Еще Ярославъ I

заповѣдалъ нераздѣльность рода, но не отчины, между тѣмъ безпрерывное дробленіе послѣдней привело къ насилиямъ и захватамъ, обратившимся въ обычное явленіе. Татаро-монгольское нашествіе не улучшило духовную связь между князьями, напротивъ, при этой непрошенней опекѣ, рознь дошла между многими изъ нихъ до полнаго забвенія родства, интересовъ отчизны и даже завѣтовъ христіанства. Особою страстью отличалась погоня за велико-княжескимъ столомъ. Она довела дѣтей и внуковъ Ярослава Тверскаго и Александра Невскаго до обращенія за помощью къ ордынцамъ. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что призывъ ордынцевъ на помощь, хотя бы даже и противъ Литвы, никогда не встрѣчалъ сочувствія въ степенныхъ представителяхъ народа.—«Не добра душа бояръ нашихъ» брюзжали старики, интересовавшіеся болѣе христіанскою вѣрою, нежели боярскою политикою.—«Зачѣмъ они приводятъ къ себѣ татаръ? или они забыли какія бѣды приключались встарину Чернигову и Кіеву, при призывѣ половцевъ однимъ кн. противъ другого?».

Пользуясь боярскими раздорами З. орда открыла своего рода торговлю ярлыками на княженіе. Нерѣдко ханы выхватывали обратно данные ими ярлыки и снабжали ими конкурентовъ, предлагавшихъ болѣе щедрую «алафу». Бывали случаи, когда в. кн., возвращаясь изъ Сарай съ грамотою, потаенно припрятанною, попадалъ въ засаду, устроенную соперникомъ и неожиданно лишался добытаго съ немалыми издержками лестнаго ордынского ставленичества....

Только съ воспоминѣемъ на велико-княженіе Иоанна Даниловича наступило для сѣверной Россіи затишье—впрочемъ, со стороны орды, а не въ средѣ кн. и княжествъ. Со стороны орды наступила: «тишина велика на сорокъ лѣтъ и престаша поганыи воевати русскую землю и закалати христіанъ и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великія истомы».—Тому помогъ практическій умъ в. кн., хорошо изучившаго силу и значеніе туго набитаго кошелька. Тяготясь неудобствами содержанія арміи писчиковъ, счетчиковъ, мытниковъ, побережниковъ и таможниковъ, орда отдавала дань на откупъ; откупщиками являлись по преимуществу узбеки, сильно обсчитывавшіе и народъ и ханскую казну. Ордѣ приходилось охранять ихъ вооруженною силою отъ взрывовъ народнаго негодованія, проявлявшагося перѣдко съ стихійною жестокостью. Ростовъ, Владимиръ, Сузdalъ, Ярославль—всегда покорные данники—безпо-

щадно истребляли откупщиковъ, когда эти переходили обычныя границы корыстолюбія. Но возстававшіе города наводнялись тотчасъ-же туменями орды и платились имуществомъ и семьями. Отыскивая выходъ изъ этого положенія, орда обрадовалась предложению в. кн. передать ему одному сборъ всего «выходного» и держать его одного въ отвѣтѣ за всѣ сѣверныя кн. Такое рѣшеніе оказывалось выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. В. кн. явился исправнѣйшимъ плательщикомъ, а рус. города и села избавились отъ несносныхъ писчиковъ, данщиковъ и ихъ собратій. Въ Россіи остался только главный баскакъ, завѣдывавшій скорѣе дипломатическою частью, нежели фискомъ и неизбѣжными съ нимъ прижимками.

Доставшаяся в. кн. Іоанну Даниловичу по наслѣдству отъ кн. Данилы «калита» сослужила Россіи большую службу. Она достойна даже подробнаго описанія: «сафьянъ ея былъ червленъ, по ней шито серебромъ волоченнымъ птицы и звѣри; у калиты-жъ на закрышкѣ личинка золота, прорѣзная, а съ исподи плащъ рѣзной».—Впрочемъ, изъ нея получала мзду только нищая братія, но она служила эмблемою свойствъ самого кн., котораго не удавалось обсчитывать и новгородцамъ. Они вздумали было прислать меньше, чѣмъ слѣдовало выходного, но онъ не согласился съ ихъ расчетомъ и отвѣтилъ послу: «аще дайте ми запрось царевъ, чего запрошаль у мене».—Новгородцы возронтали: «того де изъ начала не бывало, а цѣловаль еси, господине крестъ къ Нову-Городу по старой пошлини новгородской, по грамотамъ прадѣда своего в. кн. Ярослава Володимировича».—В. кн. не убѣдился этимъ доводомъ и въ свое время наверсталь новгородскіе долги.

Великокняжеская калита, какъ эмблема фискальной силы, притягивала къ себѣ выходцевъ изъ другихъ областей и не только дружиинниковъ, но и бояръ съ громкими именами, успѣвшими заручиться на бранномъ полѣ честью и славою. Одинъ Родіонъ Нестеровичъ привель въ Москву тысячу дружиинниковъ и семьсотъ княжатъ и боярскихъ дѣтей. Выходецъ съ юга Россіи, онъ открылъ путь и другимъ выходцамъ, старавшимся только миновать Тверь, которая долго не могла помириться съ быстро возраставшимъ могуществомъ Москвы.

Могущество Москвы особенно подвинулось впередъ, когда митрополитъ Петръ перенесъ митрополію въ ея стѣны.—«Инымъ-же княземъ многимъ»—замѣтилъ по этому поводу лѣтописецъ—«не много сладости бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше».—

При томъ-же, Москвѣ посчастливилось видѣть у себя такихъ митрополитовъ, какъ Петръ, Алексій, онъ-же и московскій бояринъ Плещеевъ,—и Іона. Въ ту пору святители стояли нерѣдко въ народномъ сознаніи впереди в. кн., хотя бы потому, что патріархъ поставлялъ первоначально одного митрополита на всю Русь, тогда какъ кн. было множество.

Не легка была служба в. кн. Московскаго, принявшаго на себя миссію собиранія рус. земли. Ему приходилось лавировать между ордою и удѣльными кн., видѣвшими въ немъ посягателя на ихъ отчины. При томъ же, орда требовала денегъ и денегъ. Не разъ и не два онъ отправлялъ въ Сарай своихъ сыновей, ради засвидѣтельствованія его вѣрности и преданности хану. Польщенный ханъ отпускалъ ихъ домой «съ пожалованіемъ и съ любовью». Но это подневольное ухаживаніе менѣе смущало душу в. кн., нежели необходимость ходить, иногда вмѣстѣ съ ордынцами, противъ своихъ-же кн. и разорять христіанскія земли огнемъ и мечемъ.

Въ болѣе важныхъ случаяхъ, в. кн. не лѣнился и самъ ѿздѣтъ въ орду, гдѣ одаривалъ ханскихъ женъ, властныхъ людей и всякаго протягивавшаго къ его калитѣ руку. При каждомъ его возвращеніи изъ орды, нужно было ожидать какой нибудь крупной новости, поэтому на встрѣчу ему выходили не только москвики, но и подосланные люди изъ Твери, Новгорода и другихъ сѣверныхъ кн.

Не безъинтересно взглянуть хотябы на возвращеніе его изъ шестого путешествія въ орду, гдѣ онъ, то выходною данью, то подарками, освѣжалъ у ханскихъ вельможъ добрую о себѣ память. Ранѣе другихъ, его встрѣтили туны, но впереди всѣхъ ихъ—полонянникъ Столбуша. За два noctлега отъ Москвы, его привѣтствовали бояре съ отроками, а въ воротахъ младшее духовенство съ кадилами и святою водою. Въ церквяхъ шель перезвонъ, въ которомъ участвовали колокольни недостроенныхъ еще въ ту пору храмовъ Успенского и Архангельского.

Митрополитъ-же Феогностъ готовился выйти на соборную паперть Іоанна Лѣстничника, мимо которой шла дорога въ «кремникъ».

Передъ заходомъ солнца, ясно обозначилась по дорогѣ, прозванной «Болвайскою», группа всадниковъ: изъ в. кн. двухъ его сыновей Симеона и Иоанна, близкихъ бояръ и дружинниковъ. По мѣрѣ движенія, кортежъ быстро увеличивался людьми разнаго чина

и особенно голытьбою, взглядывавшею съ нѣкоторымъ уныніемъ на висѣвшую у княжескаго пояса пустую калиту.

Приблизившись къ своему столичному городу, в. кн. взглянуль не безъ чувства самодовольствія на новую дубовую городскую стѣну. На нее онъ затратилъ не мало закамскаго серебра, скрытаго отъ завистливыхъ ордынскихъ глазъ. Не менышая радость освѣтила его и при видѣ Успенскаго храма, еще не увѣнчаннаго куполами, но уже хранившаго останки первого московскаго митрополита св. Петра, придавшаго Москвѣ духовное главенство надъ соперниками. Приложившись ко кресту и получивъ на паперти благословеніе митрополита, в. кн. прослѣдовалъ далѣе, сказавъ ожидавшему его духовенству, что на немъ «много наѣло татарской пыли и поэтому онъ не достоенъ войти во святой храмъ, не побывавъ прежде того, какъ слѣдуетъ добромъ христіанину, въ мыльнѣ».

Въ кремникѣ, передъ велиокняжескими хоромами, полонянникъ Столбуша первый подставилъ плечо и колѣно для подмоги. Столбуша, судя по его дубоватому складу, быль человѣкомъ не знатнаго рода, но такой испытанной вѣрности, что в. кн. не сомнѣвался оставлять подъ его ключемъ всѣ клѣти Большой Казны. Находясь въ плѣну, онъ, не смотря на свою замѣчательную силу, шелушилъ изо-дня въ день ордынское просо, изъ котораго правовѣрные выгоняли пьянную бузу. По выкупѣ-же изъ полона, онъ обратился не то въ княжаго постельничаго, не то въ казначея, готоваго распластаться у княжаго сундука.

Подставляя свое богатырское плечо, Столбуша доложилъ, что новая мыльная готова, съ липовымъ духомъ и съ паромъ изъ ячменнаго пива. Обрадовавшись скорой возможности освободиться отъ толстаго налета татарской пыли, в. кн. отпустилъ всю свиту однимъ поклономъ и, направился въ мыльную. Княжичи пошли въ женскій теремокъ. Тогда еще велиокняжескія дѣти жили на людяхъ, а не въ запретѣ и не боялись порчи отъ лихихъ бабъ. Старшій изъ княжичей Симеонъ Ioannовичъ обѣщалъ—и поступью и повадкою—оправдать прозваніе «гордаго». Оно пристало къ нему еще съ колыбели.

Мыльная превосходила все, что могъ ожидать, хотя-бы и знатный путникъ. Отъ всей ея новой утвари—кадей, шаекъ, ушатовъ, водоносныхъ изварей и березовыхъ вѣниковъ—несло свѣжестью, бальзамомъ, успокоеніемъ. На готовѣ быль и каменный кувшинъ съ янтарнымъ пивомъ.

В. кн. признался своему вѣрному слугѣ, что онъ не побывалъ въ храмѣ не столько по причинѣ татарской пыли, сколько по сильной усталости. Путь на конѣ, изо дня въ день, отъ Сарай до Москвы, былъ не малый, да кромѣ того и въ ордѣ приходилось охотничать въ угоду Узбеку и по цѣлымъ недѣлямъ не спѣзать съ коня.

Одаривъ Столбушу добрымъ словомъ, онъ направился въ крестовую, гдѣ лично затеплилъ всѣ лампады и потомъ уже отправился въ постельную.—Здѣсь, тотъ-же Столбуша покрылъ его мѣховымъ одѣяломъ и—на правахъ безсмѣннаго тѣлохранителя—скрылся въ маленькую боковушу. Постельная была не такова, какъ у кн. и царей послѣдующихъ вѣковъ, и отличалась очень скромною обстановкою. Кровать ея была на простыхъ столпахъ, безъ кровли и короны, а постельникъ изъ крашенины и уже разумѣется безъ бахромы и галуновъ. «Червчатый атласъ» былъ слишкомъ дорогъ для экономнаго кн. Вообще-же, украшеніе постельной состояло изъ одѣяла на соболѣ, позлащенного шандала и изъ картины не рус. письма: «Соломонъ, подающій златницы».

Тяжеловать былъ сонъ в. кн. Можетъ быть онъ угорѣлъ отъ сильнаго духа новой бани, а можетъ быть ордынскіе вѣдуны—«отъ нихъ это станется»—навели на него немочь. Въ тяжеломъ снѣ, онъ сильно разметался, такъ что Столбуша подумывалъ уже въ своей боковушѣ: не слишкомъ-ли неможется кн.? Не оповѣстить ли теремъ? Не позвать ли поповъ?

Утомленному человѣку мерещилось теперь многое изъ пережитого и далеко не такого отраднаго, чтобы онъ могъ забыться въ сладкой грезѣ. Въ полузыбытии и тяжелой дремѣ, его посѣтилъ Тверской кн. Александръ Михайловичъ, котораго онъ умышленно подвѣль подъ немилость Узбека. Ни время, ни молитвы не могли погасить воспоминанія объ этомъ событии, окончившемся, какъ известно тѣмъ, что орда розняла и кн. и его сына Феодора на мелкія части....

«А могъ ли кн. Александръ, блудя христіансгво и отчину, повести себя не согласно съ народною волею?»—Вопроѣ этотъ впадалъ не разъ въ умъ и сердце Иоанна Даниловича. Теперь, въ его разгоряченной головѣ, ничто не прикрашивало и не сдерживало прямизну отвѣта.—«Нѣтъ не могъ!» слышался откликъ изъ душевнаго тайника.—«Вѣдь тогда ханскій посолъ грозился сѣсть на Тверской столъ и истребить въ Твери христіанъ до грудного

младенца. Развѣ тверичи не должны были вступиться за вѣру и за кн.? Правда, они жестоко поступили съ посольствомъ и загнали его за высокій плетень, гдѣ и забросали его горящими бревнами. Узнавши объ этомъ, ханъ пообѣщалъ испепелить всю Тверь, а кн. Александру Михайловичу отрубить голову.... Правда, и то, что можно было бы посторониться въ этомъ дѣлѣ, но Узбекъ требовалъ послуги. Онъ требовалъ, чтобы московскій кн. принялъ подъ свое начало пять туменей его ордынцевъ и привель Тверь подъ его ханскую руку. Тогда кн. Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Псковъ. Тверь готова была смириться, но монголы уже разметались какъ бѣшеные волки и не давали пощады ни черносошнику, ни черноризцу, ни старухѣ безпомощной, ни монастырской крылошаникѣ. Кровь ихъ полилась безпощадно. Въ полонъ угнали тогда столько народу, что недоставало веревокъ для опутыванія. И на все это онъ, в. кн., соизволилъ и даже указывалъ, гдѣ пустить огонь, а гдѣ застигнуть спрятавшихся толстосумовъ. Тверь, Кашинъ и Торжокъ запылали со всѣми пригородами. Отъ дыма глаза не смотрѣли на Божій міръ. За это-то избѣженіе православныхъ Узбекъ наградилъ его тогда ярлыкомъ на великое княженіе!...»

Правда, онъ поступилъ такъ не ради личной корысти, а съ цѣлью поднять Москву выше Владимира, Рязани и Новгорода. Москва представлялась уже тогда не одному Ioannu Dаниловичу, а многимъ прозорливымъ умамъ—ядромъ земли рус., которое одно могло сбить рога бѣсовской гордыни. За ярлыкъ на велико-княженіе онъ побывалъ въ ордѣ съ алафой изъ рублей, мѣховъ и поясовъ кованнаго золота. Узбекъ принялъ его милостиво, жена его также не отказалась отъ соболей, а темники похвалили и уздечки и пояса. Ханъ однако потребовалъ доставки въ Сарай самого кн. Тверского.

Ioannu Dаниловичу пришлось, по возвращеніи изъ орды, искать Александра Михайловича, бѣжавшаго на этотъ разъ въ Литву. Оправившаяся Тверь вновь увидѣла у себя в. кн. Московскаго, но уже не съ монголами, а съ митрополитомъ—греческимъ ставленникомъ, который не остановился и передъ проклятиемъ, наложеннымъ имъ на христіанскаго кн. за нежеланіе его идти добровольно на ордынскую плаху. Даже теперь, во снѣ, это проклятие бередило душу Ioanna Dаниловича. Тяжелое это было дѣло. Ни въ какой мыльнѣ его не смоешь....

Дальше было не лучше. Тверь вовсе отказывалась давать вы-

ходное, а Новгородъ прислалъ всего пятьсотъ рублей, тогда какъ этихъ рублей требовалось тысячи, безъ которыхъ баскаки распустили бы вновь своихъ скуластыхъ писчиковъ и данщиковъ, по всему сѣверу Россіи. Новгородцы, торгуя чуть-ли не со всѣмъ свѣтомъ, богатѣли, не желая однако дѣлиться закамскими серебромъ съ в. кн. Псковъ тоже не расплачивался. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, Ioannу Даниловичу приходилосьѣздить въ орду съ жалобами на непокорныхъ кн. Жалобы эти не оставались безъ тяжелыхъ послѣдствій: ханъ требовалъ строптивыхъ къ себѣ на расправу, которая оканчивалась нерѣдко пролитiemъ крови....

Теперь онъ побывалъ въ Сараѣ съ цѣлью показать хану сыновей, какъ будущихъ вѣрныхъ слугъ его милости и укрѣпить на всякий случай велико-княженіе за Симеономъ. Узбекъ принялъ его благосклонно и даже не требовалъ, чтобы онъ пилъ вмѣстѣ съ нимъ кобылье молоко. Московскій столь онъ разрѣшилъ передать по смерти Симеону Ioannовичу съ надбавкою только выходной дани.

Всѣ эти картины и воспоминанія переплетались теперь въ встревоженномъ мозгу усталаго человѣка жестокими укоризнами и только къ утру онъ уснуль спокойнымъ, здоровымъ спомъ. Солнце вастало его въ постель. День призвалъ его къ заботамъ о дѣлахъ московскаго правленія. Ему предстояло осмотрѣть казну, обойти новыя постройки, роздать милостыню, побесѣдовать съ митрополитомъ, а можетъ быть и съ собакою-баскакомъ. Интересно было также узнать, не продаеть-ли какой нибудь захудалый кн. обнищавшую волость или самый городъ, что не было уже рѣдкостью. По крайней мѣрѣ, Галичъ, Бѣлозерскъ и Угличъ были уже вотчинами Московскаго кн., прикупившаго ихъ за дешевую цѣну. Москва рублями цѣну знала!

Помолившись въ крестовой, Ioannъ Даниловичъ приказалъ Столбушѣ вести его въ подвалъ, гдѣ хранилась Большая Казна. То было строеніе изъ крѣпкаго дуба, наглухо покрытое толстымъ слоемъ дерна. Въ этой клѣти, у исправнаго хозяина, содержался строгій порядокъ. Кромѣ казны, здѣсь-же хранилась въ ларцѣ—съ узорчатымъ теремкомъ и громкимъ звономъ—душевная грамота, содержавшая послѣднюю волю кн. Обычно, отѣзжая въ орду, онъ оставлялъ духовную, такъ какъ по ордынскимъ порядкамъ никто не могъ предвидѣть, возвратится ли домой съ милостью или останется тамъ безъ головы. Не располагая наслѣдственною

властью, онъ могъ завѣщать только принадлежавшіе ему лично города и села, умолчав о велиокняжескомъ достояніи, которымъ распоряжался Золотоордынскій ханъ. Душевная грамота поименовывала подробно, что должно было отойти княгинѣ съ менышими дѣтьми, безъ поименования ихъ, и что старшимъ сыновьямъ и дочери Фетиньѣ. Грамота обязывала наслѣдниковъ уравнивать удѣлы, если татары отнимутъ у когонибудь изъ нихъ волость или село. Даѣтѣ, перечислялось въ грамотѣ кому и какая предназначена «чепь», ковшъ или блюдо, кому шуба съ наплечками, низанными жемчугомъ, а кому портище съ бармами. Симеону, какъ старшему, завѣщалось быть главнымъ защитникомъ менышихъ братьевъ и княгини съ дочерью.

Все было цѣло, все на мѣстѣ.

Главная, впрочемъ, казна состояла изъ запаса выходной дани. Въ рундуки съ нею хранились и счеты: сколько шло главному баскаку и сколько на подарки въ ордѣ, а также сколько должны были присыпать Владимиръ, Рязань, Псковъ, Тверь и Новгородъ.—По правдѣ говоря, они посыпали больше, чѣмъ требовалось для расплаты съ ордою, но Москвѣ нужны были деньги и на расходы по поѣздкамъ въ Сарай и на взятки ордынцамъ и, наконецъ, на прикупъ городовъ и волостей.

Иоаннъ Даниловичъ остался видимо доволенъ полнотою своего казнохранилища, которое теперь было пополнено привезеннымъ изъ Сарая подаркомъ Узбека. То была своего рода корона, известная и теперь подъ названіемъ «шапки Мономаха». Она, какъ можно думать, досталась золотоордынцу въ видѣ подарка отъ халифа Багдадского.

Выбравъ изъ утвари новый поясъ — взамѣнъ дружески снятаго съ него въ ордѣ,—онъ наполнилъ свою калиту мелочью, для обычной раздачи голытьѣ и юродивымъ и уже готовился выйти, чтобы побывать на достройкѣ храмовъ, какъ ему доложили о приходѣ главнаго баскака. Послѣдній только что перебѣхалъ, изъ опустѣвшаго и терявшаго стольный характеръ Владимира, на постоянное житѣе въ Москву. Давъ знакъ Столбушѣ запереть казну, чтобы татарское око не успѣло вскинуться на соблазнительные рундучки, онъ возвратился въ хоромы, гдѣ встрѣтилъ въ передней сѣни дорогого гостя. Въ передней сѣни онъ не всегда встрѣчалъ и митрополита, но у Москвы руки были еще не такъ длинны и крѣпки, чтобы обходитьсь попросту съ баскакомъ.

Размѣнявшись любезностями, при чёмъ толмачилъ все тотъ-же Столбуша, в. кн. и его гость повели немедленно счеты о выходномъ. Баскакъ показалъ таблички, указывавшія, что за Коломну недоплачено столько-то рублей, а за Торжокъ столько-то, но и в. кн. не хуже его помнилъ всѣ невыплаты и наддачи. Въ «дефтеряхъ» онъ сразу указалъ на ошибки, пропуски и припомнилъ сколько и когда уплачено не только серебромъ и золотомъ, но и липовымъ медомъ и собольими шкурками. Пока они спорили, Столбуша принесъ на подушкѣ алаfu, въ видѣ златокованнаго кушака и тяжелой чепи, съ увѣсистою гривенкою. Такой подарокъ годился бы и самому Узбеку, поэтому ордынецъ не разъ и не два погладилъ бороду, прежде чѣмъ оставить велико-княжеские хоромы.

Но Ioannу Dаниловичу все таки не пришлось выйти на обозрѣніе Москвы. Дежурные отроки дали знать, что къ нему жалуетъ митрополитъ съ черноризцами и со крестами отъ Успенія. Узнавъ, что в. князь не оправился отъ дороги, митрополитъ пришелъ помолиться о его здравіи. Встрѣтивъ владыку въ первыхъ сѣняхъ и принялъ благословеніе, Ioannъ Dаниловичъ ввелъ его подъ руку въ крестовую, гдѣ и выслушалъ краткій молебень о благополучномъ возвращеніи изъ орды.

Во внутреннихъ же хоромахъ, безъ свидѣтелей и даже безъ Столбушки, в. кн. перемѣнилъ обращеніе съ митрополитомъ и обошелся съ нимъ довольно суро. Онъ упрекнулъ святителя за изданное имъ посланіе: «Ко всѣмъ христіанамъ о даяніи церковной помощи». Изъ этого посланія выходило, что кн. не грѣхъ обойти пошлиною и нести бы ее только въ монастыри, да казначею митрополичьего двора.—«Чѣмъ же платить выходное?» печаловался Ioannъ Dаниловичъ.—«Въ ордѣ не ждутъ и если я не заплачу во время, то темники наведутъ на Русь силу не совсѣтимую! Этого ли хочешь Владыко?»—Митрополитъ со своей стороны жаловался, что и ему обошлась не дешево побывка въ ордѣ. Но в. кн. зналъ, что святитель заплатилъ въ ордѣ всего шестьсотъ рублей—сумму, по его владычнымъ достаткамъ, совсѣмъ небольшую. Феогность замѣтилъ тогда, что онъ готовится идти въ Царыградъ, а туда непускаютъ и святителей съ пустыми руками. Чѣмъ далѣе шло объясненіе, тѣмъ оно дѣжалось непріятнѣе. В. кн. замѣтилъ даже, что если такъ пойдутъ дѣла, то монголы подорвутъ значеніе на Руси духовенства. Данныя ими широкія

льготы успѣли уже обозначиться дурными послѣдствіями: монастыри переполнены, но кѣмъ? тунеядцами и татями. Всѣ лѣнтия потянулись въ церковный клиръ. Половина его неграмотна и править службу Божію по наслышкѣ, какъ тѣ птицы, что разводятъ голосомъ подъ человѣческій говоръ.

Митрополитъ не могъ не признавать въ душѣ всю справедливость кн. замѣчаній и только отстаивалъ свое положеніе тѣмъ, что за свое духовенство онъ дасть отвѣтъ одному Высшему, Праведному Судіи. Посчитавшись безъ свидѣтелей, в. кн. и митрополитъ разстались, подъ наружною сѣнью, при свѣтѣ обѣихъ сторонъ, съ большими взаимными почтеніемъ. Но у одного изъ нихъ мелькнуло въ душѣ не лестное прозвище: «грекъ!» а у другого, тоже не особенно нѣжкое—«калита!»

Проводивъ митрополита, в. кн. остался подкрѣпиться силами. День былъ постный. Въ такие дни подавалась въ его столовую простая юда: рѣдька, квасъ, толокно, коноплянное масло....

Послѣ завтрака Иоаннъ Даниловичъ вышелъ полюбоваться Москвою, ради которой онъ принялъ уже не мало грѣховъ на душу. Давно уже онъ не одѣялъ своими достатками нищую братію, почему толпы юродивыхъ, калѣкъ и голытьбы встрѣтили его теперь у самыхъ дворцовыхъ воротъ. Опустошивъ калиту, онъ тронулся пѣшкомъ обозрѣвать Москву. Впереди его пошли было земскіе ярышки подметать улицы, но онъ устранилъ ихъ, давая понять, что на этотъ разъ онъ идетъ какъ хозяинъ Москвы, а не какъ в. кн. «всеа Руси».

Теперь онъ выгляделъ бодрѣе нежели вчера, на «Болваньей дорогѣ». Крашеный равнушный кожанъ, свидѣтельствовавшій въ ордѣ о его малыхъ достаткахъ, былъ замѣненъ байберековымъ кафтаномъ съ кляпышами и петлицами для застежки. Поверхъ кафтана красовалось корзно съ богатою запоною на плечѣ.

В. кн. намѣревался посвятить этотъ день осмотру новой, вокругъ Москвы, дубовой стѣны, которую потомъ уже замѣнили болѣе надежною и нарядною—изъ бѣлаго камня. Осматривая стѣну, онъ повидаль и ордынскія подворья: Арбатецъ на Крутицахъ, Болвановку за Москвою р., Болвановку за Яузой, Таганку, слободу толмачей и Ярлычій дворъ. Рус. кн. было не особенно лестно проѣхаться по Болвановкѣ, на которой останавливались ордынскіе послы, привозившіе изъ орды «басму лица ханова». Здѣсь послы вычитывали, стоя на собольемъ мѣху,

ханскіе ярлыки, а кн. слушали ихъ, преклонивъ колѣна. Басма считалась въ ту пору за болвана, хотя, въ дѣйствительности, это былъ отпечатокъ или оттискъ руки или ступни хана на восковой доскѣ. Въ народѣ говорили даже, что кн. подносили басмѣ чашу кобыльяго молока. Впрочемъ, подъ басмою можно считать и ярлыкъ съ печатью, выставленный для общаго обозрѣнія, въ видѣ патента на инвеституру кн.

Изъ обхода стѣны в. кн. возвратился только къ обѣденному времени. Обѣдненный столъ его также не отличался излишней роскошью. Послѣ обѣда же, онъ направился въ постельную, слѣдя въ этомъ случаѣ обычаю отъ временъ Мономаха: «спанье отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человѣкъ».—Послѣобѣденный сонъ окончательно возстановилъ его силы, такъ что, понѣживаясь еще подъ одѣяломъ, онъ призвалъ къ себѣ Столбушу и повелъ съ нимъ разговоры по душѣ: не продается-ли какая волость подъ Рязанью? Не перебить-ли у новгородцевъ торговлю за Камою? Крѣпка-ли по народному слуху дружба съ Тверью?

Одинъ только вопросъ таился и отъ Столбушки въ душевномъ тайнѣкѣ в. кн. это—разрастется-ли Москва до того, чтобы оттеснить орду за каменный поясъ и за Синее море? По этому вопросу онъ опасался говорить даже съ наследникомъ своимъ Симеономъ Иоанновичемъ, потому что у баскака были повсюду послухи—передатчики.

Сила укоренившихся удѣльныхъ порядковъ была однако такъ сильна, что и первый собиратель рус. земли не избѣгнулъ отдачи, еще при своей жизни, городовъ и областей въ кормленіе сыновьямъ. Мало того и самую Москву онъ раздѣлилъ на три части, которые и переходили потомъ къ его потомству на вотчинномъ правѣ. Въ каждой трети столичного города имѣлись свои мытныя избы, конскія площади и судебні. Пошлины за судъ и расправу и за торгъ шли въ пользу каждого вотчинника отдельно. По духовному же завѣщанію, онъ выдѣлилъ старшему сыну Симеону и княгинѣ съ младшими сыновьями по двадцати шести городовъ и селеній, а сыновьямъ Ивану и Андрею по двадцати и, такимъ образомъ, Московское кн., собранное съ такимъ трудомъ, перешло къ новому дробленію. Къ счастью для единодержавія Москвы, многіе изъ потомковъ Иоанна Даниловича умерли бездѣтными.

Послѣ его смерти немедленно возобновился споръ за в. кн.,

поэтому кн. Тверской и Суздальский встрѣтились въ Сараѣ съ Симеономъ Иоанновичемъ, которому отцовская калита оказала большую услугу. Его щедрая алафа привела къ тому, что Узбекъ утвердилъ за нимъ в. кн., не стѣсняясь никакими доводами его соперниковъ. На зависть послѣднимъ, Симеонъ Иоанновичъ наименовалъ себя, по возвращеніи изъ орды, в. кн. «всеа Русіи».

Видимый ростъ Москвы и ея успѣхи поселяли большую тревогу и въ Новгородѣ и въ Псковѣ и въ Твери. Новгородъ не прочь былъ даже сговориться съ Псковомъ для общаго противостоянія Москвѣ, но измѣнилъ этому намѣренію—и притихъ, чтобы не утратить остатки своихъ вольностей. Волненія и заботы къ удержанію независимыхъ столовъ продолжались и потомъ еще многіе годы и даже послѣ Димитрія Константиновича, при которомъ Московское в. кн. вошло уже въ колею наслѣдственного права. Наконецъ Куликовская битва придала Москвѣ обаяніе главы, готовой постоять за Русь не одною практическою сметкою, но и умѣніемъ сосредоточить всю рус. силу и распорядиться ею въ общегосударственныхъ интересахъ.

Такой нравственный и государственный обликъ Москвы окончательно проявился при в. кн. Иоанѣ III Васильевичѣ, который повелъ политику Собирателя Россіи на широкихъ и прочныхъ началахъ. Велико-княженіе онъ принялъ при существованіи пяти главныхъ удѣловъ сѣверо-восточной Россіи: Московскаго государства съ помѣстными княжествами — Дмитревскимъ, Углицкимъ, Волоцкимъ, Вологодскимъ, Ростовскимъ и Ярославскимъ, в. кн. Тверского и Рязанскаго, кн. Псковскаго и вольнолюбиваго Новгорода. Послѣдній имѣлъ основаніе опасаться совершеннай утраты своего вѣче. Ради сохраненія послѣдняго, онъ готовъ былъ даже передаться на сторону Польскаго короля. Намѣреніе это побудило митрополита Филиппа послать емуувѣщательную грамоту.—«Слыши, оповѣщаю онъ новгородцевъ, что у васъ многіе стремятся къ мятежу и расколу.... но вы тѣхъ лихихъ людей всчионите отъ злого ихъ начинанія, памятуя.... что вы поручены Богомъ подъ крѣпкую руку Великаго князя.... вашего отчика и дѣдича.... смиритесь и Богъ мира да будетъ съ вами».—Послѣ этой грамоты минуло ровно десять лѣтъ и—новгородскаго вѣче не стало! Отдаваясь въ цѣпкія руки Москвы, Новгородъ умолялъ только не посыпать къ нему податныхъ сборщиковъ и просилъ вѣрить новгородской

чести, ручавшейся за исправность въ податяхъ и повинностяхъ. Новгородскую клятвенную грамоту утвердили печатями Владыко и всѣ пять городскихъ концовъ.

Вообще Иоаннъ III занялся собираниемъ земли рус. необыкновенно удачно. Если и не вѣрить, что онъ растопталъ ханскую басму, то всетаки онъ обошелся безъ ярлыка на престолонаслѣдіе. Подручные кн. очтились въ тискахъ предпримчиваго государя. Удѣлы ихъ исчезали какими-то невидимками и отходили къ Москвѣ: одни—за деньги, другіе—по духовнымъ завѣщаніямъ бездѣтныхъ кн., а треты—изъ страха испытать тяжелую руку в. кн.

Но какъ ни важенъ былъ для Москвы Новгородъ, все же в. кн. Тверское было крупнейшою помѣхой для ея единодержавія. Окруженное со всѣхъ сторонъ московскими областями, оно признало наконецъ, что борьба дѣлается невозможна. Въ видѣ послѣдней попытки, Михаилъ Тверской вступилъ было въ тайный союзъ съ Литвою, но этотъ шагъ побудилъ только Московскаго кн. повести лично свои дружины противъ Твери. Дружины его были уже снажены и тюфяками и пищалями. Тверь не выдержала и первого пожара, пущеннаго по ея окраинамъ и, въ лицѣ своихъ бояръ, явилась на поклонъ въ станъ в. князя. Бояре-же и отворили ему городскія ворота.—«Взя градъ Тверь»,—записалъ поэту поводу лѣтописецъ,—«и все в. княжество Тверское в. кн. Московскій Иванъ Васильевичъ подъ в. кн. Михаиломъ Борисовичемъ Тверскимъ израдою своихъ ему бояръ».

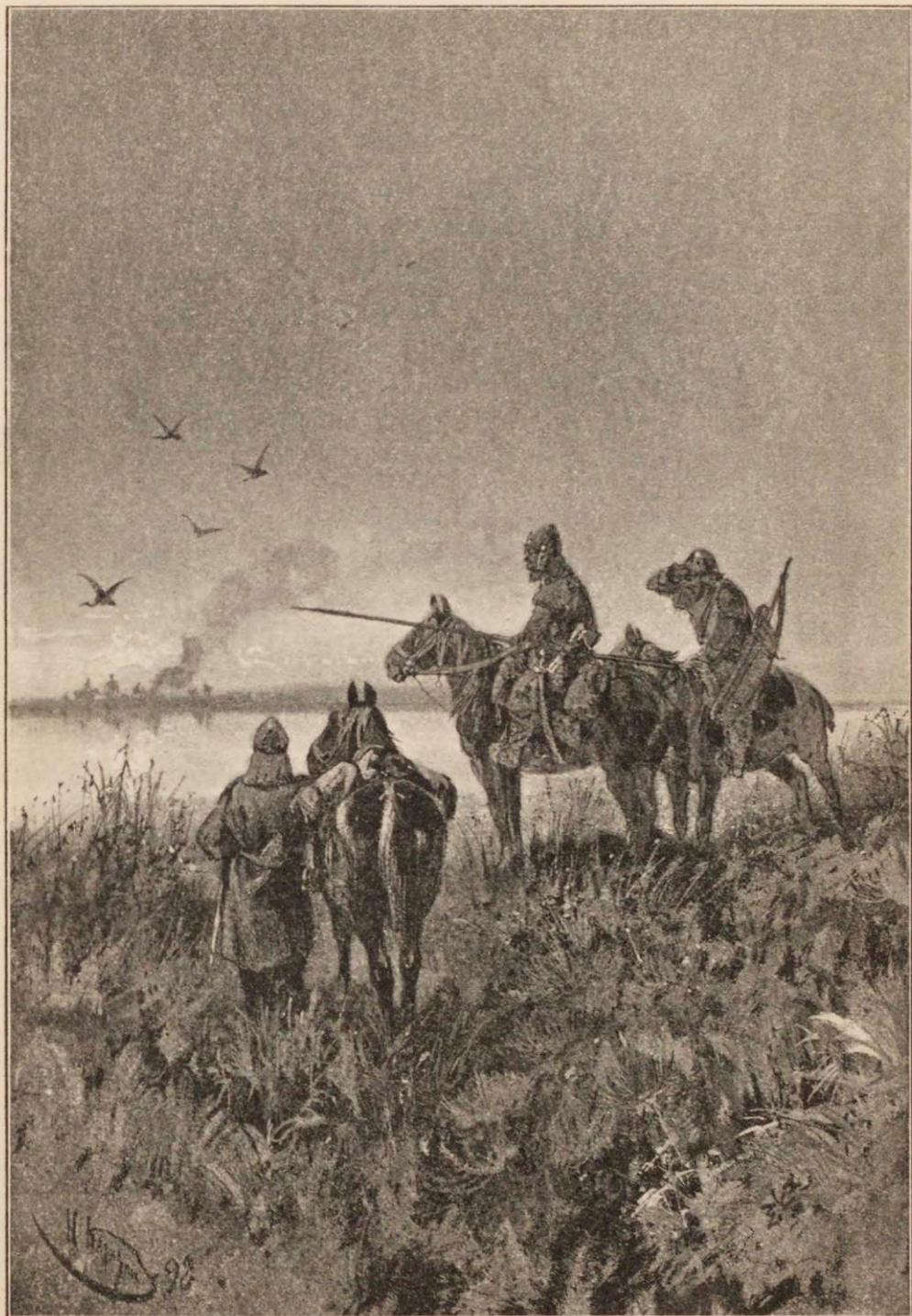
Псковъ также снялъ свой вѣчевой колоколъ и попрощался съ независимымъ столомъ.—«Прилетѣлъ на тебя орель много крылый»—плакался лѣтописецъ по поводу уведенныхъ въ Москву трехсотъ семействъ въ видѣ заложниковъ, — «и вырвалъ изъ гнѣздъ твоихъ красоту, богатство и гражданъ» ...

Изъ восточныхъ областей — Рязань, пропускавшая нерѣдко золотоордынцевъ въ московскіе предѣлы, присоединилась послѣднею къ Московскому кн. Присоединеніе это было не изъ добровольныхъ: юноша Иоаннъ Рязанскій задумалъ поверхводить и заключить тайный союзъ съ Крымомъ, но эта авантюра окончилась присоединенiemъ его удѣла къ Москвѣ.

Москва окружилась. Правда, ей предстояли еще многія разоренія и долгіе счеты съ отпрысками З. орды—царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, съ Крымскимъ ханствомъ и Ногай-

Двѣ волны

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

НА СТОРОЖЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

скою ордою — но всетаки баскаки не смѣли уже показываться въ ея предѣлахъ. Прекратился и выпускъ монеты съ именами ордынскихъ хановъ. Брюхатые сребролюбцы прибили подковы къ порогамъ своихъ лавокъ, какъ символическое попраніе луны, отягощавшей торговлю поборами. За одно уже, заважничали и московскіе франты и соорудили себѣ сапоги, у которыхъ были:

«Шиломъ пяты, носы востры
«Подъ пяту—пяту воробей пролетитъ....»

Съ другой стороны, платежные силы собиравшейся Россіи были еще крайне худощавы. Нерѣдко, для уплаты дани, кн. входили въ долги, которые носили специальное название «бесерменскихъ долговъ». Звенигородскій кн. Юрій Дмитріевичъ уговорился со своимъ племянникомъ, чтобы онъ снялъ съ него долгъ въ шестьсотъ рублей, занятыхъ у суконниковъ для уплаты ордынцамъ.

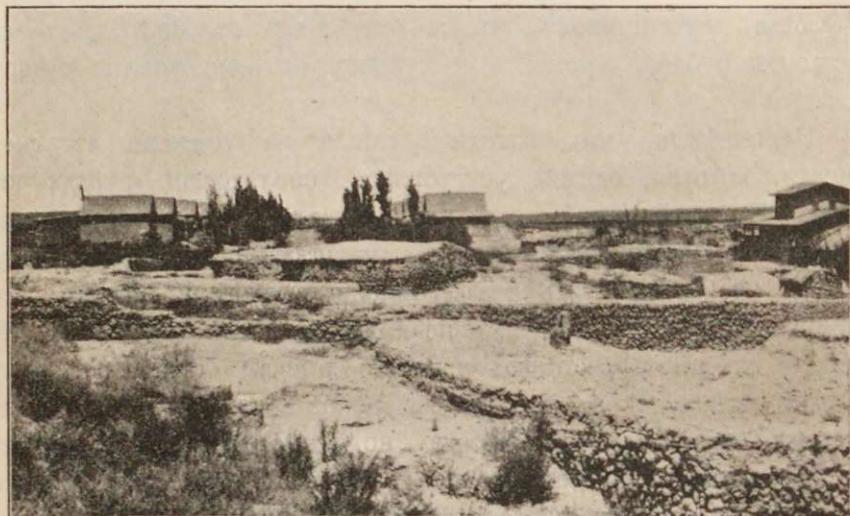
Несомнѣнно, что выходное вліяло на усиленіе податной тѣкести, которая, однако, усугубилась впослѣдствіи и ради кн. нуждъ. По крайней мѣрѣ, въ кн. собирали дань и тогда, когда не было на нее запроса изъ орды, или когда они были достаточно сильны, чтобы оставлять безъ вниманія требованія хановъ. Въ подобныхъ случаяхъ, податные излишки шли въ велиокняжескую кассу, благоденствіе которой помогало Москвѣ обращаться безъ особыхъ стѣсненій съ кн. третьей руки. Прямая подать дошла наконецъ до рубля съ двухъ сохъ, но и этого рубля недоставало по временамъ для поддержанія велиокняжескаго достоинства, не допускавшаго, чтобы ордынскій вельможа затмевалъ кн.—конемъ, поясомъ или кречетомъ.

Въ эпоху ордынского надзора, Россія несла уже сложную податную систему. Ея торговые, судные и земельные налоги обратились въ основные оклады, за которыми выдвинулись мытные, крайне излюбленные тогдашними финансистами, выбиравшими съ воза—деньгу и столько же заповѣди, съ лады—два алтына, со струга—алтынъ. За тамгу требовали алтынъ съ рубля.

Чѣмъ болѣе разрастались взятки ордынскимъ вельможамъ и чѣмъ пышнѣ становился велиокняжеский дворъ, тѣмъ быстрѣе росли налоги на населеніе «по силѣ его животовъ и промысловъ». Одно перечисленіе ихъ представляеть довольно занимательную роспись. Въ ней вспоминаются: гостинное, вѣчное, пудовое,

рѣзанка, шестьдесятъ, побережное, пятно, сторожевое, медовое, рыбное, закосъ, поватажное, портное. Судныя пошлины разбились на татинъ рубль, пересудъ, вину и поличное. Отъ налога не ушли даже и новожены, платившіе новоженную куницу, напоминавшую татарскую пошлину—«никохъ».

Никакая однако податная тяжесть не въ силахъ была омрачить радужное настроеніе народа, отстоявшаго независимость свою отъ З. орды. Правда и впереди предстояли еще несносныя выходки такихъ сосѣдей какъ Казань, Астрахань и Крымъ, но и этимъ оставалось только ожидать очереди для борьбы съ объединенною Россіею и обращенія въ ея обще-государственную границу.

Русскій поселокъ.
(Въ Среднеазіатской степи).

XLVIII.

КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО.

(1487—1552 гг.).

лижайшимъ къ Россіи изъ отложившихся оть З. орды царствъ было Казанское. Оно возникло, разрослось и обратилось въ крупный центръ мусульманства изъ ничтожнаго поселка, отысканного по приказу царя Саина. — «Посла царь Сайнъ по мѣстомъ проходя, поискавъ и обрѣтъ мѣсто на Волзѣ рѣцѣ, на самой украинѣ Русскія земли, на сей странѣ Камы рѣки». — Подъ именемъ царя Саина не встрѣчается ни одного хана въ спискахъ чингисидовъ, поэтому возможно видѣть въ Сайнѣ только титулъ Батыя или одного изъ его ближайшихъ потомковъ. Найденное на булгарской землѣ мѣсто представляло котловину, которая придала Сайному юрту название Казани. Изобильное кормами и водою оно было и «пчелисто и пажисто» и вообще представляло всѣ удобства, въ которыхъ нуждался золотоордынецъ.

Сайному юртъ быль необходимъ ордѣ по многимъ причинамъ и, прежде всего, для наблюденія за кн. Рязанскимъ, Владимирскимъ и Московскимъ. Юрту предстояла служба опорного

базиса, на случай внезапного нападения, какъ бы притаившейся за дремучими лѣсами и топями, русской силы. Здѣсь же пришлось устроить ямъ для подставы лошадей баскакамъ, данщикамъ, писчикамъ, прохожимъ и проѣзжимъ посламъ, суетливо бѣгавшимъ, въ интересахъ орды, между Сараемъ и русскими столыми городами. Отсюда могъ распространяться также надзоръ надъ чувашами, черемисами, мещерью, мордою и башкирами и вообще надъ людьми переметнаго характера, населявшими горный берегъ р. Волги. Общій кругозоръ Казани, какъ выяснилось въ эпоху ея расцвѣта, могъ распространяться на западъ—до Нижнаго-Новгорода, на сѣверъ—до земель Вятской и Пермской и на югъ—до бывшихъ половецкихъ предѣловъ. Кроме того, ордѣ, никогда не любившей военныхъ операций на водѣ, следовало озабочиться устройствомъ оплата противъ рѣчныхъ пиратовъ—новгородскихъ ушикайниковъ, къ которымъ охотно присоединялась всякая прибрежная вольница, безнаказанно посѣщавшая золотоордынскія прирѣчныя земли. Въ минуты опасности, они искусно прятались въ береговыя пещеры и плавни, такъ что преслѣдованіе ихъ было безполезною тратою труда и времени.

Такое выгодное положеніе юрта обратило его вскорѣ въ выселокъ орды, куда направились всѣ, такъ называемые, шонеры, рыскающіе на окраинахъ за прибыльною наживою. Въ этомъ отношеніи ордынцы могли разсчитывать на пушнину, которую изобиловали приволжскія земли. За шонерами потянулись вообще чингисиды, не разсчитывавшіе получить въ Сараѣ видныя должности, но считавшіе за собою право кормиться безъ труда и заботъ—концомъ копья или туюю тетивою и перистыми стрѣлами.

Первые десятки лѣтъ протекли, со временемъ основанія Саинова юрта, въ мирной обстановкѣ, такъ какъ русскіе князья не смѣли и думать о демонстраціи противъ порубежнаго этапа орды. Тишина эта была нарушена впервые, когда в. кн. Василій Дмитревичъ задумалъ показать ордѣ свое неудовольствіе за ея нападеніе на Нижній-Новгородъ. Считая Булгарію виновицею нападенія, онъ вторгнулся въ ея предѣлы, какъ въ страну совершенно независимую отъ Саира. Казань перенесла молча эту обиду; очевидно, она была еще въ ту пору ничтожною и малосильною окраиной орды.

Самая орда, впрочемъ, уже задумывала напасти Москвѣ

такой-же сильный ударъ, какой она нанесла Литвѣ на берегахъ р. Ворсклы. Для этого нападенія пригодился хитроумный монгольскій Уліссы-Эдигей. Обладая военными и дипломатическими способностями, онъ служилъ одинаково усердно и тимуридамъ и чингисидамъ, противъ Литвы и противъ Москвы и вообще повсюду, где дымилась кровь человѣка. Слишкомъ понадѣявшійся на свое огнестрѣльное оружіе, Витовтъ уступилъ Эдигею, сражавшемуся подъ бунчукомъ Темирь-Кутлуя, славу гордой Литвы. Его же союзнику, Тохтамышу, пришлось бѣжать въ Сибирь, где шибанская орда, дѣйствовавшая по приказу изъ Шери-Сарай, не только отказалась дать ему помошь, но и распорядилась подвести его подъ свои ножи. Можно думать, что, спасаясь бѣгствомъ послѣ пораженія на р. Ворсклѣ, онъ поручилъ своихъ дѣтей великодушію Москвы; такъ, по крайней мѣрѣ, думали въ ордѣ и поэтому Эдигей отправилъ в. князю довольно кичливое посланіе:—«Вы царевыхъ пословъ на смѣхъ поднимаете.... а прежде сего улусъ... царевыхъ пословъ чтиль и гостей держаль.... и ты вопросишь бы старцевъ како ся дѣяло прежя сего?»

Эдигей повель эту вызывательную политику уже отъ имени сидѣвшаго въ Сарай «царя Булата» или вѣрнѣе Пулада сына Чадибека. Ордынскій Уліссы, въ рукахъ котораго царь Булатъ былъ простою пѣшикою, не забылъ пригласить въ помощь себѣ Тверского князя, которому и предложилъ явиться,—«съ тюфяки и съ самострѣлы и съ всѣми съсуды гродобѣйственными». Но на этотъ разъ Тверь отказалась въ прямой помощи ордынцамъ и, хотя кн. Иоаннъ Михайловичъ побывалъ въ гостяхъ у Эдигея, но безъ воинскаго припаса и только съ легкими поминками. Собиравшаяся надъ Москвою гроза могла губительно разразиться надъ всею Россіею.

Ради обычнаго усыпленія Москвы, Эдигей извѣстилъ московскаго государя, что онъ идетъ еще разъ противъ Литвы, но эта ложь никого не ввела въ обманъ, такъ какъ, при всей быстротѣ ордынскихъ набѣговъ, трудно было скрыть движеніе стотысячной арміи. При приближеніи силъ Едигея, в. кн. Василій Дмитріевичъ оставилъ, точно по обычаю, столицу, чтобы организовать вѣнѣ ея защитную рать. Столпный городъ перешелъ подъ охрану дяди кн. и пріобрѣвшаго уже славу героя Владіміра Андреевича Храбраго. Москва всполошилась. Посадскіе люди подожгли дома и побѣжаліи прятаться за городскую стѣну, но не всѣмъ имъ удалось ворваться

въ ворота. Горожане, изъ опасенія голода, заперлись накрѣпко въ своей твердынѣ. Общее смятеніе увеличилось вышедшими на грабежъ городскими поддонками.

Подступивъ къ Москвѣ, Эдигей не рѣшился штурмовать ея стѣну, изъ-за которой вылетали губительные снаряды. Пока было безопаснѣе заняться ограбленіемъ Ростова, Дмитрова, Серпухова, Нижняго и ожидать помощи Тверского князя. Но помощь не приходила, а съ однимъ холоднымъ оружiemъ было рисковано идти на приступъ. При такихъ обстоятельствахъ, оставалось повести долговременную осаду, что и предпринялъ Эдигей, устроивъ свою главную квартиру въ с. Коломенскомъ и прекративъ доступъ къ Москвѣ продовольственныхъ припасовъ. Москвѣ не было спасенія. Въ ея стѣнахъ долженъ быть обнаружиться голодъ со всѣми грозными послѣдствіями: тифомъ, упадкомъ нравственныхъ и физическихъ силъ и смутами горожанъ. Враги уже готовили веревки для плѣнниковъ и мѣшки для церковной утвари, такъ что москвичи, въ предвидѣніи неизбѣжной смерти, принялись каяться въ грѣхахъ и обѣщать передъ небомъ подѣлиться съ голодною бѣднотою своими достатками. Сильные обѣщали не тѣснить слабыхъ, а судіи—не выжимать соки изъ подсудимыхъ. Обѣщанія эти сдерживали до времени голытьбу, готовившуюся ограбить брохатыхъ сребролюбцевъ, ранѣе чѣмъ это сдѣлаютъ татары.

Какова же была радость москвичей, когда передъ ними неожиданно представили парламентеры Эдигея съ предложеніемъ: дать ему окупить, всего въ три тысячи рублей, съ тѣмъ, что онъ сниметъ осаду и уйдетъ изъ русской земли. Москва возликовала и откупилась. Причиною этого внезапнаго рѣшенія Эдигея были, пришедшія къ нему изъ орды, вѣсти о возгорѣвшихся тамъ смутахъ изъ-за обладанія престоломъ. Царь Булатъ прислалъ къ нему «скоропосольника» съ требованіемъ бросить русскія земли и спѣшить на выручку къ нему, въ орду. Оставляя Русь, Эдигей повель за собою громадный полонъ.—«Единъ татаринъ до четыредесяти христіанъ ведоше.... и бысть тогда на всей Русской земли туга велика».—Царь Булатъ не напрасно былъ тревогу: одинъ изъ сыновей Тохтамыша успѣлъ укрѣпиться въ такой степени, что ему пришлось оставить орду и бѣжать безъ оглядки. Эдигей также не могъ ожидать пощады отъ тохтамышевца, поэтому, не доходя до Сарай, онъ повернулъ налегкѣ въ черноморскія степи. Здѣсь, благодаря своей известности, онъ образовалъ изъ выселковъ,

отприсковъ и обломковъ З. орды скромный, но независимый улусъ, поглощенный впослѣдствіи Крымскимъ ханствомъ.

Междоусобія З. орды привели вновь тохтамышевцевъ къ власти, но они не въ силахъ уже были превозмочь ея распаденіе. Послѣ Чадибека и его сына Пулада, четыре сына Тохтамыша занимали, одинъ послѣ другого, тронъ въ Шери-Сараѣ, но блескъ и могущество ихъ отчины были уже подорваны въ корнѣ и они не сумѣли остановить отпаденіе отъ нея такихъ окраинъ, какъ Казань и Крымъ.

Казанью овладѣлъ выходецъ изъ орды Улу-Мухаммедъ, человѣкъ съ сильною волею, способною обновить память о наиболѣе грозныхъ чингисидахъ. Изъ орды онъ бѣжалъ съ тремя тысячами приверженцевъ, которые помогли ему застѣсть въ гор. Бѣлевѣ. Отсюда онъ послалъ дружественное предложеніе въ кн. Василію Васильевичу о взаимной дружбѣ, въ залогъ которой отдавалъ своего сына Мамутека. Но на этотъ разъ московская дальновидность находилась въ умаленіи. Вместо того, чтобы обратить эмигранта въ орудіе своихъ отношеній къ ордѣ, въ кн. послалъ воеводъ осадить его въ Бѣлевѣ и привести къ покорности не дружбою, а силою. Обманувшись въ надеждѣ на русскую помощь, Улу-Мухаммедъ напалъ на воеводъ и не только принудилъ снять осаду, но и обратилъ ихъ въ паническое бѣгство.

Оставивъ негостепріимный Бѣлевѣ, Улу-Мухаммедъ перебрался на окраину орды, въ Казань, где быстро подчинилъ своему влиянию мелкие приволжские народцы и усилившись приливомъ выходцевъ, объявилъ занятія земли независимымъ улусомъ. Этому улусу, принявшему название Казанского царства, цѣлое столѣтіе не измѣняло военное счастье, которое ставило сильную преграду обнаружившемуся уже движению Россіи на востокъ.

Улу-Мухаммедъ привлекъ къ себѣ толпы ордынцевъ обѣщаніемъ замѣнить одряхлѣвшую орду и напомнить Россіи времена Узбека. Для возбужденія же ревности и привлеченія сторонниковъ, онъ, съ первыхъ же дней своего воцаренія, принялъ высыпать въ набѣгъ на пограничныя земли мелкія развѣдочные партии. Всегда богатая добыча ихъ вызывала изъ орды толпы перебѣжчиковъ, питавшихся уже одними воспоминаніями о русскомъ полонѣ, обѣ алафѣ и о кормленіи на русской землѣ.

Образовавъ большую военную силу, Улу-Мухаммедъ повелъ ее лично на русскія земли и осадилъ Нижній-Новгородъ. При-

вѣсти объ этомъ напшествіи татаръ, Москва какъ-то лѣниво подняла свои знамена и принялась скликать на отпоръ врагу и дьяка Шемяку и ближайшихъ князей Верейскаго, Можайскаго и другихъ. Первое столкновеніе съ казанцами предоставило московскимъ воеводамъ верхъ, но затѣмъ они обрадовались и распустились до прискорбнаго повторенія эпизода на р. Пьянай.

Расположившись станомъ неподалеку отъ Суздаля, воеводы не обезопасили себя ни развѣдчиками, ни секретами и принялись пишовать и высыпаться и опять пишовать. Повидимому и находившися въ станѣ в. кн. Василій Васильевичъ тоже прилежалъ къ сладкому питью и къ приятнымъ сновидѣніямъ, потому что онъ пробудился только ради заутрени и вновь отправился на покой. Послѣдній былъ прерванъ гуломъ быстро приблизившейся многочисленной конницы, нагрянувшей внезапно на предававшееся мирному покою полусонное войско. Исходъ завязавшейся битвы былъ печаленъ и даже печальнѣе катастрофы на р. Пьянай. Въ рукахъ казанцевъ очутились и бояре и князья Верейскій и Можайскій. Израненный в. кн. также отдался въ плѣнъ. Въ видѣ извѣщенія о гибели русской силы казанцы отослали его тѣльный крестъ въ Москву на показъ матери и народу....

Москва еще разъ затрепетала. Чернь зашумѣла. Пользуясь случаемъ, Тверской кн. выслалъ вновь своихъ воеводъ попользоваться товарами и капиталами московскихъ купцовъ. Казанцы были повидимому болѣе высокаго мнѣнія о москвичахъ, такъ какъ, опасаясь нападенія послѣднихъ, они удовольствовались полономъ и отступили въ свою сторону, выпустивъ даже изъ плѣна в. кн. Повидимому, Улу-Мухаммедъ опасался, вслѣдствіе возникшихъ въ Казани неурядицъ, что ему придется воевать на два фронта, поэтому онъ стремился обезпечить себя, на время, со стороны Россіи.

Еще во время нахожденія в. кн. въ плѣну, дьякъ Шемяка, отказавшися стать подъ московское знамя, устроилъ заговоръ, въ который вовлекъ, подъ вымыщленнымъ предлогомъ, кн. Можайскаго и москвичей, повѣрившихъ, что в. кн. получилъ свободу за уступку Казани—своего стольного города. Заговоръ разросся и удался во всѣхъ подробностяхъ. Возвратившися изъ плѣна в. кн. былъ захваченъ передъ ракою св. Сергія и доставленъ въ Москву къ Шемякѣ, который обвинилъ его въ отдачѣ городовъ въ кормление татарамъ и распорядился, будто бы по приговору князей и

боярь—ослѣпить его. Послѣ того Шемяка объявилъ себя в. кн. и потребовалъ отъ Москвы присяги на вѣрность службы и любви къ нему. Москва была ошеломлена такимъ неожиданнымъ поворотомъ своей судьбы, но присягу приняла и преклонилась передъ Шемякой.

Улу-Мухаммеду наслѣдовалъ убийца его сына Мамутекъ, при которомъ усилились внутренніе раздоры Казани до того, что казанскій царевичъ Касимъ явился уже другомъ Россіи и грозою своихъ же соплеменниковъ. Получивъ отъ в. кн. въ удѣль мещерскій городокъ, Касимъ обратился въ рус. агента и вошелъ въ тайные сношения съ казанцами, приглашая ихъ перейти на рус. сторону.

Въ Казани сидѣль въ ту пору Ибрагимъ—до того слабый властитель, что его воинство подѣгало подъ Москву безъ его согласія. Нерѣдко оно появлялось вечеромъ, чтобы убѣжать утромъ и удовольствоваться тѣмъ, что попадало подъ руки. Заявъ, по отношенію къ Россіи, такую корыстную, нѣсколько разбойничьяго характера, позицію, Казань чутко прислушивалась къ тому, что дѣжалось въ Москвѣ. Получивъ свѣдѣніе, что в. кн. Ioаннъ Васильевичъ потерпѣль въ столкновеніи съ новгородцами большой уронъ, царь Ибрагимъ принялъ тотчасъ-же всеватъ пограничныя окраины.

Въ эту эпоху произошло не совсѣмъ обыкновенное событие: Вятка, возмечтавъ о независимости, объявила своего рода нейтралитетъ и отказалась въ помощи в. кн. противъ Казани. Въ этомъ нейтральномъ состояніи, она продержалась всего нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ надумалась и соединилась съ московскою ратью, вышедшую противъ Ибрагима, докучавшаго много лѣтъ партизанскою войною. Сильное войско Ioанна III подошло къ Казани одновременно—рѣкою и сухопутью и принудило Казанскаго царя заключить миръ на всей волѣ московскаго государя.

По смерти Ибрагима, въ средѣ казанцевъ образовались партии, объявившія себя—одна за младшаго его сына Мухамедъ-Аминя, сторонника Россіи, а другая за старшаго его сына Алегама, противника Россіи. Первый, не успѣвшій заручиться поддержкою ни ногаевъ, ни мелкихъ народцевъ приволжья, былъ изгнанъ, бѣжалъ въ Россію, откуда и пошелъ, разумѣется по желанію в. кн. и съ его дружинами, противъ брата, который, потерявъ сраженіе, явился въ Москву со всѣмъ семействомъ, въ качествѣ пленника. Объ освобожденіи его изъ плѣна заговорило впослѣдствіи все мусуль-

манство, видѣвшее въ потерѣ одного изъ своихъ властелиновъ серьезное предостереженіе не одной Казани, но и прочимъ отрыскамъ З. орды.

Замѣнивъ на казанскомъ престолѣ своего брата, Мухаммѣдъ-Аминъ обязанъ былъ содержать рус. надъ собою надсмотрщика, которымъ состоялъ одно время москвичъ Федъка Киселевъ. Москвичъ разсудилъ попользоваться Казанью, какъ даннымъ ему на прокормленіе царствомъ, что видно изъ поступившихъ на него жалобъ. Казань жаловалась, что Ф. Киселевъ не стѣсняется давить и вязать людей и брать лишніе поборы. Въ одномъ мѣстѣ, онъ взялъ силою: «три кади меду, да конь, да корову, да овцю, да семь куницъ, да три лисицы».... Въ другомъ мѣстѣ онъ попользовался и бобришками-ярчиками и соболями и опять таки медомъ и коньми разной масти.

Мухаммѣдъ-Аминъ, какъ рус. ставленникъ былъ неугоденъ народу, такъ что ему приходилось часто опираться на помощь Москвы. Недовольные казанцы выставили противъ него совѣстителя, который однако занялся, вмѣсто управлѣнія царствомъ—грабежомъ своихъ подданныхъ. Народъ изгналъ и своего избранника, послѣ чего Мухаммѣдъ-Аминъ разорвалъ связь съ Москвою, разрѣшивъ своимъ властямъ ограбить московскихъ купцовъ. Не мало изъ награбленнаго поступило и въ его личную казну, что дало ему возможность надѣлать себѣ нѣсколько штукъ золотыхъ вѣнцовъ.

Для наказанія слушника в. кн. выслалъ значительную силу, подъ начальствомъ брата своего Димитрія, но она потерпѣла подъ Казанью сильный уронъ. Послѣдній былъ исправленъ только свѣжими полками кн. Холмскаго. Но и побѣда Холмскаго обошлась дороже пораженія: побѣдители и на этотъ разъ возликовали выше мѣры и въ чаду изобильныхъ возліяній забыли, что врагъ можетъ опомниться во всякое время и вымстить испытанный позоръ. Такъ и случилось: казанцы напали на полусонныя ватаги и—«лугъ Арскій взмолкъ отъ ихъ крови»!

Тѣмъ не менѣе Мухаммѣдъ-Аминъ смирился и принесъ повинную, благодаря которой онъ получилъ, взамѣнъ своего царства, на прокормъ, три города, возненавидѣвшихъ его всѣми ихъ помыслами. Царство его перешло къ брату его Абдулль-Латифу, который далъ «шертную» запись о томъ: «чтобы находиться ему во всякомъ послушаніи не только самому государю, но и дѣтямъ его,

а къ Польскому королю и другимъ непріятелямъ не приставать и съ ними не ссылаться».—По этой записи были поручителями Менгли-Гирей Крымскій и царица Нурсалтанъ. Вообще-же Абдуль-Латифъ обязывался служить в. кн. безъ хитрости и обмана.

Нельзя сказать, чтобы Москва удачно выбирала своихъ ставленниковъ для Казани, которая не любила ихъ не только за защиту ими русскихъ интересовъ, но и безотносительно, за ихъ невысокія качества. Однимъ изъ такихъ ставленниковъ или, какъ говорилось въ ту эпоху—подручнымъ царемъ—былъ Шигъ-Алей, считавшій себя вскомленикомъ рус. государя. Шигъ-Алей постоянно нуждался въ помощи Москвы. Но не смотря и на эту помощь, крымскій чингисидъ Сафа-Гирей, получившій Казань послѣ своего дяди Сагибъ-Гирея, выгѣнилъ его и овладѣлъ всѣмъ Казанскимъ царствомъ. Впрочемъ и Сафа-Гирею приходилось три раза убѣгать изъ Казани и три раза возвращаться на царское мѣсто. Въ свою очередь и Шигъ-Алей царилъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ и, то отсиживался на русскихъ кормахъ—даже и въ тюрьмѣ, подъ арестомъ,—то предводительствовалъ рус. полками. Казанцы сердились на Шигъ-Алея за то, что онъ согласился на расчлененіе царства: луговая и Арская стороны остались за Казанью, но горная за Москвою. Здѣсь сооружался окраинный городъ Свіяжскъ, назначавшійся для надзора за приволжемъ и для складовъ, необходимыхъ войску, хлѣбныхъ и другихъ припасовъ. При этомъ раздѣлѣ, Шигъ-Алей заявилъ Алексѣю Адашеву, что ему нельзя жить въ Казани безъ горной стороны и что если государь не отдастъ ему эту сторону, то онъ бѣжитъ вновь на рус. землю.—«Если тебѣ бѣжать, то укрѣпи городъ рус. людьми»—совѣтовалъ ему Адашевъ.—«Я не могу и на свою вѣру наступить» объяснялъ Шигъ-Алей, соглашавшійся, впрочемъ, извести у себя лихихъ людей и перепортить, когда нужно будетъ, пушки, пищали и порохъ. Для поддержки его въ Казани пришлось оставить при немъ отрядъ стрѣльцовъ, въ качествѣ тѣлохранителей.

По смерти Сафа-Гирея, окончившаго свое бурное поприще внезапною смертью, судьба Казани пошла ускореннымъ шагомъ. Къ этому времени в. кн. Московское уже усилилось присоединеніемъ къ нему Твери, Пскова, Новгорода и Рязани. В. кн. названівался царемъ. З. орда не существовала болѣе. Астраханское царство и ногайская орда никогда не представлялись Россіи опасными врагами. Одинъ Крымъ могъ доставлять ей серьезную заботу,

но всѣ его упорныя стремлени¤ отвоевать отъ Россіи Астрахань и Казань оканчивались неудачами.

До рѣшительного удара, казанцы не хотѣли жить подъ государевою рукою. Царь посыпалъ на нихъ воеводъ, но они сопротивлялись рати московской и побивали московскихъ людей, такъ что бояре и воеводы не могли ихъ усмирить. Наконецъ, по совѣту съ митрополитомъ, воеводами и казанскими выходцами, государь рѣшилъ нанести Казани окончательный ударъ. Первый, однако, предпринятый съ этою цѣлью походъ былъ разсчитанъ дурно, такъ что шестидесятитысячная армія, погромивъ безплодно городскія стѣны, принуждена была ретироваться; ея осадная артилерія, благодаря сырой погодѣ и неумѣлому приготовленію «зелья», бездѣйствовала. Кромѣ того и въ операционномъ базисѣ, въ гор. Свіяжскѣ обнаружились большие беспорядки: войско предалось такимъ пророкамъ, что митрополитъ Макарій принужденъ былъ послать укорительную грамоту, въ которой не заключалось ничего лестнаго для воевъ, поставленныхъ противъ безбожныхъ агарянъ и обязанныхъ подвизаться «храбрьски и мужьски». Воинамъ пришлось выслушать даже упреки въ томъ, что они, не желая выглядѣть мужчинами, брили свои бороды...

Рѣшенный государемъ и одобренный боярскою думою новый походъ противъ Казани вызвалъ значительное напряженіе военныхъ силъ, со сборными пунктами въ Коломнѣ, Муромѣ и на берегахъ р. Камы. Государь принялъ личное начальство надъ полками. Въ ту пору войска имѣли уже правильную организацію и пополнились на время войны по опредѣленному мобилизаціонному плану. Каждые пять тяглыхъ дворовъ обязаны были выставлять по человѣку, на конѣ, съ кормомъ, оружиемъ и одеждой. Половина пищальниковъ шла на коняхъ, а половина пѣшкомъ. Каждый изъ нихъ снабжался ручною пищалью съ зелемъ, вѣсомъ въ двѣнадцать гривенокъ на пищаль. Одежда состояла изъ однорядокъ и форменного головного убора. Постоянныя же войска получали и кормъ и жалованье изъ казны: пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники—по рублю въ годъ денегъ, по два пуда соли, по двѣнадцати коробей ржи и по стольку же овса.

Съ другой стороны, не только Казань, но и всѣ отпрыски З. орды видѣли наступленіе рѣшительной борьбы за дальнѣйшую независимость мусульманского востока Россіи. Правившему въ ту пору казанскимъ царствомъ Едигеру удалось, поэтому, привлечь на

свою сторону горное население и ногаевъ. Крымъ также обрадовался случию напасть въ тылъ рус. силы, но крымцы поторопились и испортили чрезвычайно выигрышное для нихъ дѣло. Не выждавъ удаленія коломенскихъ войскъ къ Казани, они явились подъ Тулою и принялись громить ее артиллерией. Горожане зная, что къ нимъ спѣшать на помощь государевы полки, напрягли всѣ свои слабыя средства, чтобы выдержать первое нападеніе врага. Усилия ихъ увѣнчались успѣхомъ: первый штурмъ былъ отбитъ, а второго не послѣдовало, потому что полки, сдѣлавъ усиленный переходъ, явились вовремя на выручку осажденнаго города. Крымцы отступили въ надеждѣ на вспомогательныя силы, но эти уже были разбиты Щенятевымъ и Курбскимъ. Трофеи, не исключая и верблюдовъ, были отправлены въ Москву.

Обезпечивъ такъ удачно тылъ и правый флангъ, государь направилъ ободренныя побѣдою войска къ Казани, частю на коняхъ и пѣшкомъ, частю на судахъ—по р. Волгѣ. При войскахъ слѣдовала и остававшійся не у дѣль Шигъ-Алей, правившій въ этомъ походѣ дѣлами дипломатической канцелярии. На его обязанности лежала посылка въ противный лагерь увѣщательныхъ грамотъ. При войскахъ слѣдовала также «яртоульная» дружина—первотинъ нынѣшняго pontonного батальона. Артиллерию представляли сто пятьдесятъ тяжелыхъ орудій. Войска не успѣли еще показаться у Алатыря, какъ горные жители принесли новую присягу о не-противлѣніи царю и его войску. Они пригодились въ качествѣ рабочей силы при проѣзжахъ, очисткѣ дорогъ и новодкѣ мостовъ.

Войска шли безъ интенданскихъ запасовъ, отправленныхъ на судахъ по р. Волгѣ, и поэтому кормились на счетъ придорожнаго населенія. Наивный лѣтописецъ утверждаетъ, впрочемъ, что лоси сами являлись къ артельной кухнѣ и птицы невѣдомо откуда падали въ котлы...

Свіяжскъ манилъ было къ отдыку пришедшія разными путями дружины, но государь поспѣшилъ выдвинуть ихъ на луговую сторону. Здѣсь собралась сила въ полтораста тысячи человѣкъ. На призывъ къ покорности, Казань отвѣтила призывомъ на бой.

Если вѣрить лѣтописямъ и сказаніямъ, то въ самой Казани не было недостатка въ прорицаніяхъ о близкомъ ея паденіи.—«Нѣкій татаринъ» — говоритъ одна лѣтопись, «по граду ходя нага напрасно вошли и непрестанно глаголити: не жити здѣсь татарамъ, не жити, но жити русскимъ людямъ».—Въ то же время

«родися оть коровы дѣтище человѣческимъ образомъ, его-же ви-
дяше татарова вся... и внезапу дѣтище премѣнися въ совершненія
мука... и глаголаша зрящимъ на него—повиниться безъ лукавства
московскому государю».—Пока казанцы собирались убить это дѣтище,
оно не «видимо бысть отъ нихъ».

Но всѣ эти предвѣщанія нисколько не ослабили высоко при-
поднятый духъ казанцевъ, оградившихъ себя глубокими рвами,
топями, тыномъ и стѣнами съ высокими наблюдательными башнями.
При самомъ началѣ осады, рус. войска испытали крупную неудачу:
внезапно разразившаяся на р. Волгѣ буря потопила всю флотилію,
доставившую продовольственные запасы. Въ этомъ случаѣ склады
Свияжска принесли неоцѣненную пользу. Благодаря имъ, войска при-
ступили къ осадѣ Казани безъ унынія и въ порядкѣ, какого еще
не видывали дружины. Диспозиція осады поражаетъ и теперь страте-
гические умы своею ясностью и обдуманностью. Каждый полкъ
зналъ напередъ свое мѣсто—на Арскомъ полѣ, на берегу Казанки,
при устьѣ Булака, на кладбищѣ, или на Царевомъ лугу—и каж-
дый бояринъ зналъ свое дѣло. Одни изъ нихъ строили батареи
или рубили башни, а другие готовили туры и лѣсины для мостовъ
и загородей.

Первые подступы и вылазки служили только предвѣстниками
приближавшагося штурма. Успѣхъ послѣдняго зависѣлъ, между
прочимъ, отъ усердія и искусства «размысла», которымъ состоялъ
«нѣмецъ, искусный въ разореніи городовъ». Въ его распоряженіи
находились и пришедши съ нимъ—очевидно нанятые за хорошія
деньги—ученики его, руководившіе минными работами.

Благодаря вышедшему изъ Казани храброму и даровитому
Япанчѣ, осаднымъ войскамъ приходилось бодрствовать день и ночь,
пока не прочистили лѣсъ, скрывавшій толпы его партизановъ.
Кромѣ того, онъ имѣлъ неосторожность вдаться въ стратегическій
обманъ и, встрѣтившись съ облавою въ пятьдесятъ тысячъ че-
ловѣкъ, покрылъ трупами своихъ людей десятиверстное разстояніе.

Явившіеся изъ Казани дезертиры навели государя на мысль
лишить воды осажденныхъ, пользовавшихся ручьемъ, къ которому
они пробирались подземною галлереей. Ученики искуснаго въ разо-
реніи городовъ нѣмца изготовили подкопъ въ десять дней и взры-
вомъ его лишили Казань—воды, годной въ питье. Казанцамъ при-
шлось довольствоваться болотною, вызывавшею болѣзни, водою.
Продолжая осаду, государь предлагалъ не однажды казанцамъ

сдаться на его милосердіе, но они не измѣнили своему рѣшенню отстоять мусульманство передъ рус. натискомъ. Они не поколебались ни передъ потерю отдельного вспомогательного острога за Арскимъ полемъ, ни передъ башнею, неожиданно выросшею передъ ихъ глазами. Эту башню, плотно сколоченную въ тылу лагеря, придинули къ крѣпости въ одну ночь и вооружили ее силою артиллеріей, стрѣлявшей поверхъ стѣны. Благодаря ея губительному огню, казанцамъ осталось закопаться въ землю и выходить на стѣны только для перестрѣлки съ лагеремъ осады.

Осадные-же туры подвигались все ближе и ближе.

Наступала осень со всѣми ея невзгодами. Обѣ стороны были уже порядочно утомлены полуторамѣсячною осадою, частыми вылазками и ежеминутнымъ ожиданіемъ рѣшительного приступа. Казанцы, потеряли наконецъ и Арскую башню, но продолжая дѣло защиты отклонили всѣ предложения о пощадѣ и прощеніи. Очевидно, ни одна изъ сторонъ не могла отойти отъ другой безъ послѣдняго слова войны. Снятіе осады равнялось-бы пораженію, которое надолго, если не навсегда, закрыло-бы Россіи пути въ заволжскія земли и на Дальній Востокъ, куда неудержимо увлекаль Россію историческій рокъ. Успѣхъ-же Казани сгруппировалъ-бы вокругъ нея всѣ остатки З. орды и поставилъ-бы ее на высоту новаго центра всего восточнаго мусульманства.

Поэтому диспозиція обѣ общемъ штурмъ Казани, была разработана необыкновенно вдумчиво, а самое отступление казанцевъ предусмотрѣно и отрѣзано на всѣ стороны. Городскія ворота были распределены между Воротынскимъ, Басмановымъ, Троекуровымъ, Шереметьевымъ, Курбскимъ — лицами, оставившими въ исторіи тѣ или другіе крупные слѣды. Резервы остались въ рукахъ государя и воеводъ, назначенныхъ служить подкрепленіемъ штурмовыхъ колоннъ.

Размысьль старательно повелъ подкопъ подъ городскую стѣну, что хотя и замѣтили казанцы, но не сумѣли повести контрь-мину. Наступалъ день штурма или «испитія общей чаши крови», что чувствовалось обѣими сторонами и даже людьми, не подготовленными къ этому апофеозу осады. Шумъ и стрѣльба притихли на время, точно для антракта къ переходу въ лучшій міръ. Когда минуты антракта миновали, тихоструйное состояніе противниковъ смѣнилось жестокою грозою. Первымъ знакомъ ея наступленія былъ взрывъ подкопа, начиненного десятками бочекъ порохового

зелія. За нимъ послѣдовалъ взрывъ второго подкона и — обѣ стороны возвзвали къ Творцу за всесильною помощью.

Штурмовыя колонны бросились частію въ проломъ, частію по лѣстницамъ на стѣны, откуда легѣли бревна и обливали приготовленнымъ кипяткомъ. Не отстоявъ первого натиска, Едигерь принужденъ былъ отступить отъ стѣнъ и проломовъ и оставить богатый караванъ-сарай въ добычу вторгнувшимся войскамъ. Начавшійся — какъ и всегда обозною прислугою и маркитантами — грабежъ купеческихъ товаровъ, произвелъ иѣкоторое колебаніе въ ходѣ побѣды, но быстро двинутые резервы оттеснили казанцевъ въ урду и въ мечети.

Никто изъ нихъ не сдавался живымъ. Казань запылала. Десять тысячи ея защитниковъ, оставивъ своего Едигера въ рукахъ побѣдителей, вышли въ поле, гдѣ кн. Курбскіе никому уже не дали пощады...

Апоѳеозъ войны выражался въ томъ, что казанскому царю пришлось преклонить колѣна передъ рус. государемъ, что особенно порадовало десятки тысячъ полонянниковъ, торжествовавшихъ освобожденіе изъ тяжелаго рабства. Послѣ триумфального вѣзда въ городъ, государь положилъ тотчасъ-же краеугольный камень на сооруженіе первого въ Казани христіанскаго храма. Все достояніе горожанъ перешло въ руки побѣдителей; одни знаки царскаго достоинства — вѣнецъ, жезль и знамя — поступили въ сокровищницу государя. Казанское царство обратилось въ рус. провинцію, при чёмъ намѣстникомъ ея былъ назначенъ князь Горбатый-Шуйскій, а его товарищемъ князь Серебряный.

Присоединивъ къ Россіи Казанское царство, историческій рокъ сдѣлалъ крупный шагъ не только по отношенію къ ея личной судьбѣ, но и въ дѣлѣ распространенія христіанства и культуры. Казань, стоя оплотомъ мусульманства, не допускала сближенія Европы съ Азіей или вѣренїе принимала на себя въ этомъ сближеніи роль комиссіонера, поглощенаго собственными интересами. Принявъ отъ булгаръ бойкую торговую и промышленную дѣятельность и связи съ дальними странами Азіи, Казань держала у себя шлагбаумъ противъ всего, что не исходило изъ корана и не согласовалось съ традиціями чингисидовъ. Въ этомъ легко убѣдиться, окинувъ мысленнымъ взоромъ минувшіе со времени покоренія царства три съ половиною столѣтія. Ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ обычаяхъ, а тѣмъ менѣе въ области религіозныхъ и нрав-

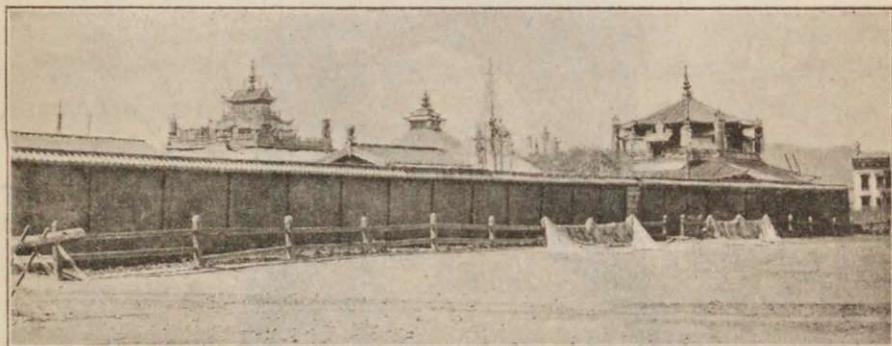
ственныхъ воззрѣній, казанцы ничѣмъ не поступилисъ и ничего не пріобрѣли. Со стороны наружнаго обихода казанскій татаринъ пребываетъ въ чингисидовой тибетейкѣ и безрукавкѣ, въ неизбѣжныхъ калошахъ и цвѣтныхъ ичигахъ. Каждую субботу онъ подстригаетъ, какъ истый узбекъ, свою бороду и черезъ каждыя двѣ недѣли брѣть голову. Женщины, не пріобщаясь къ миру внѣ ихъ гаремовъ, не отказываются носить запястья изъ золоченыхъ рублевиковъ, но съ тѣмъ, чтобы портреты не были обращены наружу, такъ какъ Пророкъ воспретилъ изображенія всего живого и одушевленнаго. Чулки признаются только дамами, уклоняющимися уже отъ традицій предковъ, зато туфли старательно вышиваются золотомъ. Вообще парча, позументы, кольца, камни и браслеты составляютъ признаки аристократизма татарской женщины, хотя лучшимъ ея украшеніемъ служитъ попрежнему перевязь съ карманомъ для маленькаго корана. На эту перевязь не жалѣютъ камней и жемчуга. Но если бы нескромный христіанинъ заглянулъ въ священный карманъ, то онъ увидѣлъ бы тамъ, нерѣдко, вместо корана—деревяшку, которая подтверждаетъ лишній разъ, что фанатическая

обрядность продолжаетъ главенствовать въ оборотѣ всей жизни мусульманина.

Послѣ паденія Казанскаго царства, христіанство пріобрѣло нѣсколько тысячъ татарскихъ семействъ, но далѣе этого успѣха оно не двинулось, а со временемъ даже и утратило своихъ новообращенныхъ. Можно утверждать, что Казань обратилась, при рус. уже владычествѣ, въ крупный центръ исламизма, упорно отстаивающей знамя Пророка...

Однако устойчивость казанскихъ чингисидовъ не въ силахъ была воспрепятствовать движению Россіи на востокъ и ея сближенію съ прочими отчинами чингисидовъ и тимуридовъ. Впрочемъ, казанская земля не сразу успокоилась. Населеніе ея не разъ поднимало бунты, отказывалось платить дань, вырѣзывало чиновниковъ и даже брало въ пленъ воеводъ, но то уже были обычныя вздрагиванія страны, лишившейся независимости. При этой агоніи, платились жизнью и имуществомъ неосторожные московскіе купцы или полусонныя боярскія дѣти. Но общее положеніе государства вполнѣ оправдывало восклицаніе митрополита, по поводу побѣды надъ Казанью: «чѣмъ мы были и что мы есть?».

Дворецъ Богдо-Гегеновъ.
(въ Монголії).

XLIX.

АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО И НОГАЙСКАЯ ОРДА.

(1260—1651 гг.).

астраханское царство смиренно подчинилось господству России, какъ только послѣдняя овладѣла, послѣ паденія Казани, нижнимъ теченіемъ р. Волги. Бокъ-о-бокъ съ Астраханью, кочевала самостоятельная ногайская орда, тоже доставлявшая по временамъ не только Россіи, но и Литвѣ и Польшѣ, не мало досады и огорченій.

Образованіе этой орды слѣдуетъ отнести къ тому, что ежегодныя перекочевки З. орды съ лѣтовокъ на зимовки—въ прикавказскія земли и обратно—повели къ образованію выселковъ смѣшнаго племени. Увеличиваясь кавказскими выходцами и отправившимися отъ орды юртами, община этихъ выселковъ облюбовала Кумыкскую площадь и разселилась, первоначально, между рр. Лабою и Кубанью. Одинъ

изъ потомковъ Джучи-хана, именемъ Ногай, сумѣль привести эту разношерстную вольницу къ единству и придалъ ей положеніе самостоятельной орды, которая и просуществовала, несмотря на всю свою ничтожность, около четырехъ столѣтій.

Первоначально, въ качествѣ золотоординскаго старшаго темника, Ногай дѣйствовалъ въ войнахъ и союзахъ именемъ хана Береке. Его же именемъ онъ воевалъ противъ кавказскихъ ясовъ и въ Дунайской Болгаріи. Успѣхи его возрастили такъ быстро и значительно, что императоръ Михаилъ Палеологъ отдалъ ему въ замужество свою дочь. Въ свою очередь и онъ выдалъ дочь за Феодора Ростиславовича Смоленскаго, давъ за нею въ приданое Кубанскую сторону и — вѣроятно, номинально — Крымъ. Смерть Береке развязала ему руки. Недовольствуясь независимостью, онъ потѣшилъ свою отчину и, взамѣнъ ея, объявилъ себя сюзереномъ южно-рус. областей.

Южно-рус. кн., ослабленные въ ту пору взаимною враждою, потянулись къ Ногаю за поклонами и дарами. Весьма возможно, что онъ выдавалъ и ярлыки на княженіе, по крайней мѣрѣ онъ возвелъ кн. Димитрія Александровича, изгнаннаго братомъ его Андреемъ Городецкимъ, обратно на престолъ одною только повелительною грамотою.

Восходя къ своему зениту, Ногай мечталъ уже продолжать дѣло Батыя и распространить свой улусъ на западную часть Европы. Но его познаній оказалось недостаточно даже для того, чтобы найти дорогу въ Венгрію, такъ что, потерявъ отъ недостатка продовольствія до ста тысячъ человѣкъ, онъ возвратился обратно въ улусъ. Попутно, онъ вымѣстилъ свою неудачу на Польшѣ, допустившей увести въ плѣнъ десятки тысячъ женщинъ и дѣвицъ.

Пригрозивъ З. ордѣ, выражавшемъ неудовольствіе на его самовольные поступки, онъ разграбилъ сѣверныя рус. области: Муромъ, Сузdalъ, Владимиръ, Юрьевъ, Угличъ, Коломну и Можайскъ. Изъ Владимира соборнаго храма его орда унесла къ себѣ даже мѣдный полъ, который представлялся ей необычайною драгоценностью. При немъ, орда чувствовала себя на высотѣ величія, но ему не посчастливилось основать династію. Онъ палъ въ сраженіи съ своимъ же темникомъ, желавшимъ тоже попытать счастья и свергнуть своего патрона. Сыну Ногая пришлось бѣжать въ Дунайскую Болгарію, гдѣ тесть его, одинъ изъ Святославовъ, убиль его вѣроломнымъ образомъ.

Послѣ Ногая начались междуусобія, повлекшія къ раздробле-

нию орды на Большую, Малую и Семидесяттысячную. Части эти раздробились на колъна, которыми правили мурзы, разрушившие политическую связь орды.

Порою нападала и на мурзъ манія кичливости; тогда они не стѣснялись требовать отъ рус. в. кн., чтобы онъ именовалъ ихъ братьями и государями. Похваляясь поддержать свои претензіи силою, они высчитывали ее—исключительно на страхъ врагамъ—въ триста тысячи всадниковъ, способныхъ поспорить въ быстротѣ набѣговъ съ полетомъ охотничихъ кречетовъ. Впрочемъ, настойчивыя домогательства ихъ клонились преимущественно къ свободному торгу съ Россіей, къ чему побуждали избытки ордынского коневодства.

Кромѣ торговыхъ интересовъ нерѣдко и политика заставляла ногайцевъ просить Россію о дружбѣ и союзѣ. Такимъ просителемъ явился передъ в. кн. Ioannomъ III Васильевичемъ Ибрагимъ Ивакъ, братъ котораго Казанскій царь Алегамъ попалъ въ рус. плѣнъ.—«Братъ мой, Алегамъ царь, по случаю въ твоихъ рукахъ стоить»,—писалъ Ибрагимъ Ивакъ.—«Со мною въ прокъ захощь братомъ быть, брата моего ко мнѣ отпусти. Ко мнѣ его не въсходиши пустити и его на ево вотчину отпусти...»

Мурза Муса послалъ къ в. кн. своего богатыря съ легкими поминками и съ предложеніемъ союза противъ общихъ непріятелей.—«Кто тебѣ ратенъ будетъ, я рать поплю»,—писалъ Муса,—«а кто мнѣ ратенъ будетъ и ты ко мнѣ рать пошли».—В. кн. отвѣтилъ Мусѣ согласіемъ быть съ нимъ за одно противъ общихъ недруговъ.—«И мы съ тобою хотимъ быти въ дружбѣ, а рать наша гдѣ будетъ тебѣ надобе и мы къ тебѣ свою рать пошлемъ, а гдѣ будетъ намъ надобе, ты бы къ намъ свою рать послалъ».

В. кн. явился даже сватомъ Мусы, желавшимъ породниться съ Казанскимъ царемъ Магметомъ-Аминемъ.—«Ино нашъ Магметъ-Аминъ и сынъ и братъ и мы того хотимъ чтобы еси съ Магметомъ-Аминемъ былъ въ дружбѣ и дочи бы твоя у него была»... Кажется изъ потомства Мусы вышли впослѣдствіи рус. кн. Юсуповы.

Вообще переговоры Россіи съ ногайскими мурзами велись довольно оживленно. Мурзы прислали шертную запись, которой обязывались приводить ногайскихъ чиновъ на всякия добрыя дѣла и усовѣщевать ихъ, чтобы они помнили:—«Великихъ государей къ себѣ жалованье и... городовъ не воевали бы и сель и деревень не жгли и всего крестьянского народа въ полонъ не брали».

Испытывая неудачи, ногайская орда не особенно печалилась

и тогда съ ея послами обращались высокомѣрно, какъ съ людьми безъ роду и племени. Литва однажды задержала у себя ногайское посольство безъ всякаго повода, на что уже обратилъ вниманіе король Польскій и в. кн. Литовскій. Въ листѣ адрессованномъ королевской литовской Радѣ, онъ замѣтилъ что—«и сами можете разумѣти, ижъ пословъ нигдѣ на всемъ свѣтѣ не забавливаются....»—Предлагая отпустить съ миромъ ногайцовъ, король обратилъ вниманіе Рады и на то, что если удерживать далѣе пословъ, безъ надобности, то они—«все тое потравятъ и тую одежду подерутъ, што есмо имъ давали»—и что отъ этого произойдетъ одинъ лишь убытокъ кассѣ Литовской Рады.

Сосѣднимъ съ Ногайскою ордою отприскомъ З. орды явилась Астрахань, возросшая съ теченіемъ времени до положенія самостоятельного царства. Доходя по низовью р. Волги до моря, золотоординцы не могли не замѣтить привольное мѣстечко у самой дельты, представлявшее всѣ удобства человѣку для сытой и беспечальной жизни. Подъ теплымъ небомъ катилась многоводная р. съ заливными лугами, богатою охотою и пригодными для зимовокъ камышевыми зарослями. Земля просила здѣсь только легкаго ухода, чтобы отблагодарить за него массою плодовъ. Сюда направились частью лѣнтии и несчастливцы, гонимые или презираемые сородичами, а частью и пионеры съ ихъ беспокойнымъ запросомъ на привольную жизнь. Долгое время этотъ выселокъ не имѣлъ ни властей, ни названія. Но какой-то остроумецъ назвалъ его Ашь-Тарханомъ, что въ переводѣ могло обозначать «свободную Ѣду»—и вотъ этому имени, обратившемуся въ Астрахань, суждено уже было остаться навсегда.

Безначаліе Ашь-Тархана соблазнило предпріимчиваго ногайскаго мурзу Ямгурчея объявить себя царемъ этой вольной общины, что ему и удалось безъ всякаго протеста со стороны тогданней дипломатіи. Въ этомъ новомъ для него положеніи, онъ не затруднился уже послать къ в. кн., какъ къ лицу равному себѣ, грамоту съ предложеніемъ прежняго, будто бы существовавшаго между ихъ предками, союза. Дѣти его находились въ рус. полонѣ, поэтому онъ просилъ пожаловать его дѣтьми, а для красоты слога писалъ:—«При нашихъ, при прежнихъ, при отцѣхъ и при дядяхъ съ вашими съ отцами и со дядями въ доброй дружбѣ и братствѣ будучи, добро ихъ межъ ихъ хаживало, а послѣ того межи нами не такія ся дѣла стали»...

Ямгурчей стремился объединить ногайскую орду и Астрахань подъ одною своею властью, но кочевники отказались отъ него и продолжали свой независимый и свободный отъ податей и налоговъ образъ жизни. Чтобы имѣть защиту противъ входившаго въ силу Ямгурчая, обнаружившаго наклонности деспота, ногаи вступили даже въ рус. подданство, но случилось такъ, что объ этомъ позабыли какъ они сами, такъ и рус. власти. Россия, занятая борьбою съ Казанью, мало интересовалась южнымъ поволжемъ. Впрочемъ, некоторое время ногаи управлялись людьми, княжившими съ соизволенія и утвержденія рус. царей; такъ Иоаннъ IV далъ имъ Измаила, Феодоръ Иоанновичъ—Уртамбета, Борисъ Годуновъ—Игитерека... и даже былъ назначенъ «имя рекъ», какой-то незнакомецъ, который, однако обязался не имѣть никакихъ сношеній съ турками, крымцами и Бухарою.

Сама по себѣ ногайская орда не представляла въ военномъ отношеніи сколько нибудь серьезнаго значенія, но въ соединеніи съ Астраханью она играла роль виднаго приданка то къ Казани, то къ Крымскому ханству. Такъ она смотрѣла сама на себя, такъ смотрѣло на нее и рус. правительство, такъ наконецъ смотрѣль на нее и турецкій султанъ.

Пользуясь своимъ положеніемъ, ногаи постоянно вымогали у «блѣгаго московскаго князя» добрыя поминки, не забывая упоминать, что они и Казань не помогаютъ и отъ Крыма берегутъ, даже несмотря на то, что Казань не скучится на дары и зоветъ ихъ ежедневно воевать Москву. Вымогая поминки, ногаи переходили нерѣдко границы дипломатической вѣжливости, но въ подобныхъ случаяхъ имъ приходилось выслушивать сердитые отвѣты. На одну изъ подобныхъ просьбъ, царь приказалъ отвѣтить ногайскому кн., что онъ пишетъ непригоже, за что и можетъ лишиться московской дружбы. Получивъ подобную отповѣдь, ногаи быстро переходили изъ кичливаго тона въ приниженный и, уже тогда, ногай не затруднялся называть себя казакомъ московскаго царя и даже «отъ его воротъ человѣкомъ».

Поставленный рус. властю въ правители ногайской орды, Измаилъ—отпрыскъ крови Казанскихъ царей—стремился, по примѣру своихъ предшественниковъ, прибрать и Астрахань подъ свою руку. Но Астрахань не соглашалась отдаться кочевникамъ и держала у себя Дербыша, который въ свою очередь считалъ ногаевъ своими данниками. Поэтому Измаилъ постоянно жаловался на то,

что Дербышъ ему, князю, не прымить и что Россия напрасно не береть Астрахань въ свое полное владѣніе. За себя-же и за своихъ мурзъ Измаиль представилъ шертную запись, въ которой клялся ходить всюду, куда повелитъ царь и в. кн. и противъ всѣхъ недруговъ быть за одно. Однако онъ вздумалъ наименовать себя однажды отцомъ московскаго царя и потребовать отъ него въ поминки двадцатьсotъ рублей. За эту выходку Измаилу пришлось выслушать изрядный нагоняй съ совѣтомъ впередъ «бездѣльныхъ словъ не писать». И въ этомъ случаѣ ногайскій кн. быстро перемѣнилъ фронтъ и тотчасъ же отписалъ: «Всего христіанства государю, бѣлому царю, много поклоновъ». При этомъ извиненіи, онъ не упустилъ однако случая попросить о присылкѣ ему трехъ птицъ—кречета, сокола и ястреба и «олова много, да шафрану много, да красокъ много, да бумаги много, да пятьсотъ тысячъ гвоздей».

Дербышъ однако не давалъ покоя Измаилу и этотъ вновь сообщилъ Москвѣ объ его измѣнѣ, которая и дѣйствительно подтвердилась союзомъ его съ Крымскимъ ханомъ. Измаиль извѣщалъ также, что онъ идетъ воевать Астрахань за счетъ рус. царя, который бы выслалъ и отъ себя военную силу. Успѣха не послѣдовало и находившійся въ Астрахани для надзора за царемъ, рус. посолъ Мансуровъ принужденъ былъ, съ своею командою въ пятьсотъ человѣкъ, перейти на суда и отплыть вверхъ по р. Волгѣ.

Но Казань была уже въ рус. власти, поэтому государю не стоило большого труда выслать подъ Астрахань стрѣльцовъ и казаковъ, которые нашли городъ совершено опустѣвшимъ. Дербышъ, какъ ставленникъ, принесъ повинную, не скрывъ, что его подбили къ измѣнѣ съ одной стороны крымцы, а съ другой казанцы, затѣявшиѣ было, при одобрѣніи турецкаго султана, общее противъ юго-восточныхъ областей Россіи мусульманское возстаніе.

Предоставленные впослѣдствіи самимъ себѣ, ногаи пустились въ перекочевки съ р. Волги на р. Яикъ и обратно на Волгу или на Тerekъ. Изъ этихъ шатуновъ выродилось склонное къ рабскому состоянію племя, которое только лѣнивый не объявлялъ въ своеемъ подданствѣ. Надъ ними властвовали поперемѣнно и калмыки, и крымцы. Побывавъ на р. Тerekѣ, они уходили въ Крымъ, переселились на р. Днѣпръ и никогда не стѣснялись мѣнять рус. подданство на турецкое и обратно... пока историческій рокъ не пріѣхалъ ихъ навсегда къ рус. землѣ.

Несмотря на всю внешнюю эфемерность Ямгурчесева царства, оно имѣло для рус. государственной границы очень большое значение. Какъ звено, связывавшее крымскихъ татаръ съ южными поволжьемъ, Астрахань служила постоянно предметомъ воождѣній крымскихъ хановъ, предпринимавшихъ изъ-за обладанія ею дальніе, рискованные походы. И не только крымскіе ханы, разрывающіе изъ-за нея свои мирныя по временамъ отношенія къ Москвѣ, но и глава мусульманства—султанъ оттомановъ—видѣлъ въ ней базу, которая могла сослужить мусульманству противъ Россіи не дурную службу.

Послѣ Ямгурчей остались родовичи, которымъ, по присоединеніи Астрахани къ Россіи, пришлось бѣжать въ родственную Трансоксанію. Здѣсь они потѣшили аборигеновъ и усѣлись довольно плотно на тронъ Тимура. Не сходя съ него, въ продолженіи полутора вѣка, аштарханиды значительно понизили культуру наслѣдія Тимуръ-лена. Послѣдній изъ аштарханидовъ, превратившись въ святошу, уступилъ Трансоксанію персидскому государю, за что и былъ умерщвленъ своимъ визиремъ.

Присоединеніе Астраханского царства къ Россіи было только естественнымъ послѣдствіемъ паденія Казанского царства, поэтому оно совершилось безъ боевыхъ подвиговъ и военного блеска. Овладѣвъ такимъ образомъ всѣмъ теченіемъ р. Волги, Россія намекала уже однимъ этимъ фактомъ прикаспийскимъ и среднеазіатскимъ ханамъ и эмирамъ, что имъ не лишне подружиться съ нею и даже послать ей челобитныя о взаимной любви. Гордой Хивѣ также ничего не оставалось, какъ выйти на общую дорогу и вотъ:—«Пришелъ къ царю и в. кн. изъ Юргенча» — вновь воспрянувшаго Ургенча — «отъ царя Ходжина послъ съ поминки и в. челобитъемъ о любви и чтобы царь и государь дорогу велѣть гостемъ дати и его беречь. Того же времени пришли послы и изъ Бухары и изъ Шермахани»...

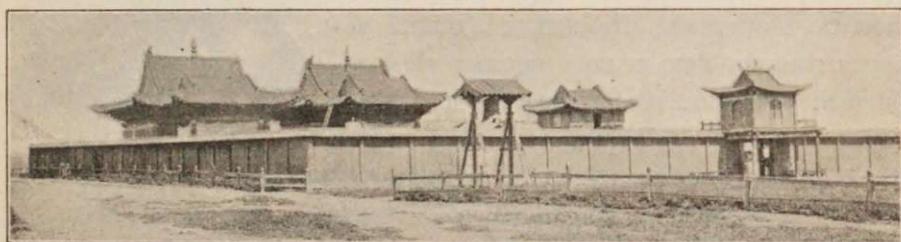
Ногайская орда продолжала влечь свое самостоятельное существование еще въ продолженіи столѣтія послѣ паденія Астраханского царства. Въ продолженіи этого столѣтія, она не разъ

переметывалась съ рус. стороны на крымскую и обратно, пока не разсталась наконецъ съ мыслью о своей независимости.

Въ нынѣшнихъ ея обломкахъ продолжаетъ еще удерживаться разнородность элементовъ какъ въ физиологическомъ строеніи, такъ и въ душевныхъ свойствахъ бывшихъ ордынцевъ. Одна половина ихъ отличается классическими носами, тогда какъ другая охотно признаетъ себя тупоносою. Часть ихъ отличается совершенствомъ слуха, тогда какъ сородичи ихъ пользуются только необыкновенно острымъ зрѣніемъ. Ногай охотно сознается сегодня въ томъ, что упорно отрицалъ вчера. Порою онъ корыстенъ, какъ закоренѣлый злодѣй, а вслѣдъ затѣмъ прымодушенъ, какъ неиспорченное дитя. Ложь—это его привычка. Наконецъ, одни изъ нихъ принадлежать къ суннитамъ, другіе къ шіитамъ. Одна половина ихъ женщины—смертный грѣхъ, а другая, происходя быть можетъ отъ тѣхъ двадцати тысячъ полонянокъ, которыхъ ногаи умыкнули изъ Польши, а можетъ быть и отъ кавказскихъ красавицъ—справедливо гордятся и тонкими чертами лица и нѣжными красками кожи.

Въ настоящемъ состояніи, нѣкогда кичливый, ногай—скотоводъ по природѣ—представляется обладателемъ убогой сакли, старой, вонючей трубки, пары тощихъ воловъ и пары рукъ, ничего не умѣющихъ дѣлать. Въ степной мѣстности заработка этого чингисида, если только у него нѣть своего стада или табуна, равняется цѣнности собираемаго имъ скотского помета на топливо; осѣдлый же бѣднякъ доволенъ, когда ему удастся пойти въ батраки къ казаку для ухода за его огородомъ и виноградникомъ, въ которомъ онъ выжимаетъ вино—«лучшихъ донскихъ марокъ».

Усыпальница Богдо-Гегеновъ.
(въ Монголії).

Л
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
и
ДИНАСТИЯ ГИРЕЕВЪ.

(1440—1783 г.г.)

асть З. орды, изъ которой образовалось крымское ханство, оказалось наиболѣе долговѣчнымъ отпрыскомъ чингисидовъ. Въ первый разъ, чингисиды посѣтили Крымъ послѣ блестательной побѣды ихъ на р. Калкѣ; тогда Субетай привелъ на отдыхъ устальные тумени въ судакскую долину, гдѣ ожидалъ прихода Джучи, безъ котораго монголы не рѣшались продолжать побѣдоносное шествіе по Европѣ. Въ ожиданіи Джучи, побѣдители ликвидировали здѣсь

свой полонъ, передавая половцевъ и россиянъ въ турецкую каторгу—на галеры и фелуки, гдѣ прикованные цѣпями они должны были неустанно работать веслами. Не дождавшись Джучи, Субетай поднялъ своихъ монголовъ обратно въ Азію, такъ какъ Чингисъ-ханъ, оперировавшій вновь противъ Китая, нуждался въ ихъ боевой опытности.

Таврида и до прихода монголовъ была уже достаточно богата историческими памятниками и событиями. Здѣсь, нѣкогда, амазонки рубили головы своимъ возлюбленнымъ, чтобы отнести ихъ на кровавый алтарь ненасытной богини Опісъ. Здѣсь, пытали счастье аргонавты и, быть можетъ, менѣе удачно нежели тавры, укрѣпившіе за полуостровомъ свое имя. За таврами прошли киммеріяне, скіоны и сарматы. Не мало оставили по себѣ слѣдовъ и Митридатъ Понтійскій и торговые люди Венеціи и Генуи. Послѣдніе обратили Крымъ въ торговый узелъ, изъ которого расходились пути въ центральную Азію, Индію и Китай. По берегамъ Крыма и теперь еще видны остатки ихъ башень, служившихъ маяками торговому флоту. Видны также и остатки стѣнъ, охранявшихъ, судя по ихъ циклопическому виду, богатыя факторіи.

Посещенія Крыма кн. Владіміромъ привело къ событию неизмѣримой важности для всего христіанства и для особенно рус. земли. Встрѣченный недружелюбно херсонесцами, онъ сломилъ ихъ сопротивленіе, на что понадобились три года, голодомъ и лишениемъ воды. Въ награду за эти усилия онъ потребовалъ себѣ въ жены сестру Византійскаго императора Анну съ угрозою, въ случаѣ отказа, идти на Константинополь. Отказа не послѣдовало. Царевна потребовала, въ свою очередь, отъ настойчиваго жениха принятія имъ христіанства, что онъ и выполнилъ въ купели покореннаго имъ Херсонеса. Неизвѣстно, что побудило потомъ кн. оставить Крымъ и передать его грекамъ, но можно догадываться, что эта уступка была выговорена брачнымъ договоромъ съ отцомъ невѣсты.

Отступивъ передъ натискомъ исламитянъ, греки передали и Тавриду въ мусульманскія руки, которые превратили ее на многіе вѣка въ боевой лагерь. Въ эпоху расцвѣта З. орды, она вновь досталась чингисидамъ, изобрѣвшимъ изъ полона и поминокъ своего рода промыселъ надъ Россіей, Польшей и Литвой.

При расширѣніи З. орды, по сѣверной сторонѣ Чернаго моря до р. Дуная, Таврида обратилась въ ея окраинный улусъ, а по смерти Тохтамыша—въ самостоятельное ханство. Такому повышенню много помогло обособленное географическое положеніе ея и предпримчивость чингисида—выходца изъ Казани—Хаджи-Гирея, не задумавшагося присвоить своему ханату титулъ в. улуса. Попутно онъ объявилъ себя—ханомъ, а въ сношеніяхъ съ Россіей именовалъ уже себя царемъ. Изъ его династіи исторический рокъ,

сильно впутавши Тавриду въ рус. дѣла, выдѣлилъ Менгли, Махметъ, Саибъ, Девлеть и Казы-Гиреевъ, порою грабившихъ Россію, а порою оказывавшихъ ей серьезныя услуги.

Дядя основателя ханства, Менгли-Гирей, возмечтавши овладѣть, при рус. помощи, золотоординскимъ престоломъ, предложилъ в. кн. Ioannу III Васильевичу оборонительный и наступательный союзъ:—«Кто будетъ другъ мнѣ, Менгли-Гирею царю, тотъ и тебѣ другъ, Великому князю Ивану; а кто будетъ мнѣ, Менгли-Гирею царю недругъ, тотъ и тебѣ Великому князю Ивану недругъ.»—Онъ обѣщалъ при этомъ не воевать земель в. кн. и послушныхъ ему удѣльныхъ кн. Онъ ручался также и за своихъ крымцевъ:—«А если крымцы повоюютъ русскихъ людей безъ разрѣшенія, то ихъ казнить, а отрубленныя имъ головы возвратить безъ окупа».—Мысль о нападеніи на З. орду распалила Менгли-Гирея до того, что, заключивъ съ в. кн. союзъ общаго характера, онъ предложилъ ему дополнительный союзъ, направленный спеціально противъ хана Ахмата. По этому договору было условлено считать польского короля—недругомъ в. кн., а хана Ахмата—недругомъ Менгли-Гирея. Обѣ стороны приняли въ томъ присягу, причемъ в. кн. присягнула въ присутствіи крымскаго посла. Памятуя, однако, какъ ненадежны татаро-монгольскіе престолы, Менгли-Гирей позаботился, на случай неудачи, объ убѣжищѣ для себя въ Россіи.—«Дай Господи тебѣ лихо не было», отвѣчалъ в. кн., подтверждая крѣпкою грамотою съ золотою печатью нерушимость заключеннаго союза.

Союзъ в. кн. съ Менгли-Гиреемъ былъ выгоденъ обѣимъ сторонамъ. Россія узнала, что Ахматъ-ханъ и Казиміръ IV условились напасть на нее съ двухъ сторонъ. Въ свою очередь и Менгли-Гирей ожидалъ посыщенія З. орды, не желавшей разстаться съ своимъ улусомъ.

Заручившись союзомъ съ крымскимъ ханомъ, в. кн. отказался платить дань ордѣ и приступилъ къ открытому съ нею разрыву. Этотъ решительный шагъ связывается обычно съ уничтоженiemъ ханской басмы—событиемъ крупной исторической важности, которому суждено еще долгое время обремѣнять умы рус. историковъ вопросомъ: по тонкому-ли политическому расчету, или же подъ взрывомъ внезапнаго негодованія уничтожилъ басму в. кн. Ioannъ? Слишкомъ осторожный для подобнаго оскорблениія ханскаго величія, онъ, если дѣйствительно рѣшился на него, то

только благодаря союзу съ ханомъ, и находясь, при томъ, подъ вліяніемъ крѣпкой любви къ кн. Софѣ. Будучи племянницею Византійскаго императора, она сильно возмущалась приниженностю ся второго отечества передъ степными варварами. Ради нея, мужъ и князь распорядился отнять золотоординское подворье въ Кремль и сказался, при доставленіи басмы, больнымъ, чтобы избѣжать унизительнаго обряда поклоненія этому знаку инвеституры....

Во всякомъ случаѣ, подвинули-ли его на разрывъ съ ордою любовь къ отечеству или пламенное чувство къ гордой гречанкѣ, едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что послы Ахмата были истреблены и связь съ ордою порвана..

Оскорбленному хану ничего не оставалось какъ собрать тумени и пойти войною на Россію. Такъ онъ и поступилъ и «пойде на православное христіанство, на Русь, на в. кн., похвалился разорити святая церкви и все православіе плѣнити». Тумени его остановились на «брезѣ Угры». Но пока онъ шелъ сюда, Менгли-Гирей быстро двинулъ свою конницу противъ его союзника и тѣмъ предупредилъ соединеніе силъ, которыя могли тяжело обрушиться на Россію.

Пославъ въ орду, оставшуюся въ беззащитномъ состояніи, воеводу Ноздреватаго, в. кн. выпель тоже къ р. Угрѣ и сталъ на противоположномъ берегу, противъ Ахмать-хана. Долгое время обѣ арміи перестрѣливались черезъ р., какъ-бы въ ожиданіи наступленія морозовъ и ледостава. Въ дѣйствительности-же, обѣ ~~они~~ сильно побаивались другъ друга. Орда робѣла, не получивъ отъ Казимира условленный помощи, а рус. сторона слушалась «злыхъ человѣкъ, сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанскихъ, а наровниковъ бесерменьскихъ, иже глаголили: побѣжи, не можеши стати съ ними на бой».

Появился накопецъ и ледоставъ, при чемъ внезапно наступившіе морозы были до того жестоки, что глаза отказывались смотрѣть на Божій свѣтъ. Не ожидая подобнаго явленія, ордынцы пришли налегкѣ: «наги босы и ободравшись», поэтому не смѣли и думать о дальнѣйшемъ движеніи въ Россію. Каждая изъ армій, предполагая хитрости съ другой стороны и засады, не рѣшалась помѣряться силами. Простоявъ такимъ образомъ въ боевой позиціи около двухъ недѣль, в. кн. повелѣлъ дружинамъ отступить и—къ общему удивленію—Ахмать-ханъ тоже «побѣже отъ Угры». Если нельзѧ объяснить причину послѣднаго отступленія рус.

силь, то ханъ имѣлъ на то основательные поводы. Потерявъ надежду на помошь союзника, онъ принужденъ былъ спасать свою столицу, на которую нагрянули одновременно крымцы и ногаи.

Эта безкровная и нѣсколько странная побѣда Москвы, принесла результаты важнѣе тѣхъ, которые добываются иногда ручьями крови. Россія вышла изъ даничества, и З. орда не посягала уже болѣе требовать ея кн. за ярлыками или на расправу. Напротивъ, сама орда очутилась въ болѣе чѣмъ критическомъ положеніи. Ахматъ отступилъ отъ р. Угры къ устью р. Донца, гдѣ поджидали его въ засадѣ ногаи, вызвавшіеся на добровольную услугу Москвѣ. Отступая на зимовку Ахматъ оставилъ всѣ попутные города и села и уволокъ за собою большую добычу, которая возбудила пополненіе ногаевъ завладѣть ею, хотя бы разбойничими средствами. На этотъ путь выступилъ ногайскій мурза, убившій собственноручно Ахмата—во время его сна—и отправившій тотчасъ же пословъ въ Москву съ извѣстіемъ, что общаго ихъ врага нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Услуга эта привела къ тому, что со смертью Ахмата прервалась навсегда серія золото-ордынскихъ хановъ, державшихъ Россію въ страхѣ и зависимости.

Возрастаніе могущества Крымскаго ханства вызвало посольство Литвы съ цѣлью разрушить союзъ Крыма съ Москвою. Но Менгли-Гирей не поддался льстивымъ предложеніямъ. Въ его тайные планы входило, видимо, усыпленіе Москвы, съ цѣлью ослабить З. орду и стать во главѣ мусульманства, охватывавшаго юго-восточные границы рус. областей. Въ это время, ордынские вельможи не смѣли уже разсчитывать на алафу и бѣжали толпами изъ Сарая въ Крымъ, подававшій тонкою политикою и военными средствами яркую надежду на обновленіе татарского счастья. Обѣ стороны нуждались, такимъ образомъ, въ нейтралитетѣ в. кн., который, находясь между Литвою, ордою и ханствомъ, принужденъ былъ, обѣщаю помошь одному, не вредить другому, съ расчетомъ увидѣть какъ они истомятъ и истерзаютъ другъ друга. Орда готова была даже подчиниться своему бывшему даннику, чтобы только нанести сокрушительный ударъ ханству, но Менгли-Гирей умѣло разрушилъ эту мечту довольно тонкою политикою и рядомъ сокрушительныхъ ударовъ. По смерти Ахмата, дѣти его вступили было въ союзъ съ Крымомъ, но дружба ихъ продолжалась недолго. Въ возникшей между ними борьбѣ, Менгли-Гирею

пришлось однажды спасаться бѣгствомъ изъ Крыма; тогда в. кн. оказалъ такую могущественную помощь своему союзнику, что золотоордынцамъ оставалось только смириться и ожидать послѣднихъ ударовъ исторического рока, которые не заставили себя ожидать. Менгли-Гирей, выждавъ удобный случай для нападенія на З. орду, нанесъ ей окончательное пораженіе.

— «Улусы нашихъ враговъ въ моей руки!» сообщилъ онъ в. кн., который принялъ это извѣстіе уже какъ нѣчто должное, ожиданное, и по силѣ сложившихся обстоятельствъ,—неизбѣжное. Болѣе сильной и откровенной радости можетъ быть препятствовали дѣла его съ Литвою, а можетъ быть и возниквшее могущество самого Крымскаго ханства, успѣвшаго захватить въ короткое время всѣ степи между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

Политика Менгли-Гирея измѣнилась уже во время княженія Василія Ioannovicha, когда Литва соблазнила наконецъ хана ежегодною субсидіею въ пятнадцать тысячъ червонцевъ и подвинула его воевать съ Россіею. Первое однако «впаденіе» въ рус. области окончилось для крымцевъ неудачно; пострадали при этомъ Одоевская и Бѣлевская земли, но быстро собравшіеся воеводы не дали простору крымскимъ царевичамъ. Менгли-Гирей оправдывался потомъ передъ в. кн. пылкостью и молодостью своихъ сыновей, но набѣги ихъ повторились и было уже ясно, что Крымъ готовится занять, по отношенію къ Россіи, кичливо-непріязненное положеніе.

Литвѣ были особенно чувствительны нападенія Крымскихъ татаръ. Съ одной стороны Московскіе государи тѣснили Литву, а съ другой Польша, подставляя дружественный уніі, стремилась отнять отъ нея привеллегіи и обратить ее въ общую границу своей Рѣчи Посполитой.

Поэтому, нисколько не странно, что в. кн. Александръ, поздравляя Польского короля Ioanna Alberta, съ восшествіемъ на престолъ не утерпѣлъ, чтобы даже при этомъ случаѣ не попросить помощи противъ Крымскихъ татаръ.—«Дошли до насъ слухи иже царь Переокопскій Мендли-Кирей вытягнулъ съ Переокопа и всеми моцами своими.....а того не вѣдаемъ, гдѣ ся тотъ поганинъ маєть обернуть на которую сторону; про то, если бы, Боже вховай, тое поганство потягнуло у паньство наше.....ажъ бы ваша милость рачыли намъ....» Въ тревогѣ за свою Литву, в. кн. писалъ и Менгли-Гирею.—«И ты.... своего еси послалъ къ намъ прислаль,

хотячи съ нами житъя и пріязни, а за тымъ еси своимъ посломъ, войну пустиль въ нашу землю....»

Не слишкомъ-то разсчитывая на дипломатические переговоры съ Крымскимъ ханомъ, все тотъ-же в. кн. Александръ обратился съ просьбою о помощи и къ в. кн. Ioannу Васильевичу, который согласился охотно выслать вспомогательное войско противъ татарь и только спрашивалъ Литовскаго кн.—«въ которые дни чаете прихода Перекопскаго царя?»

Не полагаясь однако на дружбу Московскаго государя, Литовскій кн. предпочелъ послать даръ Крымскому хану—изъ нѣсколькихъ шубъ, собольихъ мѣховъ и трехъ девяточъ суконъ—а потомъ и снарядить посла для секретнаго договора съ Крымскимъ ханомъ противъ Московскаго государя. Чтобы достигнуть успѣха в. кн. Александръ пощекоталъ даже ханское самолобіе.—«Самъ же того твоя милость посмотри, какъ вже честь твоя царская пошикала, и пошлины твои вси отъ твоего царства отошли и твоему столцу нихто ся не кланяетъ, какъ передъ тымъ ся кланивали....»

Эти любезности со стороны Литвы наполнили сердце Менгли-Гирея благодарными чувствами на столько, что онъ не затруднился подарить ей чуть не половину тогдашней Руси. При возбудившемся послѣ дружбы непріязненнемъ отношеній къ Московскому государству, Менгли-Гирей порадовалъ Литовскаго кн. ярлыкомъ, который, впрочемъ, достался уже в. кн. Сигизмунду, вступившему на престоль послѣ умершаго в. кн. Александра. Подтверждая своимъ ярлыкомъ за Литовскимъ княжествомъ все приписанное ему «великими Крымскими царями» Менгли-Гирей поименовалъ Киевскую «тму», Володимерскую, Великаго Луцка, Смоленскую, Подольскую, Каменецкую, Браславскую, Черниговскую, Курскую и множество городовъ. А затѣмъ, «повышая брата своего», Менгли-Гирей придалъ его Литовскому «столцу»—Псковъ, Великій Новгородъ, Резань и Переяславль. Столъ щедрый подарокъ Крымскаго хана ошеломилъ Литву до того, что она возмечтала уже взять верхъ надъ Москвою и установила къ ней надолго явно непріязненные отношенія....

По смерти отца, Магметъ-Гирей, пользуясь субсидіями Литвы, потребовалъ, чтобы в. кн. возвратилъ Смоленскъ Литовскому юрту, а Брянскъ, Стародубъ, Путивль, Новгородъ-Сѣверскій и сѣть другихъ городовъ отдалъ-бы ему, хану, въ знакъ дружбы съ нимъ и братства. По пути онъ требовалъ также сво-

боды плѣнникамъ, попавшимъ въ полонъ при набѣгѣ на Одоевъ и—въ видѣ пробной дани, за порубежныя волости—«казны побольше».

Вообще Магметъ-Гирей положилъ начало новой эры въ отношеніяхъ крымцевъ къ Россіи, которую они вознамѣрились обратить косвеннымъ образомъ въ свою данницу. Даже одному изъ преданныхъ Москвѣ мурзѣ писалъ в. кн.:—«у тебя ханъ просить восемь городовъ и если ты ему ихъ отдашь, то другомъ ему будешь, а не отдать, то тебѣ другомъ ему не бывать, развѣ пришлешь ему столько-же казны, сколько король присыпаетъ». Отъ короля-же шла, казна «и лѣтомъ и зимою какъ течетъ рѣка—безпрестанно». Доброжелательный мурза совѣтовалъ также рус. послу дѣлать дѣло умѣючи и давать хану все, что онъ попросить.—«А не захочешь царю дать добромъ, такъ онъ у тебя силою возметъ и тебя-же и опозоритъ». Разумѣется, первыя невзгоды со стороны Крыма выпали на долю южно-русскихъ областей, гдѣ и плакались о томъ, что—

«Они били-разбивали Черниговъ градъ,
«Они князя и съ княгинею зарѣзали,
«Княженецкаго сына подвѣсили.....»

Продолжая восходить къ зениту своего могущества, ханство располагало собственою достаточнouю силою и, кроме того, опиралось на родственную Казань и на помощь турецкаго султана, котораго оно признало своимъ верховнымъ покровителемъ. Ногайские улусы также не отказывали въ услугахъ ханству. Чувствуя себя такимъ образомъ въ хорошихъ условiяхъ, оно бросалось, по выбору или расчету, то на рус. области, то на Литву. Но Москва, освободившись отъ золотоординцевъ, выросла уже настолько, что совершенно измѣнила самую организацiю своей защиты. Въ эпоху господства удѣловъ, дружиинники кн. были свободными слугами съ правомъ безпрепятственного перехода изъ одного удѣла въ другой. Находясь подъ страхомъ неожиданного набѣга, то со стороны Литвы, то со стороны орды или Крыма, в. кн. начали однако озабочиваться созданiемъ постоянной службы, что и достигалось раздачею земель и поселенiемъ способныхъ къ ратному дѣлу людей на окраинныхъ линiяхъ. Съ цѣлью защиты государственныхъ границъ были наведены валы съ застѣками и выдвинуты цѣльые населенные города.....

Содержаніе постоянной военной силы окунулось не далѣе какъ при первомъ набѣгѣ Сагибѣ-Гирея, который, признавъ себя вассаломъ турецкаго султана, возобновилъ требованія о присылкѣ поминокъ.—«Если пришлешь мнѣ, что посыпалъ всегда намъ, по обычаю, то хорошо»—писалъ онъ московскому в. кн.—«и мы по дружбѣ станемъ, а не придутъ поминки къ намъ, всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надѣясь на Бога, сами искать пойдемъ и.....уже потомъ не гнѣвайся».—Требуя поминокъ, ханъ угрожалъ в. кн. и своимъ нарядомъ пушечнымъ и помощьюъ султана, О Казани же онъ говорилъ какъ о своемъ юртѣ и предупреждалъ в. кн. не ходить на нее войною.—«А пойдешь на нее войною, то меня на Москву смотри».

Угрозы Сагибѣ-Гирея были нешуточны. Отказъ въ дачѣ поминокъ вызвалъ съ его стороны попытку вовлечь въ войну съ Россіей все окраинное мусульманство. Соединивъ свои силы съ казанскими, онъ двинулся къ рус. предѣламъ, вспомоществуемый и Астраханью и ногайцами. Нашелся и кн. Симеонъ Бѣльскій, поступившій къ нему въ колоновожатые. Но съ другой стороны, не дремали и воеволы, выславшіе надежныхъ разведчиковъ выслѣдить пути ханскаго нашествія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшно готовились и войска въ походъ, такъ что ханъ не успѣлъ расположиться возлѣ р. Оки, какъ на ея берегу появились и рус. войска. Ханъ смотрѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: казалось дружинамъ не будетъ конца. Онъ шли отовсюду, по всѣмъ дорогамъ, въ стройномъ порядкѣ, съ пушечнымъ нарядомъ и съ запасомъ душевной бодрости. Только наступленіе ночи прекратило завязавшуюся было перестрѣлку. На утро-же, Сагибѣ-Гирей снялся въ обратный путь и такъ стремительно, что дружины захватили, безъ труда, его обозъ и тяжелую артиллерию—подарокъ хану турецкаго султана.

Идя на Москву, Сагибѣ-Гирей похвалялся отдохнуть на Воробьевыхъ горахъ, поэтому—предлагалъ онъ своимъ союзникамъ:

«Думать думу съ цѣла ума,
«Кому у насть сидѣть въ каменной Москвѣ,
«А кому у насть во Владимірѣ,
«А кому у насть сидѣть въ Суздалѣ,
«А кому у насть держать Рѣзань старая».....

Дума разсудила—по словамъ народнаго поэта—самому хану возвѣсть въ каменной Москвѣ, сыну его во Владимірѣ, племяннику—въ Суздалѣ.... но случилось по иному:

«Побѣжалъ еси, собака Крымскій царь,
«Не путемъ еси—не дорогою,
«Не по бѣлому, не по черному».

Послѣ этой неудачи, за поминками погнался еще одинъ изъ Гиреевъ, который благодаря раздорамъ между воеводами, ограбилъ до чиста Бѣлевскую и Одоевскую области. Но видно, доставшаяся здѣсь добыча была недостаточна для удовлетворенія его аппетита, почему онъ и писалъ в. кн.: «король даетъ мнѣ 15,000 золотыхъ ежегодно, а ты даешь меныше того. Доселѣ ты былъ молодъ, а теперь и самъ можешь разсудить насколько выгодно тебѣ мириться съ нами или ссориться.»—Вмѣстѣ съ этимъ требованіемъ, бояре доложили в. кн., что ханъ опозорилъ его послана, подьячаго Ляпуна, которому велѣлъ защитить носъ и уши и вывести на базаръ въ обнаженномъ видѣ.—В. кн. отказалъ въ дачѣ поминокъ и въ свою очередь наложилъ опалу на Крымскихъ пословъ.

Вообще же, изъ двадцати двухъ хановъ, правившихъ, въ теченіе трехъ столѣтій, Крымомъ, наибольшую заботу доставилъ Россіи Девлетъ-Гирей, поставившій задачею своей жизни обратить Казань и Астрахань въ свои улусы. Онъ действовалъ въ этомъ случаѣ по приказу изъ Константинополя. Видя, что дипломатическія ухищренія, заключавшіяся въ обычномъ натравленіи Польши и Литвы противъ Россіи и обратно, приносили дѣлу мусульманства ничтожные результаты, Девлетъ-Гирей принялъ добывать улусы нападеніями на сторожившую ихъ Россію....

Но къ этому времени Россія успѣла уже сдружиться съ историческимъ рокомъ и прошла, вмѣстѣ съ нимъ, побѣдоносно, по всему южному поволжью: Казань и Астрахань были въ ея рукахъ. Эти утраты мусульманства отозвались болѣзненно въ сердцахъ султана Солимана и его крымскаго вассала. Впрочемъ, первый привѣтствовалъ Иоанна золотописанной грамотой, а второй готовился приложить руку къ шертной записи. Каково, однако, было дружественное расположніе Девлетъ-Гирея къ Россіи, видно уже изъ того, что, требуя, послѣ покоренія уже царемъ Казани, поминокъ, онъ обошелъ царскій титулъ Иоанна и только увѣрялъ его, что если «получить отъ него побольше, то и помирится съ нимъ по-

крѣпче» — Иоаннъ отказалъ въ дачѣ поминокъ и приказалъ изгото-
виться къ встрѣчѣ врага. Предвидѣніе его сбылось: изъ фальши-
ваго похода на пятигорскихъ черкесъ, Девлетъ - Гирей повернуль
внезапно на Тулу, но здѣсь Шереметевъ поставилъ его между
собою и подоспѣвшими войсками Государя. Потерявъ обозъ и де-
сятки тысячъ коней, ханъ ретировался въ Тавриду.

Три года отсиживался потомъ Девлетъ-Гирей въ Бахчисараѣ,
ожидая къ себѣ отвѣтнаго нашествія Россіи и, недождавшись его,
выступилъ вновь по направлению къ Рязани. На этотъ разъ, ему
отвѣтилъ Данило Адашевъ, спустившійся съ дружинами боярскихъ
дѣтей и стрѣльцовъ по р. Днѣпру въ Черное море и высадившійся
въ Очаковѣ, откуда и проникъ вглубь Крыма. То было первое
появленіе въ Тавридѣ рус. военной силы, отъ которой бѣжали въ
горы южные крымцы, никогда не предполагавшіе возможности
вторженія къ нимъ непріятеля. Они тщательно оберегали пере-
щеекъ между Азовскимъ и Чернымъ морями, не предполагая, что
найдется смѣльчакъ, который появится въ лиманѣ Даїпра.

Еще пять лѣтъ просидѣлъ Девлетъ-Гирей въ Бахчисараѣ и,
пообѣщавъ, предварительно, в. кн. новую шертную запись о мирѣ
и союзѣ, появился внезапно подъ Рязанью и застигъ ее врасплохъ.
Одни горожане вышли на ея защиту. Пока они отбивали первые
приступы огнестрѣльными снарядами, на выручку ихъ подошли
царскія дружины — и хану пришлось еще разъ ретироваться въ
Тавриду.

Испытавъ рядъ неудачъ, Девлетъ-Гирей охладѣлъ къ султану,
который постоянно побуждалъ его отнять Казань и Астрахань, но
оказывалъ при этомъ только платоническую помощь. Наконецъ,
султанъ прислалъ и вспомогательный корпусъ, когда Девлетъ-
Гирею надоѣло уже вынимать горячіе каштаны въ пользу Стам-
була. По его совѣту турки направились по такому пути въ Астра-
хань, по которому гибель отряда, плохо обеспеченного перевозоч-
ными средствами и продовольствіемъ, была неизбѣжна. Кроме
того, турки предприняли странный въ ихъ положеніи ирригацион-
ный трудъ соединенія р.р. Дона и Волги и потерпѣли въ этомъ дѣлѣ
полное фіаско. Обратно, въ Азовъ, возвратились только небольшие
остатки оттомановъ, не успѣвшихъ вовсе побывать въ Астрахани.

Послѣ этого неудачнаго предпріятія султана, Девлетъ-Гирей
повелъ уже личную политику и, собравъ до ста тысячъ всадни-
ковъ, направился прямо къ Москвѣ. Увы! въ эту пору Москва уже

стонала на дыбахъ и изводилась на плахахъ и поэтому забывала о береженіи государственныхъ границъ. Московскіе бѣглецы, напуганные безпрерывными казнями, не считали и бесчестіемъ встрѣтить Девлетъ-Гирея, какъ избавителя отъ дикихъ проявленій душевно-больного властелина.

При приближеніи Девлетъ-Гирея, царь перебрался въ Ярославль, оставивъ Москву безъ воеводъ и безъ войска. Правда, на защиту ея подоспѣли вскорѣ лучшіе полки и полководцы того времени—Мстиславскій, Воротынскій, Шерemetевъ, Темкинъ,—но, дѣйствуя безъ плана, торопливо, посреди тѣсно сгрудившихся деревянныхъ строеній, они только усилили общую суматоху и помогли врагу разорить и опозорить Москву. О сопротивленіи никто и не думалъ. Подожженныя татарами деревянныя предмѣстя обратились, вскорѣ, въ одинъ сплошной гигантскій костеръ, въ которомъ пылали торговые склады, монастыри, церкви и дома. Люди задыхались и падали также беспомощно, какъ гибнутъ птицы, охваченные пожарнымъ вихремъ. Всѣ попытки вырваться изъ этого ада были тщетны, такъ какъ окружившее пожарище кольцо всадниковъ прогонило бѣглецовъ обратно. Непокорные гибли подъ ударами ятагановъ и тучею стрѣлъ. Даже сами татары не рѣшились выступить на грабежъ, такъ какъ ничто живое не могло уцѣлѣть въ страшно раскаленной атмосферѣ.

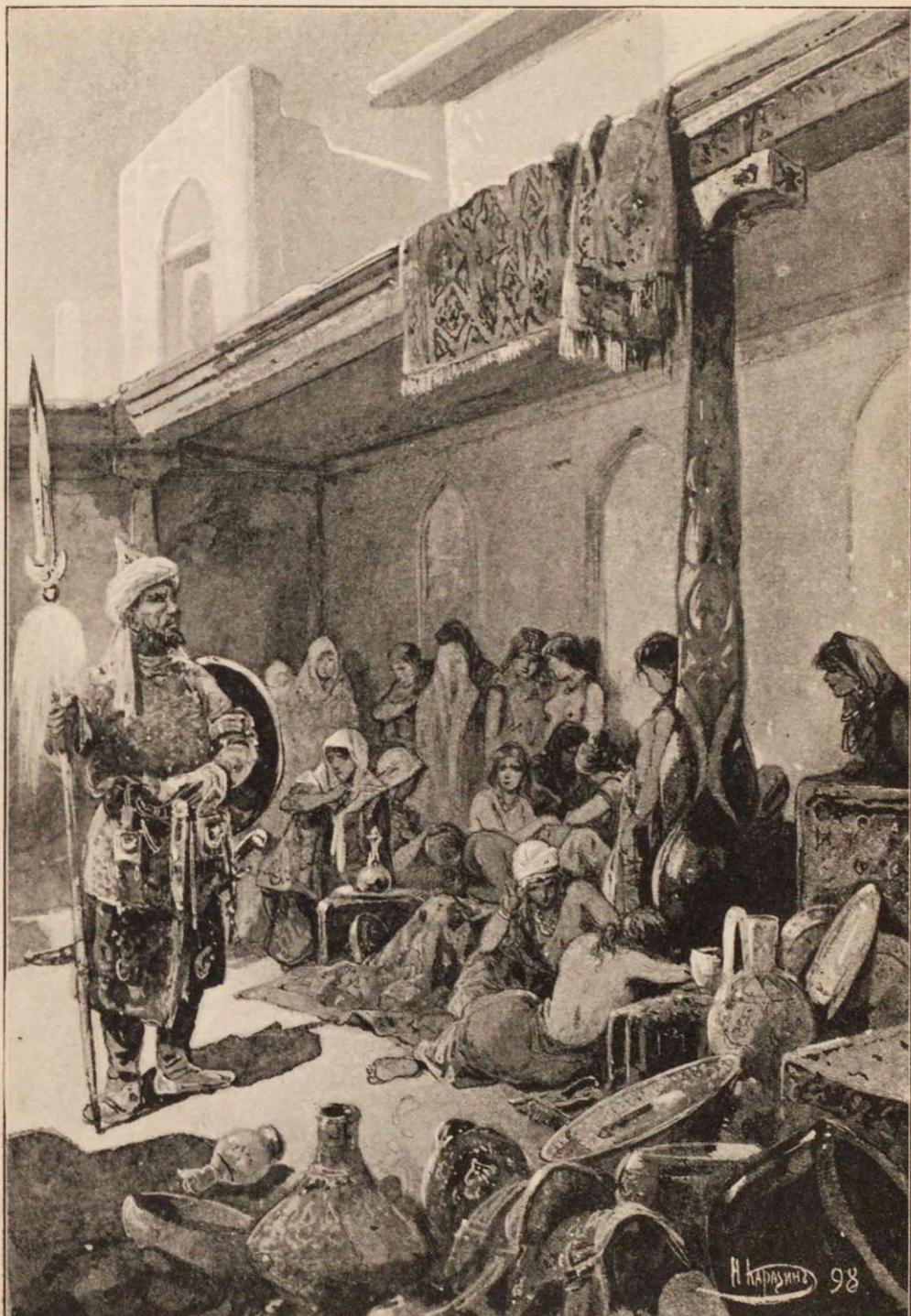
Насладившись съ высотъ Воробьевыхъ горъ пожарищемъ, распространившимся на десятки верстъ, Девлетъ-Гирей отошелъ обратно въ Крымъ, уводя съ собою громадный полонъ. На пожарищѣ остались горы труповъ.....

Послѣ этой тризны, Девлетъ-Гирей прислалъ гонцовъ къ царю съ требованіемъ передать ему Казань и Астрахань.—«Жгу и пустишу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣнио къ праху....отдай наши юрты—Астрахань и Казань, а казною и деньгами намъ не надобно».—Несмотря на то, что въ этой грамотѣ Девлетъ-Гирея было много и неприложихъ словъ, Ioannъ приinizился, бѣль въ отвѣтъ челомъ хану, справлялся объ его здоровыи, обѣщалъ уступить ему Астрахань и—занялся заботами о новомъ супружествѣ, для чего ему доставили въ Слободу до двухъ тысячъ пригожихъ невѣствъ.

По возвращеніи въ Крымъ, Девлетъ-Гирей продолжалъ держать войска наготовѣ, съ намѣреніемъ добыть Астрахань и Казань во чтобы то ни стало. Ioannъ, между тѣмъ, занялся сбрасыва-

ДВЪ ВОЛНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Н. Каразинъ 98

ПОЛОНЪ И ТРОФЕИ.

ніемъ въ Новгородѣ съ моста въ Волховъ заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ боярскихъ дѣтей, имена коихъ, по выраженію синодика, «Ты Господи вѣси».

Не получая удовлетворенія, Девлетъ-Гирей двинулся вновь на Москву, но опричники еще не успѣли взвести на плаху кн. Воротынского, блистательноостоявшаго за истерзанную отчизну. Онъ принялъ бой съ крымцами, всего въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы; на сколько-же бой былъ упоренъ, можно судить по тому, что ханъ привелъ обратно въ Крымъ только шестого всадника. Бунчуки-же его и обозы достались побѣдителямъ. Даже его лукъ и ятаганы были представлены Иоанну въ видѣ трофеевъ.

Послѣ Девлетъ-Гирея сила Крымскаго ханства пошла на убыль, выразившуюся особенно рельефно въ неудачномъ набѣгѣ Казы-Гирея на Москву. Встрѣченный Годуновымъ и Мстиславскимъ, онъ потерялъ двѣ трети своего войска и возвратился въ Крымъ безъ полона и добычи. Собственно въ Бахчисарай онъ приѣхалъ ночью, на арбѣ, раненый, съ подвязанной рукою и въ угнетенномъ состояніи. Спустя мѣсяцъ по возвращеніи, онъ имѣлъ пространное объясненіе съ московскимъ посломъ, которому жаловался на встрѣченное имъ въ Москвѣ грубое обращеніе.—«Меня тамъ не подчинали» замѣтилъ онъ Бабикову, «точно у васъ и не принято тѣшить гостей». Посольство отвѣтило въ саркастическомъ тонѣ.—«Если бы тыостоялъ побольше у Москвы, то Государь поподчиналъ бы тебя какъ слѣдуетъ!»—Ханъ не только проглотилъ эту обиду, но и послалъ гонцовъ въ Москву съ увѣренiemъ, что онъ не требуетъ ни Казани, ни Астрахани, а желалъ-бы только получить малые поминки. Это фальшивое смиреніе усыпило московскихъ бояръ настолько, что они опомнились уже тогда, когда вновь появившіеся крымцы принялись грабить рязанскую, каширскую и тульскую земли. Полонъ ихъ въ этомъ набѣгѣ былъ необычайно великъ, но онъ былъ уже и послѣднимъ трофеемъ угасавшей силы. Выкупъ-же изъ полона приносилъ крымцамъ не малые выгоды: за дѣтей боярскихъ было плачено отъ 50 до 100 р., за сотника стрѣлецкаго 50 р., за попадью 25 р., за дочь княжескую 50 р., за богатыхъ или знатныхъ плѣнниковъ платили и дороже, частью изъ казны, частью изъ семейныхъ достатковъ.

Къ счастью для Россіи, крымцы не сумѣли воспользоваться эпохой ея междуцарствія и самозванчины, что впрочемъ слѣдуетъ приписать и усобицамъ самого ханства. Тамъ Гиреи возстали про-

тивъ Гиреевъ, братъ противъ брата, племянникъ противъ дяди. Одна сторона притянула къ себѣ погаевъ, а другая оперлась на турокъ, которые выслали своихъ янычаръ, распорядившихся и ханскою казною и проживавшими въ ханствѣ рус. и литовскими людьми. Въ средѣ крымцевъ образовалась даже партія, желавшая отдаваться подъ покровительство Москвы. Раздоры эти довели ханство до того, что появление московского гонца съ легкими поминками было встрѣчено тамъ съ болѣшимъ недоумѣніемъ.—«Мы и не думали, объяснили ему крымцы, что вашъ государь захочетъ сноситься съ нами въ такое время».

Наконецъ Крымъ одряхлѣлъ, но, вздрагивая повременамъ, онъ все еще былъ несносенъ своими вымогательствами поминокъ и уволокомъ украинныхъ людей. Тягость эта подвигнула Россію выйти наконецъ изъ пассивнаго, страдательнаго положенія и перейти въ наступательное. Съ этою цѣлью рус. люди вознамѣрились заключить союзъ съ Польшею, въ которую и отправились послы, подробно объяснившіе «раднымъ панамъ» современное ихъ эпохѣ состояніе политическихъ дѣлъ. Въ это время, турецкій султанъ терпѣлъ осаду на Критѣ и требовалъ отъ крымскаго вассала, чтобы онъ предпринялъ диверсію въ его пользу—нападеніемъ на Московское, Польское и Литовское государства. Султану требовался и полонъ для его категори на значительно увеличенномъ флотѣ. Послы сообщили также, что государь уже выслалъ противъ поганыхъ агарянъ свою ратную силу, которой приказаль действовать заодно съ королевскими войсками.—«И вы-бы паны радные, сами о томъ думали»—приглашали послы польскихъ дипломатовъ—«и короли на то наводили.... чтобы онъ отдалъ своему гетману приказъ быть съ ратными людьми на Украинѣ»....

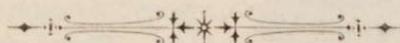
Но увы, діалектика московскихъ пословъ не привела къ желательному союзу, вовсе не входившему въ расчеты короля. Польшѣ выгоднѣе было имѣть дѣло съ измѣнившимъ Россіи генеральнымъ писаремъ Выговскимъ, который обязался договоромъ въ Гадячѣ передать Польшѣ всю малую Россію, за предоставление ему пожизненнаго гетманства. Въ союзѣ съ Крымомъ, Выговскій нанесъ московскому воеводѣ Трубецкому сильное пораженіе, но ему не пришлось воспользоваться гетманствомъ, такъ какъ казаки изгнали его изъ Запорожья и выбрали своимъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Вообще мысль о нападеніи на Крымъ обратилась въ обыден-

ную думу рус. людей. О завоеваніи его мечтала и правительница Софья, которая удачно воспользовалась ссорою между Польшею и Турциею, но неудачно выбрала военачальникомъ своего любимца кн. Голицына. Дважды онъ ходилъ въ Крымъ и дважды ретировался обратно въ ея гостепріимные апартаменты, оправдывая свои неудачи безводьемъ, безкорницею и недружелюбiemъ Малороссіи.

Необыкновенно счастливая война съ Турцией, заключившаяся миромъ въ дер. Кучукъ-Кайнарджи, предоставила Россіи крупную часть наслѣдства чингисидовъ. Она приобрѣла всю степь между р.р. Бугомъ и Днѣпромъ и такія опоры Крымскаго ханства, какъ Кинбургъ съ одной стороны и Керчь-Еникале съ другой; самый же Крымъ получилъ независимость вмѣстѣ съ буджакскими и кубанскими татарами.

Прошло всего нѣсколько лѣтъ послѣ объявленія независимости Крыма, какъ раздоры въ ханской семье подорвали его самостоятельность. Восторжествовавшій надъ своими противниками Шагинъ-Гирей не видѣлъ п конца образовавшейся вокругъ него смуты и, поэтому, не задумался отказаться отъ ханства и переселиться въ Россію. Россія вошла въ Тавриду безъ сопротивленія, хотя и при сильномъ неудовольствіи на нее Турціи. Послѣдняя однако поплатилась за это нерасположеніе—Очаковъмъ, Измаиломъ и всѣмъ черноморскимъ наслѣдіемъ чингисидовъ.

II.

ДВИЖЕНИЕ РОССИИ КЪ ТИХОМУ ОКЕАНУ.

(XVI—XIX стол.).

страханское и Казанское царства, уступивъ обратной волнѣ историческаго рока, открыли Россіи свободный путь къ Дальнему Востоку, въ сторону коренныхъ земель чингисидовъ. Земли-же тимуридовъ, сократившіяся мало по малу до предѣловъ старого Мавераннагра, остались пока въ запасѣ для неуспѣвшихъ еще выясниться историческихъ цѣлей.

Не прошло и тридцати лѣтъ со времени занятія приволжскихъ царствъ, какъ рус. пionеръ, увлекаемый обратною волною, очутился на вершинѣ Уральскаго хребта и, спустившись съ него, направился къ далекой родинѣ Чингисъ-хана. Путь его лежалъ параллельно той дорогѣ, по кото-

рой три вѣка тому назадъ шелъ Батый добывать своимъ монголамъ русскій улусъ.

Свободѣ движенія рус. пionera къ Дальнему Востоку помогъ самъ Чингисъ-ханъ, который не могъ не видѣть, что всѣ его сыновья были отъявленными пьяницами, не подававшими надежды сохранить и развить стойкость его правилъ и порядковъ. Предвидя паденіе своего рода, онъ первый подалъ къ тому поводъ, раздробивъ необъятную имперію на улусы, обратившіеся съ течениемъ времени во взаимныхъ ожесточенныхъ враговъ. Правда, по его плану, улусы должны были находиться въ зависимости отъ Коренного юрта и верховнаго хана, но эта зависимость продолжалась не долго. Каждый улусъ зажилъ вскорѣ самостоятельною политикою, приведшею къ совершенному раздробленію его наслѣдства. Вассалы же его—Россія и Китай—напротивъ, уничтожили у себя улусную систему и пришли къ единовластію. Изъ сплотившихся удѣловъ образовалась Россія и изъ нѣсколькихъ отдельныхъ государствъ—Китай. Оба государства оказались колоссами, передъ которыми монголо-татарскіе улусы, распавшіеся на мелкія орды и ханства, принизились, а потомъ и совершенно растворились въ средѣ своихъ бывшихъ данниковъ.

Китай первый воспользовался борбою улусныхъ хановъ и вытѣснилъ своихъ побѣдителей обратно за великую стѣну, а столицу ихъ Хара - Хорумъ обратилъ въ развалины. В. Тимуръ, откликнувшись на призывъ Монголіи, не успѣлъ помочь ей занять прежнее положеніе въ борьбѣ съ Китаемъ, который, пользуясь выгодно сложившимися обстоятельствами, наградилъ западныя области, населенныя мусульманствомъ, своими губернаторами.

Въ этихъ областяхъ продолжается и теперь еще глухая борьба, разражающаяся по пяти-шести разъ въ столѣтіе взрывами ожесточеннаго ненавистничества между пришельцами иaborigenами. Историческій рокъ не сказалъ еще въ этой борьбѣ своего послѣдняго слова.

Перешагнувъ черезъ бывшую З. орду, Россія подошла безъ препятствій, къ Уральскому хребту, изъ-за которого шли заманчивые слухи, доставленные впервые—не говоря уже о Маркѣ Поло—какими-то атаманами изъ семьи ушкуйниковъ. Впрочемъ, московскіе чиновники располагали достовѣрными свѣдѣніями о существованіи за каменнымъ поясомъ Сибирскаго царства, богатаго рыбою, скотомъ, драгоценными рудами и самоцвѣтными кам-

нями. Слухи эти и свѣдѣнія привлекли пионеровъ, которыми явились купцы Строгоновы—по однимъ сказаніямъ, потомки золотоординского же выходца, а по другимъ—природные рус. люди. Они явились по вызову государя Иоанна IV, пожаловавшаго ихъ пустыми мѣстами на р. Камѣ и правомъ ставить крѣпости, содергать охранную стражу и вести безпошлины торгъ солью и рыбой. Они не должны были принимать—разумѣется, на словахъ, а не на дѣлѣ—бродягъ и бездомниковъ. На первое время, имъ приходилось беречься ногайской и сибирской сторонъ и, нежелавшихъ поступаться своими родовыми землями, башкиръ и остыковъ. Судь и расправа были также въ ихъ власти.

При появленіи на р. Чусовой строгоновскихъ людей, хорошо снабженныхъ огнестрѣльными снарядами, прежде всего всполошился султанъ Тобольской орды Кучюмъ, выславшій развѣдоочный по эту сторону Урала отрядъ. Люди его отряда слегка поразбояничали, а этого было достаточно Строгоновымъ, чтобы выпросить новую грамоту на земли до самаго Тобола. Получивъ и эту грамоту, преемники первыхъ Строгоновыхъ, не полагаясь на свою вольницу, обратились за содѣствіемъ къ Донской вольнице, грабившей на собственный страхъ ногайскую орду, персидскихъ торговыхъ людей и государеву казну. Многіе изъ этой вольницы окончили жизнь на висѣлицѣ, но болѣе счастливые, изѣживавъ этой участи, обрадовались теперь возможности уйти подальше отъ Москвы и отъ Грознаго царя.

«Въ Астрахани—жить нельзя,
«На Волгѣ жить—ворами слѣть,
«На Яикъ идти—переходить велико,
«Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
«Грозенъ Царь Осударь Иванъ Васильевичъ....»

Такъ разсуждалъ и Василій Тимофеевъ Алекинъ—кашеваръ Волжско-Камскихъ ушкуйниковъ, получившій прозвище Ермака, по названию треножника, на которомъ висѣлъ его артельный котель. Преобразившись въ атамана, Ермакъ сталъ во главѣ дружины изъ пятисотъ беззавѣтно храбрыхъ головъ, разсчитывавшихъ приложить къ дѣлу свою удаль въ чужой-далней сторонѣ. Къ этой вольной дружинѣ Строгоновы прибавили нѣсколько сотенъ, выкупленныхъ у ногаевъ, полонянниковъ и всякихъ любителей бурной жизни и отправили эту маленькую армию воевать «безбожнаго

салтана Кучума». — Армія вольницы, устроившись на военный образецъ, съ есаулами, походнымъ іереемъ и переводчиками, пошла охотно «очищать» сибирскую землю. Для этой очистки она захватила съ собою семипяденные пищали и легкія пушки съ запасами и снарядами.

Переваливъ за каменный хребеть, Ермакъ встрѣтился съ Кучомовцами первоначально возлѣ пынѣшняго Туриенка и потомъ на р. Иртышѣ, гдѣ они намѣревались преградить ему путь къ Искеру, бывшему столицею Сибирскаго царства. Кучомовцы пришли въ ужасъ и доложили Кучому, что «Русскіи воины сильни, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашеть и дымъ великий исходить и громко голжнеть, аки громъ на небеси, а стрѣль исходящихъ отъ нихъ не видѣти»....

Огонь этотъ пронизывалъ слабо выкованныя кольчуги какъ тѣсто и не допускалъ до рукопашной схватки. Ни копья, ни стрѣлы, ни неустрашимость всадниковъ, разсчитывавшихъ растоптать враговъ копытами коней, не останавливали этихъ бородатыхъ и странныхъ на видъ богатырей. Кучомовцы не жалѣли стрѣль, но напрасно ихъ слѣпой царь взывалъ съ вершины горы за помощью къ небу, оно не сжалось. Впереди Ермака уже шелъ исторический рокъ Россіи и очищалъ ему дорогу. Кучомъ бѣжалъ въ Ишимскія степи, оставивъ во власти пришельца всю страну до Оби и Тобола. Самый Искеръ былъ оставленъ такъ поспѣшно, что побѣдители захватили въ немъ царскую казну, состоявшую изъ богатой пушинны и драгоцѣнностей въ золотѣ, серебрѣ и цвѣтныхъ камняхъ.

Побѣда, какъ морской тифонъ, втягиваетъ въ себя все встрѣченое и властвуетъ надъ всѣмъ окружающимъ съ силою безпощадной стихіи. Бѣгство Кучома послужило сигналомъ къ тому, что его ясачники появились въ Искерѣ, въ качествѣ уже даниковъ Ермака, принявшаго отъ нихъ присягу на подданство Россіи. Первая ихъ дань состояла въ оленьемъ мясѣ, рыбѣ и связкахъ собольихъ шкурокъ.

Опасаясь пуститься зимою въ дальнѣйшіе поиски, Ермакъ перезимовалъ въ Искерѣ и въ одинъ изъ смѣлыхъ набѣговъ плѣнилъ племянника Кучома, наиболѣе воинственнаго изъ всѣхъ его начальниковъ. Съ наступленiemъ весны, возобновились военные дѣйствія, или вѣрнѣе, истребленіе культурнымъ оружіемъ храбрыхъ настуховъ, защищавшихся силою одиѣхъ мышцъ и помощью

своихъ идоловъ и кудесниковъ. Разоривъ еще нѣсколько деревянныхъ остроговъ и, не рискуя растратить людей въ открывавшейся на востокѣ пустынѣ, Ермакъ возвратился въ Искеръ триумфаторомъ. Здѣсь онъ надумался сдать завоеванное царство Государю и быть челомъ о помощи для дальнѣйшихъ подвиговъ.

Прошедшее Ермака и его дружины было забыто, и Государь, порадовавшись тому, что Богъ послалъ Россіи новое царство, могъ лишь спросить въ народной пѣснѣ:

«Гой ты еси Ермакъ Тимофеевъ сынъ
«Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
«Какимъ ты слuchаемъ татарскаго
«Кучюма царя полонилъ
«И всю его татарскую силу
«Подъ мою власть покорилъ?»

Посольство Ермака было одарено забвенiemъ прошедшаго, сукнами, камками, деньгами и милостивою грамотою самому атаману, возведенному въ сибирскіе князья. Теперь же, въ качествѣ побѣдителя, онъ—«бѣ вельми мужественъ и разумѣнъ и человѣченъ и зраченъ и всякой мудрости доволенъ, плосколицъ, чернъ брадою и власы прекудрявъ». Онъ надѣлъ царскій подарокъ—«пансырь битый въ пять колецъ, длиною въ два аршина, въ плачахъ съ четвертью аршинъ, на грудяхъ и межъ крылецъ печати царскія и златые орлы». Для военной же помощи ему были высланы пятьсотъ стрѣльцовъ и дано разрѣшеніе набирать охотниковъ, не требуя вѣроятно отъ нихъ удостовѣреній о скромномъ поведеніи.

Пока прибыло «Государево жалованье», Ермакъ успѣлъ заработать еще для Россіи страну Кондинскую и вообще расширить свою власть до земли Югорской.

Слѣдующая однако зима принесла отряду Ермака большія бѣдствія: морозы и пурга препятствовали добычѣ продовольствія, а голодъ привелъ съ собою обычныхъ спутниковъ—цынгу и цѣлую серію повальныхъ болѣзней. Наступившее лѣто ослабило это тяжелое положеніе, но зима унесла столько людей, что при измѣнѣ одного изъ Кучюмовскихъ кн., Ермакъ увидѣлъ себя въ осадѣ, изъ которой вышелъ только благодаря отчаянной вылазкѣ одного изъ его сподвижниковъ.

Къ тому же и скиталецъ Кучюмъ не располагалъ еще поми-

риться съ положенiemъ изгнанного царя и поджидалъ, съ терпѣniемъ и зоркостью дикаря, удобной минуты, чтобы нанести врагу мстительный ударъ. Лазутчики его подстерегли наконецъ такую минуту и Кучюмовцы вырѣзали поголовно сонный отрядъ, въ которомъ находился и Ермакъ. Послѣдній бросился въ р. Иртышъ, но тяжелая броня потянула его ко дну и—историческій рокъ пріостановилъ на время дальнѣйшее движение Россіи въ страны чингисидовъ.

Кучюмъ возвратился въ Искеръ.

Искертъ, впрочемъ, недолго оставался сибирскою столицею, такъ какъ у Кучюма нашелся совмѣститель, который выгналъ слѣпого старика и объявилъ себя господиномъ орды. Орда не сумѣла сплотиться въ достаточно крѣпкое политическое тѣло. Въ ея составѣ, подъ общимъ именемъ татаръ, были и остыки и черемисы и просто бродяги безъ прошлаго и безъ будущаго.

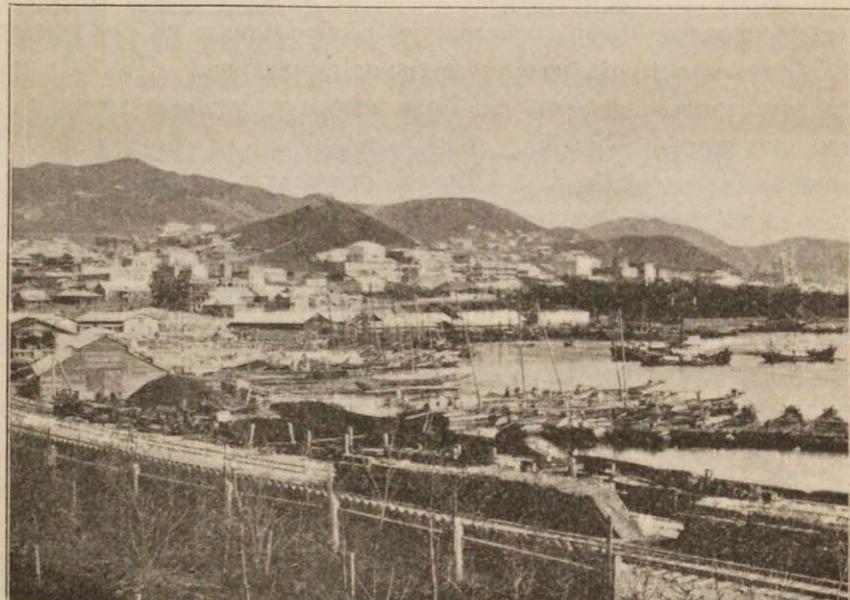
Преемники царя Иоанна не могли оставить Сибирское царство на положеніи драгоцѣнного камня, выпавшаго случайно изъ рус. короны. Вскорѣ потянулись въ царство Кучюма свѣжіе отряды стрѣльцовъ, не только взявши обратно Искеръ, но и заложивши новую сибирскую столицу—Тобольскъ. Между тѣмъ Кучюмъ все еще набѣгалъ по временамъ изъ степи и тревожилъ своимъ неожиданными появленіями разбросанные по рр. Иртышу и Тоболу остроги съ малочисленными гарнизонами. Чтобы покончить съ нимъ, воевода г. Тари выбралъ удобное время и напалъ на лагерь Кучюма, расположившійся на берегу р. Оби. Кучюмъ былъ разбитъ и бѣжалъ, отвергнувъ предложеніе переселиться на жительство въ Москву.

Москва три дня праздновала колокольнымъ звономъ и молебнами побѣду своего исторического рока и глазѣла на доставленныхъ ей плѣнниковъ. Въ числѣ послѣднихъ были всѣ жены, дочери и невѣстки Кучюма, которыхъ провезли по улицамъ съ почетнымъ конвоемъ, пріодѣвшимся на этотъ случай, чтобы показать богатство Сибири, въ соболи шубы.

Такимъ образомъ Россія воевала Западную Сибирь два раза: въ первый—вольницею Ермака и во второй—государевыми стрѣльцами. Но есть документы, удостовѣряющіе, что еще до прихода Ермака, Кучюмъ обращался къ «крестьянскому Бѣлому Царю Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи о томъ, чтобы его Царь и Великій Князь взять въ свои руки и дань со всей Сибир-

ской земли ималъ». — «Царь-де и Великий Князь сибирскаго царя челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и во обереженіе принялъ и дань на него положилъ; на годъ по тысячѣ собольй, да посланнику Государскому, который по дань пріѣдетъ, тысячю бѣ локъ». — Вообще, отвѣтная грамота съ золотою печатью, достойна вниманія и по титулу, указывающему уже широту тогдашней русской государственной границы. Онъ гласилъ: «Всемогущаго безначального Бога неизрѣченнымъ милосердiemъ, крестьянскаго закона единъ правый Царь и Великий Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казапскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великий Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Царь и Великий Князь Ново-города, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всей Сибирской земли и сѣверныхъ странъ повелитель и Государь земли Виѣляндскіе и иныхъ».

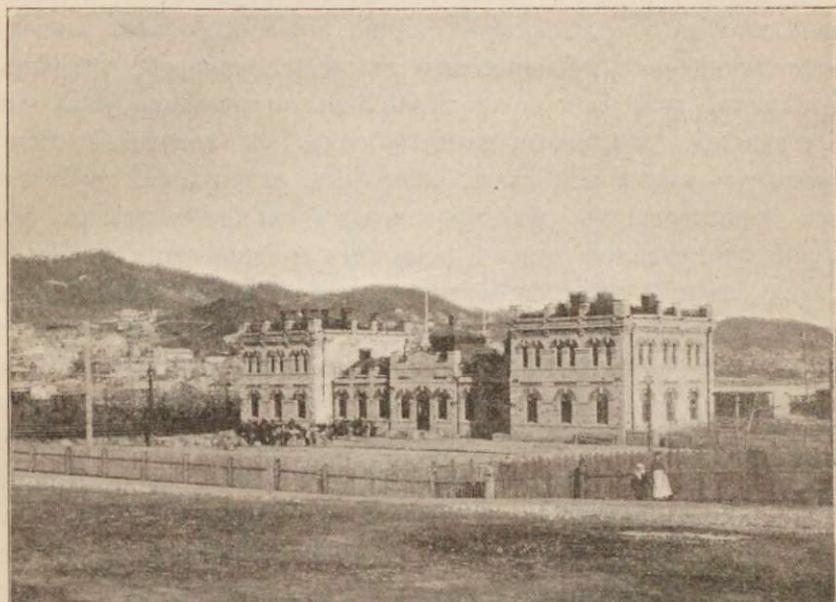
Укрѣшившись въ Западной Сибири, Россія направилась степенными шагами къ самой колыбели чингисидовъ, гдѣ появились ея пionеры только спустя пять столѣтій послѣ рожденія

Владивостокъ.

Чингисъ-хана. Далѣе понадобилось еще полтора вѣка, чтобы проникнуть къ Тихому Океану.

По отношенію къ Монголіи, Китай предупредилъ Россію такъ, что колыбель Чингисъ-Хана распалась между двумя сосѣдями, одинаково испытавшими всю тяжесть появленія на свѣтѣ этого потрясателя земли. Впрочемъ, истинное мѣсто его рожденія отошло въ рус. предѣлы и въ скоромъ времени духъ его будетъ потревоженъ свистками паровознаго локомотива.

Вокзалъ во Владивостокѣ.

Предоставленная самой себѣ, Монголія утратила всякое государственное значеніе и, со времени смерти Чингисъ-хана, несколько не подвинулась не только по пути духовнаго развитія, но и въ направленіи простого животнаго или чувственнаго счастья. Напротивъ, она находится теперь въ худшемъ положеніи, нежели была до эпохи ея обогащенія сокровищами Китая, центральной Азіи и Индіи. Она продолжаетъ влачить свое существованіе по силѣ одной инерціи и, очевидно, осужденная историческимъ рокомъ на неизбѣжное вымирание, изводится заразными болѣзнями, оспою, китайскимъ гнетомъ и классическимъ невѣжествомъ.

Громадное большинство монголовъ прозябаетъ, по прежнему, въ дырявыхъ кибиткахъ, считая роскошью и топливо изъ арго-

ловъ и ъду изъ околѣвшой скотины. Только содерянки майменческихъ купцовъ нѣжатся на коврахъ и олбокахъ и услаждають свои взоры кусками вяленой говядины, развѣшанной на деревянныхъ рѣшеткахъ ихъ жилищъ. На почетномъ мѣстѣ юрты богатаго монгола красуются и теперь все тѣ-же страшные идолы и уродливыя маски, которыми шаманы награждали нѣсколько вѣковъ тому назадъ своихъ послѣдователей. Шаманы не исчезли, хотя переходъ Монголи въ буддизмъ и вызвалъ кореннай переворотъ въ образѣ ея воззрѣній. Ея кровожадность перешла въ слашающее человѣколюбіе, къ которому отлично приспособились шаманы, продолжающіе свое кудесничество въ роли знахарей, посвященныхъ въ тайны Неба и его геніевъ. Ламы превосходно уживаются съ шаманами и даже уступаютъ имъ въ искусствѣ лѣпить фигурки изъ глины или тѣста, обязанная, разумѣется, по повелѣніямъ таинственныхъ духовъ—втягивать въ себя всякаго рода болѣзни, не исключая мученій роженицъ и эпилептиковъ. Идя въ кумирню желтой вѣры, гдѣ вычитывается что-то невѣдомое на тибетскомъ нарѣчіи—монголъ восхищается духомъ только въ тѣ минуты, когда лама трубить въ большую раковину то въ одну, то въ другую части свѣта, но выйдя изъ кумирни, онъ передаетъ свое тѣло на попеченіе шамана. Впрочемъ, онъ охотно дремлетъ у своего камелька изъ сухаго навоза, когда бродячій лама объясняетъ ему, что со времени установленія культа Шакьямуни, Будда перерождался уже пятьсотъ пятьдесятъ разъ, предпочитая при этомъ роли пустынниковъ, но не брезгая обликомъ и вора, и плута. Лама прививаетъ также къ монголу и понятія о строеніи вселенной. Пушъ ея—гора Сумера—покоится на животѣ золотой лягушки, которая поддерживаетъ своими лапами четыре части свѣта. Но когда на небо взойдутъ всѣ шестнадцать солнцевъ, вода изсякнетъ, лягушка повернется спиною къ верху и наступить конецъ вселенной.

Лама-же объясняетъ монголу сколько существуетъ на свѣтѣ добрыхъ и злыхъ поступковъ и сколько разъ человѣкъ согрѣшасть тѣломъ и душою. Тѣломъ онъ согрѣшасть при убийствѣ, воровствѣ и оскверненіи, а потомъ уже клеветою, проклятіями, лицемѣріемъ и оканчивая гнѣвомъ и злыми помыслами. Поучая этимъ истинамъ, ламы охотно морализируютъ на всякия недосягаемо—возвышенныя темы.

Избытокъ буддійской морали не служить однако къ улучше-

нию нравственности монгола. Ни один изъ нихъ, начиная съ вельможи, имѣющаго правоѣздить въ повозкѣ желтаго цвета и оканчивая степнымъ поддонкомъ, не стѣснится смешничать и съ другомъ и съ недругомъ. Уличенный въ мошенничествѣ, онъ не претендуетъ ни противъ физического воздействиа, ни противъ клѣтки, въ которую такъ охотно и услужливо садить его «амбань» на показъ народу. Нравственность его въ семейной жизни чужда и еще болѣе чужда, нежели въ эпоху чингисдовъ—такихъ понятій, какъ цѣломудріе или ревность. Отцы и матери продаютъ своихъ отроковицъ за място чая, а мужья поощряютъ похожденія женъ съ обязательствомъ только доставлять ихъ скучные доходы въ семейную кассу. При такомъ взгляде на чистоту нравовъ, монголь сохранилъ традиціонное пренебреженіе къ собственному тѣлу. Его кладбище, избираемое по близости къ монастырю или къ мясту перерожденія Кутухты, отличается прежними, упрощенными способами погребенія умершихъ. Почтительный сынъ завертываетъ и теперь умершаго родителя въ старенькую шубу, обязываетъ его веревками и относить на стѣдение собакамъ и хищнымъ птицамъ. Кладбище монгола — долина смерти—покрывается и теперь грудами костей, череповъ, челюстями, зубами и истерзанными ключками бараньяго мяча...

Монголь продолжаетъ стрѣлять изъ лука.

Находясь къ застѣнному царству скорѣе въ рабскомъ нежели въ вассальномъ положеніи, Монголія представляеть ему, въ видѣ ежегодной дани, восемь бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда, чѣмъ довольствуется бѣгдыханъ, но недовольствуются его мандарины. Послѣдніе тоже любятъ и верблюдовъ, и лошадей, но не иначе, какъ навыоченныхъ тюками пушинны.

Когда Монголія забываетъ о дополнительной дани въ пользу своихъ господъ, украшенныхъ цветными шариками и изображенными на груди драконами, то обѣ этомъ косвенно напоминаютъ ей приказы амбаней:—«Приказываю, чтобы простолюдины не смѣли вѣзжать верхомъ въ городъ. Они должны слѣзать съ лошадей вдали отъ его стѣнъ и слѣдоватъ по улицамъ пѣшкомъ, держа лошадей въ поводу. Тѣ, которые воспротивятся сему приказу, будутъ наказаны плетьми и шейною колодкою—и все это для примѣра прочимъ».—Таковы приказы амбаней Кобдо, презирающихъ такую ничтожность, какъ «аймачные» люди, дерзающіе посѣщать ихъ резиденцію.

О выходѣ такого приказа монголь передаетъ въ степи сородичу, въ видѣ дружескаго предупрежденія, и покорно слѣзаетъ передъ городскою стѣною съ лошади съ искреннимъ признаніемъ своего убожества. За стѣною онъ избѣгаєтъ встрѣчи съ амбанемъ и его прислѣпниками, въ рукахъ которыхъ бамбуковая трости пріобрѣтаютъ внушительное значеніе. Окончивъ на базарѣ свои маленькия дѣла, въ видѣ промѣна войлока на плитку чая и насладившись жареными пирожками, онъ торопится въ степь съ благодарностью ко всѣмъ богамъ за охраненіе его отъ бамбука, плетей и колодки.

Изъ этого усыпленія монголь пробуждается только при вѣсти о приходѣ китайскихъ солдатъ и о нарожденіи высочайшаго Будды. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ молится до ожесточенія, при чемъ лѣнивые удовлетворяются верченіемъ маленькихъ мельницъ, на которыхъ написаны молитвы; наиболѣе же лѣнивые поручаютъ свои мельницы съ молитвами ручьямъ, которые и вѣтятъ ихъ во славу Всесовершенаго.

Наступивъ тяжелою пятою на Монголію, Китай не отказываетъ въ своемъ уваженіи ея великимъ людямъ, поэтому, хотя Чингисъ-ханъ страшно терзалъ китайскія провинціи, боядихъ посылаетъ на его предполагаемую родину—ежегодно, весною и осеню, деньги, курпельный свѣчи и шелковая матерія для принесенія въ жертву покойному. Монголы очень довольны этимъ вниманіемъ къ ихъ прошедшему и ведутъ себя съ полнымъ раболѣпіемъ передъ назначаемыми для управления ими «ванами», «гунами» и «цзасаками».

Нельзя сказать, чтобы честолюбіе совершиенно угасло между этими потомками чингисидовъ, но ихъ честолюбіе удовлетворяется китайскими чиновниками не иначе, какъ за большія взятки. Честолюбецъ можетъ достигнуть права Ѣздить въ повозкѣ желтаго цвѣта и даже сидѣть на подушкѣ съ несколькими спинками, вышитыми драконами; эти драгоценныя права оплачиваются нерѣдко цѣльными состояніями!

Нынѣшніе потомки чингисидовъ не ропщутъ даже и въ положеніи ямщиковъ russ.—монгольской почты. Они честно доставляютъ цѣнныя грузы чая въ Кяхту и почтительно склоняются передъ потомкомъ Ивашки Сыровяткина, тыкающаго пальцами въ ихъ тупые носы по поводу продѣланной дырочки въ чайному цибиѣ...

Второй путь въ странѣ чингисидовъ, открытый Россіи историческимъ рокомъ, прошелъ поперегъ южного склона Уральского хребта и развѣтвился, въ безграничной киргизской степи, на сотни караванныхъ тропинокъ. Путь этотъ былъ извѣстенъ еще задолго до вторженія въ Европу монголовъ и служилъ торговымъ людямъ, рисковавшимъ ходить изъ Булгаріи въ Азію и далѣе, въ Индію, и обратно. Его проложила жажда наживы и потребность человѣка открывать новые горизонты.

Хорошо проторенная дорога глохнетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. По этой же дорогѣ прошли и къ царю Іоанну Грозному слухи о проживавшихъ за Каменнымъ поясомъ, казакахъ.—«А казаки, Государь сказываютъ, добре сильны, а сказываютъ, Государь, Ташкентъ воевали и Ташкенскіе царевичи, сказываютъ, съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали».—Монголы встрѣтились съ этими казаками еще при движениі съ р. Иртыша въ Ср. Азію, когда Чингисъ-ханъ шелъ уничтожать Хорезмскую имперію. На пути его встрѣтились тогда племенаnomадовъ, кочевавшихъ на обширной безводной площади между Каменнымъ поясомъ, Турономъ, Кара-Китаемъ и морями Каспийскимъ и Аральскимъ. Между монголами и киргизами оказалось такъ много расовой общности, что они разминулись безъ малѣйшаго столкновенія какъ братья, связанныя нелицемърою дружбою.

Впослѣдствіи Батый, устраивая свой улусъ на р. Волгѣ, объявилъ и киргизъ, кочевавшихъ поближе къ Уралу своимъ подданными. Изъ нихъ орда образовала приатокъ къ себѣ—Синюю орду, по имени которой назвалось Аральское море, гостепріимно предлагающее свое побережье зимовкѣ кочевника. Нѣкоторое время Синяя орда зависѣла отъ З. орды, но, пораввъ съ нею связь, она зажила самостоятельно и даже произвела царевича Арапшу, истребившаго безнечныхъ рус. дружины на р. Пьянай. Владимірцы, переяславцы и муромцы увидѣли тогда передъ собою «свирипаго зѣло ратника, который побѣди многихъ». Отсюда-же вышелъ и Урусъ-ханъ, дважды прогнавшій Тохтамыша и вступавшій въ борьбу съ самимъ Тимуръ-ленгомъ. Отсюда-же вышли и шейбаниды, нанесшіе тимуридамъ послѣдній, разрушительный ударъ. Овладѣть Мавераннагромъ, они ходили войною и въ дальнія страны, но и тогда, какъ и теперь, они не знали лучшихъ кочевокъ, какъ зимою у Аральскаго моря и р. Сыръ, а лѣтомъ, повсюду, въ степи, до Турана, гдѣ трава не выбита коньтами коней.

Киргизамъ пріятно думать, что они происходятъ отъ сорока изгнанниковъ изъ Крыма, бѣжавшихъ отъ несправедливости сородичей за Каменный поясъ, гдѣ имъ посчастливилось встрѣтить сорокъ дѣвушекъ и, отъ брачныхъ союзовъ съ ними, произвести киргизскій народъ. Въ пользу этого предположенія говорить многое и прежде всего тюркскія слова: кыркъ—сорокъ, кись—дѣвушка, и казакъ—наѣздникъ. Недурно также предположеніе о томъ, что название народа произошло отъ его черныхъ глазъ—карагёзъ,—которыми они очень гордятся, находя что неправда и другіе пороки помѣщаются, по преимуществу, въ синихъ глазахъ. Наконецъ, нельзя-же не отмѣтить, что «Киргизъ-Кайсаки» или «Хозаки» ничего не имѣютъ противъ перевода этого названія—«бѣглыми» или «потерявшимися людьми».

Достаточно побывать въ аулахъ, кочующихъ въ отдаленномъ одинъ отъ другого разстояній, этихъ потерявшимися людей, чтобы подмѣтить коренные различія въ очертаніяхъ и въ оттенкахъ ихъ лицъ. Между ними легко признать и такія противоположности, какъ калмыкъ и кавказскій горецъ, хотя общій типъ характеризуется преимущественно монгольскими чертами. Въ средѣ киргизъ преобладаетъ человѣкъ средняго роста, широкоплечий, съ выдающимися скулами и съ косо поставленными глазами. Рѣдкая растительность на мѣстѣ усовъ и бороды дополняетъ сходство киргиза съ монголомъ. Ноги его—и даже ноги его женъ—выгнуты, что свидѣтельствуетъ о наѣздничествѣ чуть-ли не съ первого года появленія на свѣтъ. Такимъ образомъ, правильнѣе признать, что необъятная степь дала первоначально пріютъ всѣмъ выходцамъ изъ сколько нибудь благоустроенныхъ общинъ азіатскаго типа, а потомъ монголы прошли со своими нивелирующими порядками и придали степнымъ рыцарямъ свой обликъ. Предположеніе это опирается довольно смѣло и на самыя названія отдѣльныхъ колѣнъ киргизскаго народа; между ними удержались и по настоящее время и найманы и джалайры—плоть и кость Алтая—и ихъ близкихъ родовицей.

Послѣ паденія орды, остатки ея, не пожелавшіе присоединиться къ Казани или къ нагаемъ, перекочевали за Ураль, въ степь и слились съ старожилами, охотно подѣлившимися съ ними и лѣтовками и зимовками. Степь могла дать пріютъ и прокормъ не одному миллиону людей и скота, плодившагося на привольѣ въ несчитанномъ количествѣ.

Переселившіеся въ степь джучиды, изъ потомковъ уже Гирея и Джани-бека, занялись устройствомъ изъ киргизского народа улусовъ, при чёмъ и размежевались, примкнувъ—одни къ китайскимъ владѣніямъ, а другіе къ рус. возлѣ Урала, а потомъ и Сибири. Доброе сосѣдство соулусниковъ продолжалось однако недолго; потомокъ Джани-бека, Касимъ - ханъ соединилъ весь киргизскій народъ подъ своею властью. Въ этомъ положеніи, онъ могъ выставить триста тысячъ всадниковъ—число достаточное для новаго нашествія на Европу, особенно при разсчетѣ на помощь со стороны Крыма и даже турецкаго султана. Но смерть Касимъ-хана подняла обычные счеты между родовичами и каждое колѣно поторопилось избрать себѣ отдѣльного султана, хотя бы и не щѣй кости, но достаточно способнаго, чтобы охранить свой юртъ отъ набѣга сосѣдей.

Начались междоусобія, повлекшія къ образованію трехъ ордъ: Большой, Средней и Малой. Большая закочевала между озерами Балкашемъ и Иссыкъ-кулемъ, Средняя между Балкашемъ и Омскомъ и Малая—въ дѣйствительности самая большая—на западъ отъ сосѣдокъ. Разъединившись, киргизскій народъ попалъ въ тиски: съ сѣвера и запада—со стороны Россіи, съ востока—со стороны Зунгаріи и калмыковъ и съ юга—со стороны осѣдлыхъ и культурныхъ аборигеновъ Трансоксаніи.

Ханъ Малой орды Абуль-Хаиръ отправилъ посольство въ Петербургъ, черезъ Уфу, съ просьбою о принятіи орды въ рус. подданство. Рус. правительство послало по этой просьбѣ мурзу Тевкелева для опредѣленія условій подданства, что вызвало крайнее удивленіе народа, не уполномочившаго своего султана отдаваться подъ рус. власть. Но изумленіе народа нѣсколько опоздало, сравнительно съ постепеннымъ шествіемъ исторического рока, такъ какъ еще Петръ I, «какъ то многимъ знатѣйшимъ особамъ известно, неоднократно изволилъ имѣть разсужденіе, какимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ киргизъ-казаковъ.... безопаснѣсть утвердить».

Послѣ Малой орды не замедлила признать рус. подданство и Ср. орда, что побудило рус. правительство заняться укрѣпленіемъ восточной границы. По такъ называемой Горькой линіи потянулся рядъ крѣпостей, служившихъ и угрозою, и охраною и мѣновыми дворами. Подъ форпостными пушками, довольно таки инвалидной наружности, завелись торжки скотомъ, овчинами и

саломъ, пошло и братанье пограничныхъ рус. людей съ косоглазыми сосѣдями. На границу вышли казачьи станицы съ обширнымъ земельнымъ привольемъ и съ сильнымъ пополновенiemъ поэксплоатировать довѣрчиваго номада. Самый ледацій казакъ, проигравшійся въ орлянку вплоть до дыряваго, уцѣлѣвшаго на плечахъ халата, пустился изображать «тию»—господина, начальника, передъ которымъ плечистый чингисидъ смиренно присѣлъ на корточки....

Обязанность оказывать покровительство вступившимъ въ подданство людямъ и обеспечить ихъ спокойствіе повлекла къ фактическому расширенію рус. границъ. Силою того же исторического рока, рус. посты, еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, достигли горныхъ хребтовъ Улу-тау и Акъ-тау.

Большая орда рѣшила, наконецъ, также отпастъ отъ китайского владычества и поступить въ рус. подданство. На нее имѣлъ виды Кокандскій хантъ, считавший земли орды своею собственностью; поэтому, для сокращенія его претензій, потянулся новый рядъ рус. укрѣпленій уже со стороны Сибири, вдоль китайской границы. Русскіе подошли этимъ путемъ къ Тинь-Шаню, а въ самой срединѣ орды организовали изъ переселенцевъ новое казачье войско. Оставивъ киргизамъ нетронутыми ихъ вѣрованія, обычай, судъ и земли, рус. власть могла подвинуться къ самому Коканду, не встрѣтивъ со стороны номадовъ сопротивленія.

Народу были оставлены собственные правители, которыхъ довольно торжественно объявляли ханами. Для этого церемоніала приготовлялось возвышение; на него взводилъ кандидата въ ханы распоряжившійся церемоніаломъ военный губернаторъ—по понятіямъ степи, самый большой тюрь. Губернаторъ объявлялъ народу Высочайшую волю на утвержденіе избранника ханомъ и приказывалъ читать Императорскую о томъ грамоту на рус. и татарскомъ языкахъ. Избранникъ, стоя на колѣняхъ, присягалъ передъ кораномъ на вѣрность Россіи. Въ заключеніе присяги, онъ цѣловалъ коранъ и поднималъ его на голову и, наконецъ, прилагалъ тамгу къ присяжному листу. Полевая артиллерія и крѣпостныя орудія привѣтствовали пожалованного хана нѣсколькими выстрѣлами. Звучали барабаны, играла музыка. На счастливца надѣвали въ это время присланную изъ Петербурга богатую соболицо шубу, шапку и золотую саблю. Шапку надѣвалъ на него генералъ, шубу — полковникъ, а саблю — подполковникъ. Вручениемъ Императорской грамоты и губернаторскимъ поцѣлуемъ

завершался церемоніаль, служившій потомъ пищею политическихъ—воазъ мангала и чаши съ кумысомъ—разсужденій на нескончаемое время.

Киргизы-ученики въ рус. учебныхъ заведеніяхъ.
(Съ натуры).

Находились разумѣется и отчаянныя головы, провозглашавшія и сами себя ханами той или другой орды. Въ этомъ отношеніи Кенисаринъ Касимовъ останется еще надолго въ памяти степняковъ. Объ его удали и необыкновенной силѣ, а еще болѣе объ его гравѣ, будто бы украшавшей его затылокъ, степь и теперь полна воспоминаніями. Промышляя грабежами каравановъ, онъ задался мыслю изгнать рус. власть изъ степи и, набравъ толпы бѣдняковъ, объявилъ громогласно о намѣреніи пройти всю оренбургскую линію съ огнемъ, копьемъ и арканами. Вскорѣ за нимъ послѣдовала толпа всадниковъ въ три тысячи человѣкъ. Неожидавшій ихъ посѣщенія рус. поселокъ былъ разгромленъ безъ труда, а чтобы избавиться отъ погони, Кенисаринъ зажегъ за собою степь. Въ теченіе семи лѣтъ онъ верховодилъ степью, былъ не разъ прощаемъ Государемъ и вновь принимался изображать изъ себя полновластнаго хана. Ему не посчастливилось уже въ китайскихъ предѣлахъ, гдѣ буруты, выведенные изъ терпѣнія его деспотизмомъ—бросили его въ кипятокъ....

Трудно было киргизамъ, и по вступлениі въ рус. подданство, отстать отъ практиковавшагося издавна обычая собирать дань съ проходившихъ по ихъ землѣ каравановъ. На ихъ взглядъ, эти поборы были ничѣмъ не хуже правильно организованныхъ мытыхъ, или побережныхъ, или таможенныхъ пошлинъ. Но не всегда соглашались съ этимъ воззрѣнiemъ караванъ-бапи, ходившіе между Оренбургомъ и Бухарою или Хивою. Въ такомъ случаѣ, караваны дѣлались добычею степи, на что эмиръ Бухары и ханъ Хивы посыпали обычно жалобы рус. правительству. Въ одной изъ такихъ жалобъ, было запрошено въ вознагражденіе за ограбленный караванъ: полмилліона деньгами, три тысячи пудовъ мѣди и посланнику шубу на собольемъ мѣху. Шубу посланникъ получилъ, но во всемъ прочемъ ему не посчастливилося и даже ему пришлось выслушать укоризны о томъ, что Бухара тоже грабить рус. караваны и содержить въ рабствѣ захваченныхъ въ рус. предѣлахъ людей. Посланнику напомнили, что эмиръ, приславъ Императрицѣ Екатеринѣ двадцать человѣкъ полонянниковъ, попросилъ за нихъ выкупъ.

Выдвинувшись въ степь, историческій рокъ не могъ оставить Россію въ неопределенномъ положеніи, при которомъ ближайшіе къ форпостамъ аулы подчинялись безусловно рус. власти, а болѣе дальние не видѣли и не желали знакомиться съ нею. Къ тому же, при подчиненіи рус. власти, киргизы крайне неохотно разставались съ правомъ баранты, освященнымъ не одними обычаями, но и точными опредѣленіями народныхъ сходокъ. Баранта возникла у нихъ по двумъ поводамъ: по неимѣнію въ распоряженіи судей и хановъ исполнителей приговоровъ, и потому, что самыя решения сводились обычно къ вознагражденію потерпѣвшихъ определеннымъ числомъ скота или лошадей. За убийство человѣка полагалось кровь за кровь или окупить въ двѣсти лошадей. За увѣчье палками или плетьми полагалось равносильное увѣчье или окупить скотомъ по договору. За безчестье женщины—смерть или двѣсти лошадей. За кражу верблюда—три девятки верблюдовъ и одного раба. За кражу рогатого скота также три девятки головъ и одного верблюда. По мѣстностямъ и эпохамъ измѣнялись эти нормы возмездій, но характеръ баранты не измѣнился. Обиженные, если они не были удовлетворены добровольно, имѣли право собрать сильныхъ и честныхъ людей и отнять днемъ или ночью у обидчика приблизительное въ возмездіе количество скота. Отбарантова-

ванный, такимъ образомъ, скотъ слѣдовало представить ханамъ или судьямъ, которые и отсчитывали приговоренное количество, а излишки возвращали хозяевамъ. Таково было право баранты въ его чистомъ видѣ, но съ течениемъ времени она обратилась въ простое нападеніе разбойничьяго типа. Нужно было ее искоренить и успокоить степь, иначе самое владычество Россіи явился бы въ щекотливомъ положеніи.

Въ половинѣ нынѣшняго вѣка появилось первое укрѣпленіе на Аральскомъ морѣ; существование его вызвало непріязненный отношенія Хивы и Кокандскаго ханства, присвоившаго себѣ номинальную власть надъ сѣверною половиною бассейна р. Сыръ. Отъ Аральскаго моря, шагъ за шагомъ, перевѣдываясь то въ Акѣ-Мечети, то въ Туркестанѣ съ кокандцами, маленькие рус. батальоны—въ бѣлыхъ рубашкахъ и съ сухарнымъ запасомъ на плечахъ—двинулись по направлению къ Чимкенту.

Сюда же направились по восточной дорогѣ сибирскіе батальоны и также занялись счетами съ Кокандскимъ ханомъ. Послѣдній объявилъ даже газавать и пригласилъ всѣхъ киргизъ соединиться съ нимъ для войны съ невѣрными. Сотни гонцовъ развезли прокламаціи по всѣмъ ауламъ Большой орды, поэтому вскорѣ образовалась двадцатитысячная армія всадниковъ съ десятью орудіями, рѣшившаяся истребить эти маленькия группы бѣлыхъ рубахъ.—Въ Чимкентѣ тоже насчитывалось до двадцати орудій.

Чимкентъ сдѣлался, такимъ образомъ, сборнымъ пунктомъ кокандцевъ и центромъ вожделѣній рус. степной власти. Никто не давалъ этой власти никакихъ приказаний относительно овладѣнія Чимкентомъ, но степная власти и историческій рокъ находились всегда въ дружескихъ отношеніяхъ.—«Я счель необходимымъ овладѣть этимъ пунктомъ», доносилъ въ Петербургъ одинъ изъ военачальниковъ—и овладѣль, выгнавъ изъ него кокандскія войска.

Когда въ Чимкентѣ сошлись восточные и западные батальоны, всѣ три киргизскія орды очутились въ сомкнутомъ и крѣпко спаянномъ кольцѣ, чѣмъ и завершилось присоединеніе къ Россіи коренныхъ земель чингисидовъ. Въ этомъ кольцѣ помѣстилось полуторамилліонное кочевое населеніе, которому оставили, на первое время, все, чѣмъ оно пользовалось, исключая права на баранту и кровавую месть.

Религія народа осталась нетронутою, хотя по особенностямъ своимъ она напрашивалась на внимательное къ ней отношеніе.

По степени состоятельности и, отчасти, по происхождению отъ султановъ, киргизы раздѣлялись на двѣ кости: бѣлую и черную, знаменующія аристократію и плебсъ. Бѣлая кость исповѣдуется мусульманство, полѣниваясь однако исполнять пятикратную молитву. Черная же кость не понимаетъ никакой вѣры и относится къ Вседержителю съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Изъ черной кости только слуги богатыхъ людей ходятъ въ мечети и копируютъ тѣлодвиженія мулль и ахуновъ, а вся остальная масса охотнѣе шаманствуетъ, нежели взываетъ къ Аллаху и предпочитаетъ колдуновъ проповѣдникамъ корана. Но кому-то пришла странная мысль причислить официально весь киргизскій народъ къ исламу и Россія получила неожиданно лишніе миллионы исламитянъ, совсѣмъ уже не въ пользу правительственныйхъ угловъ зреінія. Пользуясь этой грубой официальной ошибкой, Казань и Оренбургъ высыпаютъ въ степь множество мулль, въ большинствѣ случаевъ импровизированныхъ, но достаточно хитрыхъ, чтобы выжимать изъ ислама крохи своего пропитанія. По степи разсыпались и ходжи, наживающіе своею святостью въ средѣ простодушнаго народа цѣлый состоянія....

Расплачиваясь съ муллами, ахунами и ходжами, народъ продолжаетъ прибѣгать къ помощи баксъ, которые такъ легко управляются съ самыми злыми джинами. Бакса однимъ своимъ кривляньемъ и дикимъ хохотомъ продолжаетъ излѣчивать отъ всѣхъ болѣзней. Бакса обладаетъ тайною переселять злыхъ духовъ-мучителей въ предметы никому ненужные, какъ напримѣръ въ сухой собачій черепъ или въ куклу изъ вербложней шерсти.

Добродушный по натурѣ, хотя и вспыльчивый, особенно при намѣренной обидѣ, киргизъ остался-бы еще надолго честнымъ и кроткимъ пастухомъ рус. государства, но его произвели въ мусульманина, наградили его муллами, выслали на него стаю ростовщиковъ и теперь нужно ожидать, что фанатизмъ ислама найдетъ въ немъ благодарную почву.

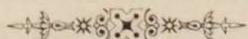
На коренныхъ земляхъ чингисидовъ существовала еще, въ продолженіи двухъ столѣтій, независимая Зюнгарія, образовавшаяся изъ племени олотовъ, утвердившихся въ бассейнѣ р. Или. Въ эпоху процвѣтанія, Зюнгарія властновала надъ Турфаномъ, Хами и малой Бухаріей. Китай разрушилъ ея самостоятельность, но за то и нажилъ въ ней беспокойную мусульманскую окраину, повторяющую, черезъ краткіе промежутки времени, кровавыя инсурекціи.

Вообще-же, совершая по кореннымъ землямъ чингисидовъ обратный путь, историческая волна доставила знамена Россіи къ берегамъ Дальнаго Востока. Здѣсь — на водѣ и на сушѣ, въ горахъ и пустыняхъ — немало поработали, въ честь культуры и отечества, такие незнатные люди какъ казаки Дежневъ, Стадухинъ, Атласовъ или Буза. Но эти незнатные великаны привели за собою Миллера, Гмеліна, Палласа, Лепехина, Миддендорфа и плеяду другихъ представителей науки, промышленности и дипломатіи. И вотъ, гдѣ Батый собиралъ свои тѣмы для пораженій Европы и культуры, тамъ красуются теперь университетскія каѳедры, а пустыни, бывшия доступными только монгольскому коню, пересѣкаются безпрерывно соперниками его — паромъ и электричествомъ.

Проходя, такимъ образомъ, коренные земли чингисидовъ и при томъ безъ кровопролитія, историческій рокъ повель за собою Россію — въ земли тимуридовъ и ихъ преемниковъ на югъ, въ глубину Ср. Азіи.

Почетныя ворота.
(Въ Монголії).

III.

ДВИЖЕНИЕ РОССИИ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗІЮ.

(XIX стол.).

дѣливъ значи-
тельныйшую
часть коренной
Монголіи въ
собственность

Россії, Азія открыла свои двери и въ страны, прославленныя Тимуръ-лентомъ. Къ этому времени, ея срединные государства состояли изъ трехъ независимыхъ ханствъ: Кокандскаго, Бухарскаго и Хивинскаго, изъ восточнаго Туркестана, Кабулистана, Персидской имперіи, республиканской Туркмении и нѣсколькихъ полуневозисимыхъ одичалыхъ племенъ.

На пути въ глубину Ср. Азіи, лежало Кокандское ханство, которое также плохо знало свои сѣверныя границы, какъ никогда не знали свои южныя границы сосѣдніе киргизы. Утрачивая, шагъ за шагомъ, бассейнъ р. Сыръ, Кокандъ пришелъ въ ужасъ при потерѣ Чимкента, считавшагося ключемъ Трансоксаніи и пограничной съ нею Ферганы. Вынужденныя оставить Чимкентъ, кокандскія войска отошли къ Ташкенту, который признавалъ кокандскаго хана только сюзереномъ и то въ случаяхъ угрожавшей опасности. Вообще-же, оставаясь древнѣйшимъ городомъ

Маверанинагра, онъ справедливо считался и наиболѣе богатымъ и промышленнымъ среднеазіатскимъ центромъ, за которымъ ухаживали ближніе и дальние ханы и эмиры. Его урда съ толстыми и высокими глинобитными стѣнами, увѣнчанными зубчатыми парapетами, представляла, по азіатскому масштабу, надежную твердыню.

Предчувствуя, что кокандцы не сумѣютъ преградить дорогу маленькимъ рус. баталіонамъ, Ташкентъ завязаль сношенія съ бухарскимъ эмпромъ, приглашая его на помощь исламу. Но пока шли переговоры, выступившій впереди исторического рока полковникъ рѣшилъ занять Ташкентъ на собственный счетъ и страхъ. Больѣ рискованный, нежели стратегически разсчетливый, онъ выдвинулъ изъ Чимкента полторы тысячи человѣкъ и очутился передъ ташкентскою урдою въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Торговые люди Ташкента, оберегая караванъ-серай, готовы были распахнуть передъ нимъ свои ворота, но кокандскія войска рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Полковнику осталось или штурмовать высокія стѣны, не имѣя къ тому приспособленій, или отступить, не обмѣнявшись ни выстрелами, ни схватками. Послѣ артиллерійской бреши, храбрый подполковникъ Обухъ просилъ позволенія у шедшаго впереди исторического рока полковника—ринутъся на штурмъ и получилъ отвѣтъ:—«Если можно, такъ съ Богомъ!»

Штурмъ не удался. Обухъ былъ убитъ.

Полковникъ отступилъ, съ цѣлью собраться съ новыми силами и повторить штурмъ. Успѣхъ его, благодаря преимущественно торговому характеру населенія, увѣнчалось на этотъ разъ успѣхомъ. По второму штурму, впереди которого шелъ священникъ съ высоко поднятymъ крестомъ, Ташкентъ сдался безусловно и даже обезоружилъ самого себя. Побѣдителю доставили двадцать орудій и нѣсколько сотенъ ружей. Пушки отличались не столько боевою силою, сколько витіеватыми надписями, призывающими Аллаха къ истребленію враговъ.

Обрадовавшись тому, что побѣдители не тронули ни караванъ - сараи, ни гаремовъ и даже пригласили побѣдленныхъ продолжать торговлю, ташкентцы быстро освоились съ новымъ положеніемъ и немедленно надбили цѣны на всѣ товары. То было предуказаніемъ, блистательно оправдавшимся впослѣдствіи, что не Россія открываетъ для себя среднеазіатскіе рынки, а наоборотъ, эти рынки открыли для себя Россію. Послѣдняя доста-

влять съ той поры въ Азію многіе миллионы руб. выплачивае-
мыхъ потомствомъ Ивашки Сыровяткина—въ честь политики и
въ доказательство незлобивости рус. сердца.

Открытие памятника по поводу взятия Ташкента.
(Въ Ташкентѣ).

Испытавъ въ Ташкентѣ крупную неудачу, кокандскій ханъ отказался молча отъ притязаній на земли киргизского народа и замкнулся въ предѣлахъ старой Ферганы. Но паденіе много-люднаго Ташкента, передъ горстью рус. солдатъ, изумило сильнѣе бухарскаго эмира, нежели кокандскаго хана, такъ какъ первый не сталкивался еще съ рус. оружіемъ, а второй привыкъ уже къ пораженіямъ, отъ которыхъ не уберегъ его даже Ахметъ-Ясави, сдавшій старый Туркестанъ послѣ десятаго пушечнаго выстрѣла. Кромѣ того, пострадала и гордость эмира, величественно обѣщавшаго защиту всему исламу Ср. Азіи и не уберегшаго крупнѣйшую изъ его жемчужинъ.

Нельзя не признаться, что эмиръ Сейдъ-Музафаръ былъ не выше по образованію своихъ предшественниковъ. По величинѣ-же своихъ военныхъ дарований, онъ не достоенъ быть развязать ремень у сапога покойнаго Тимуръ-ленга. Впрочемъ, послѣ паденія тимуридовъ, наступила для Ср. Азіи вообще продолжительная эпоха умственной косности. Изъ всѣхъ ея правителей народъ продолжаетъ чтить память только Абдулла-хана, оставившаго по себѣ многочисленные памятники царственной щедрости. Прошли вѣка, а глазъ и теперь еще поражается сооруженными имъ оро-

сительными каналами и «рабатами», хранящими воду для утомленныхъ путниковъ.

Нельзя не вспомнить, что аштарханиды не забывали выжимать сокъ изъ своихъ подданныхъ. До чего доходили ихъ богатства можно судить изъ того, что для перевозки сокровищъ Незръ-Мегемедъ-хана потребовалось до десяти тысячъ верблюдовъ. Аштарханиды вели себя на два фронта: они или размышляли въ кругу святыхъ людей и поэтовъ, или поголовно вырѣзывали сосѣдей. Затѣмъ наступила серія эмировъ, всегда усердно хлопотавшихъ о поддержаніи въ народѣ нравственности и за одно о расширеніи своихъ гаремовъ. Ослабѣвшія было плети раисовъ вновь поднялись на воздухъ и повлекли народъ къ пятикратному намазу. На улицахъ, площадяхъ и дорогахъ цензора нравовъ принялись тщательно экзаменовать народъ въ знаніи молитвъ и поправлять ошибки ременною даррою. Бутылкообразныя тюрьмы съ гнѣздами фалангъ и скорпионовъ никогда уже не оставались пусты, а подвалы подъ дворцами эмировъ отлично оберегали людей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, отъ всякаго сообщенія съ подземнымъ міромъ. Въ городахъ выросли специальная башни для сбрасыванія на землю осужденныхъ на смертную казнь.

Деспотизмъ эмировъ дошелъ наконецъ до того, что никто не осмѣлился докладывать имъ непрѣятныя истины. Такъ, рус. баталіоны давно уже перешли черезъ Уральскій хребетъ, пересѣкли земли бывшей Синей орды и утвердились на Аральскомъ морѣ, а эмиры продолжали думать, что кяфиры все еще гибнутъ въ песчаныхъ и голодныхъ степяхъ. Наконецъ, баталіоны двинулись по бассейну р. Сыръ, прошли Бѣлую мечеть и Ахметъ-Ясави и только тогда Бухара встрепенулась и протянула на сѣверъ ухо вниманія...

Бухарѣ трудно было допустить мысль, что христіане рѣшатся ступить вооруженною силою на ея земли! Она такъ недавно, всего двадцать лѣтъ тому назадъ, бросила страшное оскорблѣніе Англіи, и гордая Англія снесла обиду, какъ робкій школьникъ. Изъ желанія сплотить противъ Россіи среднеазіатскія ханства, Британія послала лучшаго изъ своихъ полковниковъ—Стоддарта съ порученіемъ просвѣтить эмира на счетъ намѣреній приближавшейся къ нему сосѣдки. Но Стоддартъ имѣлъ неосторожность повести себя джентельменомъ, вообразивъ, что деспотъ Насруллахъ оцѣнить, хотя бы изъ личной пользы, добрыя услуги

britanца, а въ крайнемъ случаѣ побоится мщенія сильной державы. Джентельменствуя въ Бухарѣ, какъ у себя дома, Стодартъ надѣлалъ непростительныхъ въ азіатскомъ смыслѣ ошибокъ: онъ поѣхалъ верхомъ, не сошелъ съ лошади даже передъ воротами дворца эмира. Явившись къ эмиру, онъ не представилъ ему никакого подарка и отказался надѣть халатъ поверхъ своего мундира. На первое время, было достаточно и этихъ преступлений, чтобы попасть въ зинданъ. Въ зинданѣ онъ провелъ около четырехъ лѣтъ. Всѣ ходатайства въ его пользу—мекскаго шерифа, турецкаго султана, персидскаго шаха и рус. послы—не смягчили гнѣвъ Насруллы. Истерзанный и павший духомъ Стодартъ принялъ наконецъ исламъ и все таки не умилостивилъ тирана. Его товарищемъ по несчастью очутился также англичанинъ, явившійся въ Ср. Азію съ человѣколюбивою миссіею, направленною къ выкупу невольниковъ. Оба они взошли на эшафотъ и, вѣроятно, когда падали ихъ головы подъ саблей палача, благородные бухарцы славили по обычаю справедливость своего эмира. За англичанами восходили на бухарскій эшафотъ—итальянцы, греки, турки....

Наслѣдовавшій Насруллѣ сынъ его Сеидъ-Музафаръ не успѣлъ накровожадничать, какъ ему пришлось увидѣть приближеніе исторического рока. Дерзкое посланіе его, обѣ очищеніи рус. войсками бассейна р. Сыръ, не произвело никакого эффекта, почему явившееся къ нему рус. посольство изъ горнаго инженера, астронома и нѣсколькихъ офицеровъ онъ запряталъ подъ арестъ, не рѣшившись, впрочемъ, ознакомить его съ прелестями зиндана.

Но паль Ташкентъ—и Бухара встрепенулась!...

Эмиру предстояло вступить въ борьбу или утратить обояніе покровителя ислама. Война сдѣлалась неизбѣжною. Въ тылу рус. отряда и на его сообщеніяхъ тотчасъ-же появились задорные партии, служанція въ Азіи предвестниками серьезнаго военнаго дѣла.

Оно и дѣйствительно было серьезнѣе всего, что происходило на этой почвѣ между мірами христіанскимъ и мусульманскимъ. Полковникъ, полагавшій, что военному человѣку достаточно обладать предпріимчивостью, чтобы покорять страны и народы, двинулся изъ Ташкента, черезъ голодную степь, на встрѣчу эмиру, но узнавъ о многочисленности собравшагося непріятеля, ретиро-

вался довольно успѣшио. Его смѣнили. Новый, заступившій его мѣсто, генераль имѣлъ уже дѣло съ арміей исламитинъ, раскинувшейся на обоихъ берегахъ р. Сыръ, численностью до сорока пяти тысячъ человѣкъ, съ двадцатью орудіями и съ фанатическимъ стремленіемъ истребить отрядъ дерзкихъ киафировъ.

Встрѣча ихъ произошла на берегу р., неподалеку отъ Ходжента, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Ірджаръ». Здѣсь рус. артиллерія прорѣдила сербазовъ, киргизъ и туркменъ такъ быстро, что армія эмира—блѣкала, не успѣвъ даже выкрикнуть—«урръ! урръ!» Вскорѣ она разсѣялась по всѣмъ направлѣніямъ, не заглянувъ и въ лагерь, доставшійся побѣдителю съ котлами, наполненными горячею пищею и съ дымившимися кальянами. Ночь прекратила преслѣдованіе. На утро, непріятеля нигдѣ не было видно, и генераль, рѣшившій такъ поспѣшио эту битву, имѣлъ удовольствіе отдохнуть въ ставкѣ самого эмира, брошенной съ коврами, диванами и кухней.—Эмиръ былъ запасливъ и потому уже, что, оставляя Бухару, онъ обѣщалъ приближеннымъ увидѣться съ ними въ Москвѣ, на томъ мѣстѣ, где останавливались пять вѣковъ тому назадъ чингисиды.

Нанесенный Бухарѣ ударъ привелъ все ся населеніе, отъ «байгуша» до «визиря», въ чрезвычайное смятеніе. Правовѣрные не допускали и мысли о такомъ быстромъ успѣхѣ христіанской силы. Базары и площади открыто завопили о трусости эмира, о расхищеніи имъ казны и даже о тайному союзѣ его съ рус. генераломъ. Муллы, ишаны и сеиды объявили газаватъ и разослали гонцовъ за помощью даже къ недругамъ Бухары. На ихъ призывъ поспѣшили авганцы, туркмены и даже беки-отщепенцы, за владѣвшіе родиною Тимуръ-ленга—Джура-бій и Баба-бій.

Самаркандинскій бекъ Баба-ходжа тщательно слѣдилъ за всѣми эволюціями рус. отрядовъ, маневрировавшихъ возлѣ голодной степи и, очевидно, собиравшихся въ одну плотную силу.—«Таксыръ!»—донесъ наконецъ онъ эмиру—«по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, рус. отрядъ двинется на дняхъ къ Самарканду. Войска ваши собраны на Чупанъ-ата. Жители примкнули къ сербазамъ. Затѣмъ они ожидаютъ вашего прибытія, какъ утромъ ранняго и яснаго восхода солнца. Вашъ пріѣздъ будетъ нашимъ одушевленіемъ»—На этотъ разъ, эмиръ не сомнѣвался въ полномъ успѣхѣ, такъ какъ сеиды и шейхи были убѣждены, что святыни Самарканда не даются въ руки невѣрнымъ. Нашелся, правда, какой-то несчастный

дервиштъ, видѣвшій во снѣ, какъ обрушились минареты на мавзолей Тимура, но за этотъ сонъ, предвѣщавшій неудачный исходъ въ предстоявшей борьбѣ, онъ поплатился жизнью.

Пройдя къ р. Зеравшану—бывшей Зоро—рус. отрядъ перешель ее по грудь въ водѣ, держа надъ головами ружья и патроны. Не тратя времени, онъ атаковалъ склоны Чупанъ-ата. Теперь, здѣсь, уже не было ни садовъ, ни обсерваторіи Улугъ-бека. Штурмъ длился недолго и обошелся безъ значительного кровопролитія. Бухарцы обратились въ бѣгство, но Самаркандъ заперъ передъ ними ворота, отворивъ другія для выпуска рус. отряда. Въ числѣ сановниковъ эмира нашелся бекъ, которому очевидно жизнь была недорога, рѣшившійся доложить своему повелителю о потерѣ Самарканда. Вѣстникъ былъ немедленно казненъ. Рус. отрядъ двинулся далѣе, къ Катты-Кургану, куда явилось посольство, уполномоченное эмиромъ согласиться на мирныя условия генерала.

Совѣтъ эмира рѣшилъ, однако, драться до послѣдней капли крови и побудилъ его издать прокламацію съ призывомъ противъ невѣрныхъ.—«Мы, потомки Тимура, покажемъ вамъ невѣрные какъ забирать наши земли!» восклицалъ эмиръ въ приказѣ, прочтенномъ среди его войска при пушечныхъ выстрѣлахъ.—«Мусульмане, уничтожьте кѣфировъ... и сотрите грязное пятно, которое носятъ теперь самарканцы на своихъ халатахъ!...»

По этому призыву, вновь собралась боевая сила эмира и заняла позицію на Зера-булакѣ, куда и отправился рус. отрядъ.—«Берите же ихъ, берите наконецъ! слышались повсюду клики джигитовъ, но имъ не пришлось брать плѣнныхъ, такъ какъ съ ихъ батиками и айбалтами трудно было сопротивляться скорострѣлкамъ съ дальнобойнымъ снарядомъ. Первый, всегда энергичный, натискъ джигитовъ потерпѣлъ сильный отпоръ, а щетина штыковъ докончила очистку Зера-булакскихъ высотъ.

Эмиръ бѣжалъ въ степь.

Его не порадовало даже измѣнническое восстаніе самарканцевъ, продержавшихъ около недѣли въ осадѣ малочисленный рус. гарнизонъ. Благодаря подоспѣвшей помощи, послѣдній вышелъ съ честью изъ неожиданно затруднительного положенія, такъ что пятна на самарканскихъ халатахъ остались не смываемыми.

— «Теперь мнѣ остается»—замѣтилъ съ сокрушеннымъ сердцемъ эмиръ, рѣшившійся прекратить бесполезную войну—«передать

ДВЪ ВОЛНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПОБЪДИТЕЛИ И ПОБЪЖДЕННЫЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Бѣлому царю оружіе и орудія и просить, чтобы онъ позволилъ отправиться въ Мекку».

Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ-ханъ.
Эмиръ Бухары съ 1885 г.
(и отецъ эмира).

Таково и было положеніе эмира, которому пришлось еще вступить въ борьбу съ сыномъ и понести отъ его сторонниковъ сильное пораженіе. Взятіе Бухары не представляло уже для рус. отряда ни малѣйшаго труда, но историческій рокъ предпочелъ заключить эту войну съ преемниками тимуридовъ мирнымъ договоромъ: —«Въ угоду Государю Императору Всероссійскому и для вящей славы Его Императорскаго Величества, высокостепенный эмиръ Сеидъ-Музафаръ постановилъ» — какъ это выражено въ существенной статьѣ договора — «отнынѣ въ предѣлахъ бухарскихъ прекратить на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человѣколюбія»... По этому же договору, эмиръ обязался исправить пограничныя линіи, открыть свободу торговли, уплатить контрибуцію, принять рус. агента и вообще доказать свое искреннее расположение къ Россіи. И нужно отдать справедливость и покойному Сеиду-Музафару и его преемнику — договоръ соблюдается свято, чemu много способствуютъ обмѣны любезностями и

желѣзная дорога, которая можетъ доставить въ Бухару, съ двухъ сторонъ, въ нѣсколько сутокъ, десятокъ довольно опытныхъ въ азиатской войнѣ баталіоновъ. Эмиръ воспитываетъ теперь своихъ сыновей въ Петербургѣ, лѣчится въ рус. курортѣ и раздаетъ щедрою рукою полновѣсныя золотыя звѣзды.

Доволенъ-ли этимъ положенiemъ вещей духъ великаго Тимура? Покойный такъ много говорилъ о справедливости, что и изъ загробной жизни онъ долженъ привѣтствовать гиуровъ, посыпающихъ его Гуръ-Эмиръ. Они содержать его мавзолей лучше, нежели онъ содержался при господствѣ въ Самаркандѣ исламитянъ. Что касается до ислама, то голосъ его мюэззиновъ сливаются нерѣдко съ колокольнымъ звономъ христіанскихъ церквей, и при этомъ, любознательные муллы и ишаны могутъ входить въ рус. церковь съ уважениемъ къ ней, но безъ трепета и боязни...

Незлобиво относится и рус. солдатъ къ недавнимъ недругамъ. Когда ему есть время попытать свой голосъ, онъ напѣваетъ въ томъ же Самаркандѣ, сидя на какой нибудь руинѣ временъ тимуридовъ, или лежа на пригоркѣ Аѳросіаба:

«Какъ-то было недавно,
 «Что пришли бухарцы къ намъ.
 «Люли, люли, люли
 «Что пришли бухарцы къ намъ.
 «У нихъ кони всѣ хороши
 «И припасы ихъ богаты.
 «Люли
 «Узды золотомъ блестаютъ,
 «Серебро на поясахъ.
 «Люли
 «У нихъ панцыри двукольцы,
 «Носятъ щиты на спинахъ.
 «Люли
 «Но все-то ихъ удальство—
 «Какъ-бы только воровство

Умироворивъ Бухару, русскіе войска побывали на родинѣ Тимуръ-ленга въ Шааръ-себзѣ. Здѣсь имъ пришлось приводить къ покорности эмиру отложившихся отъ него бековъ:

«Въ Шахрисябзъ какъ мы ходили,
 «Перевалъ перевалили,
 «Очень каменистъ!

« Шахрисябцы обозлились
 « И стрѣлять по насть пустились,
 « Надо вѣдь умѣть!

« Шахрисябцы не сдержаны
 « И шибко, шибко побѣжали »

Джура-бай.
 Бекъ Шааръ-себза.

Во время пѣна.

Въ русской службѣ.

Но Россія не выдала строптивыхъ бековъ Джура-бая и Баба-бая эмиру, который нашелъ бы случай показать надъ ними свое поблекшее величіе. Они и сами впрочемъ предпочли поступить въ рус. службу и потомъ надѣть за походъ въ Хиву георгіевскіе значки.

Хива, замѣстившая Хорезмскую имперію, чутко прислушивалась къ урокамъ, преподаннымъ на Ирджарѣ, въ Самаркандѣ и на высотахъ Чупанъ-атинскихъ и Зера-булакскихъ и все-таки не могла побороть личную, воспитанную многими вѣками, заносчивость. Она продолжала попрежнему держать въ страхѣ рус. торговые караваны, выкрадывать женщины на пограничной линіи и заставлять христіанъ - полонянниковъ принимать мусульманство. Вызывательные письма ея хановъ отличались всѣми прелестями азіатской гордыни.

Заблужденіе это опиралось на ея необыкновенную живучесть.

Баба-бай.
Второй бекъ Шааръ-себза.

Во время плены.

Въ русской службѣ.

Много разъ ее посещали чингисиды и тимуриды и, разоренная ими сегодня, она возникала завтра, продолжая грабить, а при опасности—разбегаться въ необозримые пески. Несомнѣнно, что такою долговременною жизнью она обязана своеобразному географическому положенію. Казалось, только всадники Чингисъ-хана и Тимуръ-ленга могли пересѣкать ограждающія ее песчанныя пустыни, не сграшась палящаго солнца, отсутствія воды и растительности. Для большого же пѣхотнаго отряда Хива считала себя недоступною.

Кичливость ея шла далѣе бухарскаго самонянія уже и потому, что Россія потерпѣла, по отношенію къ ней, нѣсколько весьма памятныхъ неудачъ. Первую и наиболѣе крупную изъ нихъ, она испытала еще при Петре I, мечтавшемъ открыть водяной путь въ Индію, съ которой онъ стремился завязать, какъ предлагали еще бабериды, торговыя сношенія. Ему было известно, что р. Аму впадала нѣкогда въ Каспійское море, откуда можно было пройти по ней, къ верховью, болѣе нежели двѣ тысячи верстъ и приблизиться, этимъ дешевымъ путемъ, къ богатому азіатскому югу. Преслѣдуя эту мысль, онъ избралъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ

хивинскому хану кабардинского, преданного интересамъ Россіи поручика кн. Бековича Черкасского, которому и повелѣлъ, писаною собственною рукою инструкцію: изслѣдоватъ теченіе р. Аму, устроить при ея устьѣ крѣпость, склонить хивинскаго хана къ подданству Россіи, вступить въ сношенія съ Бухарскимъ ханствомъ и отправить, подъ видомъ купцовъ, двухъ офицеровъ — одного въ Индію, для дознанія торгового пути, а другого — въ Яркендъ, богатый, по тогдашнимъ увѣреніямъ, золотыми розсыпями. Въ эту экспедицію были посланы четыре тысячи человѣкъ съ нѣсколькоими морскими офицерами, инженерами и негоціантами. Сенатъ снабдилъ начальника экспедиціи грамотами къ Хивинскому и Бухарскому ханамъ и къ В. Моголу.

Экспедиція высадилась на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на косѣ, возлѣ Красноводска, гдѣ теперь раздается свистъ паровознаго локомотива. Захвативъ у прибрежныхъ кочевниковъ верблюдовъ, Бековичъ двинулъся въ степь. Ему пришлось не разъ пересѣчь старое русло р. Аму и выслушивать сказанія проводниковъ о причинахъ, заставившихъ ее измѣнить свое теченіе и повернуть въ Аральское море. Въ числѣ сказаний, были и правдоподобныя, какъ напримѣръ обѣ устройствъ монголами плотины, посредствомъ которой они обездолили кочевниковъ, оказывавшихъ имъ сопротивленіе...

Несмотря на большія лишенія, Бековичъ вошелъ наконецъ въ хивинскій оазисъ и, прежде всего, потребовалъ, чтобы хивинцы восстановили теченіе р. въ Каспій. Они отказались. Тогда кабардинецъ рѣшился самъ идти и разрушить невѣдомо гдѣ существовавшую плотину, что потребовало раздѣленія его отряда на мелкія части. Одна изъ нихъ осталась въ Хивѣ. Хивинцы заперли немедленно городскія ворота и — заставили Бековича написать приказъ, чтобы находившіяся въ поискахъ за плотиною войска сдали свое оружіе хивинскимъ комисарамъ и расположились на квартирахъ, у городскихъ обывателей. Ему пришлось повторить свой приказъ и даже пригрозить казнью замѣщавшему его — виѣ Хивы — Франкенбургу.

Разумѣется, хивинцы, получивъ оружіе всего отряда, умертвили тотчасъ-же и Бековича и всю его свиту. Голову его они отправили въ подарокъ Бухарскому эмиру; отрядъ-же былъ частью истребленъ, а частью обращенъ въ рабство — и въ результатѣ получилась только поговорка: «пропалъ какъ Бековичъ!»

Послѣ этой экспедиціи сами хивинцы присмирились до того, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія не было повода къ жалобамъ на нихъ рус. купцовъ, пока подвластные Хивѣnomады не занялись вновь грабежами и похищеніемъ людей. Тогда, ни одинъ рус. торговецъ не рѣшался болѣе заглядывать въ Хиву, которая и сама выступила противъ подвластныхъ Россіи киргизъ. Число рус. людей, захваченныхъ на каспійскихъ промыслахъ и даже въ казачьихъ станицахъ, возрастило ежедневно.—Требованія Россіи прекратить набѣги и обеспечить спокойствіе въ степи повели только къ тому, что хивинцы выставили военные форпосты на караванныхъ путяхъ и прервали торговлю Россіи съ Ср. Азіей. Рыбопромышленность на Каспіѣ сдѣлалась невозможна; рыбопромышленники захватывались цѣльными ватагами.

Терпѣніе Россіи наконецъ истощилось и Оренбургскому военному губернатору графу Перовскому было повелѣно: по окончаніи распри, происходившей въ ту пору между Англіей и Авганистаномъ—предпринять поискъ на Хиву и, въ случаѣ удачи, смѣстить хана, замѣнить его надежнымъ киргизскимъ султаномъ и освободить всѣхъ плѣнныхъ.

Для экспедиціи было выставлено болѣе десяти тысячъ верблюдовъ съ двумя тысячами лоучей. Отрядъ выступилъ четырьмя

колоннами—въ зимнюю пору, съ расчетомъ на снѣговую воду. Далѣе отряды соединились и пошли, имѣя по сторонамъ караваны верблюдовъ, а артиллерію и лазаретъ въ серединѣ войска.

Пройдя безъ корма и въ сильную стужу около двадцати сутокъ, верблюды начали тощать и припадать на ноги. Между ними открылся

повальный падежъ. Въ концѣ концовъ, дальнѣйшее движеніе отряда повело бы только къ безусловной гибели, такъ какъ впереди его поджидали толпы свѣжихъ, здоровыхъ, ничѣмъ не утомленныхъ наѣздниковъ. Отрядъ потянулся обратно, бросивъ запасы продовольствія и, пробираясь уже, въ видѣ нестройной толпы, охваченной безпрерывными буранами, жестокою стужею и снѣжными сугробами.

Недостатокъ питанія и упадокъ духа способствовали развитію

цынги, благодаря которой пѣхота потеряла третью часть людей. Вообще стихія поборола всѣ предпринятія противъ нея средства защиты и отсрочила паденіе Хивы.

Хива пала только спустя 5 лѣтъ послѣ паденія Бухары. Чтобы покончить съ ея непреклонною гордостью, были направлены одновременно три отряда: съ Кавказа, изъ Оренбурга и изъ Туркестана. Туркестанскій отрядъ перенесъ не мало страданій, вслѣдствіе недостатка воды, особенно въ песчаной мѣстности, извѣстной подъ названіемъ: «Адамъ-крылганъ!» Но вода была найдена—и хивинскому хану оставалось, по примѣру своихъ доблестныхъ предковъ, бѣжать въ песчаныя степи. Взятие его столицы обошлось рус. отрядамъ всего въ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Убѣгая въ степь, Сейдъ-Магометъ-Рахимъ-Багадуръ-ханъ предполагалъ, что Россія удовлетворивъ свое честолюбіе, уйдетъ обратно, какъ уходили обычно чингисиды, тимуриды и персидские шахи. Расчеты его сбылись только на половину: его вытребовали изъ степи и заставили подписать договоръ о мирѣ и дружбѣ съ тѣмъ, что на противоположномъ берегу останется навсегда командиръ нѣсколькихъ казачьихъ соединений и приличного количества пѣхоты съ артиллерией для наблюденія за его поведеніемъ.

Сейдъ Магометъ-Рахимъ.
(Ханъ Хивы, съ 1865 г.).

Хану предоставили титулъ сіятельства.—Съ того времени прошло четверть вѣка, какъ онъ, окруженній уже буквально со всѣхъ сторонъ Россіей, точно находясь у ней въ карманѣ, свято чтить заключенный договоръ. Контрибуцію въ два миллиона рублей онъ также выплатилъ безъ недоимки. Затѣмъ, онъ предоставилъ всѣ торговые удобства Россіи, съ правами быть какъ у себя дома. Ханъ обязался прекратить рабство, освободить невольниковъ, въ томъ числѣ и ненавистныхъ ему шітовъ и вести себя съ полнымъ забвенiemъ минувшаго величія. Казаки дѣлаютъ теперь, по временамъ, военные прогулки по ханству и, никакъ не опасаясь повторенія эпизода съ кн. Бековичемъ, принимаютъ не безъ достоинства достарханъ изъ сочныхъ фруктовъ и замѣчательно вкусныхъ дынь. Вообще Хива чувствуетъ себя на положеніи васала, обязанного выказывать сузерену глубокое уваженіе. Она и высказалась съ картиннымъ эффектомъ, когда въ день приема иностранныхъ посольствъ, прибывшихъ къ коронаціи Императора, ханъ положилъ у его ногъ свою шапку и саблю....

Туркменія можетъ считаться продолженіемъ Хивы, но съ болѣе воинственнымъ и всегда чуждавшимся крѣпкой власти населеніемъ. Умыканіе людей въ тяжелую неволю обратилось, съ теченіемъ времени, въ ея специальность, крайне досаждавшую Россіи. Послѣдняя издавна стремилась обратить Каспійское море въ свое внутреннее озеро, между тѣмъ туркменская страсть къ воровству людей ставила въ этомъ отношеніи сильную преграду. На Каспѣ пришлось завести цѣлую флотилію только для преслѣданія морскихъ разбойниковъ, а со стороны Урала высыпать отряды для угрозъ наездникамъ, занимавшимся похищеніемъ яицкихъ и оренбургскихъ казачекъ.

Послѣ неудачной попытки кн. Бековича пріобрѣсть Хиву, туркменская степь почувствовала себя на два столѣтія безгранично свободною. Споры между степью и Ираністаномъ, или, иначе, между суннитами и шіитами, разрѣшились всегда кровавымъ образомъ, но то были домашніе споры несошедшихся въ характерѣ родственныхъ племенъ. Не такимъ характеромъ отличались вызовы туркменъ по адресу Россіи, которая рѣшилась наконецъ ступить на восточный берегъ Каспія и занять превосходнѣйший рейдъ, нынѣ Красноводскій. Ближайшія къ морю племена уступили безмолвно свои прибрежные пески и солончаки и даже явились къ рус. солдату на послугу, съ верблюдами и убогими про-

изведеніями своего неприхотливаго хозяйства. Не такъ повели себя племена, кочевавшія вдали отъ моря и особенно въ оазисахъ, орошенныхъ рѣками, этими жизнедавцами знайнаго юга. Здѣсь племена Теке приняли довольно гордо вызовъ Россіи и стали въ оборонительное положеніе.

Геройская защита Голубого-Холма еще свѣжа въ памяти и настолько грандиозна, что достойна служить апофеозомъ бурной жизни туркменскаго народа. Но независимой Туркмени не существуетъ! Она обратилась въ рус. область съ желѣзною доро-гою, телеграфомъ и съ послѣдними словами разныхъ наукъ. Возможно, что та овечья загородка, въ которой томился нѣкогда Тимуръ-ленгъ, подошла теперь подъ полотно желѣзной дороги. Потомокъ-же Ивашки Сыровяткина, проходя по этому мѣсту ма-шинистомъ на паровозѣ, пугаетъ свистками неуклюжихъ верблю-довъ—потомковъ тѣхъ самыхъ драмадеровъ, на которыхъ везли драгоценное приданое невѣстѣ Джигангира!

Въ иное положеніе поставила себя древняя Фергана. Долгое время, послѣ утраты бассейна р. Сыръ и полува-сального Таш-кента, дружба между Россіей и Кокандскимъ ханствомъ ни разу не нарушилась. Но Худояръ-ханъ слишкомъ уже торопился вы-жать сокъ изъ народа, который, свергнувъ его, бросился неразумно возбуждать Туркестанъ противъ исторического рока. Свергнутый ханъ бѣжалъ—со многими арбами припрятанного на черный день серебра—въ рус. предѣлы, гдѣ ему показалось, впослѣдствіи, скучно жить и, размѣнявъ серебро на кредитки, онъ уложилъ ихъ въ переметныя сумы и скрылся изъ Оренбурга, съ намѣреніемъ про-браться черезъ Туркменію, въ Мекку или въ Индію. Но ни въ Меккѣ, ни въ Индіи онъ не появлялся: степь скрыла слѣды и его самого и его переметныхъ саквъ....

Его обширный гаремъ разбрѣжался и укомплектовалъ собою веселые дома павшей столицы Ферганы.

Вслѣдъ за бѣжалшимъ ханомъ произошло вторженіе коканд-цевъ въ рус. предѣлы, а это привело ихъ къ пораженію у Мах-рама. Впрочемъ, преподанный здѣсь дальнобойными орудіями урокъ скоро испарился изъ ихъ памяти. Воспользовавшись позволеніемъ, они избрали новаго хана, но какъ только рус. войска перешли обратно на свой берегъ р. они выгнали новаго хана и вновь напросились, благодаря кровожадному вожаку Абдурахману-Авто-

бачи, на болѣе рѣшительныя съ ними дѣйствія. Въ неравной борьбѣ они быстро потеряли свои лучшіе города—Наманганъ, Андижанъ, Ассаке—и выслали депутацію съ просьбою забыть всѣ дурныя дѣла ферганскаго народа.

Дѣло это было охотно предано забвѣнію, но самая Фергана обращена въ русскую область, о чемъ народъ узналъ изъ прокламаціи, объявленной ему на трехъ языкахъ—русскомъ, таджикскомъ и узбекскомъ.

Въ сосѣдствѣ съ Ферганою лежитъ также земля тимуридовъ—Кашгаръ, называемый мусульманами Джитышаромъ или Семиградіемъ, съ такими многолюдными городами, какъ Кашгаръ, Яркендъ, Хотанъ, Урумчи, Карапаръ. Бухара снабдила эту часть Туркестана потомками пророка, которые, пріобрѣтя значеніе вліятельной политической партіи, потѣшили китайцевъ на востокѣ. Китай однако возвратился обратно и, украсивъ городскія ворота головами ходжей, завязаль безконечную борьбу съ мусульманами. Мусульмане не расположены и теперь къ уступкамъ и достаточно шаловливому амбаню похитить мусульманку, чтобы составился заговоръ вырѣзать китайцевъ, гдѣ только возможно, а оставшихся въ живыхъ—изгнать, какъ нечистыхъ животныхъ. Такова, по крайней мѣрѣ, была причина возстанія, когда кокандскій ханъ выслалъ въ помощь кашгарскимъ мусульманамъ семнадцатысячный корпушъ, подъ начальствомъ храбраго и предпримчиваго военачальника Якубъ-бека. Этотъ, вытѣснивъ отовсюду китайцевъ и зарѣзавъ ихъ предводителя Вали-хана, объявилъ Кашгаръ своимъ владѣніемъ, забывъ о своемъ подданствѣ кокандскому хану. Въ качествѣ независимаго владѣтеля, онъ заключилъ договоръ съ рус. туркестанскими властями о свободной торговлѣ въ Джитышарѣ и о наблюденіи за личною и имущественною безопасностью и сохранностью купцовъ.

Опасаясь измѣны, Якубъ-бекъ принималъ всѣ мѣры предосторожности, такъ что никто изъ его приближенныхъ не зналъ, гдѣ онъ проведетъ ночь; тѣмъ не менѣе, предчувствіе не обмануло его и ножъ убийцы укоротилъ его жизнь. Семейство его бѣжало въ рус. предѣлы. На Кашгаръ тотчасъ-же надвинулись китайскія войска съ амбанями, превосходно изучившими ремесло выжиманія ямбъ изъ купеческихъ кармановъ. Ради того, чтобы изъ кармановъ рус. купечества — безъ различія вѣроисповѣданій — амбанъ не выжималъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ, въ Кашгаръ явился

рус. консулъ, съ полусотнею казаковъ, производящими на амбани непріятное впечатлѣніе!

Наиболѣе цѣнную часть наслѣдства тимуридовъ, Индію—пріобрѣла Англія, талантливо истомившая предварительно династію В. Моголовъ и независимыхъ раджей. В. Моголы вели свою генеологію отъ Бабура, который, будучи кровнымъ тимуридомъ и даже несомнѣннымъ правнукомъ Тимура, чуждался монголовъ, не зналъ ихъ языка и свое классическое жизнеописаніе оставилъ на тюркскомъ языкѣ. За его династіей утвердился титулъ «Моголовъ», благодаря грубой ошибкѣ западно-европейскихъ историковъ, смѣшавшихъ тюроковъ съ монголами.

Испытавъ неудачу въ родной странѣ, Бабуръ собралъ отрядъ въ десять тысячъ рѣшительныхъ багадуровъ и отправился въ Индію возстановливать владычество тимуридовъ. Вскорѣ Кандагаръ, а главное Кабулъ подчинились его власти, что и проложило ему путь все къ тому же Аттоку, у которого переходили и его предки Индъ. Выигранное имъ, подъ стѣнами Дели, сраженіе было настолько рѣшительно, что все индійское государство очутилось въ его рукахъ.

Тревоги жизни, начавшіяся съ двѣнадцатилѣтняго возраста, укоротили однако его жизнь и онъ умеръ, прогосподствовавъ въ Индіи всего пять лѣтъ. Безпрерывныя военные авантюры не мѣшиали ему отдаваться наукамъ и искусствамъ и оставилъ блестательное жизнеописаніе, въ которомъ онъ преклонился передъ своимъ предкомъ, Тимуръ-ленгомъ, не безъ ущерба въ истинѣ, какъ передъ идеаломъ славы, чести и героизма.

Сынъ Бабура—Гумаюнъ получилъ отъ отца въ наслѣдство имперію отъ р. Ганга до р. Аму, но его сильно тѣснилъ Ширь-Шахъ авганскій, такъ что династія бабуридовъ укрѣпилась только при Акбарѣ, сынѣ и преемникѣ Гумаюна. Союзами, настойчивостью и силою, Акбаръ, прозванный великимъ, сплотилъ наслѣдіе дѣда въ сильное государство съ мусульманскимъ правленіемъ. Индусскіе раджи обратились въ его вассаловъ. По себѣ онъ оставилъ память лучшаго изъ мусульманъ. Владѣя превосходно мечемъ, онъ ненавидѣлъ войну, поклоняясь Аллаху—онъ переводилъ священные поэмы индусовъ, уважая ихъ законы—онъ истреблялъ безчеловѣчные ихъ обычай. Акбаръ допускалъ даже свободное обсужденіе догматовъ ислама!

Но сынъ в. отца избралъ иной путь. Наслѣдовавъ ему, Се-

лимъ обратился къ войнѣ и къ оргіямъ. Преемникъ-же его началъ свое царствованіе убійствомъ родного брата и всѣхъ родственниковъ, что считалось тогда единственнымъ путемъ къ единодержавію. Сынъ его пошелъ еще далѣе и, ссадивъ отца съ престола, заперъ его въ крѣпость. Послѣ того, потянулись обычныя родственныя войны съ побѣдами, пораженіями, заговорами, казнями и—необыкновеннымъ приращеніемъ богатствъ.

Насколько велико было выжиманіе соковъ изъ индусовъ можно судить по тому, что тронъ Могола—въ видѣ павлина, украшенного драгоцѣнными камнями,—цѣнили въ шесть съ половиною миллионовъ ф. стер.

Власть В. Моголовъ начала колебаться, когда они пожелали омусульманить индусовъ, чѣмъ и возстановили противъ себя богатыхъ вассаловъ. Раджи обособились. Въ династіи-же бабуридовъ не нашлось людей съ достаточно свѣтлымъ умомъ и сильною волею. Можно считать, что съ начала XVIII-го вѣка началось распаденіе ихъ имперіи, выразившееся первоначально въ образованіи независимыхъ государствъ, а потомъ и въ утратѣ военнаго счастья. Персидскій шахъ Надиръ, воспользовавшись внутренними раздорами бабуридовъ, предпринялъ набѣгъ на Индію и такъ удачно ограбилъ ее, что изъ одного Дели вывезъ добычу, оцѣненную въ тридцать миллионовъ фунтовъ. Затѣмъ потянулись на грабежъ и авганцы. Началось убійство Моголовъ ихъ визирами. Наконецъ, во время войны англичанъ съ французами въ южной Индіи, утратилась всякая самостоятельность бабуридовъ.—Въ началѣ XIX-го вѣка, надъ стѣнами Дели, взвился британскій флагъ и В. Моголы потянули жизнь то пенсионерами, то плѣнниками Англіи. Послѣдній изъ нихъ, по счету семнадцатый, Мухамедъ - Багадуръ-Шахъ умеръ, находясь у англичанъ подъ арестомъ, вызваннымъ участіемъ его въ возстаніи сипаевъ или вѣрнѣ желаніемъ Англіи окончить счеты съ послѣдними изъ бабуридовъ.

Россія, предполагавшая въ самомъ Бабурѣ только урядника индійского царства, была не прочь войти въ сношенія съ бабуридами. Съ этой цѣлью, Царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ избралъ въ послы астраханца Касимова. Очень щепетильный относительно полноты своего титула, царь приказалъ провѣдать съ точностью какъ слѣдуетъ величать индійского государя, но грамоту послѣднему написалъ все таки на имя Шаха, а не Могола. Къ сожалѣнію, Касимовъ, по причинѣ происходившей въ ту пору распри между Бу-

харою, Хивою и Балхомъ, не добрался до индійского шаха и поэтому посольство его осталось безъ результатовъ.—«Любительскія поминки» государя отличались необыкновенною скромностью, такъ что связка корольковъ и нѣсколько зеркалъ изъ слонды, занимали въ числѣ ихъ видное мѣсто. Порученіе же Касимову давалось довольно обширное. Кромѣ старанія укрѣпить дружбу съ шахомъ, онъ долженъ быть побудить его прислать Россіи три тысячи пудовъ серебра въ обмѣнъ на рус. товары, купить въ Индіи лѣкарствъ отъ всѣхъ болѣзней, притгласить мастеровъ, строющіхъ каменные мосты, довѣваться о цѣнѣ на шелкъ, вывести оттуда птицъ и, наконецъ, «припоивъ и прикормивъ къ себѣ пристава», узнать склоненъ-ли будетъ шахъ вступить въ дружбу съ Россіей.....

Не прочь была и Франція побывать въ Индіи, но съ цѣлями уже активными и открыто направленными противъ британского въ ней владычества. Предполагалось, что три державы соединятся передъ этою цѣлью—французская республика и имперіи Россійская и Германская. Послѣдняя должна была участвовать только въ пропускѣ французскихъ войскъ черезъ свои владѣнія и облегчить плаваніе ихъ по р. Дунаю до Чернаго моря. Соединенная армія предполагалась изъ 70,000 человѣкъ.

По этому проекту, Бонапартъ сдѣлалъ замѣчанія: достаточно ли судовъ на р. Дунай, чтобы перевезти его тридцатипятитысячную армію? Пропустить ли ее султанъ? Достаточно ли для этого кораблей на Черномъ морѣ? Не нападеть ли англійская эскадра? По сборѣ союзныхъ силъ въ Астрabadѣ какими путями они двинутся въ Индостанъ?—На всѣ эти вопросы Императоръ Павель сообщилъ успокоительныя возраженія и приступилъ, со свойственной ему стремительностью, къ посыпкѣ своего войска.—«Соберитесь»—повелѣвалъ онъ атаману Донского войска генералу Орлову—«и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми, пойдите съ артиллеріею, прямо черезъ Бухарію и Хиву, на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія»,—«Въ нынѣшній походъ взять казаковъ сколько можно болѣе».

По самому приступу къ экспедиціи, можно было видѣть, что она окажется постыднымъ фіаско: вмѣсто Астрабада, какъ было условлено съ Бонапартомъ, донцамъ предстояло направиться на Бухару, безъ картъ, безъ колонновожатыхъ и безъ запасовъ

продовольствія. О самой же Бухарѣ донцы знали только то, что въ ней «много обрѣтается ризъ бумаги хлопчатой»—и что бухарцы ъѣдять рисовую крупу ежедневно. Войсковой атаманъ предписалъ изготавляться къ походу въ шесть дней, о дву-конь съ полутора-мѣсячнымъ провіантомъ.

Станицы опустѣли до того, что въ церквяхъ некому было читать и пѣть, а въ канцеляріяхъ—писать и считать. Полки стали подходить къ р. Волгѣ въ оттепель, когда уже ручи и балки заиграли водою и прервали всѣ пути сообщенія. Изъ этого затруднительного положенія донцы были выведены манифестомъ новаго Императора, повелѣвшаго полкамъ возвратиться на р. Донъ. Вѣсти эти пришли наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія и Орловъ, передавъ ее войскамъ, прибавилъ: «милуетъ васъ, ребята, Богъ и Государь родительскими домами!»

Такимъ образомъ, лучшая часть наслѣдія тимуридовъ продолжаетъ оставаться въ крѣпкихъ рукахъ Англіи, чувствующей себя за Гинду-Кушемъ въ совершенной безопасности. Маленькая непріятности, испытываемая при выживаніи излишковъ народнаго благосостоянія, не тревожатъ ея премьеровъ и вице-королей, располагающихъ искусствомъ разъединять раджей и бить ихъ по одиночкѣ; напротивъ, каждый русскій топографъ, взирающій на Памиры или отмѣчающій высоты по дорогѣ къ Герату, поселяетъ тревогу въ индійскихъ канцеляріяхъ и вызываетъ посылку дипломатическихъ нотъ.

Тревога эта длится уже болѣе полувѣка и восходитъ отъ времени посыпки полковника Стоддарта въ Бухару съ специальной миссіей образовать, противъ Россіи, коалицію, изъ среднеазіатскихъ ханствъ. Миссія не удалась, но идея сопротивленія движению Россіи въ глубину Азіи разраслась за Гинду-Кушемъ до степени болѣзненнаго состоянія. За каждымъ шагомъ Россіи слѣдовалъ захватъ со стороны Англіи или горнаго прохода, или отроговъ, удобныхъ для фортификаціоннаго сооруженія. Мелкія народности, при выработанной англичанами системѣ захватовъ въ четыре стадіи:—«совѣтовать, помогать, покровительствовать и проглатывать»—теряли одна за другою самостоятельность и совершенно стущевывались передъ многочисленными англійскими резидентами. Но Россія выдвинулась въ Бухару и Фергану, что вызвало странія установить нейтральную зону. Авганистанъ обратился въ буферъ съ англійскою позолотою, на которую Индія расходуетъ

не менеѣ ста тысячъ фунтовъ ежегодно. Все, что можно было оттянуть въ пользу буфера изъ сферы рус. вліянія—Шугнанъ, Рошанъ, Ваханъ, Чатраль, Ясинъ — все подчинилось Англіи, черезъ посредство ея буфера. При такомъ, болѣе чѣмъ индиферентномъ отношеніи Россіи къ припамирскимъ странамъ, англійскіе знатоки захватовъ—Іонгхезбэндъ, Форсайтъ, Гордонъ, Троттеръ, Эліасъ — быстро засновали между Индіей и восточнымъ Туркестаномъ съ рекогносцировками Памира исосѣднихъ независимыхъ ханствъ.

Буферъ доставляетъ Англіи не мало заботъ. Ей пришлось встревожиться за участіе Авганистана послѣ обращенія Туркменіи въ рус. область. По этому поводу, эмиръ выразилъ желаніе увеличить получаемую имъ субсидію, для принятія мѣръ противъ случайностей со стороны Россіи. Произошелъ новый обмѣнъ нотами. Авганцы заняли непринадлежавшій имъ оазисъ Пенджаб. Въ конечномъ результатаѣ сношеній получилось образованіе разграничительной комиссіи, съ пятьюстами человѣкъ англійского конвоя. Ободренный такимъ большимъ числомъ дружественныхъ сипаевъ, эмиръ выдвинулся еще впередъ и въ лицѣ своего Наибъ-Салара, получавшаго наставленія отъ англійского капитана Іета, занялъ берега р. Кушки. Произошло неизбѣжное уже столкновеніе между рус. отрядомъ и Наибъ-Саларомъ. О результатѣ этого столкновенія можно прочесть въ меморандумѣ великобританскаго посла, слѣдившаго съ отеческою заботою за успѣхами и неудачами британскаго буфера. Послѣ несчастія съ авганцами, рус. посолъ телеграфировалъ рус. министру, что сэръ Гладстонъ въ Палатѣ общинъ и лордъ Гранвиль въ Палатѣ лордовъ заявили о необходимости голосовать кредитъ въ одиннадцать мил. ф. стерл., изъ нихъ четыре съ половиною на расходы въ Египтѣ, а остальные на защиту интересовъ имперіи «помимо Судана».

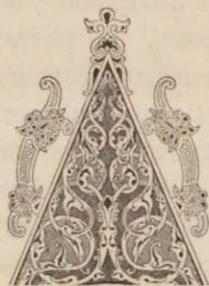
Не смотря на этотъ решительный шагъ и такую же готовность рус. правительства открыть не менеѣ кредитъ на защиту интересовъ Россіи тоже «помимо Судана», дѣло кое-какъ уладилось—впредь до новыхъ капризовъ исторического рока.

Можно думать, что Англія не довольна своими буферами, по крайней мѣрѣ, когда ей надоѣдаются вазирисы и афридіи, она подозрѣваетъ Кабулистанъ въ тайномъ заговорѣ и требуетъ новыхъ клятвъ его хана въ неизмѣнной вѣрности. Ханъ клянется, забывъ вѣроятно, что когда до своего бѣгства изъ Самарканда онъ со-

стояль на иждивеніи рус. казны, то тоже благодариль Аллаха за ниспосланіе ему доброго покровителя.

Второй буферъ—«крыша міра»—также разграничень недавно между сферами рус. и англійского вління, но это наслѣдіе тимурдовъ такъ безлюдно и бесплодно, что только крайне меланхоличныеnomads могутъ вести здѣсь борьбу за существованіе. Пролегающій поверхъ этой крыши путь изъ Туркестана въ Индію тяжель и труденъ, такъ что рус. желѣзная дорога по направленію къ Герату будетъ, по всей вѣроятности, тѣмъ торговымъ путемъ, о которомъ такъ заботились рус. государи.

Впрочемъ, исторический рокъ, распредѣливъ наслѣдіе тимурдовъ между Россіею, Англіей, Китаємъ и Персіей и забраковавъ старые пути сообщеній между ними, не намѣтилъ еще новые или, вѣрнѣе, не нашелъ еще станціи соединенія туркестанскихъ желѣзныхъ дорогъ съ индійскими. Несомнѣнно, такая станція будетъ найдена, хотя бы суровыя горныя вершины и протестовали противъ беспокойного паровозного свистка.

LIII.

ИТОГИ И ВОПРОСЫ.

(Наканунѣ XX-го стол.).

ноговѣковая и многострадальная борьба Россіи съ чингисидами и тимуридами доставила человѣчеству результаты высокой важности. Она оградила европей-

скую культуру отъ монгольского погрома, а христіанство отъ фанатического преслѣдованія исламитянъ.

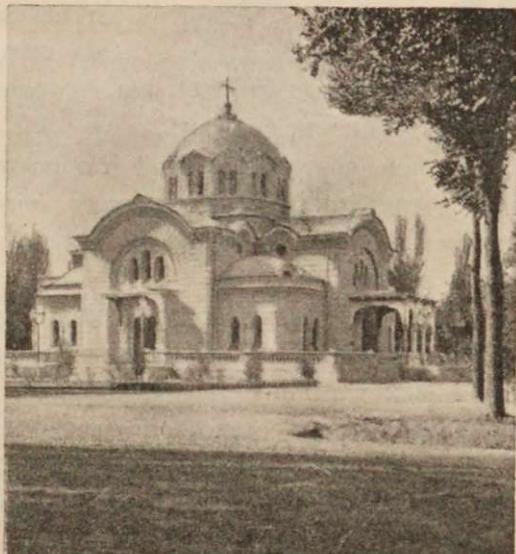
Теперь, за бывшею чертою владѣній татаро-монголовъ, живутъ и работаютъ сорокъ миллионовъ русскихъ людей, вытѣснившихъ изъ Турана и Ср. Азіи—рабство и произволъ, требовавшій въ такомъ избыtkѣ палачей и крови.

Увѣнчаніемъ этой знаменательной, въ обширномъ историческомъ смыслѣ, борьбы славянъ съ народами, явившимися «поплыть всю землю» служить путешествіе сына и наследника Русскаго Императора, посѣтившаго старо-монгольскія земли съ мирными цѣлями и высоко-культурными задачами. Въ его присутствіи, народилась на Дальнемъ Востокѣ великая сибирская желѣзно-дорожная магистраль, которой суждено превратить, хотя бы чрезъ столѣтія, Европу и Азію въ одинъ нераздѣльный материкъ. Примкнувъ къ Тихому океану, она пересѣчетъ колыбель, подарив-

шую міру такихъ вождей гунновъ, монголовъ и тюроковъ, какъ Аттила, Чингисъ-ханъ, Батый или Узбекъ.

По пути, намѣченному и лично пройденному Высокимъ руководителемъ этой грандиознѣйшей въ мірѣ желѣзно-дорожной магистрали, идетъ теперь настолько сложный и обширный трудъ, что передъ нимъ умаляются многія историческія сооруженія. По этому пути продолжаетъ двигаться обратная волна славянства, неся съ собою сотни христіанскихъ храмовъ, школъ, паровыхъ судовъ—и величайшіе завѣты Христа о владычествѣ мира надъ міромъ. Никто изъ пришельцевъ на родину Чингисъ-хана и не подумаетъ, разумѣется, ополчаться ad majorem Dei gloriam ни на кумирню ламаитовъ, ни противъ другихъ святая святыхъ народовъ Турана. Такъ видятъ и понимаютъ это и сами аборигены земли, устраивавшіе торжественные встречи царственному посѣтителю. Въ истинѣ этой убѣждены и слуги желтой вѣры, привѣтствовавши такъ тепло и нелицемѣрно сына ихъ Государя въ Дацинъ-Алаганскомъ монастырѣ.

Возвратившись въ родную столицу, Высокій путешественникъ оставилъ за собою, даже и по восшествіи на престоль, непосредственное управлѣніе обратною историческою волною Россіи—движеніемъ ея въ земли чингисидовъ и вообще на Дальній

Церковь въ Ташкентѣ.

Востокъ. Благодаря этому счастливому обстоятельству, прибрежье и воды Тихаго океана не перешли въ монопольные тиски современныхъ половчанъ. Запедшимъ на Востокъ русскимъ черносошникамъ не придется, поэтому, горевать, при видѣ чужестраннаго броненосца, о томъ, что «станетъ смердъ пахать на своей лошади, а наскочить половчанинъ и убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожжетъ....»

Такимъ образомъ, Россіи понадобились три столѣтія, чтобы подвести своею обратною волною окончательный итогъ ея борьбы съ старо-монгольскимъ міромъ. Теперь, въ этомъ итогѣ, нѣть болѣе мѣста ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ, отъ чего еще такъ далека продолжающаяся длиться борьба христіанства съ исламомъ.

По крайней мѣрѣ, исламитяне, мечтая объ идеальномъ будущемъ, не оставляютъ надежды на перевоспитаніе людской общины по масштабу корана. Мало того, они не могутъ и отойти въ сторону отъ этой цѣли, которую таить только по невозможности придать мантіи Пророка всесокрушающую силу. Отойдя отъ этой цѣли, они наступили-бы на принципіальнѣйшіе изъ завѣтовъ Пророка, поставившаго истребленіе невѣрныхъ чуть-ли не вторымъ догматомъ послѣ единобожія.

Въ этомъ отношеніи, ученіе в. аравитянина легко объясняется тѣмъ, что, пролагая путь своему ученію, онъ нуждался безусловно въ помоши копья и меча, чѣмъ выдѣлился изъ ряда пророковъ и посланниковъ Божіихъ и кореннымъ образомъ разошелся съ христіанскимъ вѣроученіемъ.

Послѣдователи его ученія сдѣлали многое, чтобы поставить его на высоту исключительного величія. Ониувѣрили народную массу, что самое рожденіе Мухаммеда сопровождалось чудесными явленіями. Прежде всего, по исходѣ изъ чрева матери, онъ лично поздравилъ ее съ разрѣшеніемъ отъ бремени и призвалъ на нее благословеніе Аллаха. При его рожденіи, легіоны невидимыхъ духовъ и бесплотныхъ существъ огласили міръ радостнымъ ликованіемъ. Архангель Гаврійль, выпнувъ его сердце, омылъ его, наполнилъ небеснымъ свѣтомъ и вновь вложилъ въ грудь....

Но, отбросивъ эти легенды, нельзя не видѣть, что, прийдя въ возрастъ, которому доступенъ уже философскій кругозоръ, Мухаммедъ увидѣлъ всю беспомощную глупость иоловъ, окружавшихъ Ке'абу и непригодность для его личныхъ цѣлей мирныхъ принципіовъ іудейства и христіанства. Они были слишкомъ скром-

ны и слишкомъ духовны для реальной натуры его соотчичей. Обогатившись сказаніями талмудистовъ и черпнувъ кое-что изъ устныхъ разсказовъ о жизни и дѣяніяхъ Сына Маріи, онъ принялъ издавать суру за сурою въ примѣненіи ихъ къ міровоззрѣнію согражданъ. Многое изъ того, что удалось ему изучить или собрать на базарахъ и ярмаркахъ Емена и Сиріи, онъ переработалъ подъ свой уголь зрењя и переложилъ въ пѣсни корана. Въ ряду этихъ материаловъ заняли главенствующее положеніе—походы, битвы, гаремъ и—только попутно—всякія добрыя дѣла. Въ противорѣчіяхъ онъ не стѣснялся. Достаточно было заподозрить красавицу Аишу въ измѣнѣ, какъ онъ наградилъ всѣхъ будущихъ измѣнницъ восемьдесятю плетью и достаточно было Аишѣ взять его обратно въ руки, какъ тѣ же восемьдесятъ плетей онъ посулилъ чуть не самому себѣ за ея оскорблениѣ.

Въ борьбѣ за ученіе, онъ требовалъ отъ послѣдователей безпрерывнаго воспитанія духа воинственности и суроваго образа жизни. Съ этою цѣлью, онъ разрѣшилъ имъ только три забавы: скачку на конѣ, метаніе стрѣль и нѣгу женщины. При двухъ первыхъ утѣхахъ, онъ обѣщалъ даже присутствіе небесныхъ геніевъ и наоборотъ, при игрѣ въ шахматы или въ шашки, правовѣрнымъ угрожало присутствіе такой нечистой твари, какъ свинья. Особою суворостью отличались его требования на время войны: правовѣрные должны, по его завѣтамъ, только сражаться, а въ свободное время отъ сраженія—предаваться благочестивымъ размышленіямъ.

Мухаммедъ создалъ эти воинственные повелѣнія самостоительно, не заимствуя ничего для нихъ ни отъ іудеевъ, ни отъ христіанъ. Онъ зналъ, что пророки іудеевъ требовали, напротивъ, перековать мечи на орала и копья на серпы, чтобы каждый человѣкъ могъ сидѣть безтрепетно подъ своею смоковницею или виноградною лозою. Христіане-же получили завѣтъ обѣ одномъ лишь мирѣ и только о мирѣ.

Въ описаніи всѣхъ прелестей войны, Мухаммедъ превзошелъ лучшія изъ своихъ пѣсней и поэтому оставилъ по себѣ такихъ фанатическихъ послѣдователей, какъ халифъ Омаръ, заповѣдавшій уже отъ себя:—«Поѣдать христіанъ, пока будетъ существовать исламизмъ». Такимъ образомъ, возникъ заколдованный кругъ, по которому коранъ подгоняетъ войну, а война мчится за кораномъ. Всему встрѣчному остается преклониться передъ исламомъ или

быть порабощеннымъ, а всякое сопротивленіе ему должно вести къ кровопролитію. При такихъ принципахъ, исламъ не превозмогъ христіанства единственно потому, что онъ отсталъ отъ той культуры, которая даетъ самому существованію на землѣ человѣка—разумъ и силу.

При абсолютномъ невѣжествѣ, въ образовательномъ смыслѣ, Мухаммѣдъ придалъ съ тонкимъ расчетомъ учению своему чувственную заманчивость.

Наградивъ послѣдователей семью небесами и семью климатами, онъ загипнотизировалъ ихъ четырьмя женами на землѣ, а въ райской обители—гуріями съ ланитами, уподобленными скорлупѣ страусовыхъ яицъ. Гуріи будутъ поводить черными, а не безобразными голубыми зрачками и красоваться черными волосами на головѣ, въ бровяхъ и рѣсницахъ. Тамъ, даже простые люди, будутъ имѣть напитокъ изъ имбира, тогда какъ кифиры будутъ пить въ адъ помои, ёсть отвратительные плоды Заккума и Дзарига, одѣваться въ пылающую смолу и просить помощи у дьяволовъ.

Въ этомъ гипнотическомъ состояніи, исламитяне видятъ въ падающихъ звѣздахъ—раскаленные камни злыхъ геніевъ, воюющихъ противъ свѣтлыхъ ангеловъ, стерегущихъ подлинникъ корана. Не нуждаясь во всѣхъ вопросахъ ума и сердца, въ помощи опыта и

Торговля въ Ср. Азії—дорогими вещами—подъ открытымъ небомъ.
(При русскомъ господствѣ).

науки, а тѣмъ болѣе критики, мусульманинъ ищетъ въ коранѣ и только въ коранѣ отвѣты на всѣ вопросы жизни. Отсюда нѣтъ и быть не можетъ общенія мусульманина съ лицами другихъ воззрѣній и вѣрованій. Хотя «имѣющіе книгу»—христіане и евреи—болѣе почтены въ глазахъ мусульманина, нежели идолопоклонники, но все-же въ его глазахъ они люди низшаго порядка и не для нихъ расцвѣтутъ ланиты гурій.

Изъ этого вѣроученія, государственное знамя ислама обратилось въ знамя войны; такимъ оно было въ эпоху Тимура, такимъ оно осталось и къ нашему времени. Знамя Мухаммеда продолжаетъ храниться, вмѣстѣ съ реликвіями мусульманства, въ одной изъ залъ сultанскаго серала и развертывается только на время войны, когда сultанъ или визирь принимаетъ въ ней личное участіе. Въ мирное время оно снимается съ древка и завертывается въ другое знамя—временъ Омара—and потомъ въ сорокъ шелковыхъ покрововъ съ надписями изъ догматовъ вѣры. Между покровами вкладывается коранъ, написанный Абу-Бекромъ. Въ этой-же залѣ хранятся и прочія реликвіи мусульманства: зубы, выбитые у Мухаммеда въ Оходской битвѣ, его плащъ, часть бороды и ключъ отъ Ке'абы.....

Заманчивыя положенія ислама привели къ тому, что мухаммеданство пріобрѣло въ Индіи, въ теченіе десятилѣтія, три миллиона послѣдователей, тогда какъ, въ этомъ-же десятилѣтіи, христіанство привлекло къ себѣ только шестьсотъ индусовъ. Міссионерскія общества расходуютъ въ Палестинѣ, Аравіи, Персіи и Египтѣ сотни миллионовъ франковъ и пріобрѣтаютъ сотни человѣкъ новобранцевъ. Отъ Нила до Атлантическаго океана и отъ Средиземнаго моря до экватора исламъ сдѣлался господствующею религіею; при этомъ мусульманскія міссіи не располагаютъ ни денежными средствами, ни покровительствомъ властей.

Проходятъ вѣка, а дочери ислама, живущія даже среди рус. населенія, не желаютъ знать рус. рѣчи и строго хранять чистоту своей монголо-туркской крови. Благодаря тому, что Посланникъ, заподозрѣвъ Аишу въ измѣнѣ, повелѣлъ женщинамъ носить покрывала на лицахъ, онъ пошли дальше его желанія и изобразили въ Азіи халаты, надѣваемые поверхъ головы.

Вообще, не обладая для самосохраненія національной индивидуальности культурными средствами, исламиты борются очень успешно только крѣпостью убѣжденія въ личномъ превосходствѣ

надъ иновѣрною, окружающею ихъ средою, кажущимся неимѣніемъ кастовыхъ перегородокъ и надеждами на прелестъ загробнаго бытія. Исламу недостаетъ только прежней материальной силы, чтобы навязать свое убѣженіе всѣмъ странамъ и народамъ и, быть можетъ, тѣми-же героическими средствами, какими Тимуръ-лентъ воспитывалъ умы пяти подвластныхъ ему климатовъ.

Тимуриды давно уже сошли съ горизонта ислама, но укрѣпленная ими идея панисламизма живеть въ ихъ странахъ и чувствуетъ себя довольно бодро. Покрайней мѣрѣ, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, она зашевелилась съ удвоенною силою, благодаря лозунгамъ, исходящимъ изъ Стамбула и частю изъ Индіи. Насаждая свое косное образованіе щедрою рукою, исламъ возрастаетъ въ замѣтной пропорціи: при четырехстахъ миллионахъ христіанъ, мусульманъ народилось уже до двухсотъ миллионовъ, что составляетъ восьмую часть населенія земного шара—при разницѣ на шесть вѣковъ между эрами христіанской и мусульманской!....

Такой необыкновенно быстрый ростъ ислама приводить къ глубокому раздумью. Изъ незначительныхъ, нѣсколькихъ племенъ сыновъ пустыни—бедуиновъ—создалось могущественное государство съ религіею, обошедшее весь Старый Свѣтъ и съ несомнѣннымъ стремлениемъ сломить могущество креста....

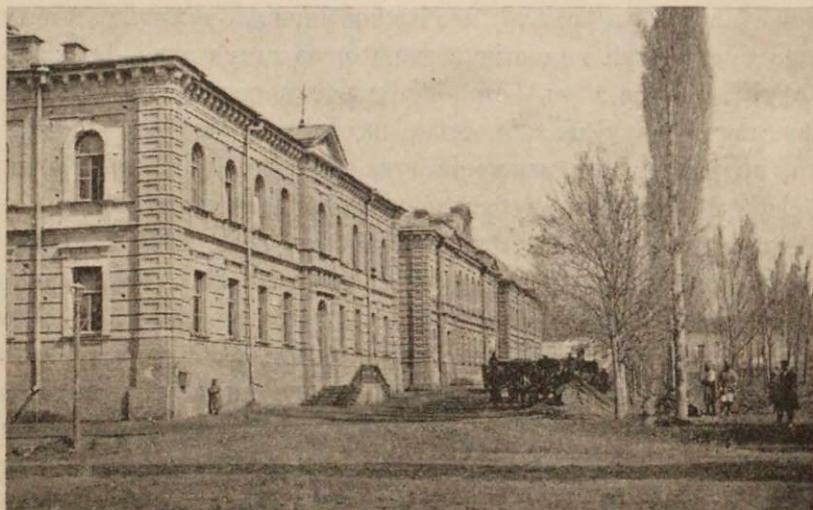
Великія древнія столицы—Константинополь, Александрия, Дамаскъ, Іерусалимъ—продолжаютъ оставаться подъ сѣнью луны—эмблемы ислама—и только необыкновенными усилиями выбились изъ подъ ея опеки немногія страны и во главѣ ихъ—Россія.

Гдѣ же и на чемъ остановится ростъ ислама, страшного человѣчеству своею фанатичностью, недопускающею вѣру корана ни свѣта, ни истины, ни движенія ума, предоставленнаго Творцомъ человѣку? Мухаммедъ, требуя войны съ невѣрными, во чтобы-то ни стало, приказалъ посыпать въ битвы весь свой народъ, за исключениемъ хромыхъ, слѣпыхъ и слабыхъ. Невѣрнымъ онъ согласился давать пощаду, но только пощаду, а не миръ. Теперь, когда численный перевѣсъ на сторонѣ христіанства и культуры, эти повелѣнія остаются только религіозными наставленіями, не болѣе, но если численный перевѣсъ измѣнить христіанству—миръ испытаетъ священную войну, во имя искорененія всѣхъ религій—кромѣ преподанной въ коранѣ—и нивелировку всѣхъ знаній и движений ума по масштабу мулль и улемовъ!

Нѣкоторымъ ослабленiemъ мусульманства служить рознь, су-

ществующая между двумя главными толпами—суннитами и шиитами, признающими и непризнающими имаметъ или преемственность духовной іерархіи.—Кромъ того, сунниты выдѣли изъ себя суфизмъ, отрицающій всякую положительную религию и обрядности и, уже за одно, всякую науку. Адептъ суфизма, отдаваясь исключительно созерцанію и восторженности, не признаетъ ни мечети, ни христіанского храма. Путемъ самозабвенія, онъ сливаются съ Богомъ и въ этомъ, доступномъ по его мнѣнію, сліяніи, заключается единственная и конечная цѣль его жизни, какъ и каждого смертнаго. Бабиды тоже отвергаютъ обрядовую сторону жизни и вѣрованій мусульманства. Вообще же, исламъ дошелъ уже до семидесяти двухъ расколовъ и идетъ далѣе по этому пути, но никакъ не въ сторону христіанства и науки.

Относительно роста ислама нельзя не видѣть, что успѣхи христіанскихъ миссіонеровъ, не смотря на самоотверженіе ихъ, доходящее, при взрывахъ въ разныхъ странахъ национального фанатиста, до мученичества, крайне слабы. Христіанство увеличивается скорѣе естественнымъ путемъ, нежели пріобрѣтенiemъ новыхъ народовъ. Массовые обращенія въ христіанство уже пріостановились, тогда какъ мусульманство продолжаетъ присоединять къ себѣ цѣлые миллионы прозелитовъ. Не углубляясь, для доказательствъ этого положенія, въ глубь Африки и, не выходя

Гимназія въ Ташкентѣ.

даже изъ рус. предѣловъ, достаточно взглянуть на миллионное населеніе азіатскихъ кочевниковъ. Въ средѣ ихъ, муллы — и указные и неуказные, и убѣжденные и проходимцы изъ казанскихъ святошъ—быстро сдѣлали свое дѣло и подарили Пророку два—три миллиона его послѣдователей, ничего не понимающихъ въ его «Книгѣ Писанія», но уже оторгнутыхъ отъ пути къ христіанству.

Въ болѣе-же грандіозныхъ размѣрахъ, могущихъ удивить весь міръ, мусульманство можетъ достигнуть, совершающімся на нашихъ глазахъ, завоеваніемъ Африки и склоненіемъ Будды и Брамы къ уступкѣ ихъ одряхлѣвшихъ престоловъ и ихъ туманныхъ міровоззрѣній—въ пользу реальныхъ завѣтовъ знаменитаго аравитянина. Каждый торговецъ слоновою костью и невольниками на материкѣ Африки прозелитствуетъ и довольно успѣшно въ духѣ корана. Монгольская народная масса продолжаетъ читать Будду только по наслышкѣ отъ ламъ, проповѣдывающихъ истины желтой вѣры на непонятномъ нарѣчіи. Высокое ученіе Будды нисколько не останавливаетъ монгола возводить и теперь въ «боргана» и самого ламу и его молитвенникъ и монастырскую стѣну и кучу камней, сложенныхыхъ на вершинѣ горы. Китайскіе-же мусульмане преданы культу поклоненія предкамъ, какъ индійскіе мусульмане чтутъ многіе изъ праздниковъ Брамы.

Но оставляя въ сторонѣ коренныхъ монголовъ, отставшихъ въ умственномъ движениі на многіе вѣка, нельзя не видѣть, что и болѣе культурныя племена не могутъ справиться съ высотою ученія Будды. Онъ заповѣдалъ такъ много добродѣтелей, что человѣкъ не въ состояніи воспринять самую дробную ихъ частицу. Повидимому, отецъ буддизма желалъ создать рай на землѣ, нисколько не подозрѣвая, что онъ наводнитъ міръ одною безконечною фальшью. Красоту женщины онъ считалъ величайшею противницѣю его высокихъ завѣтовъ. — «Не останавливайте свои взоры на женщинахъ!» заповѣдалъ онъ аскетамъ, обязаннымъ умерщвлять плоть. — «При встрѣчѣ съ женщинами не обращайтесь на нихъ вниманія. Берегитесь говорить съ ними, а если нужно говорить, то охраняйте отъ нихъ свои сердца. Вы должны напоминать собою лалі, остающіяся чистыми и среди болота». Во имя этихъ завѣтовъ, ламы ведутъ безбрачную жизнь и увы! являются первыми проводниками губительной болѣзни въ средѣ беспомощныхъ противъ неяnomadovъ.

Эту грубую сторону жизни народъ сравниваетъ съ учениемъ Пророка и становится всецѣло, съ точки зрѣнія грѣховнаго организма, на его сторону. Пророкъ былъ и самъ любителемъ женскаго пола и, какъ в. рационалистъ, видѣлъ, что такимъ разрешенiemъ многоженства онъ увлечетъ за собою миллионы людей. Такъ оно и случилось. Не менѣе реальны его и адъ и рай, тогда какъ переселеніе душъ, по учению Будды, не дается пониманію и самому дѣйшимъ ламамъ. При заповѣданныхъ имъ шести классахъ всего сущаго—ангеловъ, демоновъ, людей, четвероногихъ, летающихъ и пресмыкающихся—ни одинъ лама не въ состояніи провести по этой іерархіи хотябы и завѣдомо безгрѣшную душу. Наконецъ, эта безгрѣшная душа, переселяясь изъ рыбы въ осла или въ пѣвчую птичку, должна, при достижениіи высшей степени совершенства, уничтожиться или слиться съ существомъ Будды и утонуть въ общей гармоніи. Такой исходъ бытія никогда не прельститъ мухаммедину, которому нерасчетливо разстаться и въ раю съ гаремомъ идеальныхъ созданій.

Такимъ образомъ, если допустить возможность сліянія мусульманъ съ буддистами и браманистами, то оно осуществится только на условіяхъ корана, что можетъ вызвать пробужденіе азіатскаго волкана. Теперь, для Европы, пробужденіе это не страшно, но Азія и Африка, съ ихъ ничтожнымъ процентомъ христіанства, могутъ еще захлебнуться кровью, какъ это и показало Суданское возстаніе.

Для возбужденія и распространенія возстанія противъ невѣрныхъ, мусульмане имѣютъ въ запасѣ вожатаго, въ лицѣ двѣнадцатаго имама, Мухаммеда-Махди, который исчезъ только на время съ земли, съ тѣмъ, чтобы поразить, наканунѣ страшнаго суда Даджала, лгuna и обманщика—и обратить кѣфировъ въ правовѣрныхъ. Если одного Махди окажется недостаточно для этой миссіи, то за нимъ явятся второй, третій и—сколько понадобится. Предшественники каждого изъ нихъ будутъ объявлены лже-пророками. Суданское возстаніе служитъ не дурнымъ примѣромъ живучести Махди и образчикомъ возбужденія въ этомъ направленіи мусульманскаго фанатизма.

Ожидаемый Махди—человѣкъ, направленный самимъ Аллахомъ на истинный путь—долженъ, какъ предопределено, явиться изъ племени корейшитовъ, возлѣ Медины. Недавно, однако, онъ явился въ семье бѣднаго плотника, на островѣ Бѣлаго Нила,

но это не помешало ему объявить себя избранникомъ Божімъ, посланнымъ на землю для искорененія невѣрныхъ и привлечь къ себѣ толпы послѣдователей. Никто не обратилъ вниманія даже на то, что его появлению должны были предшествовать необыкновенные события: на землѣ долженъ былъ явиться, какъ увѣряютъ искренно вѣрующіе мусульмане, врагъ ислама—Даджалъ. Пришествіе его должно-бы обозначаться всемирными бѣдствіями: повсемѣстно засухою, убийственными вѣтрами, повальнымъ голодомъ и пріумноженiemъ грѣховъ. Послѣ разрушительного землетрясенія, солнце должно-бы взойти съ запада и свѣтить разными цветами, а звѣзды пасть на землю и померкнуть. Даджалъ явится безобразнѣйшимъ изъ тварей, съ надписью между глазами—«невѣрный». Надпись эту прочтутъ даже всѣ неграмотные люди. Въ теченіе сорока лѣтъ, онъ будетъ путешествовать на безхвостомъ ослѣ и водить за собою толпу изъ семидесяти тысячъ незаконнорожденныхъ людей необыкновенно свирѣпаго вида.

Ничего подобнаго не произошло на землѣ, между тѣмъ самозванный имамъ вызвалъ серьезное народное движение, направленное не только противъ христіанства, но и противъ турокъ за ихъ уживчивость, хотя - бы и невольную, съ послѣдователями Христа.

Оповѣстивъ о принятой на себя миссіи: возстановить равенство между всѣми мусульманами и общность ихъ имущества и уничтожить иновѣрную власть въ мусульманскихъ странахъ, Махди приступилъ къ активной дѣятельности. Началось суданское восстание, не погасшее и по настоящее время. Инсуррекція перешла въ Каиръ и не затруднилась открыть рѣзню европейцевъ на улицахъ Александрии. На двѣнадцати площадяхъ Каира, двѣнадцать дервишей прочли прокламацію, требовавшую смерти европейцевъ и поднятія знамени Мухаммеда. И только, когда Александрия понесла, благодаря англійской бомбардировкѣ, двѣ тысячи жертвъ, христіанско населеніе ея нѣсколько успокоилось, но на долго-ли?

При развитіи суданского восстания, Махди располагалъ уже двумя стами тысячъ человѣкъ, при чемъ его призывѣ къ войнѣ съ обѣщаніями въ избыткѣ—золота, оружія, прекрасной одежды и красивыхъ рабынь, разошелся во многихъ мусульманскихъ странахъ. Египетскія войска несли пораженіе за пораженіемъ. Подъ Хартумомъ, Махди явился уже съ скорострѣльнымъ оружіемъ и прекрасной артиллерией. Наконецъ палъ и Хартумъ, при чемъ

быть убитъ и защитникъ его, англійскій генераль Гордонъ. Англичане отступили.

Появился еще одинъ Махди.

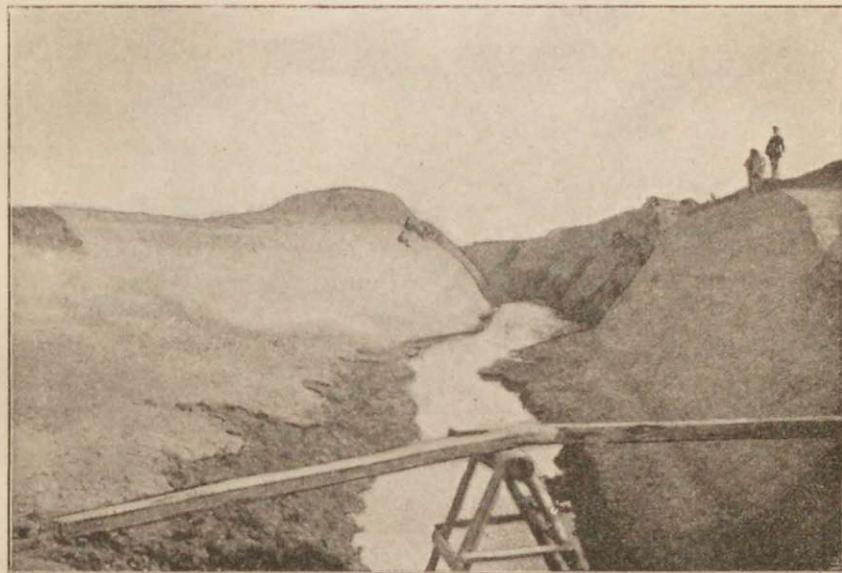
Но и новый Махди предписалъ умерщвленіе всѣхъ иностранцевъ, которые не примутъ ислама и не будутъ платить ему податей.—«Препояштесь!» взвывалъ онъ къ суданцамъ—«вѣрой и мечемъ.... и идите въ битвы съ невѣрными и ихъ сообщниками». Подъ послѣдними онъ разумѣлъ исламитянъ, терпящихъ въ своихъ земляхъ нечестивыхъ кяфировъ.—«Пророкъ и десять тысячъ ангеловъ будутъ на вашей сторонѣ. Не бойтесь невѣрныхъ. Помощникомъ ихъ будетъ одинъ дьяволъ и то съ намѣреніемъ довести ихъ до погибели».

Успѣхи этого имама, желающаго обновить міръ чистотою завѣтовъ великаго аравитянина, отозвались во всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Въ Индіи возникъ союзъ, направленный къ объединенію мусульманъ всего земного шара. Члены союза располагали начать дѣло обновленія ислама умерщвленіемъ англійского намѣстника и ограбленіемъ англійскихъ купцовъ. Начала исчезать рознь между враждебными суннитами и шіїтами. Въ Ср. Азіи засуетились возбужденные дервиши и усилили на площадяхъ и базарахъ свои мистическая пѣснопѣнія. Въ предвидѣніи неосмыслилнаго фанатического взрыва, туркестанскій генераль-губернаторъ потребовалъ, чтобы суданскій реформаторъ былъ объявленъ ложнымъ Махди....

Каковы-бы однако ни были идеи и вожделѣнія исламитянъ, населяющихъ Азіатскій материкъ, Европа можетъ спокойно смотрѣть въ глаза будущему. Ея защитницѣ, со стороны востока, не придется напоминать, какъ напоминало Московское государство своимъ пограничнымъ полкамъ: «стояти на стражѣ съ коней не съсѣдая... Ѣздити бережно и усторожливо, беречи на крѣпко...»

Расплатившись съ чингисидами по христіанской совѣсти и, проведя свою мирную волну черезъ старо-монгольскія земли до береговъ Тихаго океана, русскіе люди имѣютъ нравственное право задаться вопросами:—«Чему способствуютъ проливаемыя воителями моря человѣческой крови? помогли-ли онѣ въ прошедшемъ человѣку гуманизироваться, или, напротивъ, подкрѣпили въ немъ животную злобу?»—Увы! съ этими вопросами приходится считаться и наканунѣ двадцатаго вѣка, точно монголы продолжаютъ еще обращать многолюдные города въ пахотныя поля. Страшно вспом-

нить, что въ теченіи одного отходящаго въ вѣчность столѣтія, легли на поляхъ битвъ семь миллионовъ человѣческихъ жизней и—что же?—въ результатѣ получилось истолкованіе вождя христіанской арміи, что лояльное человѣкоистребленіе необходимо для укрѣпленія союза между миромъ и трудомъ. Такъ онъ объяснилъ своимъ новобранцамъ значеніе красной полосы въ его государственномъ флагѣ! Можно однако утверждать, что подъ этой тенденціей охотно приложили-бы свои тамги: Аттила, Чингисъ-хань, Тимуръ-ленгъ и вся плеяда историческихъ буй-варваровъ, которыхъ никто еще не подозрѣвалъ въ избыткѣ сентиментальности....

Проведеніе оросительного канала въ Голодной степи

Не таковы воззрѣнія людей славянской крови, всегда предпочитавшихъ соху—сулицѣ и харолужному мечу. Выйдя блестательнымъ образомъ изъ борьбы съ язычествомъ монголовъ и исламомъ тюрковъ, славяне несомнѣнно тяготѣютъ къ вопросамъ: не наступило-ли время для передѣлки мечей и копей въ орала и серпы? не пора-ли явиться тому избраннику исторического рока, которому предназначенъ счастливый жребій осуществить мирные завѣты христіанства?

Правда, чингисиды и тимуриды продолжаютъ еще встрѣчать въ пантеонѣ великихъ истребителей новыхъ собратьевъ по крови

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
566	1170	Возобновленіе враждебныхъ отношений между приволжскими булгарами и сѣверо-восточными рус. кн. Отвѣтный походъ соединенныхъ рус. силъ въ половецкую землю. Бѣгство Темучина изъ плѣна. Набѣгъ его на гиновъ.
580	1184	Значительная побѣда кievлянъ надъ половцами при р. Хоролѣ.
581	1185	Пораженіе половцами кн. Сѣверскихъ.
583	1187	Отраженіе нового набѣга половцевъ южно-рус. князьями и Черными Клобуками (впослѣдствіи «черкасы-малоруссы»).
591	1194	Обращеніе Вань-хана — государя керайтовъ — за помощью къ Темучину.
595	1198	Возвращеніе Вань-хану, при помощи Темучина, керайскихъ владѣній.
598	1201	Провозглашеніе друга Темучина, Джамухи, гурь-ханомъ.
599	1202	Разрывъ союза между Вань-ханомъ и Темучиномъ. Убийство Вань-хана и подпаденіе керайтовъ подъ власть Темучина. Убийство Темучиномъ Джамухи, какъ соперника на пути къ единовластию.
600	1203	Побѣда Темучина надъ найманами. Смерть въ сраженіи хана найманского Таянгъ-хана. Принесеніе Темучину покорности племенами дурбэнъ, татаръ, хатакинъ и сальджикъ. Война Темучина съ мергитами и покореніе ихъ. Опустошеніе Киева половцами.
601	1204	Походъ Темучина въ страну тангутовъ. Разореніе имъ и ограбленіе тангутовъ.
602	1205	Большой курилтай въ Монголії. Провозглашеніе Темучина Чингисъ-ханомъ (гурь-ханомъ). Поднятіе имъ знамени съ девятымъ хвостомъ (или съ девятымъ подножками?). Новое столкновеніе его съ найманами.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
603	1206	Возмущеніе тангутовъ противъ Чингисъ-хана. Новый погромъ тангутовъ. Добровольная покорность Чингисъ-хану кочевыхъ племенъ, насес- лавшихъ киргизскую степь.
604	1207	Возобновленіе войны съ мергитами. Покореніе Чингисъ-ханомъ обраторовъ.
605	1208	Добровольное поступление въ подданство Чингисъ-хану уйгуровъ. Поступление въ гаремъ Чингисъ-хана дочери государя тангутовъ.
607	1210	Добровольное поступление въ подданство Чингисъ-хану карлуковъ. Походъ Чингисъ-хана въ Кара-Китай. Овладѣніе имъ большою частью этой страны. Поступление дочери Кара-Китайского государя (Кунджи-хатунъ) въ гаремъ Чингисъ-хана. Паденіе власти Кара-Китая въ Трансоксанії. Овладѣніе хорезмъ-шахомъ Мухаммедомъ Трансоксаніей.
610	1213	Продолженіе военныхъ операций Чингисъ-хана въ съверномъ Ки- таѣ (династія Гинъ).
612	1215	Разгромъ монголами (Бэ-гина) Пекина. Побѣдоносное возвращеніе Чингисъ-хана изъ Китая въ Монголію. Истребленіе Чингисъ-ханомъ мергитовъ.
613	1216	Походъ монголовъ противъ южнаго Китая (династія Сунь).
614	1217	Назначеніе Чингисъ-ханомъ военачальника Мухули, съ титу- ломъ Гована, правителемъ восточнаго Китая. Окончательное истребленіе Чингисъ-ханомъ возмутившихся пай- мановъ.
615	1218	Призывъ багдадскимъ халифомъ монголовъ противъ хорезмъ-шаха. Истребленіе, по повелѣнію хорезмъ-шаха, послѣства Чингисъ-хана. Движеніе монголовъ въ ср. Азію. Осада, штурмъ и взятие ими одной изъ столицъ хорезмъ-шаха— Оттара.
616	1219	Овладѣніе Чингисъ-ханомъ Бухарою.
617	1220	Овладѣніе имъ Самаркандомъ.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
617	1220	Завоеваніе монголами имперіи хорезмь-шаха и областей Ирана. Смерть хорезмь-шаха Мухаммеда. Погоня монголовъ за его сыномъ и наследникомъ Джелалъ-ад-диномъ, бѣжавшимъ въ Индію. Движеніе монголовъ въ кавказскія и черноморскія страны. Окончаніе господства арабовъ въ Персіи и начало господства монголовъ.
618	1221	Покореніе монголами Балхъ, Герата и Нишапура. Осада крѣпости Баміянъ и истребленіе въ ней всѣхъ живыхъ существъ (людей, птицъ и животныхъ). Покореніе монголами хорасанскихъ областей. Совершенное разореніе ими Мерва и Хорезма.
619	1222	Истребленіе ими Герата. Основаніе Нижняго-Новгорода. Возвращеніе Чингисъ-хана изъ Индіи въ Транекоксанию.
621	1224	Пораженіе монголами на р. Калкѣ (вблизи Мариуполя, нынѣшней Екатеринославской губ.) половцевъ и южно-рус. кн. («и погибло множество людей и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ»). Основаніе монголами на Таврическомъ полуостровѣ г. Судака. Укрѣпленіе монголами за собою всѣхъ половецкихъ земель и рус. Украины. Возвращеніе Чингисъ-хана въ Монголію. (NB. Въ Воскресенской лѣтописи записано совершенно ошибочно: «тогда же (1224 г.) и Чаногизъ-канъ убіенъ бысть»). Велико-княженіе Георгія Всеволодовича. Возстановленіе популярности наследника хорезмь-шаха Джелалъ-ад-дина. Рядъ его удачныхъ военныхъ операций въ областяхъ, занятыхъ монголами.
622	1225	Возобновленіе войны Чингисъ-хана съ тангутами. Смерть халифа Насира и заключеніе его преемникомъ Мустансиромъ мирного договора съ хорезмь-шахомъ Джелалъ-ад-диномъ.
624	1226	Смерть Джучи—перваго сына Чингисъ-хана. Смерть Чингисъ-хана (въ Ордоѣ). Завѣщаніе его раздѣлить покоренную имъ страны: на Кореннѣй юртѣ (Улугъ-юртѣ) и улусы—Золотой орды (Кипчакскій), Среднеазіатскій (Джагатайскій) и Персидскій (Иранистанъ и его сатрапій).

По лътосчислениамъ.		
Мусульманскому.	Християнскому.	
626	1228	<p>Курилтай въ Монголії. Избраніе сына Чингисъ-хана — Октая (Угэдая, Огатая) въ велиkie ханы. Рѣшеніе курилтая завоевать весь міръ. Назначеніе Хара-Хорума (Кара-Корума, Хорини) столицею Коренного юрта. Второе нашествіе монголовъ на ср. Азію. Пятый крестовый походъ императора Фридриха II. Договоръ съ султаномъ объ уступкѣ христіанамъ Іерусалима, Виелеема и Назарета.</p>
627	1229	Смерть Тули-хана.
629	1231	<p>Появленіе турокъ въ малой Азії. Убийство (курдомъ) послѣдняго хорезмъ-шаха Джелаль-эл-дина.</p>
630	1232	<p>Возобновленіе войны монголовъ съ гинами. Осада монголами столицы гиновъ — Бяни.</p>
632	1234	<p>Нашествіе монголовъ на Русь. Прибытіе на р. Волгу орды Батыя. Взятіе монголами Бяни. Новый погромъ монголами съвернаго Китая. Прекращеніе династіи Гинь.</p>
633	1235	Новое разореніе монголами кавказскихъ странъ и Арmenіи.
634	1236	Покореніе ордою Батыя прикамскихъ булгаръ.
636	1238	<p>Разгромъ монголами Ярославля, Рязани, Ростовскаго и Сузdalскаго кн. Разореніе ими Коломны, Москвы и Владимира. Битва на р. Сити (4-го Марта). Смерть въ битвѣ съ монголами кн. Юрія Всеволодовича Владімірскаго. Убийство монголами кн. Василія Константиновича за отказъ поступить въ ихъ службу. Совершенное истребленіе сопротивлявшагося Батыю г. Козельска. Велико-княженіе Ярослава II Всеволодовича.</p>
638	1240	<p>Разореніе монголами Киева. Разрушеніе ими Киево-Печерской обители.</p>

По лътосчислениамъ.		
Мусульманскому.	Християнскому.	
638	1240	<p>Пълене ими юго-западной Руси. Битва ихъ на р. Соловой съ королемъ Белою и Коломаномъ, бѣжавшимъ къ р. Дунаю. («И бысть сѣча велика и побѣгша Угре, Татарове-же гнашася по нихъ до Дуная рѣки»). Покореніе ими Венгрии, Польши и Силезіи.</p>
639	1241	<p>Битва монголовъ при Ольмюцѣ съ королемъ Вячеславомъ III. Смерть в. хана Октая. Начало раздоровъ въ семье Чингисъ-хана. Оставление чингисидами средней Европы. Образование монголами на р. Волгѣ Золотой («Кипчакской», «Дешты-Кипчакъ») орды. Появление въ Туранѣ изъ отсталыхъ монголовъ и киргизъ Шибанской (Тюменской) орды. Завоевание монголами Эрзерума.</p>
639	1242	<p>Нападение монголовъ на малую Азію. Занятие ими Иконийского султаната. Признание царемъ Арmenії Гетумомъ верховной власти в. в. хановъ.</p>
640	1243	<p>Смерть Джагатая. Начало династіи джагатаидовъ. Путешествие в. кн. Ярослава и Александра Невского въ З. орду. Появление въ рус. кн. баскаковъ, писчиковъ и данниковъ. Падение независимости Руси и начало монголо-татарского ига.</p>
642	1244	<p>Изъявление Антиохіей согласія на уплату дани монголамъ. Взятие Йерусалима египетскимъ султаномъ при помощи наемныхъ хварезмпевъ. Раздѣленіе Грузіи на верхнюю (Карталинію, Кахетію и пр.) и нижнюю (Имеретія, Сванетія, Абхазія и пр.).</p>
643	1245	<p>Предложение папѣ Иннокентію Даніиломъ Галицкимъ о церковномъ соединеніи, съ условиемъ совокупныхъ дѣйствій противъ монголовъ.</p>
644	1246	<p>Убийство въ ордѣ кн. Михаила Черниговскаго и его боярина Феодора.</p>
646	1248	<p>Начало Московскаго великаго княженія. Шестой крестовый походъ французскаго короля Людовика IX-го Св. въ Египетъ.</p>

По лѣтосчислѣніямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
648	1250	Выдача в. ханомъ ярлыка Насиру Халебскому на владѣніе Сиріей. Постройка столицы З. орды—Шери-Сарай. Хожденіе кн. Данилы Романовича на поклонъ Батыю. Путешествіе венеціанскихъ братьевъ Пело въ Татарію. Пораженіе Людовика IX-го въ Египтѣ. Взятіе его въ пленъ египтянами.
651	1253	Призывъ папы къ крестовому походу (нѣсостоявшемуся) противъ монголовъ. Переходъ Коренного юрта въ поколѣніе Тули-хана и въ боковыя линии чингисидовъ. Избраніе въ в. ханы сына Тули-Менгу. Начало отпаденія улусовъ отъ Коренного юрта. Путешествіе въ З. орду монаха Руисброка. Поголовная перепись Армении, по повелѣнію Менгу-хана.
652	1254	Путешествіе армянского царя Гетума къ Батыю и Менгу-хану за ярлыкомъ на царство.
653	1255	Поголовная перепись Руси татаро-монголами. Назначеніе ими, для наблюденія за сборомъ дани,—тысячниковъ, сотниковъ и десятниковъ.
654	1256	Смерть основателя З. орды—Батыя. Умерщвленіе сына его Сартака. Начало золотоордынской династіи джучидовъ.
655	1257	Основаніе Казани или Саинова юрта. Отказъ кн. Даніила Галицкаго отъ унії съ папою, вслѣдствіе недостаточной помощи послѣдняго противъ монголовъ. Отказъ новгородцевъ отъ уплаты потребованной золотоордынцами тамги и десятини.
656	1258	Истребленіе монголами измаилитской секты убийцъ. (существовала 170 л.). Разореніе монголами Багдада при халифѣ Муста'симѣ. Уничтоженіе багдадскаго халифата. Сожженіе монголами въ Багдадѣ мантіи Мухаммѣда. Временное паденіе ислама.
658	1259	Разореніе монголами Сиріи и Месопотаміи. Смерть в. хана Менгу.

По лѣточислѣніямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
659	1260	Битва турокъ съ монголами при Айнъ-Джалутъ, (источникъ Голлаа).
		Движеніе монголовъ въ Египетъ.
		Временное облегченіе участіи сирійскихъ христіанъ.
661	1262	Нарожденіе изъ золотоординскихъ выходцевъ и прикаизскихъ кочевниковъ самостоятельной Ногайской орды.
		Совѣщаніе рус. городовъ («вѣче на бесерменъ») о сопротивленіи золотоординцамъ.
		Послѣднее путешествіе кн. Александра Невскаго въ орду.
		Изгнаніе («и созвониша вѣчъ и выгнанія») изъ Ростова, Владимира, Суздalia, Переяславля и Ярославля ординскихъ откупщиковъ дани.
		Междоусобіе золотоординского и персидскаго улусовъ.
662	1263	Кончина кн. Александра Невскаго (въ Городцѣ) при возвращеніи изъ орды.
664	1265	Смерть Гулагу—(хана персидскаго улуса).
		Выдѣленіе Крыма въ отдѣльный улусъ.
665	1266	Начало династіи гулагидовъ.
		Повтореніе междоусобій въ средѣ чингисидовъ.
		Первый изъ известныхъ ярлыковъ, данный Менгу-Темиромъ рус. митрополитамъ и церковнымъ людямъ.
666	1267	Открытие въ Шери-Сараѣ православной епархіи. (Сарской).
		Первый епископъ Митрофанъ.
668	1269	Введеніе въ Монголіи собственной азбуки, известной подъ именемъ монгольского квадратнаго письма.
		Начало мусульманства въ средѣ монголовъ Джагатайскаго улуса.
669	1270	Начало мусульманства въ средѣ монголовъ З. орды.
		Мученичество и убийство въ З. ордѣ Рязанскаго кн. Романа Ольговича (разбѣченъ на части).
671	1272	Поселеніе генуэзцевъ въ Крыму.
		Вторая поголовная перепись Руси.
		Кончина в. кн. Ярослава Ярославича при возвращеніи изъ орды.
676	1277	Вторженіе ногаевъ въ рус. области.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
678	1279	Покореніе монголами южнаго Китая. Прекращеніе династіи Сунь.
680	1281	Назначеніе митрополита тангутскаго Якобалиха несторіанскимъ патріархомъ. Призывъ на помошь кн. Андреемъ Александровичемъ, добивав- шимся в. княженія, ордынскай рати. Разореніе ими Ростова, Твери, Мурома и др. городовъ. Смерть в. хана Кубилая, перенесшаго резиденцію в. в. хановъ въ Китай и основавшаго тамъ домъ юаньской.
681	1282	Независимость Ногайской орды.
682	1283	Требованіе золотоордынского хана, чтобы рус. митрополиты явля- лись въ орду за испрошениемъ утвердительныхъ грамотъ. Отдача ногаями на откупъ доходовъ Курской, Рыльской, Муром- ской и Липецкой областей.
683	1284	Начало мусульманства въ династіи гулагидовъ.
686	1287	Нападеніе Ногайской орды на Польшу. Захватъ Ногайской ордою въ Польшѣ двадцати тысячъ полоня- нокъ.
689	1290	Возстаніе жителей г. Ростова противъ золотоордынцевъ. Поворотъ р. Аму (проблематический) въ Аральское море
691	1892	Разореніе Ногайскою ордою: Владимира, Мурома, Суздаля и дру- гихъ городовъ.
693	1293	Новое разореніе З. ордою, по жалобѣ кн. Андрея Александровича, многихъ рус. городовъ и земель. Смерть в. хана Кубилая, послѣдняго изъ в. в. хановъ, имѣвшихъ вліяніе на улусы чингисидовъ.
694	1294	Велико-княженіе Андрея Александровича. Смерть Ногая.
696	1296	Изобрѣтеніе пороха.
699	1299	Перенесеніе митрополіи изъ Киева во Владиміръ.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
700	1300	Основаніе Турецкой имперіи Оттоманомъ.
704	1304	Велико-княженіе Михаила Ярославича. Усиленіе борьбы Москвы съ Тверью. Признаніе въ Персіи ученія Ши'э главенствующимъ исповѣда- ніемъ.
708	1308	Убийство въ З. ордѣ Василия кн. Рязанского.
713	1313	Возстановленіе Узбекомъ могущества З. орды. Окончательное принятие З. ордою мусульманства (ученіе Сунни). Путешествіе въ З. орду в. кн. Михаила и митрополита Петра
719	1319	Убийство въ З. ордѣ Михаила кн. Тверского и сына его Кон- стантина съ боярами. Промынь тѣла кн. Михаила на тѣло сестры хана Кончаки (въ крещеніи Агаєй). Неистовство въ Костромѣ золотоордынского посла Конча. Велико-княженіе Георгія Даниловича.
720	1320	Неистовство во Владимірѣ золотоордынского посла Байдера. Изгнаніе ордынцевъ изъ Ростова.
721	1321	Неистовство въ Кашинѣ золотоордынца Таянчара. Тоже—золотоордынца Ахмыла въ низовыхъ городахъ и въ Яро- славль. Появленіе рус. рубля (въсомъ 46 золотн., счетомъ 100 денегъ).
725	1324	Образованіе изъ прилѣпѣвскихъ кн., подъ властію в. литов- ского кн. Гедемина,—Малой Россіи.
726	1325	Перенесеніе митрополіи изъ Владимира въ Москву. Убийство въ З. ордѣ кн. Георгія Даниловича в. кн. Дмитріемъ, сыномъ Михаила Тверского.
727	1326	Убийство въ ордѣ Дмитрія Михаиловича кн. Тверского. Кончина Петра митрополита.
728	1327	Убийство въ ордѣ кн. Ивана Ярославича Рязанского. Истребленіе въ Твери огнемъ золотоордынского посольства Шев- кала (Щелкана, Чоль-хана). Разореніе кн. Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, по повелѣнію хана Узбека, во главѣ 50 т. ордынцевъ, Тверского кн.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
728	1327	Дань новгородцевъ ордѣ въ 2000 р. сер. Убийство ордынцами кн. Ивана Ярославича Рязанского. Отказъ Тверского кн. Александра явиться въ орду.
729	1328	Начало Московскаго государства. Принятіе кн. Иоанномъ Даниловичемъ — «первымъ собирателемъ русской земли» — титула великаго князя, съ согласія золотоордынского хана Узбека. Посольство в. кн. къ Псковскому кн. Александру съ предложеніемъ идти въ орду. Политическая дружба в. кн. съ З. ордою. Приходъ на Русь митрополита, гречина, именемъ Феогноста.
731	1330	Убийство въ ордѣ кн. Феодора Стародубскаго.
734	1333	Сближеніе Новгорода съ Псковомъ, съ цѣлью противостоянія Москвѣ. Рождество Тимура (по другимъ сказаніямъ, Тимуръ родился въ 5-й вторникъ мѣсяца шебанъ 736 г. хиджры, что соотвѣтствуетъ 9 Апрѣля 1336 г., но при этой датѣ онъ не достигнуль-бы ко дню смерти несомнѣнно исполнившихся 72 лѣтъ).
736	1335	Примиреніе новгородцевъ съ Московскимъ в. кн. Смутная эпоха въ Персіи, длившаяся до появленія въ ней Тимуръ-ленга.
738	1337	Возобновленіе борьбы между Москвою и Тверью.
739	1338	Возвращеніе отъ Узбека в. кн. Иоанна Даниловича съ требованіемъ выслать въ орду кн. Тверского и др. кн.
740	1339	Убийство въ ордѣ, поприказанію хана Узбека, Александра кн. Тверского и сына его кн. Феодора («и розоимаша ихъ по составомъ»).
742	1341	Смерть в. кн. Иоанна Даниловича Калиты. («въ чрънцѣхъ и во схимѣ»). Путешествіе въ орду за ставленничествомъ князей Ярославскаго, Тверскаго, Суздальскаго и др. Назначеніе въ ордѣ Симеона Иоанновича в. кн. Московскімъ и Владимірскімъ.

По лѣточислѣніямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
742	1341	Начало особой митрополіи въ Галичѣ.
743	1342	Смерть Узбека. Занятіе золотоординскаго трона сыномъ Узбека — Чани-бекомъ (Джани-Бекъ-ханомъ) послѣ убийства имъ братьевъ: Тинь-бека и Хидырь-бека. Требование Чани-бекомъ въ орду рус. кн. и митрополита.
744	1343	Изгнаніе, при помощи ордынцевъ, Ивана Коротопола изъ Рязани и занятіе его стола кн. Ярославомъ.
746	1345	Смуты въ Джагатайскомъ улусѣ. Ниспроверженіе въ Джагатайскомъ улусѣ Казань-султана эмиромъ Козганомъ.
747	1346	Переходъ турокъ въ Европу (въ Грецію).
748	1347	Рожденіе Баязета, прозваннаго Гальдерамъ (молнія). Истребленіе золотоординцами гор. Алексина.
750	1349	Возобновленіе Казани на новомъ, нынѣшнемъ ея мѣстѣ находж.
754	1353	Велико-княженіе Ioанна II Ioанновича (Кроткаго). Смерть митрополита Феогноста.
755	1354	Возведеніе въ митрополиты епископа Алексія.
756	1355	Путешествіе въ З. орду митрополита Алексія за ярлыкомъ.
757	1356	Поступленіе Тимура на службу къ эмиру Козгану.
759	1357	Набѣгъ золотоординскаго хана Чани-бека на Персидской улусъ. Присоединеніе къ З. ордѣ «Теврижьскаго» царства. Второе путешествіе митрополита Алексія въ З. орду. (по приглашенію больной Тайдулы: «да пришедъ посѣтить нездравіе ея»). Убийство Чани-бека сыномъ его Берды-бекомъ. Истребленіе Берды-бекомъ всѣхъ своихъ близайшихъ родственниковъ («убивъ братовъ своихъ 12...»). Великая истома рус. кн. отъ ордынского посла Кошака.
761	1359	Нападеніе джетою на Мавераннагръ. Убийство эмира Козгана тестемъ его Тоглукъ-Тимуромъ.

По лътосчислениамъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
762	1360	Велико-княженіе Димитрія Константиновича. Мятежъ въ З. ордѣ съ истребленіемъ многихъ лицъ ханскаго рода. Значительный набѣгъ ушкуйниковъ на земли золотоордынцевъ. (Жукотинъ).
763	1361	Убийство въ З. ордѣ Хыдыръ-хана сыномъ его Темиръ-ходжей. (въ присутствіи 5-ти рус. кн.). Убийство Темиръ-ходжи. Овладѣніе З. ордою темникомъ Мамаемъ. («а князь Мамай перѣде за Волгу на Горнюю сторону и орда вся съ нимъ и парици...») Тажба въ ордѣ кн. Дмитрія Іоанновича и Дмитрія Константино- вича за в. кн.
765	1363	Велико-княженіе Дмитрія Іоанновича. Изгнаніе имъ изъ Галича кн. Дмитрія Константиновича. Начало главенства Москвы надъ съверо-восточными кн. Окончательная замѣна рус. кожаныхъ денегъ—металлическими. Убийство Иліясеъ-ходжи—соперника Тимура.
767	1365	Первая война Тимура съ Хусаиномъ.
768	1366	Рискованное нападеніе Тимура съ двумя стами всадниковъ на Карши и занятіе его, несмотря на гарнизонъ въ 12 т. чел.
769	1367	Бѣлокаменная стѣна вокругъ Москвы.
770	1368	Продолженіе хроническихъ недоразумѣній между Литвою и Русью. Столкновенія ихъ нерѣтко при помощи татаръ. Изгнаніе монголовъ изъ Китая. Изгнаніе джетовъ изъ Мавераннагра. Пятая и послѣдняя война Тимура съ Хусаиномъ. Убийство Хусаина—соперника Тимура.
771	1369	Курилтай въ Мавераннагрѣ. Провозглашеніе Тимура (прозванного къ этому времени Тимуръ- и-ленгомъ) верховнымъ государемъ (гурь-ханомъ). Избраніе имъ Самарканда своею столицею.
773	1371	Ссора Мамая съ в. кн. Дмитриемъ Іоанновичемъ. Полученіе кн. Михаиломъ Тверскимъ ярлыка на в. княженіе. Недопущеніе его къ в. княженію в. кн. Дмитриемъ Іоанновичемъ.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
773	1371	Полученіе в. кн. Дмитріемъ Ioannovиchemъ въ ордѣ ярлыка на в. кн. Возобновленіе непріязненныхъ отношеній Тимуръ-ленга къ дже- тамъ. Первая война Тимуръ-ленга съ Хорезмомъ.
776	1374	Усиленные набѣги ушкайниковъ на Ярославль, Кострому, Булгары и по р. Волгѣ до Астрахани. Истребленіе новгородцами пословъ Мамая съ ихъ свитою въ числѣ 1000 чел.
777	1375	Раздоеніе власти надъ З. ордою между Мамаемъ и Урусь-ханомъ. Обращеніе Тохтамыша къ Тимуръ-ленгу за покровительствомъ. Просвѣтительная дѣятельность въ Пермскомъ краѣ народного учи- теля Стефана Хрань, впослѣдствіи епископа Пермскаго. Заключеніе кн. Михаиломъ Тверскимъ тайного союза съ Ольгер- домъ и Мамаемъ противъ в. кн. Осада в. кн. Твери. Признаніе Тверью своей зависимости отъ в. кн.
778	1376	Отказъ новгородцевъ признать, безъ согласія в. кн. Московскаго, митрополитомъ — Киприана, поставленнаго патріархомъ Фи- лареемъ. Возведеніе Тимуръ-ленгомъ Тохтамыша въ ханы З. орды. Окончательное пораженіе Тимуръ-ленгомъ джетовъ. Присоединеніе ихъ страны къ Мавераннагру. Завоеваніе Тимуръ-ленгомъ Кашгара. Пораженіе, по приказанію Мамая, Арапшию — выходцемъ изъ Синей орды — рус. силъ на р. Пьянай. («и внезапу, безъ вѣсти уда- риша на нашу рать въ тылъ, бѣюще и колюще сѣкунде безъ милости; наша же не успѣша ничтоже...») Разореніе имъ Нижнаго-Новгорода и Рязани. Убийство ордынцами кн. Олега. («изъ рукъ убѣжа изстрѣлилъ»)
780	1378	Пораженіе рус. дружинами — ордынцевъ на р. Вожѣ. Вторженіе ордынцевъ въ Рязанскую землю. Кончина Алексія митрополита.
781	1379	Начало смутнаго времени рус. митрополіи. Четвертая и послѣдняя война Тимуръ-ленга съ Хорезмомъ. Смерть владѣтеля Хорезма Юсуфъ-бека. Уничтоженіе столицы хорезмъ-шаховъ.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
781	1379	Присоединеніе Хорезма къ Мавераннахру (Трансоксаніи). Послѣдній изъ известныхъ ярлыковъ рус. духовенству, данный ханомъ Атальюкомъ архимандриту Митлю.
782	1380	Союзъ Мамая съ Литвою противъ Москвы. Соединеніе рус. силъ для отраженія непріятеля. («и събравъ вой 100 и 50 тысячъ, опрочно рати князей и воеводъ мѣстныхъ...»). Битва на Куликовомъ полѣ (8-го Сентября), при сліяніи рр. Дона съ Непрядвою. («паде трупъ на трупъ и паде тѣло татарское на тѣлеси крестьянскомъ»). Бѣгство Мамая и Ягелло, стоявшаго въ 30 вер. отъ поля сраженія. Пораженіе Мамая Тохтамышемъ у Мариуполя. («А самъ Тохтамышъ вѣдь взя орду Мамаеву и царицу его и казны его и улусъ весь поима и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей»). Убийство Мамая (возлѣ Феодосіи). Первое нападеніе Тимуръ-ленга на Иранистанъ. Появленіе рус. монеты съ именами хановъ.
783	1381	Требованіе Тохтамышемъ данничества рус. кн. Отказъ в. кн. явиться къ нему за ярлыкомъ. Овладѣніе войсками Тимуръ-ленга Гератомъ и Серахсомъ.
784	1382	Ограбленіе, по приказу Тохтамыша, рус. купцовъ въ Булгаріи. Нашествіе его на Русь. Новая измѣна рус. дѣлу кн. Олега Рязанского («А кн. Олегъ Рязанскій срѣте царя Тохтамыша... и бивъ ему челомъ, бысть ему помочникъ на побѣду Руси»). Послѣдній православный епископъ въ Сараѣ—Савва. Опустошеніе Тохтамышемъ Москвы. («И тако здѣ и въ скорѣ взяша градъ Москву, мѣсяца августа въ 26 день»). Требованіе Тохтамышемъ окупа за задержанного сына в. кн. Извгнаніе изъ Москвы митрополита Киприана.
787	1385	Завоеваніе Тимуръ-ленгомъ Иранистана, Кабулистана, Белуджистана и Сеистана. Истребленіе, по его приказанію, въ г. Зеренджѣ всего населенія— «до ребенка въ колыбели».
788	1386	Бѣгство изъ З. орды сына в. кн. Василія Дмитріевича. Приведеніе в. кн. Новгорода къ покорности съ окуломъ въ 8.000 р.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
788	1386	<p>Вѣчный миръ Рязани съ Москвою. Коссовская битва. Опустошение войсками Тимуръ-ленга Армении и Грузии. Разорение ими Тифлиса, Мцхета, Гори и всѣхъ городовъ Кахетии и Карталини. Разрушение ими Мцхетского собора, выстроенного царемъ Вахтангомъ I. Осада Вана и истребление его защитниковъ (сброшены въ пропасти). NB. По Грузинскимъ лѣтописямъ, христіане потеряли, при этомъ нашествии Тимуръ-ленга, до миллиона человѣкъ.</p>
770	1368	Возстаніе Хорезма и новое опустошеніе его Тимуръ-ленгомъ.
792	1389	<p>Возобновленіе Москвы послѣ погрома ея Тохтамышемъ. Насѣльственность Московскаго в. княженія. Велико-княженіе Василія Дмитріевича. Продолженіе имъ политики Калиты. Появленіе въ Россіи огнестрѣльного оружія (арматовъ и огненной стрѣльбы). Вошествіе Баязета (Баязида, Абу-Язида) на престолъ оттомановъ.</p>
794	1391	<p>Истребленіе Тимуръ-ленгомъ всѣхъ жителей Испагани. Разорение Ватки, по указанію Тохтамыша, золотоордынцемъ Бекутомъ. Первое пораженіе Тимуръ-ленгомъ Тохтамыша между рр. Волгою и Яикомъ. Опустошеніе имъ восточной и средней частей З. орды. Полонъ, доставившій лично Тимуръ-ленгу 5000 юношей и дѣвушекъ. Утрата балканскими славянами независимости. Завоеваніе Баязетомъ части Сербіи, Македоніи и Фессаліи.</p>
795	1392	<p>Возобновленіе Тимуръ-ленгомъ военныхъ дѣйствій въ передней Азіи. Битва его въ долинѣ Шираза съ Шахъ-Мансуромъ.</p>
796	1393	<p>Сдача Багдада Тимуръ-ленгу безъ сопротивленія. Разладъ и примиреніе между в. кн. и новгородцами. («А князь... много пакости учинила, крестьянъ послѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша а... много зла и пакости бысть крестьянъ отъ новгородской рати. И въ то время съ обѣ стороны кровопролитья много учинилось»).</p>

По лѣточисле-
ніямъ.

Мусуль-
манскому.

Христіан-
скому.

797	1394	Новое опустошение Тимуръ-ленгомъ Армени и Грузіи.
798	1395	Окончательное поражение Тимуръ-ленгомъ Тохтамыша между рр. Терекомъ и Курою. Бѣгство Тохтамыша первоначально въ Крымъ, а потомъ въ Литву. Вторженіе Тимуръ-ленга въ срединную Россію. Неожиданный поворотъ его въ южныя кн. Взятіе имъ Азова, Астрахани и Грузіи. Разметная грамота Витовта Литовскаго съ Новгородомъ.
799	1396	Пораженіе Балязетомъ Сигизмунда короля Венгерскаго.
801	1398	Походъ Тимуръ-ленга въ Индію. Стояніе турокъ подъ Царьградомъ. Посылка изъ Россіи милостыни осажденному Царьграду.
802	1399	Осада и штурмъ Дели. Истребление войсками Тимуръ-ленга 90,000 пѣшныхъ. Пораженіе на берегахъ р. Ворсклы Темиръ-Кутлаумъ и Эдигеемъ союзныхъ силъ Тохтамыша и Витовта Литовскаго. («И по- бѣждѣнъ побѣже Витовтъ въ малѣ дружинѣ и погнаша та- тарове...») Бѣгство Тохтамыша въ Туранъ. Темиръ-Кутлуй въ Киевѣ. Возвращеніе Тимуръ-ленга изъ похода. Приготовленія его къ войнѣ съ Балязетомъ. Пожаръ и обновленіе Кѣ'абы въ Меккѣ.
803	1400	Война Тимуръ-ленга съ Египтомъ и Сиріей. Переходъ его черезъ р. Евфратъ. Осада имъ Сиваса.
804	1401	Пораженіе имъ египтянъ при Дамаскѣ. Сорокадневная осада Тимуръ-ленгомъ Багдада. Разгромъ Багдада и Алеппо.
805	1402	Чеканка въ Египтѣ монеты съ именемъ Тимуръ-ленга. Сраженіе при Ангорѣ. Измѣна войскъ Балязета. Пѣнъ Балязета. Разрушеніе Бруссы.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
805	1402	Осада и взятіе Смирны у родоскихъ рыцарей Ioannitovъ. Назначеніе Тимуръ-ленгомъ наследникомъ Балязета сына послѣд- няго—Мусы. Смерть Олега Рязанского. («въ черищехъ погребенъ въ монастырѣ въ Солодчи»).
806	1403	Смерть Балязета.
807	1404	Девятое и послѣднее тріумфальное возвращеніе Тимуръ-ленга въ Самаркандъ. Приготовленія его къ войнѣ съ Китаемъ.
808	1405	Походъ Тимуръ-ленга противъ Китая Смерть его въ Отрапѣ. Начало распаденія его имперіи. Отказъ в. кн. платить дань ордынцамъ. Захватъ в. кн. семейства и казны кн. Семена Суздальскаго, во время пребыванія послѣдняго въ ордѣ.
809	1406	Захватъ внукомъ Тимуръ-ленга Халиль-султаномъ власти надъ его наследствомъ. Начало династіи тимуридовъ и ихъ междоусобій. Нападенія, подъ вліяніемъ Тохтамыша, Шибанской (Тюменской) орды на З. орду. Убийство Тохтамыша Шадибекомъ. («Шадибекъ царь царя убилъ Тохтамыша, въ Сибирской земли»).
811	1408	Низверженіе Шадибека сыномъ его Булатъ-султаномъ, именемъ котораго дѣйствовалъ Эдигей. Посольство Эдигея къ в. кн. съ напоминаніемъ о дружбѣ и о дани («А что если имать въ твоей дръжавѣ со всякаго улуса съ двою- сохъ рубль и паки то серебро гдѣ ся дѣваетъ?») Нападеніе Эдигея, по повелѣнію Булага, на рус. земли. Внезапное отступленіе его къ Казани. Окупъ Москвы въ 3.000 р. Поставленіе въ митрополиты всей Руси грека изъ Мореи — Фотія.
812	1409	Овладѣніе Трансоксаніей сыномъ Тимуръ-ленга Шахъ-Рохомъ.
818	1415	Раздвоеніе рус. духовной іерархіи на московскую и кievскую. Разореніе золотоординцами елецкой земли.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
819	1416	Изгнаніе Эдигея изъ З. орды и образованіе имъ изъ черноморскихъ улусовъ—Крымской орды.
820	1417	Посланіе митрополита Фотія о незаконности избранія митрополита Григорія Цамблака. («яко той мятежникъ перковный зовется митрополитомъ Киевскимъ»).
823	1420	Сооруженіе въ г. Мешхедѣ надгробной мечети Имамъ-Риза.
829	1425	Велико-княженіе Василія Васильевича Темнаго. Набѣгъ ордынцевъ на Рязань и пораженіе ихъ рязанцами.
832	1428	Набѣгъ ордынцевъ на Галицкую область. Разореніе ими Костромы. Пораженіе ихъ кн. Добрынскимъ и Пестрымъ.
835	1431	Хожденіе московскихъ дружинъ въ приволжскую Булгарію.
841	1437	Назначеніе константинопольскимъ патріархомъ болгарина Исидора рус. митрополитомъ. Опустошеніе ордынцами рязанской границы. Приходъ Улу-Махмета въ Бѣльевъ. Побѣда его, при помощи литовского воеводы, надъ рус. дру- жинами. Овладѣніе имъ казанскою и арскою землями.
843	1439	Появленіе Улу-Махмета подъ Москвою. Разореніе имъ Коломны. Флорентійскій соборъ. Признаніе митрополитомъ Исидоромъ главенства папы. Арестъ Исидора въ Москве и бѣгство его въ Римъ.
844	1440	Отпаденіе Крыма отъ З. орды. Основаніе потомкомъ Тохтамыша Ходжи-Гиреемъ (род. въ Литвѣ) Крымскаго ханства. Основаніе династіи гиреевъ. Отпаденіе Казани отъ З. орды. Основаніе Улу-Махметомъ Казанскаго царства—изъ булгаръ, че- ремисъ, монголовъ и золотоординскихъ выходцевъ.
848	1444	Разореніе Рязанскаго кн. Мустафой. Истребленіе его ордынцевъ московскими воеводами.

По лѣточислѣ- нію.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
849	1445	Пораженіе Улу-Махметомъ велиокняжеской рати. Измѣна Дмитрія Шемяки. Плененіе ордынцами в. кн. Василія Васильевича со множествомъ бояръ. Смерть Шахъ-Роха и наследование ему въ Трансоксаніи Улугъ-бека. Пожары и волненія въ Москвѣ. Мятежъ въ Новгородѣ по случаю денежной реформы.
851	1447	Освобожденіе в. кн. за окупъ (200.000 р. «а иное Богъ вѣсть»). Ослѣпленіе в. кн. Московскаго Василія, какъ бы за уступчивость его З. ордѣ. («Чему еси Татарь привель на Русскую землю?»)
852	1448	Нашествіе казанскаго хана Мамутека на Муромъ и др. города.
853	1449	Поставленіе митрополитомъ владыки Рязанскаго Юны.
855	1451	Сожженіе ордынцами—царевичемъ Ахматомъ—посадовъ г. Москвы.
857	1453	Взятіе Константинополя турками. Обращеніе его въ столицу Оттоманской имперіи. Обращеніе храма св. Софіи въ мечеть. Отравленіе кн. Дмитрія Шемяки.
859	1455	Убийство ногуличами епископа Питирима. Неудачный походъ в. кн. Василія Васильевича противъ Улу-Махмета.
864	1459	Появленіе хана З. орды Ахмата у Переяславля рязанскаго. Отступленіе его съ большими уронами.
866	1461	Приготовленіе в. кн. Василія Васильевича къ войнѣ съ Казанью. Казанское посольство съ просьбою о заключеніи мира.
867	1462	Прекращеніе выпуска рус. монетъ съ именами в. в. хановъ. Смерть в. кн. Василія Васильевича. («Повелъ у себе женци трутъ на хребтѣ, болѣзни ради сухотныя, и съ тѣхъ ранъ преставися»). Вступленіе на престолъ Иоанна III Васильевича. Отказъ его отъ обряда посаженія—въ присутствіи ханскаго посланника—на столь. Начало обще-рус. государственности.
868	1463	Уступка ярославскимъ кн. своей отчины в. кн. Московскому.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
872	1467	Посольство изъ ногайской орды съ 4700 гостей и 8000 коней.
873	1468	Увѣщевательная грамота Филиппа, митрополита всея Россіи, къ возмутившимся новгородцамъ, желавшимъ передаться королю Польскому.—(«Слышиу сновѣ, что у васъ нѣкоторыи поощряютъ на многое вѣликое земли и бѣстроеній... и вы у себе тѣхъ лихихъ вѣюнитѣ....») Посылка в. кн. подъ Казань царевича Кайсума.
875	1470	Первый походъ в. кн. противъ Казани. («И оттолѣ самъ Иоанъ Василіевичъ... преста дань даяти Татаромъ»). Освобожденіе изъ неволи большого полона.
876	1471	Посольство короля Казиміра въ З. орду съ приглашеніемъ напасть на в. кн. Московскаго.
877	1472	Нападеніе хана Ахмата на Алексинъ.
879	1474	Присоединеніе Ростовскаго кн. къ в. кн. Московскому. Посольство изъ З. орды къ в. кн. со свитою изъ 600 чел. (кормы на счетъ кн.) и 3200 чел. купцовъ съ 40000 лошадей. Занятіе въ Крыму Кафы и ея области войсками турецкаго султана. («Салтанъ Мааметъ Кафу взялъ, приходилъ въ корабляхъ и въ каторгахъ...») Поступленіе на службу къ в. кн. казанскаго царевича Муртозы.
880	1475	Договоръ в. кн. съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ противъ золотоординскаго хана Ахмата.
881	1476	Отказъ в. кн. въ дани хану Ахмату.
883	1478	Уничтоженіе новгородскаго вѣче. Присоединеніе Новгорода къ в. кн. Московскому.
885	1480	Нападеніе ногайского мурзы Ямгурчая, въ союзѣ съ шибанскимъ ханомъ Ивакомъ, на золотоординскаго хана Ахмата. Походъ Ахмата на Русь. («Похваляся разорити святыя церкви и все православіе пѣнити»). Посланіе къ в. кн. архіепископа Вассіана Ростовскаго. («Вскочи въ подвигъ и напередъ выѣха и въ лице ставь противу оканному волку Мамаю...»). Встрѣча рус. силъ съ З. ордою на р. Угрѣ. Первые признаки освобожденія Россіи отъ татаро-монгольскаго ига. («И тако Богъ избави Русскую землю отъ поганыхъ»).

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
886	1481	Убийство хана Ахмата шибанскимъ ханомъ Ивакомъ.
887	1482	Уступка Верейскимъ кн. своей отчины в. кн. Московскому. Ограбленіе Кієва крымскими татарами.
888	1483	Рожденіе Бабура, правнука Тимуръ-лена.
889	1484	Разореніе, по приглашенію в. кн., Менгли-Гиреемъ Крымскимъ г. Кіева.—(«И землю Кіевскую учини пусту, за неисправленис королевъское, что привезъ царя Ахмата на в. кн.»)
890	1485	Присоединеніе в. кн. Тверского къ в. кн. Московскому. Присоединеніе къ нему удѣловъ: Волоцкаго и Углицкаго.
892	1487	Первое покореніе Казани. Пленъ казанского царя Алегама.
895	1489	Присоединеніе вятскихъ земель къ вел. кн. Московскому.
897	1491	Избраниe въ митрополиты архимандриита Зосимы—приверженца жидовствовавшей ереси.
902	1496	Нападеніе на Казань хана Шибанской орды Мамука. Поддержка в. кн. Казани. Поставленіе в. кн. Абдуль-Летифа царемъ Казани.
903	1497	Первое рус. посольство къ турецкому султану. Обращеніе в. кн. Литовскаго Александра къ в. кн. Иоанну Васильевичу съ прошкою о помощи противъ Крымскихъ татаръ.—(Подобные прошбы литовскихъ кн. повторялись много- кратно).
904	1498	Появленіе европейцевъ въ Индіи.
905	1499	Вторженіе въ Трансоксанію узбековъ подъ предводительствомъ Шейбани (потомка Джучи).
906	1500	Побѣда в. кн. надъ Литвою. Приглашеніе в. кн. Литовскимъ Крымскаго хана Менгли-Гирея къ союзу противъ в. кн. Московскаго. Того-же рода приглашеніе, обращенное къ хану З. орды. Осада Казани Ямгурчеемъ, съ цѣлью изгнанія рус. ставленника Абдуль Летифа. Турецкое посольство къ в. кн. изъ Кафы (Феодосіи).

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому	Христіан- скому.	
907	1501	Пораженіе узбеками тимурида Бабура. Бѣгство его изъ Трансоксаніи.
908	1502	Разрушение З. орды Менгли-Гиреемъ Крымскимъ.
908	1502	Отпаденіе Астрахани отъ З. орды. Основаніе Астраханского царства.
910	1504	Овладѣніе тимуридомъ Бабуромъ—Кабулистаномъ.
911	1505	Возстаніе Казани противъ рус. господства. Велико-княженіе Василія Ioannovicha.
912	1506	Неудачный походъ в. кн. противъ Казани. Ярлыкъ Менгли-Гирея в. кн. Литовскому Сигизмунду объ утвержденіи за нимъ многихъ земель и въ числѣ ихъ—Пскова, Великого Новгорода, Рязани и Переяславля.
913	1507	Признаніе казанскимъ царемъ Мегметъ-Аминемъ своего подруч- наго положенія передъ рус. государемъ. Заключеніе в. кн. мирного договора съ Казанью.
914	1508	Окончательное завоеваніе узбеками земель тимуридовъ. Возникновеніе династіи шейбанидовъ.
916	1510	Уничтоженіе псковскаго вѣче. Присоединеніе Пскова къ в. кн. Московскому. Обращеніе Кахетіи къ в. кн. за покровительствомъ.
917	1511	Неуспѣвшая попытка Бабура возвратить тимуридамъ Трансок- санію. Новое бѣгство его въ Кабуль. Паденіе династіи тимуридовъ.
918	1512	Разрывъ дружественныхъ отношеній Россіи съ Менгли-Гиреемъ. Начало перемѣнной и продолжительной борьбы Крымскаго ханства съ Россіей и Литвой.
919	1513	Нападеніе сына Менгли-Гирея на Рязанское кн.
920	1514	Первое турецкое посольство въ Россію. Присоединеніе Смоленска къ в. кн. Московскому.
921	1515	Смерть Менгли-Гирея.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
922	1516	Возникновеніе казачества на Украинѣ.
923	1517	Присоединеніе Рязанского кн. къ в. кн. Московскому. Переходъ Сиріи и Египта во власть турецкихъ султановъ.
928	1521	Завладѣніе Сагибъ-Гиреемъ—сыномъ Крымскаго хана Менгли- Гирея—Казанскимъ царствомъ. Опустошеніе имъ Нижегородской и Владимицкой областей. Отраженіе отъ Москвы соединенныхъ силъ литовскихъ, крымскаго хана Махметъ-Гирея и казанскихъ татаръ.
929	1522	Прекращеніе династіи Улу-Махмета.
930	1523	Завоеваніе Астрахани крымскимъ ханомъ Махметъ-Гиреемъ. Замыселъ его образовать мусульманское государство изъ царствъ Казанского и Астраханского и Крымского ханства. Истребленіе его войскъ ногайскою ордою.
931	1524	Истребленіе соединенными силами золотоординцевъ и черемисъ шедшей къ Казани рус. флотиліи съ 30000 чел. Бѣгство казанского царя Сагибъ-Гирея въ Крымъ. Провозглашеніе Сафа-Гирея казанскимъ царемъ.
932	1525	Построеніе на бывшей булгарской землѣ охраннаго города Свияж- ска.
933	1526	Покореніе сѣвернаго Индостана Бабуромъ. Провозглашеніе его въ Дели императоромъ Индіи.
934	1527	Овладѣніе Сагибъ-Гиреемъ—Крымскимъ ханствомъ.
936	1529	Присяга на вѣрность Россіи казанского царя Сафа-Гирея и нару- шеніе этой присяги, (что повторялось нѣсколько разъ).
937	1530	Смерть Бабура. Истребленіе черемисами рус. обоза съ артиллерией и провіантомъ. Возмущеніе Сафа-Гирея противъ Россіи. Новый походъ противъ Казани. Оставленіе сдавшейся Казани, вслѣдствіе спора воеводъ Бѣльского и Глинского о томъ, кому первому вѣйхать въ ворота. Присяга—вскорѣ нарушенная—казанцевъ на вѣрность Россіи.
940	1533	Велико-княженіе Ioanna IV Васильевича.

По лътосчислениамъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
943	1536	Принятіе многими золотоордынцами христіанства въ Новгородѣ, Псковѣ, Орѣшкѣ и Кареліи. Новая измѣна Казани. Убийство казанскаго царя Яналея.
945	1538	Смерть послѣдняго халифа. Переходъ его духовной власти къ турецкому султану, (что впрочемъ отвергается шіитами). Выпускъ рус. конѣйки съ изображеніемъ в. кн. на конѣ съ коньемъ въ рукѣ.
948	1541	Неудачный походъ Сагибъ-Гирея противъ Москвы. Бѣгство его отъ осажденнаго имъ гор. Пронска.
949	1542	Новое вторженіе крымцевъ въ Россію. Требование крымскимъ ханомъ «поминокъ».
952	1546	Изъявление черемисами покорности в. кн. Московскому.
953	1547	Принятіе в. кн. Московскими царскаго титула.
954	1548	Первый походъ Иоанна IV-го подъ Казань.
959	1551	Присяга чувашъ, мордвы, луговыхъ черемисъ и вотяковъ на подданство Россіи. Назначеніе Иоанномъ IV-мъ Шигъ-Алея подручнымъ царемъ въ Казань. Отказъ Ямгурчая, царя Астраханскаго, повиноваться Россіи. Стоглавый соборъ.
960	1552	Первоначальное вступленіе ногайской орды въ подданство Россіи. Новое восстание Казани. Измѣна Россіи всѣхъ горныхъ (на р. Волгѣ) людей. Осада и побѣдоносный штурмъ Казани. Пленъ царя Едигера. Окончательное завоеваніе Россіей казанскаго царства. Освобожденіе находившихся въ Казанскомъ царствѣ 60 тыс. рус. полонянниковъ. Посольства въ Россію изъ странъ ср. Азіи съ просьбами объ открытии съ ними торговыхъ сношеній.
		Начало движенія Россіи въ Азію.
961	1553	Принятіе христіанства казанскими царевичами Утемышъ-Гиреемъ и Едигеромъ (малолѣтнимъ).

По лътосчисле- ніамъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
962	1554	Занятіе Астрахани рус. войсками.
962	1554	Назначеніе подручнымъ астраханскимъ царемъ Дербышъ-Алея, съ обязанностю платить дань въ 40 т. алтынъ и рыбою, въ числѣ 3 т. бѣлугъ и осетровъ.
963	1555	Начало столкновеній Россіи съ Девлетъ-Гиреемъ. Посольство сибирскаго кн. Едигера и друг. сибирскихъ кн. съ проосьбою принять ихъ въ рус. подданство и положить на нихъ дань.
964	1556	Открытие въ Казани архіерейской кафедры. Измѣна Дербышъ-Алея. Окончательное завоевание Россіей астраханского царства. Бѣгство Дербышъ-Алея въ Азовъ. Основаніе Чебоксарской крѣпости. (нынѣ уѣзд. городъ). Основаніе династіи Великихъ Моголовъ (монголовъ) бабуридомъ Акбаромъ. Возникновеніе Манджуруіи (изъ народа гинь).
966	1558	Появленіе купцовъ Строгановыхъ на р. Чусовой. Основаніе на р. Усолкѣ—притокѣ Вятки—гор. Соликамска.
967	1559	Посылка окольничаго Данилы Адашева въ Крымъ. Высадка его въ устьѣ р. Днѣпра и опустошеніе крымскаго улуса.
971	1563	Начало книгопечатанія въ Россіи.
975	1567	Первая побывка рус. людей въ Монголіи.
977	1569	Соединеніе Литвы съ Польшию въ одну Рѣчи Посполитую. Требованіе хана Крымскаго передать ему Казань и Астрахань. Высадка въ Крыму турецкихъ войскъ для похода въ Астрахань. Неудавшееся устройство ими соединительнаго канала между рр. Волгою и Дономъ.
979	1571	Набѣгъ Девлетъ-Гирея, по указаніямъ двухъ боярскихъ дѣтей и новокрещенцевъ, на Москву и ея разореніе. Истребленіе въ Москвѣ въ теченіе трехъ часовъ 800 т. (?) челов. Плѣненіе крымцами 100 т. чел. (?) Издание «Устава о сторожевой и станичной службѣ» на юго-восточной границѣ Московскаго государства. («стояти сторожемъ на сторожѣ съ коней не съсѣдая... ъздити бережно и усторожливо... беречи на крѣпко...»).

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
980	1572	Новый набѣгъ Девлетъ-Гирея на Москву. Пораженіе его кн. Воротынскимъ на берегахъ рр. Лопасни и Рожай. Повтореніе Девлетъ-Гиреемъ проосьбы дать ему если не Казань, то Астрахань.
981	1573	Принятіе въ рус. подданство башкиръ.
984	1576	Окончательное и общее принятіе Монголій буддизма (съ удержаніемъ шамановъ, какъ знахарей и кудесниковъ). Собирание Строгановыми войска для завоеванія Сибири.
988	1580	Пораженіе Ермакомъ на берегахъ р. Туры кн. Епанчи.
990	1582	Взятіе Ермакомъ столицы патриарха Кучюма—Искера. Начало покоренія Сибири Ермакомъ.
992	1584	Смерть Иоанна Васильевича Грознаго (въ схимѣ Иона). Царствованіе Феодора Иоанновича. Нападеніе крымцевъ на Україну. Междоусобія въ Крыму. Основаніе волжскими казаками Уральского укрѣпленія на р. Яикѣ. Гибель Ермака въ р. Иртышѣ и оставление Сибири его сподвижниками.
995	1586	Вторичное покореніе Сибири (воеводами Сукинымъ, Мясновымъ и Чулковымъ). Переметныя отношенія запорожскаго казачества между крымскою, литовскою и рус. сторонами. Уступка Россіи персидскимъ шахомъ Аббасомъ—Івері (Грузії).
996	1587	Основаніе столицы Сибири—Тобольска. Образованіе Ново-Персидскаго царства.
1000	1591	Отраженіе отъ Москвы Крымскаго хана Казы-Гирея. Основаніе сибирскихъ городовъ—Нельма, Березова и Сургута.
1001	1592	Новое, неожиданное нападеніе крымцевъ на Україну и увлеченіе ими большого полона.
1005	1596	Присоединеніе Киевскаго митрополита Рагозы и Литовско-русскихъ епископовъ къ Унії.
1006	1597	Паденіе шейбанидовъ.

По лѣтосчислѣнію.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
		Возникновеніе династіи аштарханидовъ.
1007	1598	Царствованіе Бориса Годунова. Пораженіе воеводою Воейковымъ царя Кучюма. Смерть послѣдняго.
1009	1600	Учрежденіе Остъ-индской компаніи.
1012	1603	Набѣгъ уральскихъ казаковъ на хивинскую столицу Ургенчъ.
1013	1604	Основаніе Томска.
1014	1605	Царствованіе Феодора Борисовича Годунова.
1015	1606	Царствованіе Лжедимитрія. Царствованіе Василія Ioанновича Шуйскаго.
1019	1610	Междупарствіе въ Россіи.
1022	1613	Начало дома Романовыхъ.
1025	1616	Переходъ ногайцевъ съ крымской стороны, въ которую они уклонились въ смутное время, обратно на рус. сторону.
1030	1620	Путешествіе, по повелѣнію Государя Михаила Феодоровича, сибирскаго казака Ивана Петлива—въ Китай. Убийство и ограбленіе въ Кафѣ рус. посольства, сѣдовавшаго въ Царьградъ.
1039	1629	Наводненіе въ Меккѣ и значительное поврежденіе Ке'абы.
1043	1633	Появленіе козачьихъ партій возлѣ Сѣвернаго океана и Охотскаго моря. Пріобрѣтеніе Россіей Сибири до Камчатки.
1046	1636	Построеніе въ Тамбовскомъ краѣ оборонной черты и оборонныхъ городовъ (Тамбовъ и др.) противъ крымскихъ, ногайскихъ и азовскихъ татаръ. Выходъ козака Елисея Бузы, по западному рукаву р. Лены, въ Сѣверный океанъ.
1047	1637	Азовское сидѣніе. Первое рус. посольство въ Китай.

По лѣтосчисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1051	1641	Возвращеніе Азова туркамъ.
1053	1643	Первое путешествіе рус. людей по озеру Байкалу и по р. Амуру съ выходомъ въ Охотское море (старшина Василій Поярковъ).
1054	1644	Открытие козакомъ Стадухинымъ р. Колымы.
1055	1645	Царствование Алексея Михайловича.
1056	1646	Переговоры (неудавшіеся) рус. полномочныхъ пословъ съ королемъ Владиславомъ о союзѣ противъ Крыма.
1057	1647	Открытие рус. людьми Берингова пролива (козакомъ Дежневымъ). Разрѣшеніе принимать, для заселенія южно-русской земли, въ обез- реженіе отъ татаръ, «переѣзжихъ литовскихъ людей семьянин- стыхъ и прожиточныхъ». Рядъ царскихъ грамотъ и указовъ она дѣлъ землею, «звѣриными стойлами, рыбными ловлями и лѣсами» поселеній слободской Украины, оберегавшей Московское государство отъ Крыма.
1062	1651	Окончательное поступление ногайской орды въ рус. подданство. Переселеніе части рус. людей изъ Албазина въ Пекинъ въ каче- ствѣ пѣнныхъ. Образованіе изъ нихъ роты тѣлохранителей Богдыхана. («оросъ- ниру»).
1063	1652	Колонизация «порожнихъ Украинскихъ и Великороссийскихъ мѣсть» козачествомъ. Образованіе пяти слободскихъ полковъ.
1064	1653	Поступление Имеретіи въ рус. подданство.
1065	1654	Торговое посольство боярского сына Феодора Байкова изъ Тобольска въ Китай.
1066	1655	Трехлѣтняя борьба отряда козака Онуфрія Степанова съ манд- журами. Универсалъ Богдана Хмѣльницкаго о правахъ и вольностяхъ коза- ковъ, оберегавшихъ Русь отъ крымскихъ татаръ.
1070	1659	Пораженіе рус. силъ въ 150 т. чел. при Конотопѣ запорожскимъ гетманомъ Выговскимъ въ соединеніи съ крымцами.

По лътосчислениамъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1071	1660	Пораженіе подъ Чудновымъ польскими войсками, въ соединеніи съ крымцами—рус. войскъ, бывш. подъ начальствомъ Шереметева. Пленъ Шереметева и передача его поляками въ Крымъ, въ уплату за союзъ.
1072	1661	Поступленіе калмыковъ въ рус. подданство.
1073	1662	Вторженіе крымцевъ, подъ начальствомъ мурзы Ширинского, въ Сѣвськое и Карабеевское воеводства. Отраженіе его и освобожденіе изъ плены 20 т. рус. плѣнниковъ. Попытка башкиръ, подъ предводительствомъ Сента, возстановить мусульманскую независимость въ Казанскомъ краѣ и въ Сибири.
1080	1669	Основаніе Иркутска Рядъ жалованныхъ русскими государями грамотъ слободскимъ полкамъ, преимущественно за службу и за разореніе, «что имъ учинилось отъ измѣнниковъ Черкасъ и отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ татаръ».
1085	1674	Принятіе Запорожцами подданства Россіи (17-го Марта).
1086	1675	Посольство переводчика грека Спаэари въ Пекинъ, по случаю намѣренія китайцевъ напасть на Албазинъ.
1092	1681	Перемиріе (на 20 л.) Россіи съ турками и Крымомъ.
1095	1683	Столкновеніе рус. отряда съ китайскими войсками вблизи Айгуда.
1098	1686	Осада манджурскими войсками Албазина, находившагося подъ защитою воеводы Толбузина, а послѣ его смерти—Афанасія Бейтона.
1099	1687	Первый походъ (неудавшійся) кн. Голицына въ Крымъ. Снятіе манджурами осады Албазина.
1101	1689	Царствованіе Петра Великаго. Трактатъ Россіи съ Китаемъ. Отреченіе Россіи въ пользу Китая отъ Нерчинского края и владѣній по р. Амуру. Разореніе Албазина. Второй походъ (тоже неудавшійся) кн. Голицына въ Крымъ.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому	Христіан- скому.	
1106	1694	Посылка изъ Москвы въ Индію, отъ Приказа Большой казны, Семена Маленькаго въ качествѣ купчина.
1108	1696	Взятіе рус. войсками Азова. Вторичная побывка въ Камчаткѣ рус. людей (казакомъ Атласо- вымъ). Окончательное подчиненіе Камчатки Россіи.
1112	1700	Изъявленіе хивинскимъ ханомъ Шаніазомъ желанія поступить въ подданство Россіи.
1117	1705	Башкирскій бунтъ и сожженіе башкирами Уфы, Бирска, Мензелинска и селеній по рр. Бѣлой, Камъ и Самарѣ. Усмирение ихъ кн. Хованскимъ.
1118	1706	Бунтъ въ Астрахани. Занятіе Астрахани Шерemetевымъ.
1128	1715	Появленіе рус. людей на родинѣ Чингисъ-хана, въ Алтайскомъ краѣ.
1129	1716	Истребленіе въ Хивѣ отряда кн. Бековича-Черкасскаго. Начало движенія Россіи со стороны Сибири въ ср. Азію. Посылка Петромъ Великимъ плавнныхъ шведовъ для постройки судовъ въ Охотскомъ морѣ.
1130	1717	Возведеніе Иртышской линіи укрѣпленій противъ нападенія киргизъ. Постройка крѣпостей: Омской, Семипалатинской, Желѣзинской, Усть-Каменогорской и Ямышевской. Успешное плаваніе казака Соколова между Охотскомъ и Камчаткою.
1132	1719	Посылка Петромъ Великимъ капитана Измаилова къ китайскому двору съ требованіемъ прекратить своею волею пограничныхъ монгольскихъ племенъ.
1134	1721	Посылка Петромъ Великимъ итальянца Беневени въ Бухару. Бѣгство послѣдняго черезъ Хиву обратно въ Россію.
1135	1722	Персидскій походъ Петра I. Вступленіе его въ Дербентъ.

По лътосчисел- ніамъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1136	1723	Уступка Россіи персидскимъ шахомъ—Дербента, Баку, Гіляни, Мазандерана и Астрабада.
1140	1727	Открытие Акинфиемъ Демидовымъ рудныхъ богатствъ и древнихъ чудесныхъ копей въ Алтайскихъ горахъ. Сооружение первого Колыванского завода.
1141	1728	Новый трактать Россіи съ Китаемъ о разграничениі земель въ бывшихъ предѣлахъ Монголіи. Посылка Петромъ Великимъ датского моряка Беринга на Даљній Востокъ и открытие имъ пролива между Азіей и Америкой. Начало распространенія бѣглыми рус. людьми замокъ въ сибирской тайгѣ.
1142	1729	Открытие въ Пекинѣ Рус. Духовной Миссії.
1145	1732	Добровольное поступленіе въ подданство Россіи Малой и Средней киргизскихъ ордъ.
1146	1733	Путешествіе по Сибири историка Миллера и натуралиста Гмелина. (эксп. продолжалась по 1743 г.).
1148	1735	Постройка г. Оренбурга, переименованного въ г. Орскъ. Постройка крѣпостей по Уралу и Пртышу.
1149	1736	Новая осада и взятие рус. Азова. Овладѣніе рус. войсками Перекопомъ и Бахчисараемъ.
1153	1740	Подавленіе новаго возстанія башкиръ, при чемъ сожжено (по офиц. источникамъ) 696 башкирскихъ деревень. Вторая экспедиція Беринга.
1155	1742	Постройка нынѣшняго г. Оренбурга.
1156	1743	Начало постепеннаго занятія рус. промышленниками (Басовыми и др.) Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ.
1160	1747	Отпаденіе Авганистана (Кабулистана) отъ Персіи и образование самостоятельного государства.
1168	1754	Переходъ Джунгаріи (Зюнгаріи) въ китайское подданство.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1169	1755	Манифестъ о прощепіи башкиръ, принимавшихъ участіе въ вос- станії.
1171	1757	Мусульманская инсуррекція въ Китаѣ.
1175	1761	Паденіе имперіи В. В. Моголовъ. Рядъ открытій рус. людьми—купцомъ Шалауровымъ, сержантомъ Андреевымъ и др.—новыхъ земель въ сѣверномъ океанѣ.
1176	1762	Возареніе Императрицы Екатерины II Великой.
1178	1764	Образованіе Слободско-Украинской губернії. Обращеніе слободского казачества въ регулярную службу.
1182	1768	Экспедиція кап. Бриницына и лейт. Левашова на Алеутскіе острова и Аляску.
1184	1770	Возведеніе рус. правительствомъ хана Малой орды Гаита на хи- винскій престолъ. Путешествіе по Сибири академиковъ Палласа и Лепехина (1770— 1774).
1188	1774	Кучукъ-Кайнарджикскій мирный договоръ Россіи съ Турціей. Присоединеніе къ Россіи Азова, Керчи, Еникале, Кинбурна и степи между рр. Бугомъ и Днѣпромъ. Свобода плаванія Россіи изъ Чернаго моря въ Мраморное. Признаніе крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ татаръ воль- ными людьми.
1198	1783	Отказъ Шагинъ-Гирея отъ Крымскаго ханства въ пользу Россіи. (8-го Августа). Константинопольская конвенція. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Возобновленіе прежняго наименованія его—Гаврилою. Прекращеніе династіи Гиреевъ.
1203	1788	Взятіе рус. войсками Очакова.
1205	1790	Тоже—Измаила.
1208	1793	Добровольное поступление въ подданство Россіи части Большой киргизской орды.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1208	1793	Посылка Императрицею Екатериною II врача Бланкеннаугена въ Хиву. Рус. поселеніе на остр. Кадъякъ.
1209	1794	Образованіе изъ в. кн. Литовскаго рус. губерній.
1210	1795	Разореніе бухарцами Мерва. Образованіе въ Греціи гетеріі—тайного союза для освобожденія ся отъ турокъ. Путешествіе въ Бухару, по распоряженію рус. правительства, чиновниковъ Бурнашева и Безносикова.
1211	1796	Мусульманская инсуррекція въ Китаѣ. Вступленіе на престолъ Императора Павла I. Миръ съ Персіей.
1214	1799	Образованіе Россійско-Американской компаніи для эксплоатаціи рус. владѣній на американскомъ материкѣ.
1216	1801	Присоединеніе Грузіи (при царѣ Георгіи XIII-мъ) къ Россіи (18-го Января). Неудавшаяся русско-французская экспедиція въ Индію. Возшествіе на престолъ Императора Александра I.
1218	1803	Принятіе подъ рус. покровительство мангышлакскихъ туркменъ.
1227	1811	Путешествіе переводчика Путимцева въ Кульджу.
1230	1814	Посылка въ Кокандское ханство Назарова.
1231	1815	Изслѣдованіе Берингова моря рус. мореплавателемъ Коцебу (по 1818 г.).
1234	1818	Образованіе изъ Гератской области самостоятельного государства.
1235	1819	Бѣдственное положеніе посланныхъ въ Хиву генераломъ Ермоло- вымъ капитана Муравьевъ и маюра Пономарева.
1240	1824	Появленіе рус. передовыхъ военныхъ постовъ въ киргизскихъ степяхъ. Первый рус. караванъ, подъ военнымъ прикрытиемъ, съ оренбург- ской линіи въ Бухару, изъ 1770 навьюченныхъ верблюдовъ.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1241	1825	Возшествіе на престолъ Императора Николая I. Ограбленіе рус. каравана съ прикрытиемъ въ 625 чел. и 2-хъ орудій на р. Яны-Дарьѣ.
1242	1826	Переходъ—послѣ войны Россіи съ Персіей—персидской Арменіи въ рус. подданство. Изслѣдованіе Берингова моря рус. мореплавателемъ Литке (по 1829 г.). Овладѣніе, послѣ братоубійства, Бухарою тираномъ Насруллахъ.
1245	1829	Бунтъ въ Тегеранѣ Убийство (30-го Января) рус. полномочного министра и писателя Грибоѣдова.
1244	1828	Туркманчайскій договоръ. Переодѣлъ въ рус. подданство Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ.
1246	1830	Мусульманская инсуррекція въ Китаѣ.
1251	1835	Переполненіе бухарского рынка невольниками-шійтами до цѣны въ нѣсколько тенегъ (15—20 к.) за раба. Миссія политическаго агента Витковича въ Бухару.
1252	1836	Захватъ хивинцами въ плѣнъ команда прѣстола 4-хъ-пушечнаго бота съ командою и орудіями.
1256	1840	Неудачный походъ въ Хиву гр. Первовскаго.
1257	1841	Политико-научная миссія въ Бухару майора Бутеньева. Бѣдственное положеніе въ Хивѣ англійскихъ агентовъ—Аббота и Шекспира. Убийство въ Кабулѣ англійскаго политическаго агента Бернса.
1258	1842	Истребленіе въ Афганістанѣ англійскаго отряда. Ученый изслѣдованія Петра Чихачева и Миддендорфа — Алтая и прибрежья Охотскаго моря. Публичное обезглавленіе въ Бухарѣ англичанъ Стоддарта и Конноли (10 Июня).
1260	1844	Усмирение киргизской степи, взведенной Кенисаромъ Касимовымъ. Убийство Кенисары Касимова въ Джунгаріи, (сваренъ въ кипяткѣ).
1262	1845	Постройка укр. Уральскаго, (нынѣ гор. Иргизъ).

По лѣточислѣніямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1263	1846	Постепенное движение Россіи въ ср. Азію со стороны Оренбурга. Учреждение рус. крейсерства по южно-восточному побережью Каспійского моря.
1264	1847	Основание на р. Сырь первого рус. укрепления (Раймского). Издание правилъ о заселеніи Мангышлакского полуострова.
1266	1849	Открытие устья р. Амуръ кан. Невельскимъ.
1270	1853	Основание форта № 1 (гор. Казалинскъ). Штурмъ и взятие Акъ-Мечети (гор. Перовскъ) гр. Перовскимъ. (8-го Августа).
1272	1855	Возшествіе на престолъ Императора Александра II. Союзъ Авганистана съ Англіей. Начало рус. колонизаціи по течению р. Амуръ. Первая, спароженная Русскимъ Географическимъ обществомъ, участная экспедиція въ центральную Азію (П. П. Семеновъ).
1273	1856	Война между Персіей и Авганистаномъ изъ-за обладанія Гератомъ. Образование Приморской обл. вост. Сибири.
1274	1857	Мусульманская инсурекція въ Китаѣ. Возстаніе сипаевъ въ Индіи и провозглашеніе наследника В. Могола государемъ Дели. Айгунскій трактатъ съ Китаемъ о разграниченіи по течению р. Амуръ. Подавленіе англичанами возстанія и разстрѣляніе ими сыновей делийского государя.
1275	1858	Уничтоженіе Ост-Індской компаніи и подчиненіе управлениія Индіей коронѣ. Появленіе козачьихъ станицъ возлѣ хребта Малаго Хингана.
1276	1859	Покореніе Россіей восточного Кавказа.
1277	1860	Истребленіе турками въ теченіе семи дней христіанъ въ Дамаскѣ. Договоръ, заключенный отъ имени рус. правительства гр. Игнатьевымъ, съ китайскимъ правительствомъ (въ Пекинѣ) о признаніи за Россіей права на владѣніе р. Амуромъ и всѣмъ Уссурійскимъ краемъ. Смерть бухарского эмира Насруллахъ.

По лѣточислѣніямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1277	1860	Признаніе сына его Мозаффаръ-эд-дина эмиромъ Бухары. Усиленіе движенія рус. отрядовъ изъ Сибири въ ср. Азію. Взятіе ими кокандскихъ крѣпостей Токмака и Нишиека. Появленіе аральской флотилии на р. Сыръ.
1279	1862	Смерть послѣдняго В. Могола Мухамедъ-Багадуръ-шаха, во время нахожденія его подъ арестомъ у англичанъ.
1281	1864	Мусульманская инсуррекція въ Китаѣ. Истребленіе китайцевъ въ Кульджѣ и восточномъ Туркестанѣ. Трехдневный бой уральской казачьей сотни съ десятью тысячами кокандцевъ. Взятіе рус. войсками Туркестана и Чимкента. Покореніе Россіей западнаго Кавказа.
1282	1865	Взятіе рус. отрядомъ Ташкента, (16-го Іюня). Арестованіе Бухарскими эмиромъ рус. посольства. Возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ Бухары. Взятіе рус. войсками крѣпостей: Джизака, Ура-тюбе и Ходжента.
1283	1866	Разбитіе рус. войсками арміи Бухарского эмира на уроч. Иирджарь (20 Мая).
1284	1867	Уступка рус. правительствомъ съверо-американскому—рус. территоріи на материкѣ Америки. Ликвидациія Россійско-американской компанії.
1285	1868	Взятіе Россіей Самарканда. (2 Мая). Переходъ Бухары въ вассальное положеніе Россіи.
1286	1869	Начало переговоровъ между Англіей и Россіей объ установлениі между ними азіатской нейтральной зоны. Волненія въ киргизской степи съ поддержкою со стороны Хивы.
1287	1870	Возвращеніе Россіей Бухарскому эмиру отпавшей отъ него родины Тимуръ-лена (Шааръ-Зебза). Прибытие въ рус. Туркестанъ сардара Абдурахманъ-хана. Поступленіе его въ пенсионеры рус. государственного казначейства.
1288	1871	Добровольная покорность Россіи Кульджинскаго султана Абиль-Оглы. Временное занятіе Россіей Кульджинской области, переданной впослѣдствіи Китаю.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1289	1872	Первое соглашение Россіи съ Англіей по ср. азіатскимъ границамъ.
1290	1873	Переходъ Туркестанскихъ войскъ черезъ пески «Адамъ-крылаганъ» («человѣкъ-пропасть») по направлению къ Хивѣ (5 т. челов., 10 т. верблюд., 2 т. лошадей). Взятіе Россіей Хивы (29-го Мая). Освобожденіе Россіей изъ Хивинскаго рабства многихъ тысячъ шіотовъ-персіянъ. Переходъ Хивы въ вассальное положеніе Россіи. Снаряженіе меценатомъ Сибириковымъ экспедиціи, подъ начальствомъ Норденшильда, для изслѣдованія сибирскаго поморья (по 1879 г.).
1292	1875	Передача Японіи Курильскихъ острововъ въ обмѣнъ на остр. Сахалинъ (Крафто).
1293	1876	Покореніе Россіей остальныхъ частей Кокандскаго ханства (Ферганы). Присоединеніе Кокандскаго ханства къ Россіи.
1297	1879	Рус. посольство въ Кабулагъ (подъ начальствомъ генер. Разгонова). Неудачная попытка англичанъ овладѣть Афганистаномъ. Образованіе экспедиціи для изслѣдованія старого русла р. Аму, между Аравийскимъ и Каспійскимъ морями (Узбой). Неудачный походъ рус. отряда въ Закаспійский край. Бѣгство сардара Абдурахманъ-хана въ Кабулагъ. Объявленіе имъ себя Афганскимъ эмировъ. Поступление его въ пенсионеры Остъ-Індскаго казначейства.
1299	1881	Новый походъ рус. отряда въ Туркменію. Штурмъ и взятіе (12-го Января) Геокъ-Тепе (Голубого холма). Обереженіе рус. властью 5 т. текинскихъ женщинъ и дѣтей отъ голода и обидъ. Присоединеніе къ Россіи Ахаль-Теке. Начало сооруженія средне-азіатской желѣзной дороги. Возшествіе на престолъ Императора Александра III.
1302	1884	Добровольное присоединеніе къ Россіи Мервъ-Теке.
1303	1885	Пораженіе авганцевъ рус. отрядомъ на р. Кушкѣ.
1304	1886	Открытие въ Семирѣченской области, вблизи гор. Пиншека, кладбищъ съ христіанскими надписями на могильныхъ камняхъ VIII-го и послѣд. вѣковъ хр. эры.

По лѣточисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
1305	1887	Присоединеніе Пенде къ Россіи. Второе соглашеніе Россіи съ Англіей по средне-азіатскимъ гра- ницамъ.
1306	1888	Открытие въ Томскъ университета (при крупныхъ пожертвова- ніяхъ Сибирикова и Цибульского).
1308	1890	Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича на Далыній Востокъ, съ возвращеніемъ обратно черезъ Сибирь. (съ 23-го Октября 1890 г. по 4-ое Августа 1891 г.).
1309	1891	Высочайший рескриптъ (11-го Мая 1891 г.) о сооруженіи въ си- бирской желѣзной дороги. («Повелѣвъ нынѣ приступить къ постройкѣ сплошной черезъ всю Сибирь желѣзной дороги...») Движеніе рус. отряда на Памиры (крыша міра).
1312	1894	Возшествіе на престолъ Императора Николая II.
1313	1895	Третье соглашеніе Россіи съ Англіей по средне-азіатскимъ гра- ницамъ.
1315	1897	Побѣда Турціи надъ Гречіей. Посылка изъ Турціи эмиссаровъ въ страны, населенные мусуль- манами, для установленія между ними единства. Стремленіе европейскихъ государствъ укрѣпиться въ портахъ Тихаго океана.
1316	1898	Занятіе Россіей, по договору съ Китаемъ, (15-го Марта) портовъ Артура и Талленвана (Да-лянь-вань). Концессія, данная Китаемъ Россіи, на соединительную желѣзно- дорожную вѣтвь между портомъ Артуромъ и сибирскою маги- стралью. Взрывъ мусульманского фанатизма (газаватъ) въ ферганской об- ласти.

Составилъ *В.Л. Череванский*.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОЯСНЕНИЯ.

I. Мусульманская эра начинается со дня бѣгства Мухаммеда изъ Мекки въ Медину—16-го Июля 622 г. по Р.Х. (1 Мохаррема). Лунный годъ мусульманъ, раздѣленный на 12 мѣсяцевъ:—Мохарремъ, Сафаръ, Реби первый, Реби второй, Джемади первый, Джемади второй, Реджебъ, Шебанъ, Рамаданъ, Шеваль, Дзуль-Каде и Дзуль-Хидже—имѣеть 354 дня, на $11\frac{1}{4}$ д. короче рус. гражданского года. Такимъ образомъ, 33 года мусульманскихъ равны 32 христіанскимъ годамъ.

II. Кругъ монгольского лѣточислѣнія состоить изъ двѣнадцатилѣтняго цикла (гжи); года этого периода называются: барсъ (барсь), заяцъ (толе), драконъ (лу), змій (могой), конь (моринъ), баранъ (хонинъ), обезьяна (бичинъ), курица (такія), собака (нохой), свинья (гахай), мышь (холагана) и быкъ (укыры). Уважаемый въ степи верблюдъ не вошелъ въ этотъ циклъ (легенда) вслѣдствіе его чрезмѣрной кичливости. Монгольское лѣточислѣніе эры не имѣеть. Годъ состоить изъ 12 мѣсяцевъ, которые носятъ тѣ-же названія. Сутки состоять изъ 12 часовъ. Часы дѣлятся на добрые и злые.

